

Annotation

Мифы и легенды народов мира — величайшее культурное наследие человечества, интерес к которому не угасает на протяжении многих столетий. И не только потому, что они сами по себе — шедевры человеческого гения, собранные и обобщенные многими поколениями великих поэтов, писателей, мыслителей. Знание этих легенд и мифов дает ключ к пониманию поэзии Гёте и Пушкина, драматургии Шекспира и Шиллера, живописи Рубенса и Тициана, Брюллова и Боттичелли. Настоящее издание — это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, *литературном* изложении ознакомиться с историей и культурой многочисленных племен и народов, населявших в древности все континенты нашей планеты.

В данный том вошли мифы, легенды и сказания американский индейцев, а также аборигенов Австралии и многочисленных племен, населяющих острова Тихого океана, которые принято называть Океанией.

-
- [МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА](#)
 - [Диего де Ланда](#)
 - [Пища и питье](#)
 - [Пиршества, музыка и танцы](#)
 - [Ремесла, торговля, земледелие и суд](#)
 - [Имена. Порядок наследования](#)
 - [Брак](#)
 - [Крещение](#)
 - [Исповедь, статуи богов, жречество](#)
 - [Жертвоприношения](#)
 - [Оружие и войска](#)
 - [Наказания. Воспитание детей](#)
 - [Женская одежда и косметика](#)
 - [Нравы и занятия женщин](#)
 - [Похороны](#)
 - [Н. Непомнящий](#)
 - [Успех конкистадоров](#)
 - [Шествие бородатых богов](#)
 - [С. Созина](#)

- [РАССКАЗ ПЕРВЫЙ](#),
- [РАССКАЗ ВТОРОЙ](#),
- [РАССКАЗ ТРЕТИЙ](#),
- [РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ](#),
- [ПОПОЛЬ-ВУХ](#)
 -
 -
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [ЧАСТЬ III](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
- [ЧАСТЬ IV](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
- [Заключение](#)
-
- - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII \[152\]](#)
- [Ф. Ратцель](#)
 -
 -
- [МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ АВСТРАЛИИ](#)
 - -
 - [Как было создано солнце](#)
 - [Южный Крест](#)
 - [Образование озера Нарран](#)
 - [Бора Байаме](#)
 - [Гуду из Виррибиллы](#)
 - [Как нашли Илианба Ванда](#)
 - [Создатели детей](#)
 - [Сыч и месяц](#)
 - [Лягушки-вестники](#)

- [Создатели огня](#)
- [Игуана и черная змея](#)
- [Вида-пересмешник](#)
- [Дигинбойа — птица-воин](#)
- [Муллиан-га — утренняя звезда](#)
- [Виринун Ван-ворон](#)
- [Дождевая птица](#)
- [Виринун — вызыватель дождя](#)
- [Собаки Балу](#)
- [Легенда о цветах](#)
- [Гигер-Гигер — холодный западный ветер](#)
- [Билба и Мейра](#)
- [Каким образом мидии попали в реки](#)
- [Диневан-эму и Ван-вороны](#)
- [Гулаи-яли — пеликан](#)
- [Бора-кенгуру](#)
- [Бора прогоняет темноту](#)
- [Гала-попугай и Ула-ящерица](#)
- [Трясогузка и радуга](#)
- [Каменные лягушки](#)
- [Меа-мей — семь сестер](#)
- [Путешествие Варрунны к морю](#)
- [Чудеса, которые увидел Варрунна](#)
- [Черные лебеди](#)
- [Откуда появился мороз](#)
- [Черногрудая сорока](#)
- [Ваямба-черепаха](#)
- [Ваямба-черепаха и Воггун — кустарниковая индейка](#)
- [Красногрудки](#)
- [Нарадарн — летучая мышь](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

- [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
-

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА

АМЕРИКА. АВСТРАЛИЯ И ОКЕАНИЯ

Диего де Ланда

БОГИ И ЛЮДИ МАЙЯ

Перевод Ю. Кнорозова

Постройки и одежда [\[1\]](#)

Некоторые юкатанские старики говорят, слыхав от своих предков, что эта страна была заселена неким народом, пришедшим с востока, который был спасен Богом, открывшим ему двенадцать дорог через море. Если бы это было истинно, тогда пришлось бы считать, что все жители Индий происходят от евреев, а для того, чтобы пересечь пролив Магеллана, они должны были идти, распространившись более чем на две тысячи лиг по стране, где сейчас управляет Испания.

В этой стране только один язык, что очень удобно для сношений, хотя на побережьях есть некоторые отличия в словах и в манере говорить. Жители берегов также более изящны в обращении и языке, женщины покрывают грудь, чего не делают остальные [женщины] внутри [страны].

Женщина с сумкой за плечами

При постройке дома покрывали соломой, которая у них была очень хороша и в большом количестве, или листьями пальмы, подходящей для этого. У них были очень высокие крыши, чтобы они не протекали от дождя. Затем строили стену посередине, вдоль, разделявшую весь дом, и в этой стене оставляли несколько дверей в половину, которую они называли задней комнатой (*las espaldas de la casa*), где находились их кровати. Другую половину они очень красиво белили известью, а у señores эти половины были разрисованы с большим изяществом. Эта половина служила приемной и помещением для гостей. Эта комната не имела дверей, но была открыта во всю длину дома, а очень низкая крыша спереди [служила] для защиты от солнца и дождя. Говорят, что [это делалось] также, чтобы изнутри дома господствовать над врагами в случае необходимости.

Простой народ строил за свой счет дома señores. Так как дверей не было, они считали тяжелым преступлением причинять вред в домах других. Они имели заднюю дверцу для необходимого пользования. У них есть кровати из прутьев (*de varillas*), с циновкой сверху, где они спят, покрываясь своими накидками из хлопка. Летом они спят обычно в [передних] побеленных [комнатах] на циновках, особенно мужчины. С другой стороны дома все население делало посевы для señores. Они возделывали их и собирали урожай в количестве, которого было достаточно ему и его дому. Когда была дичь или рыба или когда приносили соль, всегда давали часть señору, потому что эти продукты они всегда добывали сообща.

Если señor умирал, хотя ему наследовал старший сын, других сыновей всегда очень почитали, поддерживали и считали señорами. Остальных знатных, низших, чем señоры, поддерживали всеми этими вещами, соответственно тому, каковы они были, или по милости, которую им оказывал señor. Жрецы жили своими службами и жертвами. Señоры управляли селениями, улаживая тяжбы, распоряжаясь и приводя в порядок дела своих общин (*sus republicas*). Все это делали руками наиболее знатных, которые были очень влиятельны и уважаемы, особенно люди богатые. Их посещали, и они имели дворы (*tenian palacio*) в своих домах, где договаривались о делах и сделках, главным образом по ночам. Если señоры выходили из поселения, они вели с собой большую свиту, и так же было, когда они выходили из своих домов.

Индейцы Юкатана — люди хорошо сложенные, высокие, быстрые и очень сильные, но обычно кривоногие, ибо в детстве матери переносят их с места на место, посадив верхом на бедра. Они считают изящным быть косоглазыми, что делают искусственно их матери, подвешивая им, еще

совсем маленьким, к волосам шарик (un pegotillo) из смолы, который спускается у них между бровей, доходя до глаз. Так как он постоянно двигается там, качаясь, они становятся косыми. У них головы и лбы сплющены с детства, что также дело их матерей. Они имеют уши, проколотые для серег и очень изрезанные из-за жертвоприношений. Они не носят бороды и говорят, что их матери им прижигают в детстве лица горячими тряпками, чтобы у них не появлялись волосы. Сейчас они носят бороды, хотя очень жесткие, как конский волос.

Они носят волосы, как женщины; на макушке они выжигают как бы большую тонзуру, поэтому [волосы] ниже [ее] растут сильно, в то время как волосы тонзуры остаются короткими. Они их заплетают и делают из них гирлянду вокруг головы, оставляя позади хвостик наподобие кисточки.

Мужчины все пользуются зеркалами, но не женщины. Также они говорят о рогатом, что жена поставила ему зеркало в волосы над затылком. Они мылись часто, не заботясь прикрыться перед женщинами, кроме того, что можно прикрыть рукой. Они любители хороших запахов и поэтому употребляют букеты цветов и пахучих трав, оригинально и искусно составленные. Они имели обыкновение красить в красный цвет лицо и тело; это придавало им очень дурной вид, но считалось у них очень изящным.

Их одеждой была лента (un liston) шириной в руку, которая им служила шароварами и чулками. Они ею обвертывали несколько раз поясицу таким образом, что один конец спускался спереди, а другой сзади; их жены тщательно отделывали им эти концы узорами из перьев. Они носили плащи длинные и квадратные, и их завязывали на плечах; носили сандалии из тростника или кожи оленя, жестко выделанной, и не употребляли другой одежды.

Пища и питье

Главной пищей является кукуруза, из которой они делают различные кушанья и напитки. При этом напиток, как они его пьют, служит им [одновременно] пищей и питьем. Индианки кладут кукурузу на ночь размокать в воду с известью; утром она там делается мягкой и наполовину сваренной, и таким образом отделяется шкурка и корешок. [Затем] они ее размалывают между камнями. Они дают ее наполовину размолотой рабочим, путникам и мореплавателям большими комками (grandes pelotas) и [целыми] ношами (cargas). Она сохраняется несколько месяцев и только скисает. Они берут комок и растворяют его в сосуде из скорлупы плода, растущего на дереве, с помощью которого Бог снабдил их сосудами. Они пьют эту жидкость и съедают остаток. [Это] вкусная и важная пища. Из

более [мелко] размолотой кукурузы они выжимают молоко, сгущают его на огне и делают как бы кашу (como poleadas) на утро. Ее пьют теплой, а то, что осталось от утра, заливают водой, чтобы пить днем, ибо у них не принято пить чистую воду. Они также варят кукурузу, размалывают и разводят водой и, примешивая туда немного индейского перца или какао, получают очень освежающий напиток.

Доставание меда из улья

«Владычица пчел»

Они делают также из кукурузы и размолотого какао особую пену, очень вкусную, с которой справляют свои празднества. Они добывают из какао масло, напоминающее коровье, и из этого масла и кукурузы делают другой напиток, вкусный и ценный. Они делают [еще] другой напиток из вещества размолотой кукурузы, очень освежающий и вкусный.

Они делают разного рода хлеб, хороший и здоровый, но его плохо есть, когда он холодный. Поэтому индианки занимаются его приготовлением два раза в день. Не удастся приготовить [из кукурузы] муку, которую можно было бы месить, как пшеничную, и если иногда делается хлеб, как пшеничный, ничего не получается.

Они тушили овощи и мясо крупной дичи и птиц, диких и домашних, которые многочисленны, и рыбу, которой много. Таким образом, они имеют хорошую пищу, особенно после того, как стали разводить свиней и птиц из Кастильи.

Утром они пьют теплый напиток с перцем, как это было сказано, днем пьют другие, холодные, а ночью едят тушеное мясо.

Если нет мяса, они делают соусы из перца и овощей. У них нет обычая мужчинам есть с женщинами; они едят отдельно на земле или в лучшем случае на циновке в качестве стола. Они едят много, когда имеют [пищу]; когда же нет, очень хорошо выносят голод и обходятся очень немногим. Они моют руки и рот после еды.

Пиршества, музыка и танцы

Они татуировали себе тела и чем больше [татуировались], тем более считались храбрыми и мужественными, ибо татуировка была большим мучением и делалась следующим образом: татуировщики покрывают часть, которую хотят [татуировать], краской (con tinta), а затем они надрезывают осторожно рисунок, и, таким образом, от крови и краски на теле остаются следы. Это делается понемногу из-за сильной боли. Они даже становятся после [этого] больными, ибо татуированные места воспаляются и выступает жидкость. Несмотря на это, они насмеваются над теми, кто не татуируется.

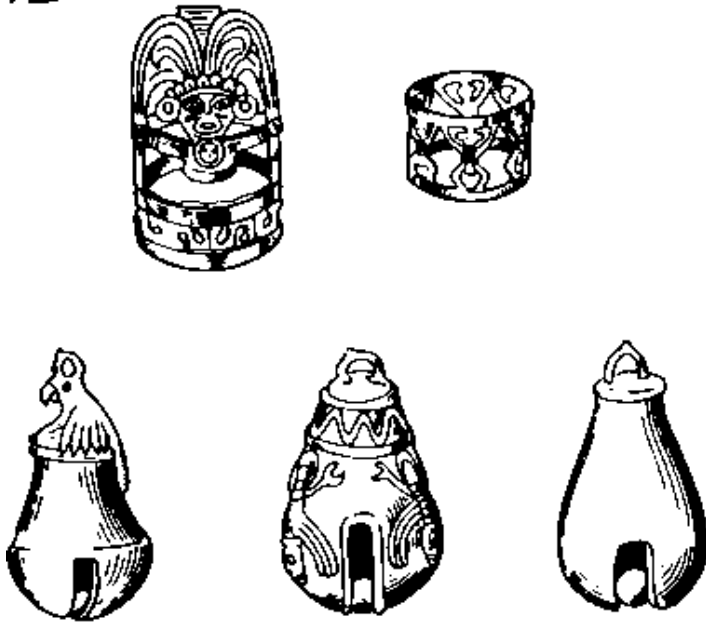

Горны майя (ропись на стене храма)

Они очень гордились обходительностью, грацией и природным изяществом. Сейчас они едят и пьют, как мы. Индейцы были очень распущены в питье и пьянстве, и у них от этого случалось много дурного; так, они убивали друг друга, насиловали в кроватях бедных женщин, ожидавших встретить своих мужей, [вели себя] даже с отцами и матерями,

как в доме своих врагов, и поджигали их дома. Кроме всего этого, они разорялись от пьянства. Когда оргия была общей и с жертвоприношениями, ее оплачивали все; когда же она была частной, издержки нес тот, кто ее устраивал, с помощью своих родичей.

Они делали вино из меда и воды и определенного корня одного дерева, выращиваемого для этого, который делал вино крепким и очень вонючим. Они ели, [развлекаясь] танцами и зрелищами (*con vailes y regozijos*), сидя попарно или по четыре. После еды виночерпии (*los escancianos*), которые не имели обыкновения опьяняться, приносили несколько больших кувшинов (*artezones*) для питья, пока не начинались ссоры, и тогда женщины должны были отводить своих пьяных мужей домой. Они растрачивали на оргии то, что заработали за много дней торговли. У них было два обычая устраивать праздники: первый — обычай сеньоров и людей знатных — обязывал каждого гостя устроить другой такой же пир. Каждому из гостей давали жареную птицу, хлеб и напиток какао в изобилии, а в конце пира они имели обычай давать каждому плащ, чтобы покрыться, скамеечку и сосуд, очень изящный по возможности. Если один из них умирал, то обязан был устроить пиршество его дом или родичи. Другой обычай был между родственниками, когда их дети вступали в брак или праздновали память дел своих предков, и он не обязывал возместить [пир]; однако, если сто [гостей были приглашены] к индейцу на праздник, то каждый [из них] приглашал [его], когда устраивал праздник или женил детей. Они очень чувствительны к дружбе и сохраняют память об этих пирах, хотя бы и далеких одни от других. На этих праздниках им подают напитки красивые женщины, которые, подав сосуд, поворачиваются спиной к тому, кто его взял, пока он его не осушит.

Золотой перстень, кольцо и медные колокольчики из Священного колодца в Чичен-Ице

Индейцы имеют очень приятные развлечения; в особенности комедианты (*farsantes*) представляют с большим изяществом, настолько, что испанцы нанимали их для того, чтобы они видели шутки испанцев с их служанками, супругами и с самими [индейцами] по поводу хорошего или плохого прислуживания, и затем они это представляли с таким искусством, как настоящие испанцы.

У них есть маленькие барабаны (*atabales*), по которым бьют рукой, и другой барабан — из полого дерева с низким и унылым звуком. По нему бьют довольно длинной палкой с набалдашником из смолы одного дерева на конце. У них были трубы (*trompetas*), длинные и тонкие, из полого дерева, с длинными и кривыми тыквами на конце. У них был еще инструмент из панциря целой черепахи, очищенного от мяса. По нему били ладонями рук, и звук его заунывный и печальный. У них были свистки (*chiflatos*) из берцовых костей оленей и больших раковин и флейты (*flautas*) из тростника. На этих инструментах аккомпанировали танцорам.

Два танца (*vailles*) были особенно мужественны и достойны внимания. Один — это игра с тростником, почему они его называют *коломче* (*Colomche*), что и значит «тростник». Чтобы его исполнить, собирается большой круг танцоров вместе с музыкантами, которые им аккомпанируют. Следуя ритму [музыки], из круга выходят двое, один с пучком стеблей и танцует с ними, держась прямо (*en hiesto*), другой танцует на корточках (*en cuclillas*), оба согласно ритму круга (танцоров). Тот, который со стеблями,

бросает их изо всех сил в другого, а последний с большой ловкостью отбивает их с помощью небольшой деревяшки (con un palo pequeño). Кончив бросать, они возвращаются, следуя ритму, в круг, и танцуют другие, делая то же самое.

Есть другой танец, когда танцуют восемьсот и больше или меньше индейцев с небольшими флажками, с военными широкими шагами и звуками (con son y passo largo de guerra). Среди них нет ни одного, кто бы нарушил ритм.

В своих танцах они тяжелы, ибо в течение целого дня не перестают танцевать, и им приносят есть и пить. Мужчины не имели обыкновения танцевать с женщинами.

Ремесла, торговля, земледелие и суд

Ремесленниками (los officios) у индейцев были гончары и плотники, которые много зарабатывали, делая идолов из глины и дерева, с соблюдением многочисленных постов и обрядов. Были также хирурги (cirujanos), или, лучше сказать, колдуны (hechizeros), которые лечили травами и многочисленными суеверными обрядами; и также были все остальные ремесла.

Занятием, к которому они наиболее склонны, была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов в землю Улуа и Табаско, обменивая все это на какао и камешки (cuentas de piedra), которые служили у них монетами. На них они имели обыкновение покупать рабов и другие камешки, изящные и красивые, которые сеньоры носили на себе как драгоценности на праздниках. У них были еще изделия из красных раковин в качестве монет и украшений. Они их носили в плетеных кошельках. На рынках они торговали всеми вещами, какие были в стране. Они продавали в кредит, давали займы и платили честно, без ростовщичества.

Прежде всего они были земледельцами и занимались сбором кукурузы и урожая прочих посевов. Они их сохраняли в очень удобных подвалах (silos) и амбарах (trojes), чтобы продать в свое время. Мулов и быков у них заменяли люди. На каждого мужчину с женой они имели обычай засеивать участок в 400 [квадратных] ступней, который они называли *хум-виник* (hum-uinic), измеряемой шестом в 20 ступней, 20 в ширину и 20 в длину. Эти индейцы имеют хороший обычай помогать друг другу взаимно во всех своих работах. Во время посева те, у кого не хватает своих людей для работы, объединяются по 20 и больше или меньше и работают вместе, сообразно размеру [участков] и количеству работы у всех, и не бросают, пока не покончат со всеми [участками]. Земли сейчас общие, и первый

занявший их владеет ими. Они сеют во многих местах, чтобы в случае недорода с одного [участка] возместить с другого. Обрабатывая землю, они только собирают сорную траву и сжигают ее перед посевом. Они работают с половины января до апреля и сеют с началом дождей.

При посеве они носят маленький мешок (*un taleguillo*) за плечами, делают отверстия в земле заостренной палкой и кладут туда 5-6 зерен, зарывая их затем той же палкой. Во время дождей [посевы] всходят изумительно.

Они соединяются также по 50 и больше или меньше для охоты. Мясо оленей жарят на решетках (*assan parrillas*), чтобы оно не испортилось. Приходя в селение, они делают подарки сеньору и дружно распределяют [остальное]. То же делают с рыбой.

При посещениях индейцы всегда приносят с собой подарки согласно своему званию; посещаемый делает соответственный подарок. На этих визитах третьи [лица] говорят и слушают с вниманием, сообразно с тем, кто говорит, но, однако, все называют друг друга на «ты». При вежливом разговоре самый низший из уважения повторяет название должности или достоинства старшего. Они имеют обычай помогать тому, кто сообщает вести, придыхательными звуками в горле, как бы говоря: так, хорошо. Женщины кратки в своих речах, и не было обычая рассуждать с ними, особенно если они бедные. Поэтому сеньоры высмеивали братьев, которые выслушивали с вниманием бедных и богатых без различия.

Обиды, которые они причиняли друг другу, приказывал удовлетворить сеньор селения обидчика. Но это был повод и средство для больших раздоров. Если [обидчик] был из того же селения, их разбирали судья (*el juez*) в качестве посредника, устанавливал убытки и назначал удовлетворение. Если [обидчик] не был в состоянии возместить [убытки], ему помогали родственники и друзья. Обычным поводом для возмещения было случайное убийство кого-либо или когда муж или жена повесились по какому-либо поводу, вызвавшему этот случай, если кто-либо причинил пожар дому или имению, ульям или посевам кукурузы. Другие обиды, причиненные со злым умыслом, удовлетворялись всегда кровью и дракой.

Юкатанцы очень щедры и гостеприимны, так что никто не войдет в их дом, чтобы ему не дали еду и питье, которые они имеют, днем — их питье, ночью — их пищу. Если же не имеют, ищут ее по соседству. В дороге, если собираются люди, то делятся со всеми, хотя бы их доля стала из-за этого гораздо меньшей.

Имена. Порядок наследования

Их счет ведется по 5 до 20, по 20 до 100, по 100 до 400 и по 400 до 8000. Этим счетом они широко пользовались для торговли какао. У них есть другой счет, более длинный, который они продолжают до бесконечности, считая 8 тысяч 20 раз, что составляет 160 тысяч, затем, возвращаясь к 20, они умножают 160 тысяч на это число и так продолжают умножать на 20, пока не получают громадной цифры. Они считают на земле или на чем-либо гладком.

Они очень заботятся о знании своего происхождения (*el origen de sus linajes*), особенно если происходят от какого-либо майяпанского дома, и стараются узнать это у жрецов, что является одной из их наук. Они очень гордятся мужами, которые были выдающимися в их родах (*en sus linajes*). Имена отцов сохраняются у сыновей, у дочерей же нет. Своих сыновей и дочерей они всегда называли именем отца и матери; имя отца [употребляется] как собственное (*como propro*) и имя матери как нарицательное (*como apellativo*) следующим образом: сына Чель и Чан они называли На Чан Чель (*Nachanchel*), что значит «сын таких-то». По этой причине индейцы говорят, что [лица] одного имени — родственники (*deudos*), и считают себя таковыми. Поэтому, когда они приходят в незнакомое место и нуждаются [в помощи], они тотчас называют [свое] имя, и, если там есть кто-либо [того же имени], их немедленно принимают и обходятся со всяческой любовью. Также ни мужчина, ни женщина не вступали в брак с кем-либо того же имени, ибо это у них было большим бесчестьем (*infamia*). Сейчас имена, [полученные] при крещении, [являются] именами собственными.

Иероглифы дней мая

Индейцы не разрешали дочерям наследовать вместе с братьями кроме как по благосклонности или по доброй воле — тогда им давали что-либо [в наследство]. Остальное делили братья поровну, но тому, кто помог наиболее значительно увеличить имущество, давали соответственное возмещение (la equivalencia). Если были только дочери, то наследовали двоюродные братья (los hermanos) или ближайшие родственники. Если их возраст не позволял передать им имущество, его передавали опекуну из наиболее близких родственников, который давал матери средства на их воспитание, ибо был обычай не оставлять ничего во власти матери; или же отбирали детей, особенно если опекунами были братья умершего. Когда наследники достигали [надлежащего] возраста, опекуны отдавали им имущество. Не сделать этого было большим позором и причиной многих раздоров.

Передача наследства производилась в присутствии сеньоров и знатных, за вычетом того, что давалось на воспитание. Не давали ничего из урожаев с наследственных участков, равно как с пасек и деревьев какао, ибо говорили, что достаточно было держать это в сохранности. Когда умирал сеньор и не имел сыновей, чтобы управлять [после него], но имел братьев, правил старший из братьев или наиболее предприимчивый. Наследника знакомили с обычаями и празднествами, для того [чтобы он знал их], когда станет мужем. Эти братья, даже когда наследник уже правил, рапоряжались всю свою жизнь. Если [умерший] не имел братьев, жрецы и знатные люди выбирали подходящего для этого человека.

Брак

В древности они вступали в брак в 20 лет, сейчас — [в возрасте] от 12 до 13. Поэтому сейчас они разводятся более легко, так как женятся без любви, не зная брачной жизни и обязанностей супругов. Если отцы не могли их уговорить возвратиться к женам, то они искали им новых и новых. С такой же легкостью бросают своих жен мужчины, имеющие детей, не боясь, что другие возьмут их в жены или что они позднее возвратятся к ним. При всем этом они очень ревнивы и не переносят спокойно, когда их жены неверны. Сейчас, когда они видели испанцев, убивающих за это своих [жен], они начали грубо обращаться [с женами] и даже убивать их. Если дети еще маленькие, когда они разводятся, они их оставляют матерям; если большие, то юноши [идут] с отцами, а девушки с матерями.

Хотя развод был вещью столь общей и обычной, старики и те, кто держался лучших обычаев, считали его дурным. Многие никогда не имели больше одной жены, которую никогда не брали того же имени со стороны отца. Это было у них делом очень бесчестным. Если женились на свояченицах (*cunadas*), женах своих братьев, это считалось дурным. Они не женились на мачехах, на свояченицах — сестрах своих жен (*cunadas hermanas de sus mugeres*), на тетках — сестрах своих матерей, и если кто-либо делал это, считали дурным. Со всеми остальными родственницами со стороны матери они вступали в брак, хотя бы это была двоюродная сестра (*prima hermana*).

На отцах лежала большая забота отыскать [сыновьям] вовремя жен их положения и состояния и, если могли, из той же местности. У них считалось неудобным (*roquedad*) искать жен для себя или отцам [заботиться] о замужестве своих дочерей. Чтобы договориться об этом, отыскивали сватов, которые бы вели это дело. Условившись и договорившись, сговаривались о церемонии и приданом (*las aras y dote*), которое было очень невелико. Отец

юноши давал его отцу невесты (*al consuegro*), а свекровь, кроме того, [давала] в приданое (*de dote*) одежды невестке (*a la nuera*) и сыну. Когда наступал день [свадьбы], они собирались в доме отца невесты и там было приготовлено угощение. Приходили гости и жрец; собрав новобрачных и их родителей, жрец утверждал их бракосочетание, раз к этому хорошо отнеслись родители и было хорошо для них, и они отдавали юноше его жену в эту же ночь, если он был готов к этому (*si era para ello*). Затем устраивался обед и званый пир. С этого времени впредь зять оставался в доме тестя, работая 5 или 6 лет на тестя. Если он не делал этого, его выгоняли из дому. Матери заботились, чтобы жена всегда давала мужу есть в знак брака.

Вдовы и вдовцы вступают в брак без праздника и торжеств. Достаточно вдовцу прийти в дом вдовы, быть принятым и получить еду, чтобы брак считался совершенным. Это приводит к тому, что они расходятся с такой же легкостью, как сходятся.

Юкатанцы никогда не берут более одной [жены], как случается в других странах, когда имеют многих сразу. Иногда отцы договариваются о браке своих малолетних детей до того, как они достигли [соответствующего] возраста, и считаются свойственниками (*como suegros*).

Крещение

Крещения нет ни в какой части Индий, кроме Юкатана, [где оно существует] под названием, которое означает «родиться снова или второй раз». Это то же самое, что в латинском языке *renascor*; ибо в языке Юкатана *сихил* (*zihil*) значит «родиться снова или другой раз» и употребляется [это слово] только в глагольном сочетании; так, *капут сихил* (*caput zihil*) значит «родиться снова». Мы не могли узнать о его происхождении, кроме того, что это обычай, который всегда существовал. Они к нему испытывали столько благоговения, что никто не забывал получить [крещение], и такое уважение, что имевшие грехи или склонные совершить их исповедовались в них особо жрецу при получении его. Они настолько верили в [крещение], что не повторяли его ни в каком случае. Они полагали, что через него получают предрасположение (*una previa disposicion*) быть добрыми в своих обычаях и не быть совращенными демонами в мирских делах. Посредством этого и хорошей жизни они надеялись достигнуть блаженства (*la gloria*), в котором, как и в блаженстве Мухаммеда (*Магома*), они пользовались бы пищей и напитками.

У них был следующий обычай, чтобы подготовиться к совершению крещения. Индианки растили детей до возраста 3 лет и имели обыкновение на голову мальчика прикреплять к волосам на темени белую штучку (*una*

contezuela). Девочки носили пояса (zenidas) на бедрах, очень низко, с тонкой веревкой и привязанной к ней раковинной, которая у них приходилась на скромную часть. У них считалось грехом и большим бесчестьем снимать ее с девочки до крещения, которое они получали всегда от 3 до 12 лет, и их никогда не выдавали замуж до крещения.

Когда кто-либо хотел крестить своего сына, он шел к жрецу и сообщал ему о своем намерении. Последний объявлял в селении о крещении и о дне, в который это совершится. Они всегда заботились, чтобы это не был несчастный (asiago) день. Сделав это, тот, кто устраивал праздник, то есть тот, кто завел об этом беседу, выбирал по своему вкусу знатного человека селения (un principal del pueblo), чтобы тот ему помогал в его занятии и связанных с ним делах. Затем они имели обыкновение избирать четырех других людей, старых и уважаемых, которые помогали жрецу в день праздника в церемониях, и их выбирали всегда вместе со жрецом, по его вкусу. Об этих выборах всегда знали отцы всех детей, которых должны были крестить, ибо праздник был всеобщий. Тех, кого выбирали, называли чаками (chaces). Отцы детей и служители (los oficiales) постились три дня перед праздником, воздерживаясь от женщин.

В [назначенный] день все собирались в дом того, кто устраивал праздник, и приводили всех детей, которые должны были получить крещение. Их помещали во внутреннем дворе (el patio) или на площадке у дома, которая была очищена и усеяна свежими листьями. Они становились по порядку в ряд, мальчики и девочки отдельно. О них заботились в качестве крестных отца и матери (con padrinos) старая женщина при девочках и мужчина при мальчиках.

Затем жрец совершал очищение дома, изгоняя из него демона. Чтобы изгнать его, ставили четыре скамеечки в четырех углах двора, на которые садились четыре чака с длинной веревкой, протянутой от одного к другому таким образом, что дети оставались замкнутыми внутри веревки. Затем, перешагивая через веревку, входили в середину круга все отцы детей, которые постились. Перед этим или после в середину ставили другую скамеечку, на которую садился жрец с жаровней (un brasero) и небольшим количеством размолотой кукурузы и благовоний. Туда подходили по порядку мальчики и девочки, и жрец клал им в руку немного размолотой кукурузы и благовоний, а они [бросали их] в жаровню, и так делали все. Совершив эти курения, брали жаровню, в которой они это делали, и веревку, которой чаки их окружали, вливали в сосуд немного вина и давали все это одному индейцу, чтобы он унес это из селения; ему советовали не пить и не оглядываться назад на обратном пути. После этого они говорили, что демон изгнан.

Дойдя до этого, подметали двор, очищали его от листьев дерева, которое называется *кихом* (*sihom*), и разбрасывали листья другого дерева, которое они называют *коло* (*soro*), и клали несколько циновок, пока жрец одевался. Одевшись, он выходил в плаще из красных перьев, украшенном (*labrado*) разноцветными перьями, по краям у него свисали другие большие перья, и как бы с колпаком (*согоза*) на голове из таких же перьев, а внизу плаща [у него было] много поясов из хлопка, [свисавших] до земли, как хвосты. [У него было] в руке кропило (*un isoro*) из короткой палки со многими узорами (*тцу labrado*), и, как борода или волосы, у кропила [были] особые хвосты змей, подобных гремучим змеям. Он был так же важен, как папа при короновании императора. Замечательная вещь, какое удовольствие доставляли им наряды. Чаки тотчас шли за детьми и клали всем на голову белые ткани, принесенные для этого их матерями. Они спрашивали у тех, которые были большими, не совершили ли они греха или нечистого (*фесо*) прикосновения; если они это совершили, они признавались им и их отделяли от других.

Сделав это, жрец приказывал людям замолчать и сесть и начинал благословлять детей со многими молитвами и посвящать их кропилом с большой торжественностью. Окончив свое благословение, он садился, и вставал распорядитель (*el principal*), которого отцы детей выбирали для этого праздника, и с костью (*con un guesso*), которую ему давал жрец, шел к детям и прикасался ко лбу каждого девять раз костью. Затем он смачивал ее в сосуде с водой, который держал в руке, и смазывал им лоб, черты лица и между пальцами ног и рук, при всем этом не говоря ни слова. Эту воду они делали из определенных цветов и из какао, размоченного и растворенного в девственной воде, как говорили, взятой из углублений деревьев или камней в лесах.

Когда было окончено это помазание, вставал жрец и снимал у них с головы белую ткань и другие, которые у них были накинута на плечи, где каждый носил небольшую связку очень красивых перьев птиц и несколько [зерен] какао. Все это собирал один из чаквов. Затем жрец отрезал у детей каменным ножом штуку (*la cuenta*), которую они носили прикрепленной к голове. После этого шли все остальные помощники жреца с пучками цветов и трубкой (*un humaso*), которую индейцы употребляют для курения, прикасались девять раз каждым из этих [предметов] к каждому ребенку и затем давали ему понюхать цветы и потянуть из трубки. Затем собирали подарки, которые приносили матери, и давали немного каждому ребенку, чтобы съесть там, ибо подарки были съестные. Брали хороший сосуд с вином и тотчас же приносили его в жертву богам и с набожными мольбами просили их принять этот маленький дар от этих детей. Позвав другого

служителя, который им помогал и которого они называли *кайом* (Сауот), они давали ему [сосуд], чтобы он выпил его. Он делал это без отдыха, ибо, говорят, это было бы грехом.

Сделав это, они отпускали первыми девочек. Матери снимали с них сначала шнур (el hilo), который они носили прежде обвязанным вокруг талии, и раковину, которую они носили в знак чистоты. Это было как бы разрешением уже выйти замуж, когда пожелают отцы. После того как мальчики оставались одни, пришедшие отцы шли к груде накидок (las mantillas), которые они принесли, и делили их собственноручно между присутствующими и служителями. Затем они оканчивали праздник обильной едой и питьем. Они называли этот праздник *Эм К'у* (Emku), что означает «нисхождение бога». Тот, кто побудил его устроить и нес расходы, кроме трех дней поста, которые он соблюдал, постился еще девять [дней], и это они делали неукоснительно.

Исповедь, статуи богов, жречество

Юкатанцы, конечно, знали, когда они поступали дурно, и так как они верили, что дурные поступки и грехи причиняют им смерть, болезни и страдания, у них был обычай исповедоваться, существовавший у них еще [до христианизации]. Таким образом, когда из-за болезни или по другому случаю они были в опасности умереть, они исповедовались в своих грехах, а если были небрежны, то им напоминали ближайшие родственники или друзья. Тогда они публично рассказывали свои грехи; если там был жрец — то ему, без [него] — отцам и матерям, жены — мужьям, а мужья — женам.

Грехи, в которых они обычно каялись, были: кража, человекоубийство, плотский грех и лжесвидетельство. После этого они считали себя в безопасности, и часто, если избегали опасности, были раздоры между мужем и женой из-за несчастий, которые с ними случались, и с теми, которые их причинили.

Они исповедовались в своих слабостях, кроме тех, которые они совершили со своими рабынями, так как они говорили, что законно употреблять свои вещи по желанию. Грех помышлением не исповедовали, хотя считали дурным; в своих советах и проповедях они советовали избегать его.

Посты, которые они главным образом соблюдали, были: [воздержание] от соли в тушеном мясе и от перца, что им тяжело, и они воздерживались от женщин перед всеми своими праздниками.

Овдовевшие не вступали в брак один год, чтобы не знать мужчины или женщины в это время, и тех, которые этого не соблюдали, считали

нескромными и [полагали], что с ними случится что-либо дурное. Во время некоторых постов при их праздниках они не ели мяса и воздерживались от женщин. Получение должности на праздниках всегда было связано с постами, равно как и должности общины (de republica). Некоторые [посты] столь долгие, что продолжались до трех лет, и нарушить все эти [посты] было большим грехом.

Они были столь преданны своим идолопоклонническим молитвам, что во время нужды, вплоть до женщин, детей и девушек, все занимались этим, то есть жгли курения и умоляли бога освободить их от зла и сдержать демона, который им его причинил.

Путники в дороге также носили курения и тарелочку (un platillo), на которой их сжигали. Ночью, куда бы они ни прибывали, они ставили три маленьких камня, клали на них немного курения и ставили их перед другими тремя ровными камнями, на которые бросали курение, прося бога, которого они называли Эк'Чуах (Ek-chuah), о благополучном возвращении в свои дома, где не было недостатка [в тех], кто делал для них еще столько же [курений] и даже больше.

У них было множество идолов и храмов, пышных на свой лад, и даже, кроме общих храмов, сеньоры, жрецы и знатные люди (gente principal) имели молельни (oratorios) и идолов в доме для своих частных молитв и жертв. Они испытывали к Косумелю и к колодцу (росо) Чичен-Ицы такое уважение, как мы к местам паломничества в Иерусалиме и Риме. Они также ходили посещать и приносить дары, главным образом на Косумель, как мы в святые места; те же, которые не шли, всегда посылали свои дары. Те, которые шли, имели обычай входить также в покинутые храмы, когда проходили мимо них, чтобы молиться и жечь копал.

Бог Сак Шиб Чак

Бог Эк Шиб Чак

Бог К'ан Шиб Чак

Бог Чак Шиб Чак

Они имели столько идолов, что им даже не хватало для них богов; поэтому не было животных или рептилий, статуй которых они не делали бы, и все их делали наподобие своих богов и богинь. У них были некоторые идолы из камня, но очень мало, другие [делались] из дерева и небольшого размера, хотя не такого, как из глины. Идолы из дерева уважались настолько, что они наследовались и поэтому считались главным в наследстве. Идолов из металла они не имели, потому что прежде металла не было.

Они хорошо знали, что идолы были вещами мирскими, мертвыми и без божества, но их почитали за то, что они изображали, и поэтому их делали со столькими церемониями, особенно идолов из дерева.

Из них наибольшими идолопоклонниками были жрецы, чиланы, колдуны и лекари, чаки и наконы (nacones). Обязанностью жрецов было заниматься их науками и обучать им, объявлять об опасностях и средствах от них, провозглашать и закрывать праздники, приносить жертвы и управлять их святынями. Обязанностью чиланов было давать жителям ответы от демонов, и они были настолько почитаемы, что, случалось, их носили на плечах. Колдуны и лекари лечили кровопусканиями, делаемыми в части, где болит у больного, и бросали жребий, чтобы предсказывать, при исполнении своих обязанностей и в других случаях. Чаки — это четыре старых человека, избираемые всегда заново, чтобы помогать жрецу хорошо и полностью проводить праздники. Наконы — два должностных лица. Один — постоянный и малоуважаемый, ибо это был тот, кто рассекал грудь лицам, которых приносили в жертву. Другой был выборный капитан для войны и некоторых праздников, он избирался на три года и пользовался большим уважением.

Жертвоприношения

В одних случаях они приносили в жертву собственную кровь, разрезывая уши кругом лоскутками, и так их оставляли в знак [жертвы]. В других случаях они протыкали щеки или нижнюю губу, или надрезали части своего тела, или протыкали язык поперек с боков и продевали через отверстие соломинку с величайшей болью. Или же надрезывали себе крайнюю плоть, оставляя ее, как и уши. В этом ошибся историк Индии, сказавший, что у них есть обрезание.

В других случаях они делали бесчестное и печальное жертвоприношение. Те, кто его совершал, собирались в храме, где, став в ряд, делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперек сбоку, и, сделав [это], они продевали [через них] возможно большее количество шнурка (de hilo), сколько могли, что делало их всех связанными и нанизанными; также они смазывали кровью всех этих членов [статую] демона. Тот, кто больше сделал, считался наиболее мужественным. Их сыновья с детства начинали заниматься этим, и ужасная вещь, как склонны они были к этому.

Женщины не применяли этих кровопролитий, хотя они были достаточно набожны. Кроме того, кровью всех животных, которых они могли добыть, как птицы небесные, земные звери и водяные рыбы, они всегда намазывали лицо идолов. И они приносили в жертву другие вещи, которые имели. У некоторых животных вырывали сердце и его приносили в жертву, других целыми, одних живыми, других мертвыми, одних сырыми,

других вареными. Они делали также большие приношения хлебом и вином и всеми видами кушаний и напитков, которые они употребляли.

Чтобы делать эти жертвоприношения, во дворах храмов были воздвигнуты узорные деревянные возвышения (*unos altos maderos y lagrados y enhiesto*), и около ступенек храма у них был круглый широкий пьедестал (*una reapa*) и посередине камень в четыре или пять пядей высотой, немного обтесанный. На верху лестниц храма был другой такой же пьедестал.

Кроме праздников, на которых, чтобы их отпраздновать, приносили в жертву животных, также из-за какого-либо несчастья или опасности жрец или чиланы приказывали им принести в жертву людей. В этом участвовали все, чтобы купить рабов; или же некоторые по набожности отдавали своих детей (*sus hijitos*), которых очень услаждали до дня и праздника их [жертвоприношения] и очень оберегали, чтобы они не убежали или не осквернились каким-либо плотским грехом. Между тем их водили из селения в селение с танцами, они помогали жрецам, чиланам и другим должностным лицам.

Когда наступал день, они собирались во дворе храма и, если его надлежало принести в жертву стрельбой из лука, его раздевали догола, мазали тело лазурью [и одевали ему] убор (*una coropa*) на голову. Приблизившись к демону, народ исполнял торжественный танец с ним, все с луками и стрелами, вокруг столба, и, танцуя, поднимали его на нем и привязывали, все время танцуя и все смотря на него. Поднимался нечистый жрец (*el suzio del sacerdote*), одетый и со стрелой; была ли это женщина или мужчина, ранил его в скромную часть, извлекал кровь, спускался и смазывал ею лицо демона, сделав определенный сигнал танцующим. Они начинали пускать в него стрелы по очереди, когда танцуя проходили с быстротой; сердце же его было отмечено белым знаком, и таким образом они превращали всю его грудь в мишень, [выглядевшую], как щетина из стрел.

Если должны были ему вырвать сердце, его приводили во двор с большой пышностью, в сопровождении народа, вымазанного лазурью и в его головном уборе (*su coropa*). Затем его приводили к круглому возвышению, которое было местом принесения жертв. Жрец и его служители мазали этот камень в голубой цвет и изгоняли демона, очищая храм. Чаки брали несчастного, которого приносили в жертву, с большой поспешностью клали его спиной на этот камень и хватали его за руки и за ноги все четыре, так что его перегибали пополам. Тогда након-палач подходил с каменным ножом и наносил ему с большим искусством и жестокостью рану между ребрами левого бока, ниже соска, и тотчас помогал ножу рукой. Рука схватывала сердце, как яростный тигр, и

вырывала его живым. Затем он на блюде (un plato) подавал его жрецу, который очень быстро шел и мазал лица идолам этой свежей кровью.

В других случаях это жертвоприношение совершали на камне на верху лестниц храма (grada alta) и тогда сбрасывали тело уже мертвое, чтобы оно скатилось по ступенькам. Его брали внизу служители и сдирали всю кожу целиком, кроме рук и ног, и жрец, раздевшись догола, окутывался этой кожей. Остальные танцевали с ним, и было это для них делом очень торжественным.

Резьба на притолоке

Этих принесенных в жертву сообща они имели обычай погребать во дворе храма или съедали их, разделив среди тех, кто заслужил (que alcançavan), и между сеньорами, а руки и ноги и голова принадлежали жрецу и служителям. Этих принесенных в жертву они считали святыми. Если они были рабами, взятыми в плен на войне, их сеньор брал кости, чтобы извлекать во время танцев как трофей в знак победы.

В других случаях они бросали живых людей в колодец Чичен-Ицы, полагая, что они выйдут на третий день, хотя они никогда более не появлялись.

Оружие и войска

У них было оружие для нападения и защиты. Для нападения были луки и стрелы, которые они носили в своих колчанах, с кремнями (*con pedernales*) в качестве наконечников и зубами рыб, очень острыми; ими они стреляли с большим искусством и силой. Их луки были из превосходного желто-бурого дерева удивительной прочности, скорее прямые, чем изогнутые, а тетивы — из их конопли (*sanamo*). Длина лука всегда несколько меньше, чем тот, кто его несет. Стрелы из тростника, очень тонкого, который растет в лагунах, длиной свыше пяти пядей. Они пригоняли к тростнику кусок тонкой палочки, очень прочной, к которой был прикреплен кремень. Они не употребляли и не знали применения яда, хотя имели в изобилии [яды], которыми [можно отравить стрелы].

У них были топорики (*hachuelas*) из определенного металла такой формы, которые прилаживали к деревянной рукоятке. Они служили оружием и для обработки дерева. Лезвие делали ударами камня, так как металл мягкий. У них были короткие дротики (*languelas*) в один эстадо [длиной] с наконечниками из твердого кремня, и они не имели другого оружия, кроме этого.

Для защиты у них были щиты (*rodelas*), которые они делали из расщепленного тростника, тщательно сплетенные, круглые и отделанные кожей оленя. Они делали панцири, стеганные из хлопка и крупной соли, набитой в два ряда или слоя, и они были крепчайшие (*Hazian xacos de algodón colchados y sal por moler*). Некоторые сеньоры и капитаны имели как бы шлемы (*moriones*) из дерева, но их было немного. С этим оружием они ходили на войну; плюмажи (*plumajes*) и шкуры тигров и львов надевали те, кто их имел.

У них были всегда два капитана: один — постоянный и наследственный, другой — избранный со многими церемониями на три года, чтобы устроить праздник, который справлялся в их месяц Паш и приходился на 12 мая, или в качестве капитана другого отряда на войне. Они называли его *након*; он не должен был в эти три года знать женщину, даже собственную [жену], и есть мясо; они оказывали ему большое почтение и давали ему для еды рыб и игуан, которые подобны ящерицам. Он не опьянялся в это время и имел в своем доме сосуды и вещи для своего

пользования отдельно; ему не служили женщины, и он не общался много с народом.

Когда три года проходили, [все было], как прежде. Эти два капитана обсуждали военные дела и приводили свои дела в порядок. Для этого в каждом селении были люди, избранные как солдаты, чтобы при нужде прийти на помощь с оружием; их называют хольканы (holcanes), и [если] не хватало этих, собирали еще людей, приводили в порядок и делили между собой. С высоко поднятым знаменем во главе они выходили в глубоком молчании из селения и так шли атаковать своих врагов, с громкими криками и жестокостями, где заставляли врасплох.

На дорогах и в проходах враги выставляли против них лучников в укреплениях (defensas), обычно сделанных из камня или из дерева и кольев. После победы они вырывали у мертвых челюсть и, очищенную от мяса, держали в руке. Во время своих войн они приносили большие жертвы из добычи, а если брали в плен какого-либо выдающегося человека, его тотчас приносили в жертву, потому что не хотели оставлять [в живых] того, кто мог бы причинить вред после. Остальные люди, взятые в плен, были во власти того, кто их захватил.

Изображение на золотом диске, найденном в «Колодце смерти» в Чичен-Ице

Этим *хольканам*, кроме военного времени, не платили жалованья, а тогда капитаны им давали известную [сумму] денег, но немного, потому что она была из их [средств]; если не хватало, то селение ему помогало. Селение давало им также пищу, и ее приготавливали для них женщины; ее носили на спине из-за недостатка [вьючного] скота, и поэтому их войны длились недолго. Закончив войну, солдаты совершали многие бесчинства в своих селениях, пока сохранялся дух войны; сверх того, они привыкали к служению и уладам, и если кто-либо убил [на войне] какого-нибудь капитана или сеньора, его очень почитали и чествовали.

Наказания. Воспитание детей

У этого народа остался от [времен] Майяпана обычай наказывать прелюбодеев следующим образом: производя расследование и уличив кого-либо в прелюбодеевнии, начальники (*los principales*) собирались в доме сеньора; приведя прелюбодея, привязывали его к столбу и передавали его мужу виновной женщины; если тот его прощал, [виновный] был свободен, если же нет, то убивал его большим камнем, [брошенным] в голову с высоты. Для жены достаточным возмездием было бесчестие, которое было велико, и обычно за это их бросали.

Наказанием человекоубийцы была смерть от преследований родственников [убитого], хотя бы [убийство] было случайным, или иначе [он должен был] уплатить за убитого. Кражу искупали и наказывали обращением в рабство, хотя бы была очень маленькая кража, и поэтому у них было столько рабов, особенно во время голода, и из-за этого мы, братья, столько трудились при крещении [индейцев], чтобы они дали им свободу.

Если они были сеньорами или людьми знатными (*gente principal*), собиралось все селение; схватив его, они в наказание надрезывали (*labravan*) ему лицо от подбородка до лба по бокам, что у них считалось большим бесчестием.

Юноши очень уважали стариков и спрашивали у них советов, а они таким образом хвастались [мудростью] стариков (*sejactavan deviejos*). [Старики] говорили юношам, что так как они больше их видели, им следует верить, и если они это делали, то остальные им больше доверяли. Они были настолько уважаемы при этом, что юноши не обращались к старикам, кроме как в неизбежных делах, [например] юноши при женитьбе; с [людьми] женатыми [они общались тоже] очень мало.

Поэтому был обычай в каждом селении иметь большой выбеленный дом, открытый со всех сторон, в котором юноши собирались для своих развлечений (*sus passatiempos*). Они играли в мяч, в игру с бобами, как в

кости, и во многие другие [игры]. Они спали там же вместе почти всегда до женитьбы. Если я слышал, что в других местностях Индий обычен гнусный грех в подобных домах, то в этой земле я не слышал, чтобы они совершали таковой, и полагаю, что они не делают этого, ибо говорят об удрученных этим гибельным несчастьем, что они не являются [такими] любителями женщин, какими были эти. Ибо в эти места они приводили публичных женщин и в них пользовались ими. Несчастные, которые среди этих людей занимаются этим ремеслом, хотя они получали от них вознаграждение (gualardon), но было столько юношей, которые их посещали, что они доводили их до изнеможения и смерти. [Юноши] раскрашивали себя в черный цвет до вступления в брак и не имели обыкновения татуироваться до брака или же [татуировались] немного. В остальных вещах они следовали всегда своим отцам, привыкали быть столь же хорошими идолопоклонниками, как они, и помогали им много в работах.

Индианки воспитывали своих детей очень сурово, ибо четырех или пяти дней от роду новорожденного клали растянутым в маленькую кровать (un lecho), сделанную из прутьев, и там, [повернув] ртом вверх, они ему клали голову между двумя дощечками, одна на затылке, другая на лбу, между которыми ее сжимали с силой, и держали его там в мучениях, пока, по прошествии нескольких дней, голова его не становилась сплюсненной и деформированной (lana у enmoldada), как это у них было в обычае. Было столько неудобства и опасности для бедных детей, что некоторые рисковали погибнуть; автор этой [книги] видел, как у одного голова продырявилась позади ушей, и так должно было происходить со многими.

Они растили их обнаженными (en cueros) и только с 4-5 лет давали им накидку (una mantilla) для сна и несколько поясков (listoncillos), чтобы прикрыть наготу, подобно своим отцам, а девочек они начинали покрывать от пояса (de la cinta) вниз. Они сосали долго, ибо матери никогда не переставали давать им молоко, пока могли, хотя бы они были 3 или 4 лет, почему и было среди них столько людей очень крепких (de de buenas fuergas). Они росли два первых года удивительно красивые и упитанные. Затем от непрерывных купаний их матерями и от солнца они становились смуглыми (morenos). Они были все время детства живыми и резвыми, всегда ходили с луком и стрелами, играя друг с другом, и так они росли, пока не начинали следовать образу жизни юношей, держать себя более на их манер и оставлять детские дела.

Женская одежда и косметика

Индианки Юкатана в общем лучшего сложения (*de mejor dispusicion*), чем испанки; они крупнее, хорошо сложены и не имеют таких бедер, как негритянки. Кичатся красотой те, кто ее имеет, и действительно они не безобразны. Они не белые, но смуглого цвета, больше по причине солнца и непрерывного купанья, чем по своей природе. Они не подправляют лица, как наш народ, и считают это бесстыдством. У них есть обычай подпиливать себе зубы, оставляя их как зубы пилы, и это они считают изящным; занимаются этим ремеслом старухи, подпиливая их с помощью определенных камней и воды.

Они прокалывали ноздри через хрящ, чтобы вставить в отверстие камень янтарь, и считали это нарядным. Они прокалывали уши, чтобы вставить серьги, подобно своим мужьям. Они татуировали себе тело от пояса вверх, кроме груди из-за кормления, более изящными и красивыми рисунками, чем мужчины. Они купались очень часто в холодной воде, как мужчины, но не делали это с достаточной скромностью, ибо им случалось обнажаться догола у колодца, куда они приходили за водой для этого. У них был еще обычай купаться в горячей воде с паром (*en agua caliente y fuego*), но это происходило редко и больше для здоровья, чем для чистоты.

Они имели обычай натираться красной (*Colorado*) мазью, как мужья, а те, кто имел возможность, добавляли пахучую камедь, очень липкую; я считаю, что это жидкий янтарь (*liquidambar*), который на своем языке они называли *иш махме* (*iztahte*). Этой камедью они смазывали особый брусок (*ladrillo*), вроде мыла, украшенный изящными узорами; им они смазывали груди, руки и плечи и делались нарядными и надушенными, как им казалось; он сохранялся у них много [дней], не выдыхаясь, соответственно качеству мази.

Они носили очень длинные волосы и делали и делают [сейчас] из них очень изящную прическу, разделив на две части, и заплетали их для другого рода прически. Заботливые матери имеют обыкновение ухаживать за девушками брачного возраста столь усердно, что я видел многих индианок с такими редкими прическами, как у испанских модниц. У девочек, пока они не выросли, волосы заплетаются в четыре или в два рожка, что они считают красивым.

Индианки побережья и провинции Бак'халаль и Кампече более приличны в своей одежде, ибо кроме покрывала (*la sobertura*), которые они носят от середины [туловища] вниз, они прикрывают груди, связывая их двойной накидкой (*una manta*), пропущенной под мышками. Все остальные не носят более одной одежды наподобие мешка, длинного и широкого, открытого с обеих сторон; он доходил у них до бедер, где был в обтяжку. У них не было иной одежды, кроме накидки (*la manta*), в которой они всегда

спят; они имели обыкновение, когда шли в дорогу, носить [ее] сложенной вдвое или скатанной и так ходили.

Нравы и занятия женщин

Они считали себя добрыми и имели основание, ибо перед тем, как они узнали наш народ, по словам стариков, которые теперь на них жалуются, они были удивительно [целомудренны], чему я приведу два примера.

Капитан Алонсо Лопес де Авила, зять аделантадо Монтехо, захватил во время войны в Бак'халале одну молодую индианку, очень красивую и изящную женщину. Она обещала своему мужу, опасаясь, что его убьют на войне, не знать другого [мужчины], если его не будет. Поэтому она предпочла скорее лишиться жизни, чем быть опозоренной другим мужчиной; за это ее затравили собаками.

Мне самому жаловалась одна индианка, еще не крещенная, на одного крещеного индейца, который был влюблен в нее, ибо она была прекрасна; однажды, дождавшись отсутствия ее мужа, он ночью появился у нее в доме. После того как он объявил со многими любезностями о своем желании и не достиг ничего, он пробовал дать подарки, которые для нее принес, и так как не имел успеха, пытался изнасиловать ее. Но хотя он был великан и трудился над этим всю ночь, он не добился от нее ничего, кроме гнева, столь большого, что она пришла ко мне жаловаться на низость индейца, и было это так, как я сказал.

Они имели обычай поворачиваться спиной к мужчинам, когда их встречали в каком-либо месте, и уступать дорогу, чтобы дать им пройти; то же самое, когда они давали им пить, пока они не оканчивали пить. Они обучают тому, что знают, своих дочерей и воспитывают их хорошо по своему способу, ибо бранят (rinen) их, наставляют и заставляют работать, а если те виноваты, наказывают, щипая их за уши и за руки. Если они видят их поднимающими глаза, то сильно бранят и смазывают им глаза перцем, что очень больно; если они нескромны, их бьют и натирают перцем другое место в наказание и стыд. Они говорят как большой упрек и тяжелое порицание непослушным девушкам, что они напоминают женщин, воспитанных без матери.

Они очень ревнивы, некоторые настолько, что налапали руки на тех, кто вызвал ревность, и столь гневны и раздражительны, хотя [вообще] достаточно кротки, что некоторые имели обыкновение драть за волосы мужей, делая это, впрочем, с ними изредка.

Они большие труженицы и прилежные [хозяйки], потому что на них лежало большинство самых важных работ по обеспечению пищей их семей,

воспитанию детей и платежу их налогов (tributos); при всем этом они, если нужно, носят иной раз на спине большие тяжести, обрабатывают и засевают свои поля. Они удивительно бережливы, работают ночью в часы, которые у них остались от домашних дел, и ходят на рынки покупать и продавать свои поделки.

Они разводят птиц для продажи и для еды, кастильских и местных. Они разводят птиц [также] для забавы и ради перьев, чтобы украшать ими свои нарядные одежды. Разводят других домашних животных, из которых козлят кормят грудью, благодаря чему их выращивают настолько ручными, что они не убегают в лес, хотя их водят по лесам и выращивают в них.

Они имеют обычай помогать друг другу ткать и прясть и расплачиваются этими работами, как их мужья работами в поле. Во время этих работ они всегда шутят, рассказывают новости и иногда немного сплетничают. Они считают очень неприличным смотреть на мужчин и смеяться с ними; одно это настолько нарушало приличия, что и без других вольностей их считали порочными. Они танцевали отдельно свои танцы (vailles), а некоторые с мужчинами, в особенности один, который они называли *наваль* (nauval), не очень скромный. Они очень плодовиты, рано рожают и хорошие кормилицы по двум причинам: во-первых, питье, которое они пьют теплым по утрам, дает много молока, [а во-вторых], постоянное размалывание кукурузы и отсутствие стягивающей груди [одежды] делает их груди очень большими, почему в них и появляется много молока.

Они также опьянялись на пирах, но одни, ибо они едят отдельно, и не напивались так, как мужчины. Они хотят иметь много сыновей (hijos), те, у которых их не хватает; они просили их у своих идолов с дарами и молитвами; теперь они просят их у Бога.

Они благоразумны и разговорчивы с теми, кто их понимает, и удивительно щедры. Они плохо сохраняют тайну и не столь чисты сами и в своих делах, хотя купаются, как горностаи.

Они были очень набожны и религиозны и также очень почитали своих идолов, возжигая им свои курения и принося им в дар одежду из хлопка, кушанья и напитки; их обязанностью было готовить жертвенные кушанья и напитки, которые индейцы приносили в жертву на праздниках, но при всем этом они не имели обычая проливать свою кровь [в жертву] демонам и никогда не делали этого. Им также не позволяли приходить в храмы при жертвоприношениях, кроме определенного праздника, когда допускали некоторых старух для справления его. Во время родов они обращались к колдуньям, которые их заставляли верить в свои обманы и клали им под кровать (la cama) идола одного демона, называемого Иш Ч'ель; они говорили, что это богиня деторождения (de hazer las criaturas).

Новорожденных детей тотчас обмывают; когда их наконец освобождали от пытки сдавливания лба и головы, шли с ними к жрецу, чтобы он посмотрел их судьбу, указал будущее занятие и дал имя, которое они должны были носить во время своего детства. Ибо они привыкли называть своих детей разными именами, пока они не крестились и не стали большими, затем они оставляли эти [имена] и начинали называть их именем отцов, пока они не вступали в брак, и [после этого] они назывались именем отца и матери.

Похороны

Эти люди крайне боялись смерти, и это они обнаруживали во всех служениях, которые они совершали своим богам и которые были не для другой цели и не ради другого дела, а только чтобы они даровали им здоровье, жизнь и пищу. Но когда приходила смерть, нужно было видеть сожаление и плач их по своим покойным и общую печаль, которую это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и очень горестными криками, и печально было слышать их. Они ходили удивительно грустными много дней; соблюдали воздержание и посты по покойному, особенно муж или жена, и говорили, что его унес дьявол, ибо они думали, что от него приходит к ним все дурное и особенно смерть.

Бог смерти

Умерших они завертывали в саван (*amortajavan*), набивая им рот размолотой кукурузой, которая служит им пищей и питьем и которую они называют *к'ойем* (*коуем*), и с ней несколько камешков, из тех, что они употребляют как монеты, чтобы в другой жизни у них не было недостатка в пище.

Они погребали [умерших] внутри своих домов или позади их, помещая им в могилу несколько своих идолов; если это был жрец, то несколько книг, если колдун, то его колдовские камни и снаряжение (*peltrechos*). Обычно они покидали дом и оставляли его необитаемым после погребения. Иначе было, когда в нем жило много людей, в чьем обществе они отчасти теряли страх, который вызывал у них мертвец.

Что до сеньоров и людей очень знатных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы, как показывают сделанные в древности, которые встречались в Исамале. В настоящее время бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми из глины, если [умершие] были великими сеньорами.

Остальные знатные люди делали для своих отцов деревянные статуи, у которых оставляли отверстие в затылке; они сжигали какую-нибудь часть тела, клали туда пепел и закрывали его; затем они сдирали у умерших кожу с затылка и прикрепляли ее там, погребая остальное по обычаю. Они сохраняли эти статуи с большим почитанием между своими идолами.

У сеньоров древнего рода Коком они отрубали головы, когда те умирали, и, сварив их, очищали от мяса; затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой (*de cierto betun*) и делали их очень похожими [на таких], какими они были [при жизни]. Они держали их вместе со статуями с пеплом и все это хранили в молельнях своих домов, со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они им делали приношения из своих кушаний, чтобы они не испытывали недостатка в них в другой жизни, где, как они думали, покоились (*descanzavan*) их души и пользовались их дарами.

Этот народ всегда верил в бессмертие души более, чем многие другие народы, хотя не имел такой культуры (*policia*). Ибо они верили, что была после смерти другая жизнь, более хорошая, которой наслаждались души, отделившись от тела. Эта будущая жизнь, говорили они, разделяется на хорошую и плохую жизнь, тягостную и полную отдыха. Плохая и тягостная, говорили они, для [людей] порочных; хорошая и приятная для тех, кто хорошо жил по своему образу жизни. Наслаждения (*los descansos*), которых, по их словам, они должны были достичь, если были хорошими, заключались [в том, чтобы] идти в место очень приятное, где никакая вещь не причиняла им страдания и где было изобилие очень вкусной пищи и дерево, которое они называли там *Яшче* (*Yaxche*), то есть сейба, очень прохладное и с большой тенью, под ветвями которого, в тени, они отдыхали и веселились все время.

Наказание за дурную жизнь, которое, по их словам, должны были получить злые, состояло [в том, чтобы] идти в место более низкое, чем [какое-либо] другое, — они его называют Метналь (Mitnal), что означает ад, — и в нем подвергаться истязаниям демонов и мукам голода, холода, усталости и печали. Они считают, что в этом месте находится демон, князь (príncipe) всех демонов, которому они все подчиняются, и называют его на своем языке Хун Ахау (Hunhau).

Они говорят, что эти жизни, хорошая и плохая, не имеют конца, ибо не имеет его душа. Они говорили также и считали вполне достоверным, что в этот их рай шли те, которые повесились. И поэтому были многие, которые из-за небольшой печали, тяжести или болезни повесились, чтобы избавиться от них и идти блаженствовать в свой рай, где, говорили они, выходила их принимать (а Ilevag) богиня виселицы, которую они называли Иш Таб (Ixtab). Они не помнили о воскресении тел и не могут объяснить, от кого они получили сведения об этом их рае и аде.

Н. Непомнящий

БЕЛЫЕ БОГИ ИНДЕЙЦЕВ

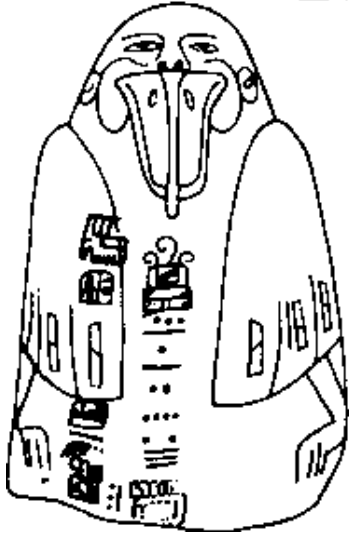

Прошедшая экспедиция [\[2\]](#)

Когда немецкий путешественник прошлого века Генрих Барт впервые обнаружил в Сахаре наскальные изображения влаголюбивых животных и рассказал об этом в Европе, его подняли на смех. После того как другой немецкий исследователь, Карл Маух, поделился с коллегами своими впечатлениями о гигантских сооружениях Зимбабве, его окружила стена холодного молчания и недоверия. Англичанина Перси Фосетта, путешествовавшего по Бразилии в начале нашего века, ждала та же неблагоприятная участь, если бы он не исчез навсегда в джунглях, оставив лишь книгу путевых заметок, которую назвали потом «Неоконченное путешествие».

Вот что сообщал в ней Фосетт: «На Кари живут белые индейцы, — сказал мне управляющий. — Мой брат однажды отправился на баркасе вверх по Тауману, и в самых верховьях реки ему сказали, что поблизости живут белые индейцы. Он не поверил и только посмеялся над людьми, которые это говорили, но все-таки отправился на лодке и нашел безошибочные следы их пребывания.

...Потом на него и его людей напали высокие, красивые, хорошо сложенные дикари, у них была чистая белая кожа, рыжие волосы и голубые глаза. Они сражались как дьяволы, и когда мой брат убил одного из них, остальные забрали тело и убежали».

Нефритовая статуэтка «птичьего человека», найденная в Сан-Андрес-Тустла

Перечитывая комментарии к дневникам, с горечью убеждаешься, насколько глубоко за последние десятилетия в сознание людей проникло недоверие к свидетельствам очевидцев, в частности путешественников.

Впрочем, это можно понять — слишком много за это время родилось подделок и мистификаций, дискредитировавших истинное положение того или иного вопроса. Фосетту не верят. Вернее, верят, но очень немногие. Может быть, это объясняется таинственностью и кажущейся нереальностью событий, описываемых в книге?.. «Здесь я снова услышал рассказы о белых индейцах. Я знал человека, который встретил такого индейца, — сказал мне британский консул. — Эти индейцы совсем дикие, и считается, что они выходят только по ночам. Поэтому их зовут «летучими мышами». «Где они живут?» — спросил я. «Где-то в районе потерянных золотых приисков, не то к северу, не то к северо-западу от реки Диамантину. Точное местонахождение их никому не известно. Мату-Гроссу — очень плохо исследованная страна, в гористые районы на севере еще никто не проникал... Возможно, лет через сто летающие машины смогут это сделать, кто знает?»

Летающие машины смогли сделать это через три десятка лет. В 1930 году американский летчик Джимми Энджел, пролетая над районами Гран Сабана, обнаружил огромные неизвестные провалы в земле и гигантский водопад. И это в век, когда, как считается, все уголки Земли уже открыты и исследованы...

Успех конкистадоров

...Все началось с Колумба. «Мои посыльные сообщают, — писал он 6 ноября 1492 года, — что после долгого марша нашли деревню на 1000 жителей. Местные встретили их с почестями, поселили в самых красивых домах, позаботились об их оружии, целовали им руки и ноги, пытаясь дать им понять любым способом, что они (испанцы. — Я. Я.) — белые люди, пришедшие от бога. Около 50 жителей попросили моих посыльных взять их с собой на небеса к звездным богам». Это первое упоминание о почитании белых богов у индейцев Америки. «Они (испанцы. — Я. Я.) могли делать все что угодно, и никто им не препятствовал; они резали нефрит, плавляли золото, и за всем этим стоял Кецалькоатль...» — писал вслед за Колумбом один испанский хронист.

Бесчисленные легенды индейцев обеих Америк повествуют о том, что некогда на берегах их страны высадились белые бородатые люди. Они принесли индейцам основы знаний, законы, всю цивилизацию. Они прибыли на больших странных судах с лебедиными крыльями и светящимся корпусом. Подойдя к берегу, корабли высадили людей — голубоглазых и светловолосых — в одеяниях из грубого черного материала, в коротких перчатках. На лбу у них были украшения в форме змеи. Эта легенда почти без изменений дошла до наших дней. Ацтеки и тольтеки Мексики называли белого бога Кецалькоатль, инки — Кон-Тики Виракоча, для чибча он был Бочика, а для майя — Кукулькан...

Много лет занимаются этой проблемой ученые. Собраны обширные данные устных традиций индейских племен Центральной и Южной Америки, археологические свидетельства и материалы средневековых испанских хроник. Рождаются и гибнут гипотезы...

В письме Колумба ясно видно то благоволение и почтение, которое было оказано первым испанцам на американской земле. Мощная цивилизация ацтеков с прекрасной военной организацией и многомиллионным населением уступила немногочисленным испанцам. В 1519 году отряд Кортеса свободно шел через джунгли, поднимаясь к столице ацтеков. Ему почти не препятствовали...

Войска Писарро также использовали, как могли, заблуждение инков. Испанцы ворвались в храм в Куско, где стояли золотые и мраморные статуи белых богов, разбили и потоптали украшения, поражаясь странному поведению инков. Им, испанцам, не оказывали сопротивления. Жители Перу опомнились слишком поздно...

Детали конкисты хорошо описаны во многих книгах, и останавливаться на них нет смысла. Но далеко не везде содержатся попытки как-то объяснить непонятное поведение индейцев.

Испанцы и тласкаланцы сражаются с ацтеками. Рисунок из древнемексиканской рукописи

Ацтекские жрецы высчитали, что белый бог, покинувший их в год Ке-Акатль, вернется в этот же «особый» год, повторявшийся каждые 52 года. По странному стечению обстоятельств Кортес высадился на американском берегу как раз при смене определенных жрецами циклов. По одежде он тоже почти полностью «совпадал» с легендарным богом. И понятно, что индейцы нисколько не сомневались в божественной принадлежности конкистадоров. А когда засомневались, было уже поздно.

Еще один интересный факт. Правитель ацтеков Монтесума послал одного из своих сановников (история сохранила его имя — Тендиле или Теутлите) к Кортесу с подарком — головным убором, наполненным золотом. Когда посланник высыпал украшения перед испанцами и все сгрудились посмотреть, Тендиле заметил среди конкистадоров человека в шлеме, отделанном тончайшими золотыми пластинами. Шлем поразил Тендиле. Когда Кортес предложил ему отнести ответный дар Монтесуме, Тендиле умолил его дать только одну вещь — шлем того воина: «Я должен показать его правителю, ибо эта каска выглядит точно так же, как та, что однажды надел белый бог». Кортес отдал ему шлем с пожеланием, чтобы его вернули наполненным золотом...

Чтобы понять индейцев, нам нужно перенестись во времени и пространстве — в Полинезию первых веков нашей эры.

Шествие бородатых богов

Современные ученые сходятся во мнении, что расовая принадлежность полинезийцев до сих пор неясна. Несмотря на то что они обязаны своим происхождением двум, а может быть, и нескольким расам, смешавшимся между собой, среди них и поныне часто встречаются люди с ярко выраженной доликоцефалией (длинноголовые) и светлой, как у южных европейцев, пигментацией. Сейчас уже по всей Полинезии обнаружен так называемый арабско-семитский тип (термин Т. Хейердала): с прямым носом, тонкими губами и прямыми рыжими волосами. Эти черты отмечали еще первые европейские путешественники на всем протяжении от острова Пасхи до Новой Зеландии, так что говорить о каких-либо поздних смешениях с европейцами в данном случае нельзя. Люди этого странного типа, называемые полинезийцами «уру-кеу», произошли, по их мнению, от древней светлокожей и беловолосой «расы богов», первоначально населявших острова.

На острове Пасхи, наиболее удаленном от Полинезии и приближенном к Америке клочке суши, сохранились предания о том, что предки островитян пришли из пустынной страны на востоке и достигли острова, проплыв 60 дней в сторону заходящего солнца. Сегодняшние островитяне — смешанные в расовом отношении — утверждают, что часть их предков имела белую кожу и рыжие волосы, в то время как остальные были темнокожими и черноволосыми. Это засвидетельствовали первые европейцы, побывавшие на острове. Когда в 1722 году остров Пасхи впервые посетил голландский корабль, то на борт в числе прочих жителей поднялся белый человек, а об остальных островитянах голландцы записали следующее: «Среди них есть и темно-коричневые, как испанцы, и совсем белые люди, а у некоторых кожа вообще красная, как будто ее жгло солнце...»

Из ранних сообщений, собранных в 1880 году Томпсоном, стало известно, что страна, находящаяся, по легенде, в 60 днях пути на восток, называлась также «место захоронений». Климат там был так жарок, что люди умирали и растения сохли. К западу от острова Пасхи на всем огромном протяжении до Юго-Восточной Азии нет ничего, что могло бы соответствовать этому описанию: берега всех островов закрыты стеной тропического леса. Зато на востоке, там, где и указывали жители, лежат прибрежные пустыни Перу, и нигде больше в районе Тихого океана нет местности, которая лучше бы соответствовала бы описаниям легенды, чем перуанское побережье, и по климату, и по названию. Вдоль пустынного берега Тихого океана расположились многочисленные захоронения. Сухой климат позволил сегодняшним ученым детально изучить погребенные там тела. По первоначальным предположениям находящиеся там мумии должны

были дать исследователям исчерпывающий ответ на вопрос: каков был тип древнего доинкского населения Перу? Однако мумии сделали все наоборот — они только задали загадки. Вскрыв захоронения, антропологи обнаружили там типы людей, доселе не встречавшихся в древней Америке. В 1925 году археологи открыли два больших некрополя на полуострове Паракас в южной части центрального перуанского побережья. В захоронении лежали сотни мумий древних сановников. Радиоуглеродный анализ определил их возраст — 2200 лет. Рядом с могилами исследователи нашли в больших количествах обломки твердых пород деревьев, которые обычно использовались для постройки плотов. Когда мумии вскрыли, то обнаружилось разительное отличие их от основного физического типа древнеперуанского населения.

Вот что писал тогда американский антрополог Стюарт: «Это была оторванная группа крупных людей, абсолютно не типичных для населения Перу». Пока Стюарт изучал их кости, М. Троттер делала анализ волос девяти мумий. По ее данным, цвет их в целом красно-коричневый, но в отдельных случаях пробы дали очень светлый, почти золотой цвет волос. Волосы двух мумий вообще отличались от остальных — они вились. Далее Троттер установила, что форма среза волоса у различных мумий разная, и в захоронении встречаются практически все формы... Еще один показатель — толщина волос. «Она здесь меньше, чем у остальных индейских, но и не такая маленькая, как у средней европейской популяции (например, голландцев)». Сама Троттер, сторонница «однородного» населения Америки, попыталась оправдать столь неожиданное для самой себя наблюдение тем, что смерть-де меняет форму волос. Но ей возразил другой авторитет в этой области, англичанин Доусон: «Я считаю, что после смерти с волосами не происходит сколько-нибудь значительных изменений. Вьющиеся остаются вьющимися, гладкие — теми же гладкими. После смерти они становятся ломкими, но цветовых изменений не происходит».

Франсиско Писарро писал об инках: «Правящий класс в перуанском королевстве был светлокожим, с кожей цвета спелой пшеницы. Большинство вельмож удивительно походили на испанцев. В этой стране я встретил индейскую женщину такую светлокожую, что поразился. Соседи зовут этих людей «детьми богов...»

Можно предположить, что эти слои придерживались строгой эндогамии и говорили на особом языке. Таких членов королевских семей было к приходу испанцев 500. Хронисты сообщают, что восемь правителей инкской династии были белыми и бородатыми, а их жены — «белыми, как яйцо». Один из летописцев, Гарсильясо де ла Вега, сын инкской царицы, оставил впечатляющее описание, как однажды, когда он еще был ребенком,

другой сановник повел его в царскую усыпальницу. Ондегардо (так его звали) показал мальчику одну из комнат дворца в Куско, где вдоль стены лежало несколько мумий. Ондегардо сказал, что это бывшие инкские императоры и он спас их тела от разложения. Случайно мальчик остановился перед одной из мумий. Волосы ее были белы как снег. Ондегардо сказал, что это мумия Белого инки, восьмого правителя Солнца. Так как известно, что умер он в юном возрасте, то белизна его волос никак не может быть объяснена сединой...

Кодка

Сопоставив данные о светлопигментированном элементе в Америке и Полинезии с легендами острова Пасхи о родине на востоке, можно предположить, что белокожие люди шли из Америки в Полинезию (а не наоборот, как считают некоторые исследователи). Одно из доказательств тому — сходный обычай мумификации тел умерших в Полинезии и Южной Америке и полное отсутствие его в Индонезии. Распространившись на берегах Перу, способ мумификации знати был перенесен мигрантами (белыми?) на разрозненные и не приспособленные для этого островки Полинезии. Две мумии, найденные недавно в пещере на Гавайских островах, «продемонстрировали» в мелочах все детали этого обычая в древнем Перу...

Значит, белые божества индейцев жили в Перу?

Достаточно поверхностного знакомства с огромной и разножанровой литературой по истории Перу, чтобы обнаружить там множество

упоминаний о бородатых и белокожих индейских богах...

Уже упоминаемый нами Писарро и его люди, грабя и ломая инкские храмы, оставляли подробные описания своих действий. В храме Куско, стертом с лица земли, стояла огромная статуя, изображавшая человека в длинном одеянии и сандалиях, «точно такая же, что рисовали испанские художники у нас дома»...

В храме, построенном в честь Виракочи, тоже стоял великий бог Кон-Тики Виракоча — мужчина с длинной бородой и гордой осанкой, в длинном балахоне. Современник событий писал, что когда испанцы увидели эту статую, то подумали, что святой Бартоломей дошел до Перу и индейцы создали монумент в память об этом событии. Конкистадоры были так поражены странной статуей, что не разрушили ее сразу, и храм на время миновала участь других подобных сооружений. Но скоро и его обломки растащили в разные стороны нищие крестьяне.

Обследуя территорию Перу, испанцы наткнулись и на огромные мегалитические сооружения доинкских времен, также лежавшие в развалинах. «Когда я спросил местных индейцев, кто построил эти древние памятники, — писал испанский хронист Сьеса де Леон в 1553 году, — они отвечали, что это сделал другой народ, бородатый и белокожий, как мы, испанцы. Эти люди прибыли задолго до инков и осели здесь». Насколько сильно и живуче это предание, подтверждает свидетельство перуанского археолога Валькарсея, который через 400 лет после де Леопа слышал от индейцев, живших близ руин, что «эти сооружения были созданы народом-чужестранцем, белым, как европейцы». Озеро Титикака оказалось в самом центре «деятельности» белого бога Виракочи, ибо все свидетельства сходятся в одном — там, на озере, и в соседнем городе Тиауанако была резиденция бога. «Они рассказали также, — продолжает де Леон, — что на озере, на острове Титикака в прошлые века жил народ, белый, как мы, и один местный вождь по имени Кари со своими людьми пришел на этот остров и вел войну против этого народа и многих убил...» В особой главе своей хроники, посвященной древним сооружениям Тиауанако, де Леон говорит следующее: «Я спросил местных жителей, были ли эти строения созданы во времена инков. Они посмеялись над моим вопросом и заявили, что им доподлинно известно, что все это сделано задолго до власти инков. Они видели на острове Титикака бородатых мужчин. Это были люди тонкого ума, пришедшие из неведомой страны, и было их мало, и убито их много в войнах...»

Когда француз Банделье 350 лет спустя принялся за раскопки в этих местах, легенды были еще живы. Ему рассказывали, что остров в древние времена населяли похожие на европейцев люди, они женились на местных

женщинах, и дети их стали инками... Информация, собранная в различных районах Перу, расходится лишь в деталях... Инка Гарсильясо расспрашивал своего царственного дядю о ранней истории Перу. Тот отвечал: «Племянник, с удовольствием отвечу на твой вопрос, и то, что я скажу, ты навеки сохрани в своем сердце. Знай же, что в древние времена весь этот район, тебе известный, был покрыт лесом и зарослями, и люди жили, как дикие звери — без религии и власти, без городов и домов, без обработки земли и без одежды, ибо не умели они выделывать ткани, чтобы сшить платье. Они жили по двое или по трое в пещерах или расселинах скал, в горах под землей. Они ели черепах и коренья, фрукты и человеческое мясо. Тело свое они прикрывали листьями и шкурами животных. Они жили как звери и с женщинами обращались тоже как животные, ибо не умели жить каждый с одной женщиной...» Де Леон дополняет Гарсильясо: «Непосредственно после этого появился белый человек высокого роста, и обладал он большим авторитетом. Говорят, он во многих поселках научил людей нормально жить. Везде они называли его одинаково — Тикки Виракоча. И в честь него создали они храмы и воздвигли в них статуи...»

Когда хронист Бетансос, принимавший участие в первых перуанских походах испанцев, спросил у индейцев, как выглядел Виракоча, они ответили, что он был высокого роста, в белом одеянии до пят, волосы закреплялись на голове тонзурой, ходил он важно и в руках держал что-то, похожее на молитвенник. Откуда же пришел Виракоча? На этот вопрос единого ответа нет. «Многие считают, что его имя — Инга Виракоча, и означает это «морская пена», — замечает хронист Сарате. Гомара же утверждает, что, по рассказам старых индейцев, он перевел своих людей через море.

Легенды индейцев чиму повествуют о том, что белое божество пришло с севера, со стороны моря, а затем поднялось к озеру Титикака. «Очеловечивание» Виракочи наиболее четко проявляется в тех легендах, где ему приписывают различные, часто земные качества — называют его умным, хитрым, добрым, однако при этом величают Сыном Солнца...

Многие легенды сходятся на том, что он приплыл на камышовых лодках к берегам озера Титикака и создал мегалитический город Тианауанако. Отсюда он посылал бородатых послов во все концы Перу, чтобы те учили людей и говорили, что он — их творец. Но в конце концов, недовольный поведением жителей, он решил покинуть их земли. Во всей огромной инкской империи вплоть до прихода испанцев индейцы единодушно называли путь, по которому уходили Виракоча и его сподвижники. Они спустились к тихоокеанскому побережью и ушли по морю на запад вместе с

солнцем. Как мы видим, они ушли в сторону Полинезии, а пришли с севера...

На севере инкского государства, в городах Колумбии, жили чибча, еще один загадочный народ, достигший к приходу испанцев высокого уровня в культуре. Его легенды также содержат сведения о белом учителе Бочика. Описание его то же, что и у инков. Он правил ими много лет, и его называли также Суа, то есть «солнце» на местных диалектах. К ним он пришел с востока...

К востоку от области чибча, в Венесуэле и соседних областях, мы снова наталкиваемся на свидетельства пребывания таинственного странника. Его называли Тсума (или Суме) и сообщали, что он обучил их земледелию. По одной из легенд, он велел всем людям собраться вокруг высокой скалы, встал на нее и поведал им законы и наставления. Пожив с людьми, он покинул их.

Непосредственно к северу от Колумбии и Венесуэлы в районе сегодняшнего Панамского канала живут индейцы куна. Они сохранили сообщения о том, что после сильного наводнения пришел некто и обучил людей ремеслам. С ним было несколько молодых сподвижников, распространявших его учение.

Еще дальше на севере, в Мексике, к моменту испанского вторжения цвела высокая цивилизация ацтеков. От Анауака (современный Техас) до Юкатана ацтеки говорили о белом боге Кецалькоатле. По преданиям, он был пятым правителем тольтеков, прибыл из Страны восходящего солнца (конечно, ацтеки имели в виду не ту страну, которую подразумеваем под этим названием мы) и носил длинную накидку. Он долго правил в Толлане, запретив человеческие жертвоприношения и проповедуя мир. Люди больше не убивали животных и питались растительной пищей. Но это длилось недолго. Дьявол заставил Кецалькоатля предаться тщеславию и погрязнуть в грехах. Однако скоро ему стало стыдно за свои слабости, и он решил покинуть страну. Перед уходом бог заставил улететь всех тропических птиц и превратил деревья в колючие кустарники. Он исчез в южном направлении...

«Карта сегунда» Кортеса содержит отрывок речи Монтесумы: «Мы знаем из писем, доставшихся нам от предков, что ни я, ни кто-либо другой, населяющий эту страну, не являются ее коренными жителями. Мы пришли из других земель. Мы знаем также, что ведем свой род от правителя, подчиненными которого мы являлись; он пришел в эту страну, он снова захотел уйти и забрать с собой своих людей. Но они уже женились на местных женщинах, построили дома и не захотели идти с ним. И он ушел. С тех пор мы ждем, что он когда-нибудь вернется. Вернется как раз с той

стороны, откуда пришел ты, Кортес...» Какой ценой расплатились ацтеки за свою «сбывшуюся» мечту, нам уже известно...

Как доказали ученые, соседи ацтеков — майя также не всегда жили в сегодняшних местах, а мигрировали из других районов. Сами майя рассказывают, что их предки приходили дважды. Первый раз — это была наиболее крупная миграция — из-за океана, с востока, откуда были проложены 12 нитей-путей, и вел их Ицамна. Другая группа, меньшая, пришла с запада, и среди них был Кукулькан. У всех них были ниспадающие одежды, сандалии, длинные бороды и непокрытые головы. О Кукулькане вспоминают как о строителе пирамид и основателе города Майяпака и Чичен-Ицы. Он же научил майя пользоваться оружием... И снова, как и в Перу, он покидает страну и уходит в сторону заходящего солнца...

Путешественник, едущий из Юкатана на запад, непременно должен проехать через область Цельталь в джунглях Табаско. Легенды населения этих мест хранят сведения о Вотане. В далекие эпохи Вотан пришел с востока. Его послали боги, чтобы разделить землю, раздать ее человеческим расам и каждой дать свой язык. Страна, откуда он пришел, называлась Валум Вотана. Когда посольство Вотана прибыло в Цельталь, люди находились «в плачевном состоянии». Он распределил их по деревням, обучил выведению культурных растений и изобрел иероглифическое письмо, образцы которого остались на стенах их храмов. Говорят также, что он написал там свою историю. Миф кончается очень странно: «Когда наконец подошло время печального ухода, он не ушел через долину смерти, как все смертные, а прошел сквозь пещеру в подземный мир».

Но в действительности таинственный Вотан ушел не под землю, а на плоскогорье Соке и получил там имя Кондой. Соке, о мифологии которых почти ничего не известно, были соседями жителей Цельталя. По их легенде, пришел отец бог и научил их жить. Они тоже не верили в его смерть, а считали, что он в легком золотом одеянии удалился в пещеру и, заделав отверстие, ушел к другим народам...

К югу от майя Соке жили киче Гватемалы, по культуре близкие к майя. Из их священной книги «Пополь-Вух» мы узнаем, что их народ также был знаком со странником, проходившим через земли. Киче называли его Гутумац.

Таким образом, белый бородатый бог прошел от берегов Юкатана через всю Центральную и Южную Америку до перуанского побережья и уплыл в сторону Полинезии. Это засвидетельствовали легенды индейцев и хроники ранних испанских наблюдателей. А остались ли какие-нибудь археологические свидетельства на этот счет? Или, может быть, белокожие и

бородатые пришельцы были лишь призраком, продуктом воспаленного ума индейцев?

Средневековые испанцы разрушили не все статуи. Кое-что жителям удалось спрятать. Когда в 1932 году археолог Беннет делал раскопки в Тиауанако, то наткнулся на красную каменную статуэтку, изображавшую бога Кон-Тики Виракоча в длинном одеянии, с бородой. Его балахон был украшен рогатыми змеями и двумя пумами — символами высшего божества в Мексике и Перу. Беннет указывал, что эта статуэтка была идентична найденной на берегу озера Титикака — на полуострове, ближе расположенном к острову того же названия. Другие подобные изваяния находили вокруг озера. На перуанском побережье Виракочу увековечили в керамике и рисунках — камня для статуэток там не было. Авторы этих рисунков — ранние чиму и мочика. Подобные вещи встречаются в Эквадоре, Колумбии, Гватемале, Мексике, Сальвадоре. (Заметим, что бородатые изображения отмечал еще А. Гумбольдт, разглядывая рисунки древних манускриптов, хранившихся в Имперской библиотеке Вены в 1810 году.) До нас дошли и цветные фрагменты фресок храмов Чичен-Ицы, повествующие о морской битве черных и белых людей. Эти рисунки не разгаданы до сих пор...

Белые бородатые божества индейцев... Кецалькоатль, Кукулькан, Гугумац, Бочика, Суа... Что же говорят обо всем этом ученые?

Несомненно, широкий круг источников указывает на распространение в Новом Свете светлопигментированного населения. Но когда это было? Откуда оно произошло? Как могло это кавказоидное (по определению Хейердала) меньшинство сохранить свой расовый тип в течение длительной миграции от Мексики до Перу и Полинезии, проходя через районы, населенные многочисленными индейскими племенами? На последний вопрос можно ответить простым упоминанием европейских цыган — ситуация была приблизительно такая же. Строгое соблюдение эндогамии — брака внутри этнических групп — способствовало сохранению антропологического типа. «Говорят, что солнце женилось на своей сестре и велело делать то же самое своим детям», — гласит индейская легенда, записанная в 1609 году...

«Никаких белых индейцев, о которых пишет Фосетт в своей книге, в Америке нет»... Видимо, все-таки есть. В 1926 году американский этнограф Гаррис изучал индейцев Сан-Бласса и писал, что волосы у них цвета льна и соломы и комплекция белого человека. Совсем недавно французский исследователь Омэ описал встречу с индейским племенем вайка, волосы у которых были каштанового цвета. «Так называемая «белая раса», — писал он, — имеет даже при поверхностном обследовании массу представителей

среди амазонских индейцев». Американская сельва обладает способностью изоляции не меньшей, чем остров, причем изоляции многовековой...

Мы подняли лишь несколько свидетельств испанских хронистов, только часть легенд американских индейцев и малую толику археологических и антропологических свидетельств — надводную часть айсберга... Кем были эти белые бородатые боги? Что не инопланетяне — это точно. Их происхождение явно земное. Древние творцы мегалитических сооружений Старого и Нового Света? Народы моря? Критяне? Финикийцы? А может быть, и те и другие? На этот счет существует много интересных точек зрения. Но это уже тема отдельного большого разговора...

С. Созина

ДОЛИНА ЗАМКОВ

История «Долины замков», которую правдиво и без утайки рассказал достославный дон Хуан де Гуатавита ^[3]

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ,

повествующий о начале распри между великим сипой и великим саке и о том, как приход суачиас положил конец их лютной вражде

Люди, называющие себя христианами, часто говорили мне, что у нас, муисков, нет в прошлом ничего достойного упоминания, что наше прошлое полно несуразниц и нелепиц. Я, чистокровный индеец Гуаска Паусо, перворожденный из рода Орла, хочу поведать о том, что хранили в памяти наши предки и мудрые жрецы. Мы не умели записывать слова, как это принято было у европейцев, поэтому древние предания обо всем, что давным-давно совершилось на земле муисков, и есть наша история.

Никто из наших отцов — блюстителей старины — не помнит, когда муиски заселили эти благодатные долины и горы. О тех далеких временах ходила среди нас удивительная молва. Вот как, по рассказам, сотворился мир.

Вначале была ночь, и только ночь. Но однажды родился свет, и им овладел Чиминигагуа — существо все могущее и великое. Чиминигагуа сперва обучал свет служить ему, а потом создал больших птиц. И разнесли они в своих клювах клочки света во все концы вселенной и озарили самые дальние ее уголки. Владыка всего сущего, Чиминигагуа, сотворил также Солнце, Луну и все прекрасное в этом мире. А чтобы земля не пустовала, он

населил ее людьми. Мужчин он сделал из желтой глины, а женщин — из побегов одной высокой травы.

Недалеко от Тунхи поднимаются скалистые горы, почти всегда скрыты они в тумане. В горах этих есть ложбина, а в ложбине маленькое озеро. Из него, говорят, после того как появился свет и было создано все сущее, вышла одна женщина. Звали ее Бачуе, что значит «выступающие груди». Бачуе велела людям поклоняться Солнцу и Луне и научила их жить по закону. Но еще долго люди жили в невежестве. И вот однажды в селение близ Боготы пришел старец с бородой и длинными волосами до плеч. И пришел он с востока, из мест, где зарождается Солнце. Одни звали его Бочика, другие — Уе или Немтерекетеба. Этот Бочика научил муисков многим полезным делам — ткать красивые вещи и прикрывать ими наготу, возделывать йомги и абу — так муиски называют картофель и маис, — делать разноцветные горшки, ковать украшения из золота.

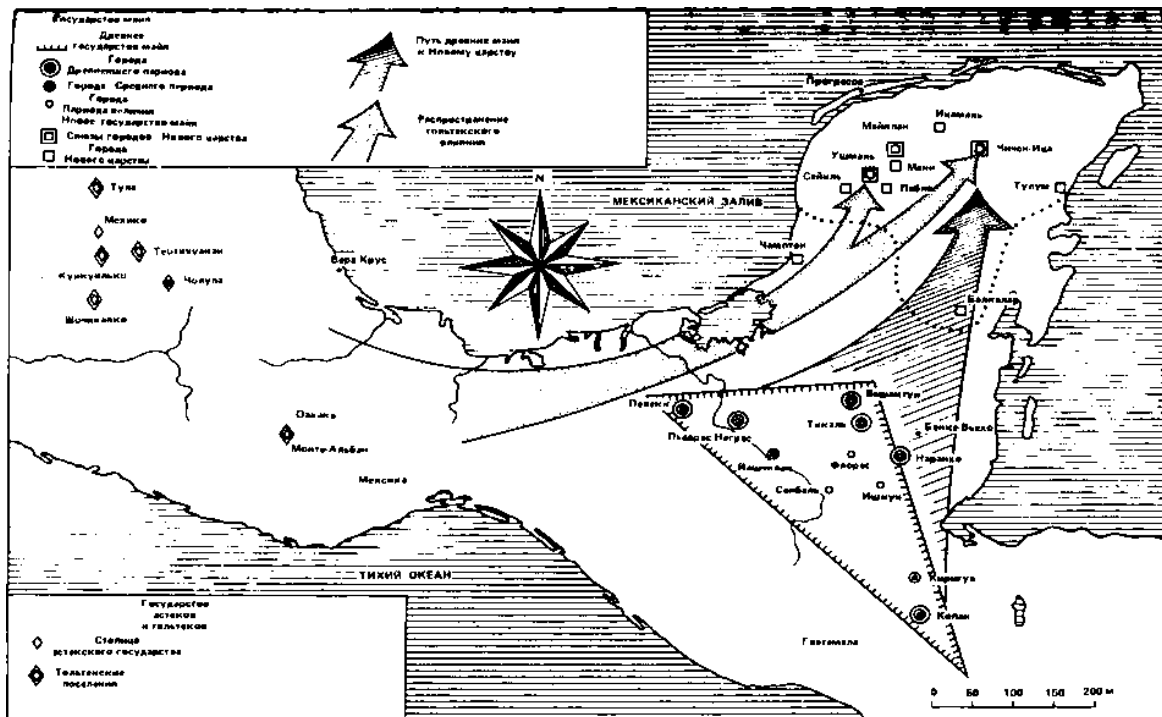
Так прожил он много лет и, повелев муискам хранить верность его заветам, умер во владениях касика Согамосо. С тех пор правители Согамосо считают себя потомками Бочки и унаследовали от него волшебный дар: могут они насыпать и дождь и град, засуху, подвластны им солнце, луна и звезды.

Толкуют, будто со дня смерти Бочки до прихода испанцев в нашу землю минуло ни много ни мало, а двадцать раз по 60 лет. Но этот срок так велик, что я сомневаюсь, мог ли кто-либо его высчитать.

Однако миром и благоденствием недолго наслаждался наш народ. Вскоре появилась прекрасная женщина — Уитака. Она совратила муисков, научила их пить да плясать, и вскоре забыли они заветы мудрого Бочки.

Тогда возмущенный Чибчачум, бог — покровитель муисков, решил наказать легковерных людей. Он запрудил реки Сопо и Фунсу и затопил долину, в которой лежало селение Богота. А Уитаку превратил в сову и дозволил ей появляться на глаза людей только в полу-ночную пору. Всем жителям пришлось уйти в горы, и там стали люди умирать от голода. И взмолились они тогда к Бочике. И явился он в образе человека, попирающего радугу, и бросил свой золотой посох на берег реки Фунсы. Разверзлись скалы, и ушли прочь лишние воды. А там, где упал посох, родился могучий водопад Текендама. И ныне он краса и гордость наших мест.

Святые отцы — католики, насмехаясь над нами, говорили, что все эти сказания — пустые бредни. Но многим ли отличается от наших сказаний повесть о сотворении мира, записанная в священной книге христиан Библии? И разве не сказал христианский Бог Ною после потопа: «И положу радугу в тучах, и будет она знаком союза между Мною и землей»?

Когда на нашей земле появились чужеземцы из-за океана, они встретили здесь множество касиков, которым простой народ платил дань. И все эти касики служили и подчинялись двум разным владыкам, самым могущественным и великим. Один из них, сипа Тискесуса, правил землями южных муисков, и столица его называлась Богота. Другой — великий саке Кемуинчаточа — повелевал северными муисками и сидел в городе Тунхе.

Были и независимые касики, но их становилось все меньше, а поскольку сипа и саке все время враждовали, малым касикам приходилось туго. Волей-неволей примыкали они либо к сипе, либо к саке, и семена раздора прорастали повсюду, и не было мира на земле муисков. И борьба эта велась издавна и переходила по наследству от древних к их потомкам.

Однако так было не всегда. Старики говорили, что в давнюю пору не было ни сипы, ни саке. Тогда все племена жили привольно и каждое селение признавало лишь своего касика. Его любили, почитали и платили ему в знак признания легкую дань.

В те времена не было властителя более могущественного, чем наш далекий предок касик Гуатавиты. И признавали его муиски вождем не потому, что он угнетал их свободу. Они чтили касика Гуатавиты как правителя древнего и знатного рода. К тому же в его владениях лежало озеро Гуатавита, а место это издревле почитали священным все муиски.

О той незапамятной старине в народе ходило много удивительных сказаний. Особенно много слышался я о самых первых саке, творивших будто бы дивные чудеса. Вот одно лишь сказание из множества о великом саке Гаранчаче. Говорят, что некогда жили люди вокруг Тунхи и не было над ними никакого властителя. И были они очень набожны и, дабы не прогневить Солнце, каждое утро посылали на священный холм самых красивых невинных девушек, и светило радовалось их красоте. И вот одна из этих девушек родила «чуекиту» — большой красивый изумруд. Счастливая мать приложила его к груди, и через несколько дней стал он младенцем. Нарекли его Гаранчачей и воспитали в доме касика как сына Солнца. А когда минуло ему 24 года, стал он править в Тунхе и подчинил себе многие племена. И стал он, этот Гаранчача, большим тираном и не разрешал говорить с ним иначе, как прильнув грудью к земле. Строго карал он даже за самые легкие проступки, обременял подданных чрезмерными податями, а тех, кто не платил, вешал или сажал на кол.

Гаранчача воздвиг своему отцу — великому Солнцу — огромный храм, где в положенные дни приносил обильные жертвы. Дорогу к храму его слуги устилали тонкими раскрашенными плащами. Процессия двигалась так медленно, что три дня шла к святилищу, другие три дня Гаранчача в одиночестве молился там и три дня уходило на обратный путь.

И, рассказывают, так он почитал богов, что десять раз за ночь ходил в священную долину Ирака на реке Согамосо молиться в храмах и святилищах. За это рвение Солнце дало ему и его наследникам дар превращать людей в змей, ящериц, гусениц. И жил он будто бы 250 лет.

Поистине древний и знатный род царствовал в Тунхе. Настало время, и прославленные владыки возжелали покорить соседние племена. Первую кровь пролил саке Мичуа. И здесь от сказок и преданий я перехожу к событиям, которые хорошо помнили все.

Итак, саке Мичуа первый решил силой оружия покорить соседей. Он рубил головы касикам и капитанам, защитникам древних вольностей, а их подданных увечил, отрезая им носы, уши, руки и ноги; совершал он и иные жестокости. Все признали его верховным господином и покорились ему. Но очень скоро у саке появился соперник. Поднял голову Сагуанмачика — «Разъяренная пума». Он начал править в 1470 году, за 67 лет до появления на нашей земле европейцев. От предков достались ему сильное войско и тучные, благодатные поля вокруг Боготы. Сагуанмачика возвысился еще больше и захотел отложиться от правителя Гуатавиты, которому платил дань. Скоро представился и случай. Подданные Гуатавиты индейцы Сутагао и Паска, жившие на юге страны, восстали против своего господина. Собрав 30 тысяч воинов, Гуатавита послал Сагуанмачику против непокорных

индейцев. Сипа разбил врагов и с богатыми трофеями вернулся домой. На победном пиру Сагуанмачика, похваляясь своей удачью воинской, говорил, что ему, а не трусливому Гуатавите пристало быть повелителем всех окрестных племен. Узнал об этой дерзости Гуатавита и призвал к ответу неверного вассала. Но тот не явился. Тогда Гуатавита осадил Боготу. Поход этот удачи ему не принес. Гуатавитяне были разбиты, отступили, воины же сипы проникли в их владения.

Пришлось Гуатавите обратиться за помощью к своему союзнику, грозному саке Мичуа. И вот саке Мичуа отправил послов к Сагуанмачике со строгим наказом явиться к нему и объяснить, как тот посмел вторгнуться на земли своего повелителя Гуатавиты. Но непочтительный сипа дурно обошелся с посланцами саке Мичуа и отказался явиться к нему. Этим нанес он владыке владык тяжкое оскорбление.

Издавна у нас существовал обычай избирать среди мудрых и многоопытных старцев самых искусных, чтобы могли они достойно справляться с обязанностями «кеме» — так называли мы послов. И были это лучшие знатные люди, приближенные к правителю, члены его семьи и дома.

Перед началом войны было принято обмениваться посольствами. Кеме по очереди излагали требования и претензии враждующих сторон, объявляли войну и просили о перемирии. Соперники с почетом встречали послов противной стороны, воздавали им почести и одаривали их подарками. Сагуанмачика изгнал послов Мичуа и нарушил тем самым древний обычай. Решив наказать выскочку, Мичуа с войском в 40 тысяч человек двинулся против недруга. Но воины, которые охраняли границы владений сипы, не дали пройти войску саке, и тот, убоявшись врага, уклонился от боя.

Более шестнадцати лет длилась передышка. За это время Сагуанмачика не единожды подвергался нападению свирепых панче и подвластных племен, которые никак не хотели смириться с тяжелым рабством.

Все эти годы Сагуанмачика готовился к решительной схватке с воинами Мичуа. Около 1490 года близ селения Чоконты, а оно лежит на самой границе владений сипы и саке, произошла долгожданная встреча грозных соперников. На высоких холмах лицом к лицу сошлись два войска — 50 тысяч воинов сипы и 60 тысяч воинов саке. Однако битва длилась недолго. Ярость бойцов была так велика, что оба правителя были убиты в первые же минуты боя. А после смерти вождей сражение прекращалось — таков был стародавний обычай. Все жители от мала до велика облачились в знак траура во все черное. Великие жрецы совершили торжественное погребение погибших владык.

Место убитого сипы занял его племянник Немекене, что значит «Кость пумы». За время своего правления он прославился среди муисков как смелый воин и как мудрый муж. Его соперником был восемнадцатилетний Кемуинчаточа, который правил северными муисками долгих 40 лет, до появления христиан. Прежде всего Немекене укрепил границы своих владений. Своему наследнику племяннику Тискесусе он поручил привести к покорности восставших индейцев Фусагасуги, которые отказались выплачивать дань. Виновников смуты принесли в жертву, многим воинам в назидание отрубили руки.

Сам Немекене, возглавив другую часть войска, отправился на запад против грозных панче и прогнал их прочь. А на севере между тем появились новые враги. Индейцы Сипакиры и Немокона, владельцы соляных копей, решили, что самое время напасть на сипу. Но его воины были наготове. Они рассеяли противников и преследовали их до самой ограды касика. И стал с тех пор Немекене хозяином этих обильных земель.

Гуатавита воспользовался тем, что великий сипа сражался с врагами на севере, юге и западе, и, желая вернуть былую свободу, перестал платить ему дань. Таким образом, Немекене вынужден был вновь пойти войной на Гуатавиту и союзных с ним вождей. Это были опасные враги, потому что они всегда могли ударить ему в спину. Тогда сипа задумал покорить Гуатавиту не силой, а хитростью. Подданные Гуатавиты повсеместно славились как искусные ювелиры. И тот охотно отпускал своих мастеров для работы в чужих владениях, но требовал, чтобы в обмен за одного мастера ему присылали двух слуг. И вот Немекене вызвал к себе около тысячи ювелиров-гуатавитян. А к Гуатавите явились две тысячи отборных воинов сипы и до поры до времени служили ему так, как если бы он был их владыкой. Но они только ждали сигнала о нападении. Не желая проливать лишнюю кровь, сипа решил подкупить вассала Гуатавиты касика Уэски, который охранял дорогу к селению Гуатавиты. Частыми подарками и лестью Немекене склонил его к измене, и тот пропустил ночью воинов сипы и сам присоединился к нападающим. Спящего Гуатавиту захватили врасплох вместе с его многочисленной семьей. Он и вся его родня — жены, братья, племянники и сыновья были убиты. Так легко досталась Немекене победа над богатой и многонаселенной провинцией.

Оставив в ней гарнизон из опытных воинов, Немекене решил одним ударом покончить с соседом и союзником Гуатавиты касиком Убаке. Шесть или семь лун (месяцев) защищался Убаке, но скоро понял, что не одолеть ему Немекене, и стал он просить мира. Убаке признал власть сипы не только над собой, но и над всеми своими вассалами. Он согласился и на то, чтобы сипа оставил воинские гарнизоны везде, где пожелает, но с условием, чтобы

Немекене взял себе в жены двух его дочерей. Этим побежденный касик рассчитывал смягчить бремя рабства. Великий сипа милостиво оставил себе старшую дочь Убаке, которая стала его наложницей, а младшую отдал брату, назначив его править покоренной провинцией Гуатавиты. Воины Убаке долгих 20 дней оплакивали свой разгром, убитых собратьев и тех, кого увели в рабство. С великой скорбью просили они у Солнца прощения за грехи, из-за которых впали к нему в немилость.

Теперь, решил Немекене, настало время померяться силами с великим саке Кемуинчаточей. Созвал он всех союзных и зависимых вождей и дал им 30 дней срока. И обратился он к ним с такими словами: «Тот касик, который в самый краткий срок соберет опытных и отважных воинов и лучше вооружит их, станет возлюбленным нашим братом и будет награжден знаками отличия. Тем самым смогу я на деле оценить, какие чувства вы питаете ко мне и сколь охотно мне служите».

И так велика была слава Немекене, что в указанное время в ограду его явилось великое множество касиков, каждый со своим отрядом. Лучшие, прославленные в боях воины отозвались на призыв своего повелителя. А вооружены они были тяжелыми боевыми палицами из пальмовой древесины, длинными пиками и копьями, на которые насажены острые наконечники из закаленного на огне черного дерева. У каждого через плечо переброшена длинная толстая веревка — ею надлежало вязать пленников. С поясов свешивались панцири броненосцев — в них лежали камни для пращей и маленькие стрелы для копьеметалок. Все запаслись деревянными щитами, которые были обтянуты шкурами ягуаров, оленей и пум. У многих были такие же шлемы. Самые знаменитые воины прикрыли грудь и спину простеганными накидками из хлопка. У каждого отряда были свои знамена и знаки различия, особые флажки на пиках и палатки для военачальников. В окружении главных вождей Немекене устроил генеральный смотр воинов, что собрались на равнине перед Боготой. И радость наполнила его сердце.

Затем, как требовал обычай, принесли пленников в жертву Солнцу и богам войны, чтобы успешен был военный поход. Жрец-прорицатель спросил великих богов и сказал, что удача ждет войско и что в поход надо выступать без малейшего промедления.

Огромное войско, за которым шли носильщики с провиантом и военным снаряжением, вторглось во владения могущественного вассала саке Турмеке. И хотя хозяин Тунхи был богаче сипы и у него было больше вассалов, но в одиночку и он не мог справиться с Немекене. Кемуинчаточа отправил к касикам Гамесы, Согамосо, Туитамы и Сачики посольства, призвав дать совместный отпор грозному врагу.

Армии встретились на равнине, разделенной небольшой речкой. Перед началом битвы соперники обменялись посольствами. Сипа велел передать такие слова: «О Тунха, мудрый повелитель, сдается мне, ты так уверен в своей силе, что тщишься соперничать со мной! Ты, о муж, дающий советы другим! К тебе обращаюсь я: не подвергай себя риску. Путями более благоразумными, чем война, ты добьешься господства над подвластными народами; не вовлекай же их в битвы, в которых я всегда побеждаю. Известно всем, что я владыка всех гор и долин. Не искушай же судьбу и признай мою власть, ибо знатен и славен мой род. Внемли моему гласу, и я прощу тебя, и тебе уготовано будет достойное место на всех торжествах. Пойдешь же супротив меня, не избежишь моего гнева! Еще есть время, подумай, прежде чем начнется сражение и не кинутся на тебя те разъяренные, которых я веду. Сожаление движет мною, ибо не хочу я смерти стольким славным воинам».

На следующий день Немекене получил ответ от саке Кемуинчаточи. Он гласил: «Великий Немекене! Странно мне, что такой владыка, как ты, предлагает покориться без боя... Ты говоришь, что я должен пасть к твоим ногам, ибо род твой знатен, но мой род еще древнее. Пусть битва решит исход нашего спора, пусть каждый на деле покажет свою мощь и докажет знатность крови и происхождения. А если тебе жаль губить воинов, поступи, как отважный муж. Выйдем бороться один на один, померяемся силами, и пусть тот, кто не возьмет верха, станет данником победителя и признает его своим владыкой». Уверенный в себе сипа принял вызов и вознамерился тотчас же сразиться с Немекене, но вожди отговорили его от столь неразумного поступка. Такой великий повелитель, как Богота, сказали они, не может снизойти до боя с касиком, судьба которого уже предрешена.

И битва началась. Ярость сражающихся была велика. Поле покрыли короны и щиты из золота, плюмажи из перьев вперемешку с трупами убитых. Крики нападающих и стоны раненых заглушали могучие звуки морских раковин, которыми музыканты подбадривали воинов. Сипа и саке находились в гуще боя, вдохновляя своих воинов. Телохранители и стражи защищали владык, которые восседали в отделанных золотом носилках. И вот неожиданно острая стрела вонзилась Немекене в грудь. Вытащив стрелу собственными руками, сипа понял, что рана его смертельна. Он собрал всех военачальников и повелел им отомстить за свою смерть и не прекращать битвы до победы, которая казалась ему совсем близкой. Однако весть о том, что сипа тяжело ранен, вызвала смятение в его войсках. Воины дрогнули, а затем пустились в бегство. Бойцы саке преследовали врагов по пятам вплоть до самой Чоконты.

Немекене вернулся в Боготу, и хотя жрецы и пытались его исцелить, но смерть пришла к нему на пятый день. Это произошло за 14 лет до появления испанцев, в 1522 году. Не удалось великому сипе стать единовластным хозяином «Долины замков».

Племянник и наследник убитого Тискесуса, хотя и не был так отважен и мудр, как Немекене, с первых же лет своего правления начал готовиться к войне с саке, ибо жаждал возмездия. Рассказывали мне, что Тискесуса (а означает это «Великий, носящий благородные украшения на лбу») как-то увидел знамение. В доме отдохновения близ селения Туны была у него купальня. И однажды ему привиделось, что вода, в которой он омывал свое тело, окрасилась в цвет крови.

Ужас объял Тискесусу. Но жрецы истолковали все это как благоприятное знамение. Они сказали: «О великий! Радуйся! Ты искупался в крови презренного Тунхи». Однако нашелся жрец из Убаке по имени Попон, который часто общался с демоном. Он предрек Тискесусе, что тот будет купаться не в чужой, а в собственной крови, ибо его убьют пришельцы из других земель. Впоследствии тот жрец упорно сопротивлялся крещению, и только перед самой смертью стал пономарем. Так мудрый прорицатель предрек Тискесусе гибель от рук христиан. Но тогда сипа ему не поверил.

Гигантские стены самой большой военной крепости инков Саксауман

Настал 1536 год. Собрав большое войско, Тискесуса решил наконец покончить с саке. Кемуинчаточа узнал об этом через своих соглядатаев, которые тайно шныряли в стане сипы и обо всем доносили своему великому повелителю.

Новый правитель Гуатавиты Гуаска Тикисоке тяжело переносил позорное иго рабства, столь недостойное славы его предков. В нем горела святая жажда мести за смерть своих близких, погубленных Немекене. Вот почему, как только стало известно о вызове, который бросил сипа его

старому союзнику и покровителю саке из Тунхи, Парящий орел поспешил ему на подмогу.

И вот снова над полями «Долины замков» заколыхались боевые стяги, разнеслись трубные звуки морских раковин, оповещая всех о великом сражении. Но нет, на этот раз не скрестились в крепком ударе боевые топоры и палицы. И не потому, что трусы завелись на той или другой стороне: на поле вышла процессия жрецов в черных и оранжевых одеяниях. Призвав к себе военачальников, они объявили, что битву придется отложить, ибо настало время паломничества к священным озерам. Пришлось сипе и саке согласиться на короткое перемирие. Три дня народ муисков, оставив все свои дела и нарядившись во все лучшее, приносил жертвы и совершал праздничные возлияния. И было общее веселье.

В ночь перед паломничеством сипа Тискесуса призвал к себе своих боевых капитанов и сказал им коротко, но настойчиво: «Завтра вы начнете священный бег, однако знаем ли мы намерения наших врагов?! Спрячьте оружие под плащами, и если на нас нападут — мы будем защищаться. Если же вы увидите, что враги безоружны, — смело нападайте на них сами, и так победим мы меньшей кровью». Капитаны передали приказ сипы всем воинам и велели держать его в строгой тайне.

На следующий день ликующий народ муисков могучим потоком устремился к священным озерам. И вот тогда-то по сигналу сипы его воины и напали на своих противников. Они не боялись совершить это святотатство, ибо пообещал им сипа прощение грехов, заверив, что сами боги на их стороне. Подданные Кемуинчаточи в смятении бежали к своим домам. Тискесуса праздновал победу. Он считал, что сбылась давняя мечта его предков повелевать всеми долинами и землями муисков.

И тут случилось непредвиденное. К сипе прибыли два посла от саке. Но не весть о повинной принесли они. Воистину чудно было слушать то, что рассказывали кеме. А сообщили они вот что: «О великий! Стало известно, что в твои владения со склонов Офона спустились люди, которых прежде никто не знал и не видел и у которых на лице много волос. А вместе с ними пришли звери, очень большие и ужасные видом. И звери эти громко голоса, но речь их нам непонятна. Эти люди собираются наложить дань на твои земли, как это ты сам делаешь в своих владениях. Наши жрецы вопрошали богов: кто эти люди? И ответили боги: они послали своих сыновей, чтобы наказать тебя и твоих подданных за все твои святотатства». Разгневанный Тискесуса прогнал послов саке и выслал своих лазутчиков разузнать все подробности. Вскоре те вернулись и подтвердили прежние сообщения слово в слово: «Послы говорили правду, о великий, сыны Солнца»

— их восемь раз по двадцать и странные звери — их три раза по двадцать вторглись в наши земли и беспрепятственно продвигаются к тебе».

Пришлось великому сипе забыть о своих дерзновенных помыслах и обороняться от новых невиданных врагов. Но он остался один на один с ними. Подвластные касики и капитаны были рады избавиться от тирании Тискесусы, они не хотели защищать его из-за высокомерия и надменности, с которыми сипа обращался со своими индейцами. Однако бедные индейцы! Избавившись от одного гнета, они вскоре попали в еще худший. И напрасно радовался старый саке Кемуинчаточа посрамлению своего давнего недруга и обидчика. Несчастный, думал ли он, что его ждет подобная же судьба! Только гордый Дуитама вовремя разгадал этих презренных суачиас, но что он мог поделать один! Разброд погубил страну муисков. Когда же правители поняли, какие беды несет им иго европейцев, было уже поздно. Сыновья Солнца стали полными хозяевами наших жизней.

РАССКАЗ ВТОРОЙ,

где речь пойдет о том, как правили великие владыки многочисленным народом муисков и в каком страхе и покорности их держали

Мне не раз приходилось слышать, как христиане ругали нас, муисков, и называли народом дерзким и непочтительным. Так скажу я: мало в словах этих правды. Ибо смирению и покорности нас учили с самого детства. И так уж повелось издавна, что младшие повиновались старшим, дети — родителям, жены — мужьям. Что же до правителей, больших и малых, то перед ними муиски испытывали благоговейный трепет. И столь велико было это преклонение, что христианам казалось оно неслыханным и невиданным.

Ни один муиск не посмел бы взглянуть в глаза своему повелителю. И мы немало удивлялись, как вольно и несдержанно вели себя испанские солдаты, когда близко подходили к генералу Кесаде, трогали его за руки и смотрели прямо в лицо. И сколько раз я сам говорил Кесаде, чтобы он наказал наглецов, но он лишь усмехался и говорил, что они, христиане, не видят в этом ничего зазорного.

Для муиска взглянуть в глаза владыки — значило содеять великое святотатство. Ведь правители были люди самой знатной и древней крови, они высоко стояли над простым народом, они беседовали с богами и дарована им была магическая сила.

Вот почему древний обычай требовал, чтобы к правителю обязательно являлись с подарком. Вошедший должен был упасть на колени поодаль от

трона, повернуться спиной к правителю и пасть ниц. При дворе же великого сипу полагалось каждому просителю иметь тяжкий груз на спине, дабы всем воочию было видно, сколь принижен перед ликом владыки его подданный.

Вот почему среди муисков существовало наказание, которое было для нас хуже любой смерти. Так, если вор, предупрежденный дважды, не возвращался к добропорядочной жизни, его приводили к касику, силой поворачивали голову и заставляли взглянуть в глаза повелителя. Затем виновного отпускали домой. Страшнее позора нельзя было представить. С этого дня никто во всей округе не разговаривал с ним, никто не помогал ему на поле, никто не сватал за него своих дочерей, род его прекращался. И провинившийся Сам искал себе смерти.

Все, что окружало правителя, почиталось священным. И если великого сипу одолевал кашель, то особа, к нему приближенная, вставала на колени и, отвернув лицо, с трепетом принимала мокроту в тонкий платок.

Стоит ли говорить, с каким почтением и страхом выслушивались все приказания великих. Испанцы такого и в жизни не видывали, хотя и превозносили перед нами свои порядки.

Множество касиков управляло народом. Но не все они были равно именитыми, ибо одни были более, другие менее знатного рода. Так, касик Тибакуя был на испанский манер как бы коннетаблем (главнокомандующим армией); касикам Гуатавиты, а значит, и мне, равнялись по знатности герцоги; касик Субы был как бы вице-королем, ну а самого великого сипу можно было сравнить разве только с испанским королем.

Титул «кастик» был нам неведом, его принесли с собой испанцы и стали так называть всех наших правителей от мала до велика. Мы же самых главных называли «усаке», и были это вожди древних и многочисленных племен, главы знатных родов и особо отличившиеся военачальники. Сипа Тискесуса был «усаке усакия» — что значит великий из великих.

Знатных усаке окружали зависимые вожди низшего ранга — «сибин тибак», и прозвали их испанцы капитанами. Без этих капитанов правители не решали ни одного важного дела, а прежде советовались с ними, сзывая их в свою ограду: нужно ли заключать мир или начинать войну.

Но, пожалуй, больше всех почитали муиски воинов-атлетов *гуеча* («приносящих смерть»). Храбрейшие из храбрых становились гуеча и получали почетное право обрить голову обсидиановыми ножами. Другие же высокородные лица носили длинные волосы и весьма заботились о том, чтобы они всегда были иссиня-черного цвета. Седина считалась неприличной, так как напоминала всем о старости и близкой смерти.

Часть рельефа «Большого дворца» в Паленке

И были эти гуеча великанами. В бою они сражались с пикой в одной руке и с боевой палицей в другой. А волосы они потому и обрезали, чтобы сподручней им было наносить удары и чтобы не могли их самих схватить за волосы и захватить в плен. Доверенные слуги выискивали гуеча в больших и малых селениях и, найдя, представляли великому сипе. Им отводили особые кварталы в селениях, где они набирались силы и ловкости, учились искусству побеждать врага. Потому гуеча доверяли самые важные дела, они охраняли сон правителей и сопутствовали им в походах. В битвах гуеча сражались отрядами, по 50 человек в каждом, и любимые цвета их знамен были красный и черный. Кровь и смерть означали эти краски.

Самые же прославленные воины жили в Фоске, Тобакуе и других селениях, лежащих на самой границе с землями ужасных панче. Собиралось там временами до 5 тысяч гуеча. После первых сражений и первых пленных, отбитых у панче, гуеча прокалывали себе в ушах отверстия. В них они вставляли тончайшие золотые трубочки по числу убитых и плененных врагов. У самых заслуженных гуеча побед бывало так много, что золотые трубочки вставлялись в крылья носа, в губы и в щеки, так что лицо такого гуеча щетинилось золотыми блестками. Великие сипы так ценили своих гуеча, что постоянно награждали их дорогими подарками, раздавали им выгодные должности, назначая править покоренными племенами, посылали

им красивых наложниц. На славных же пирах они занимали самые почетные места — по правую руку от правителя.

Но сколько бы ни говорили мы о величии и могуществе знатных касиков, оно не было бы столь полным, если бы не почитали их и не боялись пуще смерти простые индейцы, слуги и *купкуа* — те, кому разрешалось сидеть только около самого входа в дом; и не имели эти *купкуа* никаких прав, кроме одного — умереть, когда этого захочет их хозяин и повелитель. Этих «увходасидящих» испанцы называли рабами. Правители муисков добывали себе рабов в боях и походах. Сипа Тискесуса, похваляясь своими воинами, говорил: «Вот мои храбрые мужи, все, кто приносит мне птиц, летающих в небе, кто умерщвляет и берет в плен бесчисленных врагов, восстающих против моей власти, кто добывает нам рабов у многих народов, наших недругов». Рабы были носильщиками и домашними слугами, сопровождали вождей в их походах и выполняли все их прихоти. Красивые пленницы пополняли гаремы знатных правителей и воинов. Жизнь раба не представляла никакой ценности, и их владельцы распоряжались ею как хотели. Самых знатных пленных оставляли для жертвоприношений на случай закладки нового дома касика или храма или на случай битвы, и победы. Пленным касикам имели обыкновение выкалывать глаза. Их оставляли в живых, чтобы глумиться над ними в дни великих празднеств. И так росла слава правителей, окруженных рабами и простыми людьми.

Цветущими полями славилась «Долина замков». С утра до вечера работали там в поте лица земледельцы. Сперва они обрабатывали земли правителей и жрецов и уж потом только переходили на свои поля. Другие лепили из глины красивые горшки и посуду. Золотых дел мастера трудились у своих горнов, выделывая из золота фигурки священных птиц, зверей и насекомых, чтобы украшали себя люди и ублажали своих богов.

А когда наступало время, приносили они в амбары и житницы своих касиков много всевозможной снеди. Приносили початки золотистой и медно-красной абы, корзины йомги (испанцы их называли земляными орехами), связки листьев агавы — из нее делалось целебное питье, битую птицу и кроликов, пчелиный мед и оленину — украшение стола великих правителей, плащи и пояса из хлопчатой ткани, тыквенные бутылки, белоснежную соль.

Не забывали и о воинских доспехах: несли пики и палицы, толстые нагрудники, шлемы и щиты. Так оделял своих правителей каждый народ всем тем, что водилось и произрастало на его земле. Но больше всего ценились золотые украшения — браслеты и носовые подвески, короны-полумесяцы, плащи всех цветов и размеров, благословенные богами и правителями изумруды. Так наполнялись доверху амбары и житницы, радуя

сердца владык, потому что можно было теперь устраивать пиры, воевать с соседями, воздвигать роскошные храмы и оделять подарками верных воинов и капитанов.

На стеле изображен правитель, принимающий дань от «низших» людей

Но у простых людей были и другие повинности. Они возводили и подновляли дома правителей и стены дворцов и храмов, прокладывали новые дороги и следили за старыми, смотрели, чтобы не осыпались террасы на склонах гор. Словом, служили касику верой и правдой. А когда в ограде правителя трубили священные морские раковины, созывая воинов в поход за данью и рабами, все союзные и вассальные касики быстро откликались на этот зов. Так было заведено исстари и совершалось из года в год на нашей земле.

С радостью подчинялись своим правителям люди, и не было в их сердцах зависти, и не знали они лени. И так продолжалось до той поры, пока сипа и саке не обложили данью многие прежде независимые племена. Под тяжестью дани стали роптать народы. И, чтобы взыскать положенное, не раз приходилось подневольным касикам прибегать к силе.

А действовали они таким образом. Когда какой-нибудь индеец опаздывал с уплатой подати, посылал к нему касик своего слугу с дикой кошкой, медведем или пумой, звери же эти содержались во дворце для особых целей. Слуга привязывал зверя к двери дома должника, сам же устраивался рядом. И доколе провинившийся не вносил недоимки, должен он был кормить зверя кроликами и голубями, а слугу одевать и ублажать. Все это накладывало на бедного индейца столько забот, что впредь он не запаздывал с уплатой подати. Когда же при дворе касика не было диких зверей, пользовались другим способом. Если после отсрочки дань не выплачивалась, в дом приходил сборщик податей и заливал водой очаги. Огонь не разрешалось разводить до тех пор, пока долг не погашался полностью. Вот почему должник торопился: ведь без очага нет и жизни. Теперь понятно, откуда у индейских правителей собирались огромные богатства — золотые украшения и изумруды. О сокровищах этих, которые хранились в потаенных местах, знали только жрецы да особо доверенные слуги. Когда стало ясно, что суачиас — обыкновенные люди, а не посланцы богов, и к тому же очень жадные до золота и изумрудов, правители решили не уступать им своих богатств.

Первым тайно пришел к моему дяде Гуатавите касик Симихака. Он нагрузил сокровищами 40 рабов и попросил его, как главного хранителя священного озера, принести все эти драгоценности в жертву великой женщине-змее, чтобы силой своих чар изгнала она бородатых из пределов нашей земли. Исполнил он волю правителя Симихаки в следующую же ночь. А за ним последовали и другие. Много золота навсегда скрылось в глубоких водах Гуатавиты.

Но были и такие касики, которые зарывали свои сокровища в землю, надеясь, что когда-нибудь они выкопают их и принесут в жертву богам, как и положено. Чтобы скрыть подземные тайники, убивали рабов, которые закапывали сокровища. Так, известно мне, что касик из Чиа нагрузил 100 рабов и отправил их в горы. После того как работа была закончена, рабы эти, так же как и два капитана, указавшие им место захоронения клада, были на пути домой тайно убиты.

Уж кому-кому, а мне все это ведомо доподлинно: ведь старый Гуатавита поступил таким же образом. Он отобрал сотню самых крепких своих рабов, вызвал сборщика податей и повелел ему уложить в мешки золотые украшения, бесценные плюмажи из перьев священных птиц, сосуды с золотым порошком, которые предназначались для меня, его наследника. Затем указал одну недоступную и неприметную для глаз пещеру. Люди перенесли туда сокровища моих предков, не ведая, какая судьба им уготована. Никто из них не вернулся. Об этом позаботились 50 самых

верных гуеча. После того как все узнали, какой грабеж учинили испанцы в столице старого саке и как погиб храм великого Солнца в Согамосо, так же поступили многие правители. И напрасно европейцы ищут наши сокровища. Их надежно хранит земля муисков.

Правда, случалось и иначе, находились и такие легковверные правители, которых обводили вокруг пальца не знающие стыда испанские солдаты и даже католические святые отцы, большие любители индейских сокровищ.

Так, знаю я, что старый касик Убаке был очень дружен с отцом Франсиско Лоренсо, большим знатоком наших языков и обычаев. Стало тому известно, что у старика Убаке есть тайное святилище, но путь к тайнику знал лишь жрец, который его охранял. Тогда Лоренсо подкрался незаметно к хижине, где жил жрец, и забрался на дерево. Он хорошо знал, как индейцы беседуют со своими богами, и обратился к хранителю сокровищ, как того и требовал обычай. Сперва пораженный жрец обомлел и лишь на третий призыв отозвался:

— Я здесь, владыка. Приказывай!

— О том, что ты охраняешь, довелись испанцы. Они хотят прийти и лишить меня сокровищ. Перенеси их.

— А куда, о владыка?

— В пещеру, что в лесу за твоим домом.

— Твоя воля — закон, о владыка.

После этих слов жрец поспешно удалился, а хитрый монах слез с дерева и спрятался у входа в пещеру. Пять раз входил в нее индеец, сгибаясь под тяжестью нош. А вечером Лоренсо обнаружил там пять мешков с фигурками из золота. Потом он эти фигурки переплавил и получил 6 тысяч песо. Вот как обманывали нас бесстыдные белые.

Но не только сокровищами владели правители муисков. Боги даровали им многие привилегии и почести, дабы знал простой народ свое место на земле.

Сипа передвигался с пышностью, достойной его великого сана. Специальные слуги несли его на деревянных носилках, обитых в несколько слоев золотым листом. Это были «стражи носилок», их избирали из числа знатных юношей. Они подолгу учились своему делу, чтобы и в воздухе чувствовал себя сипа столь же незыблемо, как и на земле. Перед ним шла многочисленная свита, разгоняя встречных.

Рабы и слуги очищали дорогу от камней и мусора, покрывали ее плащами и цветами. Остатки этих дорог и по сей день сохранились близ Боготы.

Дворцы и храмы строили и украшали лучшие мастера, ибо великолепие дома владыки — его честь и слава. Гаремы знатных касиков были

многочисленны, десятки красивых женщин с радостью служили своим владыкам. Так, только в ограде сипы Тискесусы под строгим надзором жили 400 наложниц, которых свозили к нему со всех земель.

Помимо дворцов как в Боготе, так и в других селениях сипа имел летние резиденции в укромных местах, где он отдыхал со своим двором и женщинами. В местечке Табио сипа купался в горячих источниках. В долину Тинансуку сипа приезжал, когда зной выжигал поля вокруг Боготы.

Золотые украшения, отраду богов, и цветной хитрой раскраски плащи носили только правители и их родичи. Плащи не обертывали вокруг тела, а набрасывали на плечи так, что концы их волочились, подметая землю.

Простолюдины носили грубые белые плащи. Мои же предки ввели такой порядок: заслуженных воинов у нас награждали расписными плащами. Того же, кто осмеливался нарядиться в цветной плащ без разрешения, правитель Гуатавиты карал штрафом. Особо выдающимся касикам даровалось право передвигаться в роскошных носилках, и был это высший знак почета.

Для простого юноши срок затворничества, когда жрецы раскрывали ему тайны древних обрядов и церемоний, длился 20 дней. У знатных же юношей обряды посвящения растягивались на долгие месяцы, что отвечало их высокому положению. Будущих же правителей еще в отрочестве отвозили в уединенные храмы, где они жили многие годы.

Затворничество это было очень строгим. Наследнику заказано было глядеть на солнце, поэтому он выходил из дому только ночью; из страха перед жестоким наказанием он избегал соприкоснуться с женщинами. В определенные дни жрецы избивали своего воспитанника тяжелыми палками. Как только юноше исполнялось 16 лет, ему просверливали уши и ноздри и вдевали в них золотые подвески. С этого времени он мог украшать себя золотыми нагрудными пластинами и браслетами. Все эти испытания закаляли тело и душу знатных затворников. Лишь пройдя суровый искуc, могли они справедливо, достойно и мудро повелевать своими подданными.

Только при дворах правителей лакомились сочным и ароматным оленьим мясом. Со времен Немекене простые индейцы лишились права охоты на этого королевского зверя. И хотя оленей было великое множество и ходили они стадами, словно овцы, делая потраву на полях, без дозволения сеньора никто не мог поднять на них руку. Простой народ кормился кроликами да птицей. Обычно каждый касик держал у себя в доме искусных охотников, которые забивали столько оленей, сколько было надобно хозяину. На случай войны запасались копченой олениной, которую раздавали воинам перед битвой.

Однако тот, кто жил с почетом в окружении богов и прославленных воинов, должен был так же пышно и достойно умирать. После смерти тело касика переходило во власть жрецов. Они извлекали внутренности и высушивали тело на медленном огне. Затем его натирали смолой *мокоба*. В желудок, глаза, рот, ноздри и уши покойного закладывали золотые шарики и изумруды. (Испанцы узнали об этом обычае и выискивали царские захоронения, чтобы очистить покойников, напичканных драгоценностями.)

Благородные останки обертывались погребальными мантиями, и на некоторые из них шло по 30 вар^[4] тонкой благоуханной ткани; потом тело клали в чехол из оленьих шкур. Чехол обвязывали частой веревочной сетью, а сверху к нему прикрепляли восковую маску умершего.

Не так давно около селения Суэски открыли большую пещеру, вход в которую был завален каменной плитой. Это было древнее кладбище знатнейших людей. Там нашли 150 мумий, и они сидели по кругу, как бы воздавая посмертные почести тому, кто пребывал в середине. А находилась там мумия последнего касика Суэски прославленного Суамене, друга генерала Кесады. Так что всякий нынче может убедиться, что все рассказанное мной — правда.

Индейцы же Боготы покойников хоронили иначе. С момента воцарения сипы жрецы готовили ему тайное место для погребения. Когда сипа умирал, тело его помещали в выдолбленный ствол священной пальмы. Снаружи и изнутри ствол покрывали тонкими золотыми пластинами в три слоя. Затем гроб опускали в глубокую яму и засыпали его тонким слоем песка. Сверху же укладывали убитых жен, слуг и рабов, верно служивших своему повелителю при жизни. После чего яму тщательно заравнивали землей, чтобы скрыть всякие следы захоронения. Порой отводили на могилу воды ближайшего ручья, чтобы навсегда утаить от людских глаз место успокоения великого владыки.

Но хотя и велика была честь последовать за своим хозяином в мир иной, а расставаться с жизнью никому не хотелось. Чтобы облегчить женщинам и рабам прощание с землей, их опаивали настоем из табака, дурман-травы *тектек* и сапкуа. Но случалось, и этого было мало. Многие успевали прийти в себя и умирали в отчаянии, как призналась в этом одна индианка. Христиане откопали ее спустя день после того, как она была похоронена в могиле почившего касика Убаке. Женщину вытащили полумертвой: на голове у нее были глубокие следы от ударов, которые ей нанесли жрецы, прежде чем засыпать землей.

Христиане возмущались, рассказывая об этой истории, но ведь мы, муиски, верим, что наши правители живут и на том свете. А коли так, то

справедливо ли лишать их общества тех, кто ревностно и с любовью служил им на земле!

Правители муисков умели держать в страхе своих подданных. В моих долинах, где повелевал я и мой род, строго каралось любое нарушение древних законов. Ведь наша земля была святая, и на ней не было места отступникам. Если мужчина совершал легкий проступок, то он обязан был поститься дней пять или же его заставляли стоять на коленях с вытянутыми вперед руками. Стоило ему опустить руки, слуги били его по локтям. Воров лупили палкой и заливали им глаза водой с перцем. Женщин сажали на два часа на холодный с острыми выступами камень. Трусов заставляли носить женскую одежду и делать женскую работу, доколе угодно было касику. Беглецов, покинувших поле боя раньше своих капитанов, бросали на съедение диким зверям. В других владениях у простых индейцев отрубали руки, носы, уши, выкалывали им глаза.

Великие и малые правители устраивали во дворцах особые загоны, где содержались разные дикие звери. Обреченного на смерть могли посадить в этот загон, других же бросали в глубокие ямы с водой, где плавали ядовитые змеи. Яму накрывали каменной плитой, и смерть погребенного под ней была так же мучительна, как и позорна.

Но был и другой вид казни — преступнику отрубали голову или сажали на кол. Христиане сперва премного удивлялись обилию этих кольев в наших селениях. Генерал Кесада даже говорил мне, что, по его мнению, на дорогах нашей земли встречается больше столбов и больше висельников, чем на его родине в Испании. Чаще всех так казнил своих людей грозный саке Кемуинчаточа. Когда испанцы овладели его столицей, они набрели к западу от города на холм, весь уставленный высокими, в человеческий рост, столбами. На каждый из них было насажено обнаженное тело индейца. Ходил слух, что такой смертью карал он всех, даже и родичей, за малейшееслушание. Пораженные христиане так и называли это зловещее место «холмом виселиц».

Но был среди муисков правитель, который держал в страхе индейцев и не прибегая к жестоким казням. Я говорю о касике священной для всех нас долины Согамосо. Все в округе почитали его и стремились заручиться его благосклонностью. Говорили, что он мог по желанию вызвать дождь, снег или град, наслать страшную хворь. И после прихода христиан правитель Согамосо, в язычестве Номпанам, а в христианстве дон Алонсо, поднимался на гору в красном плаще и рассеивал по ветру красную охру, давая этим понять всем, что вскоре людей поразит кровавый понос. В другой раз, одетый в белый плащ, он разбрасывал пепел и объявлял при этом, что скоро

наступит засуха и все умрут с голоду. Чтобы пророчества его были более внушительны, он придавал лицу суровое и мрачное выражение.

И хотя много лет живет новой жизнью Долина замков, а правители Согамосо и поныне путают своих подданных. Так, нынешний касик дон Фелипе остротки ради говорит своим индейцам гневно: «Вы, собаки, потеряли страх. Забыли, видно, что все мне подвластно: могу накликасть на вас зловонную чуму, наслать черную оспу, ломоту в суставах, жар-горячку и другие страшные недуги. Забыли вы, что это я, всемогущий, создал все, что дает всходы, — травы, овощи и злаки». Вот почему дон Фелипе боятся, как никакого другого правителя, не только индейцы, но и сами католики, которые, я заметил, не менее суеверны, чем мы, индейцы.

Известно мне, что генерал Кесада казнил за разные проступки своих военачальников. У нас же таких порядков не было. Никакие законы и кары, обычные для всех, на знатных не распространялись. А уж если правитель нарушал обычай, смерти он не боялся, ибо не о плоти своей, а о чести заботились сильные мира сего. Любой провинившийся касик предпочел бы лишиться рук и ног, чем расстаться с длинными волосами или показаться на людях в разорванном плаще. Ведь волосы и плащи они приносили в жертву, и кто терял их, тот обрекал себя не только на позор и бесчестье, но и утрачивал благосклонность богов.

Правда, иногда касиков наказывали их жены, но это случалось редко. Свидетелем одного из таких случаев стал генерал Кесада. Он со смехом поведал мне о нем. Как-то на второй год конкисты он зашел в ограду касика Суамене, что правил индейцами Суэски, и обомлел: Суамене защищал лицо и голову от ударов плетками и палками, которые сыпались на него со всех сторон. При этом он был крепко привязан к столбу. И колотили его девять женщин — его жены. За день до этого Суамене попробовал испанский *санкуа* — и опьянел. Это серьезный проступок, ведь пить разрешалось только в дни великих побед и праздников. Жрец приговорил касика к наказанию палками, повелев исполнить приговор его женам. И били они своего мужа, как показалось Кесаде, весьма старательно. Но зато никто, кроме них, не видел позора касика Суамене, и была в этом высшая справедливость.

Как только христиане обосновались на наших землях и узнали наши порядки, они стали наказывать непослушных правителей индейским способом — обрезали у них волосы или разрывали их великолепные плащи. Но скоро касики притерпелись к этим оскорблениям. Тогда испанцы стали заключать их в тюрьмы. И постепенно правители утратили в глазах индейцев свою былую мощь. Так покончили с теми, кто был нашей честью

и славой, на кого уповали великие боги и возлагала надежды свои многолюдная земля муисков.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ,
в котором будет поведено, сколь трудолюбив и искусен был народ муисков и как привольно жил он в благодатной Долине замков

Много дурного говорили о муисках испанцы, не считали индейцев за людей и рассказывали всякие небылицы, возводя на них хулу и напраслину. Будто мы безрассудны и бесчувственны, как ослы, трусливы, как змеи, и грязны, как свиньи, не признаем ни закона, ни веры. Будто бы есть среди нас люди престранного сложения, вроде тех, о которых говорил отец Антонио Даса. И индейцы эти зовутся тутанучас, что значит «ушастые», и уши у них будто такие длинные, что волочатся они по земле и под ними могут-де спрятаться пять человек сразу; что есть среди нас и такие, что живут на берегу большого озера, а спят под водой, а иные индейцы якобы берут в дорогу цветы и фрукты, чтобы нюхать их, и в этом вся их еда. И много другого несуразного можно было услышать от белых людей. Горько вспоминать мне об этом.

Лучше расскажу я о том, что они в один голос одобряли и хвалили. О плодородной Долине замков с ее благодатным климатом. Испанцы всегда с ужасом вспоминали о жаре на берегах Магдалены. Когда я спрашивал у генерала Кесады, что ему больше всего понравилось у нас, он неизменно отвечивал: «Ваш свежий воздух, ваше ласковое солнце, легкие дожди; эти благословенные Богом места по сердцу нам, европейцам».

Что и говорить, прав был главный суачиа. Наша земля холодна, но не слишком, холод не причиняет никакого беспокойства людям, так же, впрочем, как и солнечный зной. Что зимой, что летом у нас и не очень холодно, и не очень жарко. Лето — это когда нет дождя, хотя идет снег и прохладно, зима — когда идет дождь, хотя и жарко. Октябрь и март — самые дождливые месяцы, январь и август — самые сухие. Две зимы и два лета бывали у нас каждый год. Этой завещанной богами смене дождей и засух и подчинялись все земледельческие работы муисков.

Муиски не знали ни пшеницы, ни ячменя, и то и другое привезли с собой христиане. Хотя христианам был люб их хлеб, но и наш ценили они высоко. Удивлялись они, что мы его ели и зрелым, и зеленым, что он созревал и в жарких, и в холодных землях, долго хранился без порчи, давал высокие урожаи. И называли мы наш хлеб — аба, христиане же прозвали

его маисом. И было у нас 13 сортов маиса с белыми, желтыми, розовыми, светло-красными, пурпурными и даже черными зернами.

Початки женщины варили, получалась ароматная похлебка. Зерна мололи и из полученной муки делали *больос* — небольшие булочки или лепешки. Их заворачивали в маисовые листья, опускали в котел с водой или поджаривали, и был это «индейский хлеб». Мягкая и нежная каша из кукурузной муки и поныне называется в деревнях «индейской кашей».

Из заквашенных на воде зерен муиски приготавливали горячительный напиток — сапкуа, христиане прозвали его чичей. Ее пили на всех празднествах, будь то сватовство, жертвоприношение, день сева или урожая и т. д. Индейцы верили, что в сапкуа заключена магическая сила, приносящая победу над врагами и благополучие в жизни. Из маисовой соломы плели циновки и ковры, корзинки и мешки. Да, были мы, муиски, маисовым народом.

Очень часто в наших котлах варились йомги, второй наш хлеб. Христиане сначала не верили, что эти круглые крепкие клубни годны в пищу. На йомги испанцы натолкнулись сразу, как только поднялись в наши горы. Первую же долину, покрытую зеленой кудрявой ботвой, христиане окрестили «Долиной земляных орехов». Это и был картофель. Индейцам были известны многие сорта картофеля, различались они по цвету: белый, желтый, фиолетовый, и у всех вкусные мучнистые клубни. А один мой приятель — испанец дон Родригес так описывал нашу йомги своему земляку, который жил в Испании: «Картофель — это род земляной груши, он, коли сварить его, нежен, как печеный каштан, и кожи на нем не больше, чем на трюфелях, а растет он под землей. И корни дают куст, как у мака».

Помимо картофеля муиски выращивали *набо*, по вкусу она напоминала христианам репу. Любили мы и кжу. Муиски умело отмачивали ее ядовитые корни и жарили их. Сажали мы *ибиа* — сладкую репу, ямс, рубию, а она похожа на брюкву. Очень нравились христианам наши томаты, фасоль, тыква. Особенно пристрастились они к любимой нашей приправе — перцу ахи, без которого не обходилось ни одно кушанье. А на ананасы, гуайяву спрос был особенно велик.

Но что немало поразило пришельцев, так это то, что мы имели обыкновение нюхать пахучие сушеные листья и получали от этого большое удовольствие. Иногда мы размельчали эти листья в порошок, закладывали его в короткие каменные трубки и поджигали. И дым этот радовал сердце и был угоден богам. Испанцы назвали эти листья табаком и вскоре стали заправскими курильщиками. Наилучшие сорта табака выращивали индейцы под Тунхой. В первые же годы своего правления испанцы построили там мельницу и на ней мололи табачный лист. Потом они стали вывозить его в

Испанию, зелье это там называлось «табаком из Тунхи», и цена его была очень высока.

Год муисков — *сокам* — состоял из 12 месяцев. В январе во всех долинах готовили земли для посевов, чтобы засеять их «к ущербу луны» в марте, до начала дождей первой зимы. Сначала сажали картофель, закладывая по одному клубню в каждую ямку, выбирая для этого самые солнечные дни января, месяца сухого и жаркого. На посев шел самый мелкий картофель. В марте пробивались маленькие ростки, к концу июля урожай уже поспевал. В первых числах июля индейцы имели обыкновение обрывать цветы и листья ботвы, оставляя один главный стебель, так как от этого, по нашему мнению, клубней становилось больше и они быстрее росли. В начале августа, в разгар второго лета, муиски вновь сажали картофель, но уже на другое поле. Таким образом, собирали два урожая в год — второй урожай в декабре, и картофеля у всех было вдоволь. Маис родился единожды в году, созревая только через десять месяцев после посева, то есть в ноябре — декабре.

Странно нам было видеть, как сеют свою пшеницу христиане, разбрасывая зерна по вспаханному полю. Индейцы никогда так не делали. Муиски аккуратно укладывали несколько маисовых зерен в одну лунку и засыпали ее горсткой земли. Но прежде собирались сильные мужчины со своими семьями и насыпали высокие гряды шириной в три шага и высотой в две ладони. Такая гряда называлась *сука* (большая дорога), были и гряды, разделенные на две половины — *сынка* (маленькая дорога).

Бог кукурузы

С началом новой жизни мы перестали делать эти суны. Много сил и времени отнимали они у земледельцев. Но кое-где на склонах гор еще видны остатки длинных гряд. Словно змеи, они многорядно опоясывают склоны и задерживают дождевые воды. Индейцы же гуане так любили свою

землю, что постоянно ее поили, отводя воду из рек на свои поля по длинным и глубоким канавам.

Чтобы все посаженное нами росло и приумножалось, было принято перед посевом посыпать землю толченой солью. И еще завещал нам великий Бочика, чтобы не подходили мы близко к полям, пока не заручимся согласием женщин. Ведь сеять, обрабатывать поля, собирать и хранить урожай — это не мужское дело. А все потому, что если сажают женщины, то маис вырастает с двумя или тремя початками, юка — с двумя или тремя корнями. Удел женщин рожать, и они поэтому знают, как вырастить во множестве любые корни и плоды. Вот почему у нас без жен и дочерей никогда не начиналась работа в полях.

Зверей же и птиц было вдоволь на нашей земле. Ловили мы разных обезьян, медведей, муравьедов, тапиров, охотились на *фуко* (испанцы прозвали их кроликами) и на *кури* — по виду крыс, а также на *пекари* — диких свиней. Благородные же олени — *ксика* — бродили по горным лесам и долинам огромными стадами, как теперь бродят овцы. И хватало их правителям муисков в изобилии, так же как сейчас христианам — свиней и коров, которых они привезли из Испании. На прудах и озерах разводили жирных уток. Что же касается рыбы, то ею кишели все ручьи и реки. Рыбка *гуанча* длиной с пядь — обычная пища жрецов — пришлась по вкусу христианам.

В отличие от испанцев муиски редко употребляли камень для построек. Дерево, глина и тростник вот из чего возводились дома простых людей и дворцы знати, крепости и храмы. Лишь только наши северные соседи — индейцы лаше — строили из грубого песчаника квадратные домики, покрытые соломой.

Курение

От скромных жилищ простых индейцев дворцы правителей отличались не только большими размерами, но и стенами... В ограде, которая окружала мою столицу, было 12 ворот, охраняемых верной стражей. В каждом из четырех углов ограды возвышались столбы высотой в семь-восемь вар ярко-красного цвета. Некоторые столбы оканчивались деревянными клетками. Эти пурпурные сверкающие столбы, видные издали, мы называли «красными руками солнца», а клетки, устроенные на их верхушках, — «сиденьями солнца». Ведь в них помещались знатные рабы, чтобы отдать по капле свою кровь владыке вселенной — Солнцу. И было это так. Выбирали самого красивого и родовитого пленника. Связанного по рукам и ногам, жрецы поднимали и усаживали его в «сиденье солнца» таким образом, чтобы открытой оставались только грудь и голова жертвы. Затем самые прославленные воины и вожди забрасывали пленника стрелами. Тот, кто первым попадал в сердце или глаз, награждался знаками отличия. О нем пели весь год на праздниках и торжествах. Как только жертва выпускала дух, воины бросали свои священные луки. В продолжение всей этой церемонии жрецы, что стояли у подножия «руки солнца», собирали по капле жертвенную кровь. И была она угодна и приятна великому Солнцу, и люди поэтому радовались от всей души. Вот каково было назначение красных столбов, которые так удивляли пришельцев.

Дома наши и дворцы строились надолго. И чтобы всем, кто жил под крышами новых домов, сопутствовала удача, обычай, древний, как само солнце, требовал совершить жестокий обряд. Прежде чем опустить опоры дома в заготовленные для них ямы, приносили человеческую жертву, чтобы умиловить всемогущих богов. Под центральный столб нового дома правителя закладывали тело молодой знатной девушки. И считалось для нее великой честью умереть за благополучие всего народа. Затем начинался многодневный праздник, на который приглашались жители всего селения, а также бродячие шуты и затейники.

И все время, пока пировали, пели и плясали в новом доме касика его гости, у ворот ограды стояли два старых индейца. Тела их были обнажены, и не полагалось им ни еды и ни питья. Накрытые громадной сетью, которой обычно ловят птиц, старики играли на флейтах грустные мелодии. И знаменовали эти старцы неминуемую смерть, которая всегда на ногах, всегда наготове собирать в свою страшную сеть бедных людей, лишая их всех мирских радостей.

Чем еще богата была земля муисков, так это ремеслами. Золотые руки были у наших людей, и прославили они себя далеко вокруг. И пожалуй, искуснее всех были горшечники и ювелиры-гуатавитяне. И говорю я об этом без ложной скромности, ибо и сейчас еще могут подтвердить все индейцы,

что лучшие золотые украшения, радость живых и мертвых, самую красивую посуду делали у нас. Наши ювелиры как прославленные мастера золотых дел расходились по соседним землям и подолгу жили там, выделявая на своих горнах удивительные украшения: короны, тяжелые серьги, оттягивающие до плеч уши знатных правителей и воинов, причудливые нагрудные пластины, жезлы и другие знаки власти. Особенно дорого ценились браслеты и бусы из нанизанных на золотые шнурки маленьких фигурок лягушек, ящериц, змей, всевозможных птиц, обезьян, рыб. И были золотые фигурки священными, ибо многие наши боги принимали облик этих зверей. И каждый, кто хотел заслужить благосклонность богов, имел обыкновение сплошь увешивать свою грудь и руки этими священными связками.

Славились также и другие золотые вещицы, без которых не обходился ни один индеец, как бы ни был он беден. И назывались они *чунсо*, христиане же переделали их на свой лад — в *тунхо*. Так вот, их очень смешили наши чунсо.

Чунсо — это человечек размером с ладонь. Из золотой проволоки делались рот, нос и уши. Руки-проволочки держали разные предметы: если это воин — копье-металку или лук и стрелы, если правитель — скипетр; чунсо-женщина в руках имела ребенка или ткацкий станок. И сотни таких чунсо христиане отыскивали в храмах, озерах, святилищах и алтарях. И было им непонятно, почему мы закапываем золотых человечков и прячем их в жертвенных копилках, и удивлялись они, до чего же похожи на нас эти человечки.

Наполовину угадали правду христиане. Чунсо действительно были нашими подобиями. А как могло быть иначе? Если просила женщина удачи в ткацком ремесле, то заказывала деревенскому ювелиру чунсо-женщину с прялкой в руках. Просил земледелец урожая и получал от ювелира чунсо-мужчину с мотыгой и киркой. А славные воины заказывали чунсо с веревкой через плечо, чтобы взять в плен знатных иноплеменников. И когда о чем-либо просили богов, то оставляли им в знак памяти свое чунсо. Без этих человечков ни одно моление не доходило до богов. Вот почему нашим ювелирам всегда хватало работы.

Правда, они делали вещи не из чистого золота, а всегда пополам с медью и называли этот сплав *тумбагой*. И был этот сплав прочный и твердый, но не радовал глаз цветом.

И, чтобы придать блеск изделию из тумбаги или скверного золота, применяли наши ювелиры тайный способ. Есть у нас одна трава. Берут ее, с положенными молитвами выжимают из нее сок и смазывают им изделие. Затем подносят изделие к огню и высушивают. И чем больше соку пошло на

вещь, тем больше времени надо держать ее над огнем. А чем больше она накаляется, тем ярче горит, как будто бы сделана вещица из самого что ни на есть чистого золота.

Получая от нас украшения, испанцы обычно переплавляли их в слитки. «Чистое» золото на глазах превращалось в чистую медь. Вот и сердились они, но при этом не могли надивиться мастерству наших ювелиров. Все умели муиски: и лить, и чеканить золото, сваривать лист с листом, тянуть тончайшую проволоку. И делали все это муиски получше, чем европейцы.

Пленник

Самые лучшие гончары жили в селениях Тинхака, Токансипа, Гуатавита и Гуаска. Рядом с этими селениями располагались древние копи, где и по сей день индейцы добывают прекрасную глину. Бесчисленное множество кувшинов для переноски воды и чичи, горшков для варки, чаш, блюд, подносов, котлов, кадилниц и жаровен расходилось из этих мест по всем долинам. Посуду расписывали яркими красками: белой, желтой, красной, серой, коричневой и черной в двухтрех оттенках. Когда открывались богатые ярмарки, невозможно было пройти мимо гончарного ряда, казалось, сама радуга Кучавира разбросала там свои цвета. Но особенно почитаемыми среди гончаров были те, которые изготавливали большие сосуды-копилки, в которых хранились жертвоприношения. И были эти сосуды сделаны в виде человеческих фигур. Многие из них имели отверстие на голове или на животе, куда и складывались золотые чунсо и изумруды. Одни копилки стояли вдоль стен храмов, другие закапывались по шею в пол. Как только такая копилка наполнялась доверху, жрецы прятали ее в потаенном месте.

Из всех ремесел пуще всего славилось ткацкое. Известно, что хлопок растет только в теплых землях. Там и были у нас поля, которые приходилось защищать от грозных панче.

Много хлопка вывозили из льяносов, что на востоке от нас. За каждую ношу хлопка-сырца, а ноша — это кипа, которую может унести на себе человек, давали один плащ... Доставив хлопок домой трудными переходами, муиски пряли его, ткали и раскрашивали. Из одной поклажи можно было изготовить один большой плащ и четыре маленьких. У муисков ткали только женщины. Они постоянно сидели за станком, выделывая плащи, платки, пояса, ленты и другие вещи для своих детей и мужей.

Муиски изготовляли разные ткани: и очень тонкие, из которых делались плащи для всяких надобностей, и грубое, толстое полотно, которое не пропускало воду. Оно шло на мешки, на военные палатки-навесы для вождей, ими покрывали стены крепостей для защиты от дождя и солнца.

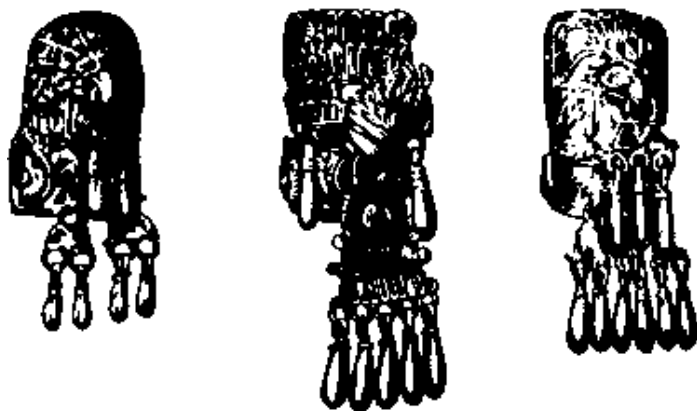
Но больше всего любили мы плащи «бой». Были они прямоугольные, края обрубали и обшивали. Обычно плащ был длиной около трех вар, ширина же его в зависимости от станка колебалась от одной до полторы вары. И мужчины и женщины одним таким плащом обертывали тело, прикрывая грудь и ноги ниже колен. Второй маленький плащ — *чиркате* накидывали на плечи. Большая заколка — *топо*, золотая, серебряная, медная, а то и костяная, кто какую сможет приобрести, соединяла концы чиркате. Обуви не знали, ходили босиком. Для покраски полотна в красный, голубой, черный и прочие цвета ткачихи пользовались тем, что давала им природа. Так, например, из сочных плодов дерева *биха*, подобного гранатам, получали жидкость красного цвета, которая шла на окраску тканей и тела. Черный и голубой цвета они получали из индиго.

Плащ расписывали от руки различными узорами. Вдоль всей его длины наносили полосы — *мауре*, узкие ленты незамысловатого рисунка, чаще всего красные и черные. Узоры простые, но очень красивые. Чем больше было полосок на плаще, тем дороже он ценился. Но обычно их было не больше четырех, и цена за каждую была строго определена. Краски же на ткани были столь яркими и прочными, что ни время, ни дожди ничуть не вредили им. Раскрашенные плащи служили наградой лучшим певцам и бегунам на религиозных празднествах. Плащами одаривали своих невест женихи, плащами выплачивалась дань. Одним словом, с плащом индеец не расставался со дня рождения до смертного часа.

На плащи у нас можно было приобрести все, что запросит душа. Захватив в плен саке Тунхи и его дворец, испанцы выбросили бесчисленное множество плащей, тканей, цветных бус. Только потом пришельцы поняли, что на них они приобрели бы втрое больше золота, чем награбили.

С появлением христиан за ткацкие станки сели и мужчины и дети. Теперь в каждом доме сушатся и отбеливаются длинные полотна. Многими податями обложили нас новые хозяева. И платим мы им плащами и поясами

из хлопка. Одно золотое песо приравнено к пяти варам ткани. И в Тунхе плащей скопилось уже столько, что нужно строить новые хранилища. А испанцы ненасытны, им подавай новые и новые полотна.

Древнемексикайские золотые украшения

Была и еще одна вещь, всем очень нужная. Я говорю о соли. Близ селений Немокона и Сипакиры во владениях сипы Боготы находились целые горы каменной соли и соленые озера. Соленую воду разливали по огромным кувшинам. Долгое время соль в них оседала, доколе не застывала в твердую массу. Когда же этот осадок измельчали, то получался мелкий порошок с приятным вкусом. А в соленой горе муиски прорубали узкие проходы и каменными топорами отбивали целые куски драгоценной соли. Из-за соляных разработок не раз вспыхивали войны между саке Тунхи и сипой Боготы. Тот, кто владел солью, был всемогущ. Это сообразили испанцы. Придя к нам, они прервали торговлю солью. Тем самым они вынудили воинственных панче им покориться. Как ни грозен был отряд капитана Ванегаса, оружием он завоевать этот народ не смог. Только пообещав индейцам соль, он вынудил их пойти на мировую. Панче, когда испанские послы вручили им дары, отвергли бусы и украшения, но сразу же схватили кусочки соли.

Но чем поистине была богата Новая Гранада, это россыпями изумрудов. «Зеленый лед» сопровождал испанских солдат с первых же их шагов по земле муисков. Мне самому с восторгом говорил генерал Кесада о великих богатствах, которые достались испанцам в нашей стране. Изумрудами же, считал он, Долина замков богата так, что в сравнение с нею не идет никакое Перу. И едва ли кому приходилось слышать о чем-либо подобном со дня сотворения мира.

Последней перуанской империей, завоеванной инками, была Чиму. Ее искусство оказало большое влияние на развитие ремесел у инков. Гордостью столицы империи города Чан-Чана были не только ювелирные изделия из золота, но и великолепные рельефы и узоры

Еще более утвердился Кесада в своем мнении, когда поднялся на знаменитый холм Итоко, что во владениях индейцев мусо. А холм этот отличался от всех других тем, что, кажется, весь был нашпигован изумрудами. Да, это была настоящая гора изумрудов. Зеленые камни зарождались в прослойках голубой клейкой глины, которая своим цветом спорила с небом. И появлялись они сразу, как птенцы из яйца, готовыми, сияя всеми восемью своими гранями, которые природа отшлифовала так, как этого не сделал бы ни один самый искусный ювелир. Камни появлялись на свет прозрачно-белыми, но со временем начинали темнеть, пока не становились совершенно зелеными. Часто встречались наполовину белые, наполовину зеленые изумруды. И такие запрещалось трогать. Обычно камни вырастали гнездами, но попадались и одиночки, были они очень крупные, и потому называли мы их «сипами». Незадолго до прихода христиан холм Итоко был окружен индейцами-людоедами мусо, и муискама, как это ни прискорбно, пришлось оставить изумрудную гору в руках врагов.

Были у нас и другие изумрудные копи во владениях касика Сомондоко. Его подданные добывали камни во время дождей или сразу же после них. Счастливые индейцы Сомондоко собирали так много зеленых камней, что продавали их всем желающим. Священный камень изумруд считался излюбленным приношением великим богам.

Сомондокцы никого не допускали на свою изумрудную гору. Они усиленно распространяли слух, будто любого чужеплеменника, который только осмелился бы взглянуть на место разработки драгоценного камня, через месяц настигнет смерть. Сдается мне, что сомондокцы нарочно пугали завистников, которые заглядывались на их богатства.

Кроме изумрудов муиски добывали из земли блестящий черный камень, который давал ровное жаркое пламя. Близ селений Топаги, Гамесы, Таско и в других местах были прорыты узкие, но глубокие канавы длиной от 100 до 200 вар. В них и добывался этот камень. Он согревал дома в холодное время, а вечерами разгонял ночную тьму. Хорошо служил этот чудо-камень и ювелирам, которые растапливали им свои горны, и тем, кто выпаривал соль в глиняных кувшинах.

Ткацкий станок

А сейчас я хочу рассказать о том, что более всего радовало сердце каждого муиска, будь то бедный или знатный. И была этим любимым делом торговля. Существовал древний обычай, по которому каждый четвертый день в славном городе Тунхе открывался рынок, и туда приходило бесчисленное множество людей всех племен. Являлось также много касиков и вождей, чтобы поглядеть на властителя Тунхи и справиться свои дела.

Не только близкие, но и дальние племена торговали с нами. Индейцы Сомондоко снабжали всю страну изумрудами, индейцы Немокона продавали соль. Морские раковины, предмет особой гордости муисков, служившие нам музыкальными инструментами и украшением для жилищ, доставлялись с восточных гор, из-за которых поднимается солнце. Золото в слитках и в песке поступало от индейцев с другого берега Великой реки. Индейцы северных племен, например люди сутагао, приносили на обмен смолу, меха, агаву — из нее плели веревки и сети, а также коку, биху и мед. Индейцы гуане сперва покупали соль у южных муисков и затем перепродавали ее за золото северным племенам; индейцы читареры торговали причудливо раскрашенными калебасами.

Самым знаменитым был рынок под городом Велесом, в селении Сорокота, на берегу реки Суарес. Здесь раз в восемь дней собиралось великое множество народа из Боготы, Тунхи, Согамосо и соседних с муисками земель. Индейцы жарких и высокогорных долин обменивались

тем, что им давала богатая природа. Все товары раскладывали по кругу на огромном камне. Это предвещало счастливый исход всех сделок. Индейцы торговали спокойно, не повышая голоса.

Денег мы не знали, вместо них в ходу были изумруды, плащи и хлопчатые ткани, а иногда небольшие золотые слитки, по форме сходные с монетами, которые стали чеканить при христианах. Впервые Кесаде подарили такие монеты в селении Гуачета. Во дворцах и сипы и саке испанцы нашли золотые сосуды тонкой работы, наполненные маленькими круглыми дисками. Соизмерялись они особым способом: вставлялись между указательным и большим пальцем руки. В случае если диск был слишком велик, его обмеряли специальными лентами. И называли христиане наши диски индейской монетой. И очень они были похожи на испанское песо, только что не стояло на них печати. Мы быстро поняли значение денег и сами стали плавить золото и делать из него настоящие монеты. Потом их пускали в оборот, торгуя между собой и с испанскими купцами.

Вскоре таких денег накопилось столько, что испанское песо обесценилось. Появились фальшивомонетчики, которые на наших слитках низкопробного золота (а они всегда делались из сплава с медью) ставили королевское тавро. Тогда власти спешно приказали собрать всю индейскую монету и промаркировать ее или же принимать ее от индейцев из расчета за одно испанское песо полтора песо индейского.

Муиски были великими ростовщиками. Так, если за товар в срок не платили, то каждый следующий месяц плата за него возрастала наполовину. У нас положено было честно платить долги. Как бы ни был болен, беден или пьян индеец, но, когда нужно было сказать, сколько он должен или сколько должны ему, он говорил чистую правду.

У нас был обычай строго различать дни работы и дни праздников. И мы ни в коем случае их не смешивали. Так, каждый месяц делился на три части, по десять дней в каждой. Первые десять дней мужья не соединялись со своими женами, а все это время жевали коку, смешанную с дурман-травой, чтобы облегчить душу и тело от забот и волнений и предстать чистыми перед лицом грозных наших богов. Следующие десять дней все работали в поле, строили дороги, подновляли дома и приумножали таким образом свои богатства. А последние десять дней отдавались отдыху, домашним радостям и торговле. И такой порядок соблюдали все племена, только у некоторых перемена состояния наступала не через десять дней, как у нас, гуатавитян, а через три или семь дней. Вот почему народ муисков был крепок телом и духом и не знал праздности и лени. Прилежны были наши женщины,

трудолюбивы земледельцы, закалены и выносливы воины, мудры жрецы и правители.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ,
в котором будут раскрыты таинства индейской веры и вся правда о «позолоченном человеке»

Католические святые отцы, которые наводнили Новую Гранаду, без конца бранили нас прескверными словами за то, что мы плохо молимся своему новому Богу Христу и грешим против Божественных заповедей, втайне поклоняясь идолам. Да, есть правда в этих словах. Я сам, хотя и прошел обряд крещения, а до сих пор, крестясь на деревянного Христа, мыслями обращаюсь к великому Бочике и всемогущему Солнцу. Только напрасно нас называют безбожниками. Это у испанцев есть лишь один Бог, да и вспоминают они о нем только по воскресеньям. Мы же, муиски, народ богобоязненный, и не проходило дня и часа, чтобы мы не приносили жертв и не воскурjali благовония в честь наших могучих покровителей. И было их много у нас оттого, что одному божеству не по силам уследить за всем, что творится на земле, под землей и на небесах.

Вот уже много десятков лет католические отцы, как злые собаки-ищейки, выискивают и вынюхивают места, где еще сохраняются наши священные алтари и жертвенники. И хотя жрецы через каждые восемь дней переносят их с одного потаенного места на другое, нетронутых святилищ остается все меньше. Не так давно отец Алонсо Ронкилья привез в Боготу три сотни идолов и под горестные вопли индейцев, которых нарочно согнали на главную площадь, бросил статуи в жаркий костер. Да и сейчас по округе рыщут целые отряды охотников за индейскими идолами. Третьего дня отец Мансера напал на верный след и в поздний час ночи ворвался в укромную пещеру около селения Рамирики. Там при свете чадящих факелов увидел он индейцев, коленопреклоненных перед королевским орлом из дерева в три метра ростом. Вокруг него стояли другие образы. Всех их испанцы вытащили наружу, разрубили на куски и бросили в костер, который тут же разожгли. Индейцы схватились было за палки, видя смерть любимых богов, да устрашились они мушкетов. И так каждый день. Погибают наши боги, вместе с ними медленной смертью умирает народ муисков. Когда откроют и осквернят мое святилище, умру и я.

Великое множество богов, и добрых и мстительных, в облике птиц и зверей окружало нас, муисков. Обо всех рассказать нет никакой возможности, только о самых великих поведаю я. Очень почитали мы

прародительницу муисков Бачуе, являвшуюся нам в образе змеи, и видели мы в ней саму мать-землю, которая посылает своим детям обильные плоды, не давая им умереть с голоду.

Бачуе владела даром покровительствовать плодам, ей приносили в жертву смолу и плоды пальмы.

Ее божественный супруг великий Бочика властвовал над всеми стихиями, и не было ему равных среди богов. И часто являлся он людям в облике царственного орла. Высший среди всех, он покровительствовал только знатным правителям и славным воинам-гуеча. Моления простых индейцев не доходили до его державных ушей. Милосердный Чибчачум, который был покровителем, опорой народа Боготы, защищал торговцев, ювелиров и земледельцев.

Радуга Кучавиры покровительствовала роженицам и страдающим лихорадкой, ей приносили в жертву золото низкого качества, изумруды и бусы. Кучавиру боялись. Появление в небе ее семицветного плаща вызывало ужас среди индейцев, ибо, по нашим представлениям, приносила она людям смерть.

Часть фрески в Кабахе

Был у муисков бог веселья Ненкатакоа. Отвечал он за порядок в религиозных шествиях и на всевозможных празднествах. Помимо этого он

помогал доставлять лес с гор и из жарких земель для постройки храмов и дворцов. В жертву принимал только чичу и вместе с нами напивался допьяна на наших праздниках. Изображали мы его в виде медведя, покрытого плащом, из-под которого торчал хвост. Было у него и другое имя — Фо, лисица, и ее облик мог он принимать. И был он богом ткачей и художников, которые раскрашивали плащи.

Грозные Гигвае и Чибэфруиме, жестокие боги войны, носили на плечах шкуры пум и ягуаров, а головы их закрывали маски в виде морд этих страшных зверей. Ненасытна была их утроба. Они умиротворялись, лишь когда к их ногам складывали головы военнопленных. А без их помощи ни один задуманный поход не бывал удачен.

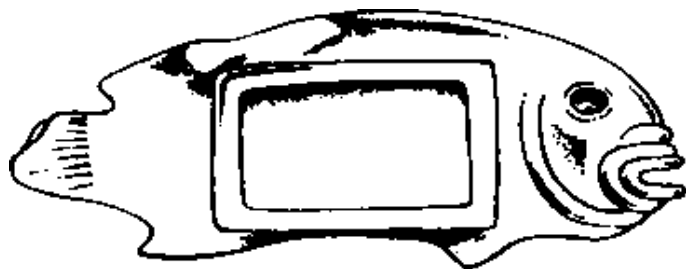
И еще много можно было бы рассказать о наших богах, да нетерпение заставляет меня перейти к тем из них, кому мы обязаны жизнью. Речь пойдет о богах-вседержителях, великих Суа и Чиа — Солнце и Луне. Не было пределов их величию, от них зависело — жить или умереть народу муисков. Вот почему мы всегда заботились, чтобы днем и ночью их благотворные лучи освещали нас и нашу землю, чтобы не теряли они ни на минуту своей благодетельной силы. А для этого Солнце и Луну нужно было постоянно кормить человеческой плотью и кровью. Верили мы — если не жертвовать Солнцу невинных юношей, наступит конец света, все живое исчезнет с лица земли. Вот почему часто проливалась человеческая кровь на жертвенных холмах. Ибо так необъятно величие Суа, что не было на свете стен, которые могли бы вместить его сияние и благодать. Около каждого селения выбирались одинокие холмы и утесы. Вершины их первыми встречали утренние солнечные лучи и поэтому посвящались могущественному Солнцу.

Лучшими, самыми угодными Солнцу жертвами считались мальчики, которых доставали далеко на востоке у чужих племен. Называли их *моха* или *гуеса* — бездомными. Неутомимые торговцы покупали шестисемилетних гуеса и так почитали их, что переносили на своих плечах, не разрешая им касаться грешной земли. Они стоили очень дорого: только правители сильных и больших племен могли приобрести такого мальчика, чтобы вымолить у Солнца расположение к своему народу. Лишь немногие правители, такие, как сипы Боготы, покупали сразу двух или трех *солнечных мальчиков*.

Они жили в святилищах, где им воздавали божеские почести. Индейцы считали, что гуеса умели беседовать с Солнцем и передавать ему просьбы жрецов, молившихся о благе людей. Одной из главных обязанностей мальчиков было петь священные гимны. Когда начинали звучать их высокие, чистые голоса, индейцы плакали. По утрам жрецы носили гуеса на

руках к источнику или на речку, чтобы они могли омыть лицо и тело. Их необычайно нежили, и никто, даже сам правитель, не мог есть с ними из одного блюда. Но если жрецы узнавали, что кто-нибудь из гуеса познал женщину, его изгоняли из святилища и он становился таким же юношей, как и все прочие.

Но вот приходила пятнадцатая весна, и гуеса достигал возраста, когда великий Суа призывал его к себе, чтобы обрести в его невинной крови и плоти свою бескрайнюю силу и могущество. Наступал у людей великий праздник. Лучшими благовониями и маслами умащивали тело солнечного юноши, наряжая его в богатые одежды. Длинная процессия жрецов, подняв гуеса высоко над головой, медленно и торжественно несла его в последний путь к священному холму. И бывало это в дни, когда боги очищали небо от самых легких облаков, чтобы ничто не мешало великому Солнцу принять к себе желанную жертву. На роскошный плащ опускали гуеса. Тягучие, грустные звуки флейт оглашали окрестности. И знали все, что жрецы, облаченные во все черное, рассекают в эти минуты грудь жертвы и извлекают из нее еще живое, бьющееся сердце! Теперь сердце поместят в священный сосуд, кровью же окропят все выступы солнечного холма. Тело юноши хоронили с почетом в пещере или оставляли непогребенным на вершине. Жрецы возвращались несколько дней спустя и, если не находили останков, радовались, считая, что Солнце удовлетворено и будет и впредь давать людям свет, тепло и обильную жизнь. Повинуясь этому обычаю, индейцы бросали к ногам испанцев тела мальчиков, ибо приняли они поначалу пришельцев за сыновей Солнца.

Жертвенная миска в виде рыбы, используемая инкскими жрецами во время религиозных обрядов

И хотя оспаривать заветы богов считается непростительным грехом у нас, муисков, но должен признать я, что сомнение давно поселилось в моем сердце. Теперь, когда многое прожито и недалеко свидание с самим Гуахайоке, демоном смерти, сдается мне, что жрецы напрасно проливали кровь в честь великого Суа. Ведь от гнева всемогущих европейцев он так и не смог нас спасти. Да и от засухи, и от недородов слишком часто страдали

наши земли. Поэтому повелел я своему народу заменить кровь людей на кровь священных попугаев. И стали жрецы приносить в жертву Солнцу попугаев по 100-200 штук за один раз. Но прежде птиц обучали говорить на нашем языке, чтобы Солнце думало, что и они люди.

Но Суа принимал с благосклонностью и другие жертвы. В его честь сжигали в жертвенном огне изумруды. Чем могущественнее был правитель, тем больше и лучшего качества камни бросал он в пламя, посвященное Солнцу.

У муисков было множество храмов в больших и малых селениях, вдоль дорог, на берегах рек, озер, на священных холмах. Это были обычные дома или хижины. Пол был покрыт мягкой плетенкой и уставлен скамейками. На них лежали различные фигуры из золота, меди, дерева, глины, из нитей хлопчатника и воска, изображавшие богов. Эти фигуры мы приносили всегда парами — женский идол вместе с мужским, и служили они символами плодородия. Дворцы правителей и ворота храмов соединяли ровные дороги с валами по обеим сторонам.

Жрецы *ехчки*, или, как называли их христиане, *хеке*, считались людьми святыми и непорочными. Сан жреца переходил по материнской линии от дяди к племяннику, сыну его старшей сестры. Хеке — высшие жрецы — молились за целые племена и народы. Каждая община выделяла лучшие земли, чтобы кормить жреца, женскую прислугу и всех его помощников. Ведь не могли жрецы марать себя простой земной работой, так как они разговаривали с великими богами.

В особых зданиях при храмах — *кука* помещались маленькие мальчики — будущие жрецы. Жили они в строгом уединении, вдали от людских глаз, не зная мирских забот. И потчевали их только кашей из кукурузной муки, без всякой соли. Впрочем, иногда им разрешалось подобрать какую-либо птицу или выловить рыбу из ручья. Старые жрецы наставляли их обрядам и церемониям, толковали им о верованиях, старинных преданиях, учили исчислять время, лечить недуги, беседовать с богами, произносить магические слова-заклинания.

Когда юноше-жрецу исполнялось 16 лет, ему прокалывали нос и уши и вставляли в них серьги и кольца из золота. Потом его вели к ближайшей протоке, где он омывал тело и наряжался в новые плащи. Оттуда он следовал со своей свитой в дом правителя, который возводил его в сан хеке, передавая ему право управлять божественными делами на своей земле. Это событие отмечалось как большой праздник, ибо все считали, что молодой жрец, полный сил и способностей, принесет удачу людям, вымолив ее у богов.

Жрец был обречен на безбрачие, иначе он лишался своего сана. Мы полагали, что святой человек, советчик людей в серьезных делах, приносящий жертвы богам, не должен предаваться похоти. Обычно жрец на людях говорил редко и мало, часто постился, подвергал свое тело истязаниям, теряя при этом много крови. Сон его был краток. Большую часть ночи он проводил, молясь богам и жуя листья коки.

И говорили нам жрецы, что души после смерти покидают тело, спускаются под землю оврагами с желтой и черной глиной, а затем переправляются через большую реку на лодках из паутины. Вот почему индейцы никогда не убивали пауков, чтобы не иссякла паутина на земле и чтобы легок был путь в иную жизнь, к месту, где все пьют, пляшут и веселятся.

Все, о чем я рассказываю, знали и видели многие католики. И часто они смеялись над нами, называя нас невеждами и скудоумами. Однако то же самое я мог бы сказать и о них. Ибо многие их заблуждения сродни нашим. Так, католики считали слюну целебной; верили, что наилучшее лекарство от всех болезней делается из крови змеи с добавлением еще семидесяти трех разных разностей. Я видел сам, как они пытались исцелиться порошком из высушенных глаз раков. Испанцы считали, что можно избавиться от конвульсий, если посадить паука в мешок, и от лихорадки, если повесить на шею цепочку кораллов. Тот же, кто окутает шею волосами индейской женщины, спасется от ревматизма. Змея же, положенная на плечи, будто бы излечивает зуб. И многое другое вспоминается мне, из чего заключаю я, что каждый народ заблуждается по-своему.

Так что много богов повелевало муисками, и потому великое множество больших и малых жрецов служило им в храмах, не зная покоя ни днем, ни ночью. Но были у муисков и такие боги, которых они делали собственными руками. Эти идолы были небольшие — у кого из золота, а если индеец был победнее, то и из глины или дерева, с отверстием в животе, в которое вкладывались золото и изумруды. Индейцы настолько почитали этих идолов, что всегда носили их с собой — и в поле, и на рынок, и на войну в небольшой плетеной корзинке под левой рукой. Особенно набожным были подданные саке. Рассказывали мне, что в пылу сражений с испанцами воины саке частенько роняли свои священные корзинки. Удивленные испанцы поднимали смешных божков, чтобы получше рассмотреть их. Индейцы же прекращали бой, полагая, что пришельцы отбирают идолов, чтобы молиться им. Из-за этой неосторожности многие индейцы погибали.

Да, набожным и богобоязненным слыл народ муисков. Мы не только носили с собой своих богов, чтобы ни на минуту не расставаться с ними, но

и повсюду видели их, куда бы ни падал взгляд. И казалось индейцам, что вся природа населена духами, требующими, чтобы их почитали. И поклонялись мы озерам и протокам, горам и скалам, если была у них причудливая форма. Особенность, которую они имели, казалась нам достойной почитания.

Но более всего на свете муиски почитали воду, живительную воду, сестру радости и дарительницу жизни. Во всякой воде таился для нас сокровенный смысл, ибо приносилась она в жертву великим божествам, озерная же гладь почиталась превыше всего.

Богата озерами земля муисков. Куда ни взгляни, тут и там в распадках между горами, на вершинах холмов голубеют большие и малые озера. И каждое из них — это слеза прекрасной Чи, грустящей по ночам о своем блистательном солнечном супруге. У каждого племени муисков было свое священное озеро. На севере славилось озеро Фукене, и было оно обиталищем бога Фу. На маленьких островках, рассеянных по водной глади, в святилищах жили жрецы. Множество паломников сходилось на берега Фукене, чтобы принести свои жертвы хозяину воды. На юге знаменита была лагуна Эбаке. Большое озеро Суэска почитали жившие окрест индейцы. Озеро Тота привлекало всех своей красотой. Но самым известным считалось озеро Гуатавита, все признавали могущество женщины-змеи Фуратены, поселившейся в чудесных водах этого озера. И так велика была слава озер у муисков, что неустанно тянулись они к их берегам.

Раз в три года в феврале — марте наступал великий день — *суна кухума*, день «великой дороги», начиналось паломничество к священным озерам. И соединялись все муиски в братскую семью, и забывали они о старых распрях и кровных обидах. И боги, видя это, также радовались и переставали строить козни друг другу. Всякая вражда и боевые действия прекращались на срок паломничества. Подданные сипы и саке, их союзники и соседи становились участниками праздничного шествия, и длилось оно целых 20 дней. Жители севера начинали паломничество с озера Фукене, а жители юга — с Эбаке.

Долина замков приходила в движение. Везде толпились люди в праздничном убранстве, одни встречались с другими, одаривая друг друга богатыми подарками. Встречи превращались в веселые праздники, желтая сапкава лилась рекой, и забывали индейцы о строгих предписаниях, которых они придерживались в обычное время. Да, в эти дни боги сквозь пальцы смотрели на нарушения древних запретов. А сколько драгоценных даров бросали ликующие паломники в озерные воды! Сколько лакомств скармливали они рыбам, обитавшим в священных водах, которые ходили там огромными косяками! Однако ловить рыбу запрещалось под страхом смерти. И старались все перещеголять друг друга, чтобы завоевать милость

богов и привлечь их на свою сторону. И говорили мне старики, что священные воды с такой радостью принимали в свое лоно людские дары, что обычно спокойная и гладкая их поверхность покрывалась волнами. И чем выше были волны, тем пуще бились сердца людей, ибо значило это, что боги довольны. А когда боги довольны — и человек счастлив.

Но было еще одно, что любили наблюдать наши могущественные боги, — священные бега. Муиски считали, что в беге человек набирается мужества и силы, уподобляется птицам небесным, ближайшим помощникам богов. Один из богов, по имени Чакен, что значило «бегущий», больше всего любил бегать с нами по священным холмам и дорогам, помогая самым выносливым. И мы всегда знали, что рядом с тем, кто первым поднимался на священную вершину, всегда стоял легконогий Чакен.

Так преданны были муиски этому искусству, что обучали ему своих детей с самого нежного возраста, чтобы, возмужав, могли они сравниться с самими богами. Священные бега устраивались на всех празднествах — строили ли новый дом правителю, радовались ли хорошему урожаю, поклонялись ли озерам. Если паломники обнаруживали близ озер святые холмы и пещеры, к ним тоже совершались бега.

Обычно состязались мужчины и девушки группами по шесть человек. Сам правитель намечал круг, которым должны были следовать бегуны. Первого, кто достигал священной вершины, премировали золотой короной, которую он получал право надевать на религиозных церемониях и в битвах. И приносила она ему славу и удачу. Индейцы верили, что войско, в котором сражаются прославленные бегуны, не знает поражения, ибо бегуны были любимцами и избранниками богов. Девушек награждали плащами. Та, которая прибегала первой, получала шесть плащей, вторая — пять, последняя — только один. Победительница получала право носить свои плащи так, чтобы края их подметали за ней землю. И все расступались перед ней, потому что такие женщины считались между нами отмеченными божьей благодатью. Борьба часто была столь ожесточенной, что многие участники умирали, ведь им приходилось пробегать одну-две, а порой и четыре лиги^[5], и при этом без остановки. И бежали они так легко и стремительно, что со стороны казалось, будто они парят над землей. Всех умерших во время священных бегов, а также жертв чересчур обильных возлияний (многих убивала желтая сапкава) как «святых мучеников» хоронили в пещерах, которые с тех пор становились священными. Покойникам жертвовали плащи, золото, изумруды.

Так проходили 19 дней «великой дороги». Наступал и день двадцатый, самый торжественный. Простые индейцы отправлялись к своим потухшим очагам. Все достойные, от глав маленьких общин до великих вождей и

знатных воинов, собирались на священных берегах озера Гуатавиты. Великая змея, которая предвещала голод и болезни людей и смерть правителей, призывала к себе самых лучших своих сыновей, чтобы принять от них жертвенные дары.

День и ночь жгли благовония в огромных жаровнях у самой воды. День и ночь поднимались к небу дымки от курящегося моке, запах которого был так угоден богам. Рано утром на озере появлялись большие плоты. На них плыли жрецы и с молитвами бросали на дно богатые приношения. Каждый из них просил покровительства у женщины-змеи, исполняя пожелания простых людей. Сверкающие изумруды, дорогие бусы и ожерелья, золотые короны медленно и бесшумно исчезали в глубинах озера. Некоторым казалось, будто они слышали, как со стуком распахивались ворота подводного дворца. Это выходила из них прекрасная Фуратена, чтобы полюбоваться на сокровища, которые посылали ей люди. После окончания церемонии начинался трехдневный праздник, которым и заканчивалось паломничество.

Но бывали и другие случаи, когда тот или иной правитель, каждый на своем священном озере, приносил положенные жертвы. Так поступали все властители, если была у них нужда в заступничестве хозяина заветных вод. Только простые индейцы не могли заплывать в эти озера, и они кидали свои приношения прямо с берега, стоя к озеру спиной, ибо опасна была для глаз непосвященных озерная гладь.

Вот почему и в моей земле было принято время от времени нарушать благоговейную тишину озера Гуатавиты. По несколько раз в году мои предки вверяли себя легкой, зыбкой бальсе, чтобы с ее помощью добраться до середины священных вод и спросить Фуратену о будущем, ниспослать ей мольбу о богатом урожае, испросить избавления от тяжкого недуга. И так велики были доброта и щедрость женщины в облике змеи, что все наши просьбы она выполняла. И год от года земля ее сыновей и дочерей становилась богаче и обильнее, и росла ее слава у близких и далеких наших соседей.

Давно не принимает жертв прохладное лоно озера Гуатавиты. Когда я покинул свое суровое обиталище, где жил в заточении, долины и горы уже не принадлежали муискам. Мои подданные гуатавитяне были или убиты, или раздарены новым хозяевам. Погиб мой великий предок Парящий орел, и никто не знал, где он захоронил наши сокровища. И хотя я стал правителем, но не мог совершить священного омовения. Однако нельзя было нарушить древний обычай. В ночь перед избранием тихо выплыл я на середину озера. Не было на мне золотого покрова, и не стояли на плоту блюда с богатыми приношениями. И воззвал я к великой Фуратене, чтобы благословила она

меня править моим поверженным народом. Но не ответила мне женщина-змея. Покинула свою обитель всемогущая Фуратена. Не могла пережить она горькие страдания своих сыновей и дочерей. Осквернен и опозорен был ее дом. И видели люди, как однажды нечто огромное и темное вынырнуло из озерных вод. И были это извивающиеся кольца огромной змеи. Быстро поплыла она к берегу и вышла на отмель молодой и прекрасной женщиной. Печально было ее лицо, из глаз струились слезы. Последний раз взглянула она на встревоженные волны и обратилась в камень. Из-под тяжелого его основания вскоре забил звонкий ручей.

Стали приходить к этому камню индейцы, веря, что в нем омертвела Фуратена, бывшая владычица озера. И омывали они лицо ее слезами, чтобы отогнать все несчастья. А еще говорят, что сторожит каменная владычица сокровища подводного дворца. Нет числа этим богатствам. Сам же дворец покоится на золотых сваях, золотые столбы сияют в ограде, золотые щиты и пластины свешиваются с ворот и тихо звенят при движении волн. Змеятся дорожки, выложенные изумрудами, золотыми песчинками вытканы узоры на стенах покоев. А в главном зале на помосте лежат золотые покровы правителей из рода Орлов, всех тех, кого благословляла Фуратена править своим народом. Вот какие драгоценности охраняет от глаз людей хозяйка озера, навечно обратившаяся в береговой камень.

Жадные испанцы давно замыслили добраться до священных недр озера. Первым за это недостойное дело взялся капитан Ласаро Фонте, самый отчаянный воин в отряде генерала Кесады. Как только уехал Кесада в Испанию, Ласаро согнал окрестных индейцев и принялся рыть канаву на берегу озера. Но работа не ладилась. Кто-то по ночам засыпал все то, что землекопы прокладывали за день. Так и отказался испанец от своей затеи.

Но вскоре нашелся другой стяжатель — недостойный брат генерала Кесады, Эрнан. Всем была известна его жадность до золота. Собрал он своих рабов-индейцев и под страхом смерти заставил их рыть многие рвы и канавы. Хотел он понизить воды озера. Ему удалось достать несколько золотых рыб и птиц, и эта добыча стоила 4 тысячи песо. Однако важные дела вынудили его покинуть озеро, и больше он туда не возвращался. Потом, говорят, его убило небесным огнем, и была это месть великой женщины-змеи.

Но судьба этих нечестивых католиков не стала уроком для других. И вот недавно объявился некто Антонио Сепульведа. Много дней ходил он по берегу, что-то высматривая и высчитывая. Говорят, он подписал договор с самим испанским королем Филиппом II, и король дозволил ему осушить озеро Гуатавиту. И действительно, согнал испанец множество людей, и принялись они рыть огромную канаву. Вскоре ее заполнили озерные воды. И

обнажились прибрежные скалы, дотоле скрытые от глаз людских. Сперва Сепульведа выловил старые башмаки. И все смеялись над ним. Потом в водорослях стали попадаться золотые змейки, орлы, бусы и ожерелья. Всего Сепульведа достал золота на 12 тысяч песо. А однажды сеть принесла маленькую сумку с большим изумрудом. Возликовал испанец и решил провести второй канал, чтобы забраться еще глубже. Но не хватило у него денег на эту работу. И сколько он потом ни копил, сколько ни сквалыжничал, а не по карману оказалась ему эта затея. Так и умер он в нищете, всеми забытый. И снова свершилась воля хозяйки сокровищ владычицы Фуратены.

Как только испанцам стало известно, что были у нас и другие священные озера, принялись они рыскать по их берегам в надежде на легкую добычу. Не всем прошло это даром. Некто Карриага целыми днями нырял в воды Эбаке, сделав себе плот из надутых оленьих шкур. И однажды озеро выбросило его наверх посиневшего, с пустыми глазницами. И говорили индейцы, что хозяин озера взял душу, а тело послал людям в назидание охотникам за индейскими сокровищами. И с тех пор перестали испанцы тревожить озера, опасаясь злой гибели.

На этом кончаю я свое повествование о народе муисков. Такова была его история. И да не забудут ее наши дети и дети наших детей! Пусть знают они свое начало, свои корни и пусть чтут своих славных предков. Об одном жалею я, что не передам моему племяннику и наследнику Диегито священной тотумы, полной золотого песка, дабы мог он совершить желанное омовение. Прервались наши традиции...

Силы изменяют мне. Большой паук уже выткал свою волшебную пелену в углу моего дома. Пора готовиться в далекий путь, в другую жизнь. Демон смерти Гуахайоке призывает старого индейца. Меня похоронят по христианскому обычаю, предадут мое тело брэнной земле без украшений, жен и верных слуг. Не возложат на веки мои изумруды, чтобы светили они мне в дальней дороге. Но недаром я кормил паука его любимыми яствами. Будет душа моя плыть в паутинном челне. Он доставит меня в край, где я снова стану тем, кем был в далекие времена, и воссоединюсь с моими предками.

Я, дон Хуан де Гуатавита, говорю всем — оставайтесь, я ухожу в страну вечной радости. Все, что поведал я, — чистая правда, и пусть страшный гнев богов обрушится на тех, кто добавит к моей повести хоть одно слово лжи.

ПОПОЛЬ-ВУХ

Пер. Р. Кинжалова

Наиболее известным литературным памятником майя остается «Пополь-Вух»... Переводы «Пополь-Вух» вышли, вероятно, во всех цивилизованных странах. Эта жемчужина в сокровищнице мировой литературы представляет ценность как для специалистов, так и для рядовых читателей, поскольку она верно передает эстетические, религиозные и философские представления киче, одного из племен великой семьи центрально-американских майя.

Первоначально «Пополь-Вух» был, очевидно, записан иероглифами. После прихода в Гватемалу испанцев кто-то переписал рукопись «Пополь-Вух» латиницей. Личность переписчика, которому мы должны быть благодарны за сохранение этого уникального литературного памятника, представляет собой одну из загадок майяистики. Возможно, «Пополь-Вух» переписал (скорее всего, в 1530 году) крещеный индеец Диего Рейносо. Согласно новейшим взглядам (например, по мнению гватемальского американиста Адриана Ресиноса), латинская копия относится к 1554-1558 годам. Переписанный экземпляр «Пополь-Вух» пережил пору губительной деятельности Диего де Ланды и его фанатичных коллег. В начале XVIII века эту рукопись, надежно спрятанную в гватемальской индейской общине Чичикастенанго, нашел образованный доминиканский монах, благородный друг индейцев и почитатель их культуры Франсиско Хименес. Он скопировал ее и, владея языком киче, сделал также испанский перевод текста. С рукописью Хименеса познакомились позднее европейские исследователи (и прежде всего австриец д-р Карл Шерцер, впервые ее опубликовавший, и француз Шарль Этьен Брассер де Бурбур, издавший в 1861 году в Париже ее перевод). С тех пор эта удивительная книга, представляющая собой одно из немногих подлинных свидетельств великой цивилизации доколумбовой Америки, неизменно вызывает к себе интерес.

Произведение это довольно объемистое. В нем три главные, почти самостоятельные части. Первая посвящена космогоническим представлениям киче — в ней, например, описывается сотворение мира главными божествами киче, возникновение животных, создание людей, затем рассказывается о потопе и об уничтожении «деревянных людей». Тут повествование неожиданно прерывается, и начинается вторая, самая пространная и, вероятно, самая прекрасная часть, напоминающая греческую мифологию, — рассказ об удивительных судьбах двух друзей — героев Хун-Ахпу и Шбаланке, о их борьбе с гордым «полубогом» Вукуб-Какишем и о том, как они убили его самого и двух его сыновей; далее повествуется, как оба они спустились в преисподнюю, в подземное царство Шибальбу, рассказывается о страшных приключениях, о правителях Шибальбы и о том, как Хун-Ахпу и Шбаланке состязались с ними в игре в мяч, о похождениях героев в «доме тьмы», в «доме ягуаров», в «доме летучих мышей» и о том, как они в конце концов победили правителей подземного мира.

В третьей части продолжается рассказ о сотворении людей. Божественные создатели, недовольные первым и вторым своим творением — людьми из глины и людьми, вырезанными из дерева, — вновь сделали человека, на этот раз из священного растения — кукурузы. Человек этот удался, и все киче — его потомки. Затем в «Пополь-Вух» повествуется о первых четырех людях, сотворенных из кукурузы, о Балам-Кице, Балам-Акабе, Маху-Кутахе и Ики-Баламе, которые были праотцами киче, и о том, как позднее боги создали прародителей других народов.

Завершается «Пополь-Вух» весьма ценным для историка описанием: переселением киче и рассказом о возникновении отдельных кических племен и племенных божеств. В конце перечисляются правители отдельных групп киче: нихайб, кавек, ахау-киче — от «праотцев» до дня написания книги.

Вступление ^[6]

Вот начало старинных преданий о тех, кто в этой местности носит имя киче^[7]. Здесь мы (все) напишем. Мы начнем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено в городе киче^[8] племенами народа киче.

Здесь также мы откроем и сообщим то, что было раньше скрыто; изложим, как это было освящено Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, как они именуются. Здесь будет рассказано о Хун-Ахпу-Вуч, о Хун-Ахпу-Утиу, о Саки-Нима-Циис, о Тепеу, о Кукумаце, о Сердце озера, о Сердце моря, о Владыке зеленого блюда и Владыке зеленой чаши, как зовутся они^[9]. Здесь будет также возвещено и рассказано о Прародительнице и Прародителе, чьи имена — Шпийакок и Шмукане, защитниках и хранителях, дважды почтенной Прародительнице и дважды почтенном Прародителе, как именуются они в сказаниях киче. Там рассказывается все, что они совершили в свете существования, в свете истории.

Мы пишем теперь это уже при Законе Божиим и при христианстве. Мы излагаем это потому, что у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света, пришедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга, написанная много времен тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает. Величественным было ее появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли; как были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки; как она была расчленена и как было разделено небо; и была доставлена веревка для измерения и натянута в небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках, как это было названо Создательницей и Творцом, Матерью и Отцом жизни и всех сотворенных вещей, теми, кто создал дыхание и создал мысль, теми, кто дает рождение детям, теми, кто бодрствует над счастьем народа, детьми света, сыновьями света, теми заботливыми мыслителями, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море.

ЧАСТЬ I

Глава I

Это — рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности^[10], все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто.

Это — первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться, или дрожать, или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах^[11]. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями^[12], и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес — таково имя бога и так он назывался.

Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещаясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй — Чипи-Какулха. Третий — Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес^[13].

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об (их) пище и пропитании.

— Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, — так говорили они. — Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! — так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. «Земля!» — воскликнули они, и немедленно она была сотворена.

Подобно туману, подобно облаку и подобно облаку пыли была (земля) при своем сотворении, в начале своей телесности. Затем горы появились из воды; большие горы выросли мгновенно.

Только чудом, только магическим искусством были образованы горы и долины; и немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли.

И тогда Кукумац исполнился радости и воскликнул:

— Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, Раша-Какулха!

— Наша работа, наше творение должно быть закончено! — ответили они.

Сперва были созданы земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодородной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать, благодаря им, действительностью.

Глава 2

Затем они создали малых диких животных, лесных человечков^[14], духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ.

И спросили Великая мать и Великий отец: «Неужели только молчание и только тишина будут под деревьями, под лианами? Хорошо, чтобы в будущем кто-нибудь был там, чтобы охранять их».

Так говорили они, когда они размышляли и беседовали друг с другом. И быстро были созданы олени и птицы. Немедленно они указали оленю и птицам их жилища: «Ты, олень, будешь спать в полях, на берегах рек и в ущельях. Ты будешь бродить среди кустов, среди трав; в лесах ты будешь умножаться; ты будешь ходить на четырех ногах, и они будут тебя поддерживать. Так да будет сделано!» Так говорили они.

Затем они назначили также жилища птицам, большим и малым: «Вы, птицы, будете жить среди деревьев, среди лиан. Там вы сделаете себе свои гнезда, там вы будете умножаться; там вы будете увеличиваться в числе, в ветвях деревьев, посреди лиан».

Так было сказано оленю и птицам; они сразу же выполнили то, что им надлежало делать, и все они получили свои жилища и свои гнезда. Вот таким образом Великая мать и Великий отец дали земным животным их обиталища, так для оленя и птиц все обошлось хорошо.

И когда это было закончено, Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец сказали им: «Говорите, кричите, щебечите, зовите, говорите друг с другом, каждый согласно своему виду, согласно своему роду, каждый согласно своему способу!» Так было сказано оленям, птицам, пуме, ягуарам и змеям.

«Называйте же наши имена, восхваляйте нас, вашу мать, вашего отца. Призывайте же Хуракана, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Сердце небес, Сердце земли, Создательницу и Творца, Великую мать и Великого отца, говорите же громко, призывайте нас, почитайте нас», — так было сказано им.

Но они не могли заставить их говорить подобно людям; они лишь свистели, и пищали, и кудахтали; они не были способны произносить слова, и каждый пищал на свой лад.

Когда Создательница и Творец услышали, что для них невозможно говорить друг с другом, то они сказали: «Для них совершенно невозможно произносить наши имена, имена нас, их творцов и создателей. Это нехорошо», — сказали Великая мать и Великий отец друг другу.

Затем они сказали им: «Раз для вас невозможно говорить, вы должны быть изменены. Мы изменили свои намерения: ваша пища, ваши пастбища, ваши жилища и ваши гнезда останутся при вас; это будут ущелья и лес, потому что для вас невозможно почитать нас или призывать нас. Будут еще те, кто будет почитать нас, мы создадим другие существа, какие будут послушными. Примите ваше предназначение: ваша плоть будет разорвана на части. Да будет так! Вот что будет вашей участью». Так сказали они, когда они возвестили свою волю большим и малым животным, сколько их есть на поверхности земли.

Они желали дать себе новое испытание, они желали сделать новую попытку; они желали создать (существа, способные) почитать их.

Но (животные) не могли понять говора один другого; они не могли преуспеть в чем-либо и не могли сделать что-либо. Вот по этой причине их плоть была принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели. Вот по этой причине Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом была сделана новая попытка создать и сотворить людей.

Изображение бога и календарных дат на золотом диске, найденном в «Колодце смерти» в Чичен-Ице

«Давайте, без промедления, попытаемся снова. Уже приближается время для зари и света. Давайте создадим того, кто будет питать и поддерживать нас! Что мы должны сделать, чтобы нас призывали бы, чтобы нас помнили на земле? Мы уже пытались в нашем первом творении с нашими первыми созданиями, но не могли мы заставить их восхвалять и почитать нас. Так давайте же попытаемся создать послушных, исполненных почтительности существ, которые бы кормили и поддерживали нас», — так говорили они.

Затем (существо) было сотворено и создано. Из земли, из глины они сделали (человеческую) плоть. Но они увидели, что это получилось неудачно. Она расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела

силы; она падала вниз, она была слабой; голова ее совершенно не могла двигаться, лицо ее было скошено на одну сторону; зрение ее было полностью затуманено, и она не могла видеть сзади. В первый момент она зато могла говорить, но разума у нее не было. Она быстро намокла в воде и не могла стоять.

И тогда Создательница и Творец сказали: «Давайте попытаемся снова, потому что эти (создания) не способны ни ходить, ни размножаться. Давайте обдумаем это!» — сказали они. И вслед за этим они разломали и разрушили свою работу и свое создание.

И они говорили: «Что же мы должны делать, чтобы (наша) мысль осуществилась и (появились) существа, которые взывали бы к нам, молились бы нам?»

Так говорили они, совещаясь снова друг с другом: «Давайте же скажем Шпийакоку и Шмукане, Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу: бросьте ваш жребий снова, возвестите судьбу и создание такого существа». Таким образом Создательница и Творец беседовали друг с другом, и так говорили они Шпийакоку и Шмукане.

Тогда они сказали этим предсказателям, Старцам дня, Старцам зари, как они именовались Создательницей и Творцом, тем, чьи имена были Шпийакок и Шмукане.

И сказали Хуракан, Тепеу и Кукумац, когда они говорили с предсказательницей и с создателем, кто суть предвещатели:

«Прежде всего надо ясно узнать и найти средства, чтобы этот человек, которого мы создадим, человек, которого мы намереваемся создать, мог бы кормить и поддерживать нас, мог бы призывать и помнить нас!

Примите же горячо наши слова, о Прародительница и Прародитель, о наша Праматерь и наш Праотец, Шпийакок, Шмукане, создайте свет, создайте зарю, сделайте нас призываемыми, сделайте нас почитаемыми, сделайте нас помнимыми сотворенным человеком, созданным человеком, настоящим человеком, совершенным человеком. Скажите же: пусть будет сделано так!

Пусть будут известны (ему) ваши имена: Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу, дважды почтенная мать, дважды почтенный отец, Ним-Ак, Ним-Циис, хозяин изумрудов, работающий над драгоценностями, скульптор, строитель, создатель прекрасных блюд, создатель прекрасных сосудов, творец благовонных смол^[15], мастер из Тольтеката, Праматерь солнца, Праматерь зари. Так вы будете именоваться теми, кто будет нашим делом и нашими созданиями.

Бросьте же жребий вашими зернами кукурузы и семенами дерева цитё»^[16]. Сделайте это так, и это будет сделано! Мы тогда узнаем, сможем

ли мы создать или вырезать его рот и глаза из дерева». Так было сказано предвещателям.

Они спустились сразу же, чтобы сотворить свое волшебство, чтобы бросить свои жребии зернами кукурузы и семенами дерева цитё. «Судьба, создание!» — сказали Праматерь и Праотец в угоду им. И этот Праотец был тот, кто предсказывает судьбу по семенам дерева цитё, тот, кто называется Шпийакок. А Праматерь была прорицательница, создательница, та, которую называют Чиракан Шмукане.

Начиная прорицание, они говорили: «Сойдитесь вместе, схватите друг друга! Говорите, чтобы мы могли слышать, — говорили они, — скажите, будет ли хорошо, если дерево будет обработано и будет вырезано Творцом и Создательницей? Будет ли это (деревянный человек) тем, кто должен питать и поддерживать нас, когда будет свет, когда будет день?»

Ты, кукурузное зерно, вы, семена дерева цитё, ты, день судьбы, ты, творение, ты, охваченная зудом желанья, и ты с напряженным фаллом, — говорили они кукурузе, цитё, дню судьбы, созданию. — Приди, принеси здесь жертву кровью, Сердце небес, не наказывай Тепеу и Кукумаца».

Так говорили они тогда и сказали истину: «Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разговаривать на земле».

«Да будет это так!» — ответили (Создательница и Творец).

И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли.

Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех (ногах).

Они уже более не помнили о Сердце небес, и поэтому они погибли.

Это было не больше чем проба, чем попытка (создать) человека. Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была тухлявой.

Поэтому они не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них.

Вот каковы были первые люди, существовавшие в большом числе на поверхности земли.

Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.

Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий.

Плоть мужчины была сделана из дерева цитё, но когда Создательница и Творец создавали женщину, ее плоть была сделана из сердцевины тростника. Вот таковы были материалы, которые Создательница и Творец желали использовать, создавая их.

Но те, которых они создали, те, которых они сотворили, не думали и не говорили пред лицом своей Создательницы, пред лицом своего Творца. И из-за этого они были уничтожены, они были потоплены. Густая смола пролилась с неба. Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал их глаза; Камалоц^[17] пришел и оторвал их головы; Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумбалям тоже пришел, он сломал и растерзал их кости и их жилы, он перетер и сокрушил их кости.

Это (было сделано), чтобы наказать их, потому что их мысли не достигали до лица их матери, до лица их отца, Сердца небес, что зовется Хураканом. И по этой причине лик земли потемнел, и начал падать черный дождь: ливень днем и ливень ночью.

Тогда сошлись малые животные и большие животные, а деревья и скалы начали бить (деревянных людей) по лицам. И все начало говорить: их глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их собаки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна, — все, сколько было, поднялось и начало бить их по лицам.

— Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы убьем вас, — сказали их собаки и домашние птицы.

А зернотерки сказали:

— Вы мучили нас каждый день; каждый день, ночью и на заре, все время наши лица терлись (друг о друга и говорили) холи-холи, хуки-хуки из-за вас. Вот какую дань платили мы вам. Но теперь вы, люди, наконец-то почувствуете нашу силу. Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки, — сказали им их зернотерки.

А затем заговорили их собаки и сказали:

— Почему вы не хотели давать нам ничего есть? Вы едва замечали нас, но вы нас преследовали и выбрасывали нас. У вас всегда была палка, готовая ударить нас, когда вы сидели и ели. Вот как вы обращались с нами, потому что мы не могли говорить. Разве мы не подошли бы, если бы все шло по-вашему? Почему же вы не глядели вперед, почему вы не подумали о самих себе? Теперь мы уничтожим вас, теперь вы почувствуете, сколько

зубов в нашей пасти, мы пожрем вас, — говорили собаки, и затем они разодрали их лица.

А в это же самое время их сковородки и горшки также говорили им:

— Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сожжем вас, — сказали горшки, и они били их по лицам.

Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать.

Пришедшие в отчаяние (деревянные люди) побежали так быстро, как только могли; они хотели вскарабкаться на крыши домов, но дома падали и бросали их на землю; они хотели вскарабкаться на вершины деревьев, но деревья стряхивали их прочь от себя; они хотели скрыться в пещерах, но пещеры закрыли свои лица.

Так совершилась вторая гибель людей сотворенных^[18], людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены.

Говорят, что их потомками являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, потому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева.

Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; (она) — пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами.

Глава 4

Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало.

Но тем не менее было (на земле) существо, звавшееся Вукуб-Какиш^[19], и был он очень надменным.

Небо и земля, правда, существовали, но лики солнца и луны были еще совершенно невидимы.

И (Вукуб-Какиш) сказал: «Поистине, они — ясный образец тех людей, которые потонули, и их природа есть природа сверхъестественных существ^[20].

Я буду теперь великим над всеми существами, созданными и сотворенными. Я емь их солнце, их свет и их луна, — воскликнул он. — Да будет так! Велика моя блистательность! Из-за меня будут люди ходить и стоять. Потому что мои глаза из серебра, широкие, сверкающие, как

драгоценные камни, как изумруды; мои зубы блистают подобно замечательным камням, подобно лику небес. Мой нос сияет издалека подобно луне, мой трон — из серебра, и лик земли освещается, когда я прохожу перед своим троном!

Итак, я солнце, я луна для всего человечества. Да будет это так, потому что я могу видеть очень далеко».

Так говорил Вукуб-Какиш. Но Вукуб-Какиш не был в действительности солнцем; он лишь возгордился из-за своих перьев и своих богатств. И видеть он мог только до той линии, где небо соединяется с землей; не мог он видеть всего мира.

Лик солнца еще не появился, и лик луны также; не было еще звезд, и заря еще не занималась. Поэтому Вукуб-Какиш и гордился, как будто бы он был солнцем и луной; потому что солнце и луна не показали еще своего света, еще не появились. Его единственным честолюбивым желанием было возвысить себя и властвовать. И все это случилось, когда произошел из-за деревянных людей потоп.

Теперь мы расскажем, как умер Вукуб-Какиш, как он был ниспровергнут и как затем был создан Создательницей и Творцом человек.

Глава 5

Вот начало (повествования) о поражении и разрушении величия Вукуб-Какиша, погубленного двумя юношами^[21], первый из которых именовался Хун-Ахпу, а второй — Шбаланке. В действительности они были богами. Когда они увидели вред, который сделал высокомерный и собирается сделать, то юноши сказали перед лицом Сердца небес:

— Нехорошо, чтобы это было так. Ведь человек еще не может жить здесь, на земле. Поэтому мы попытаемся застрелить его из нашей выдувной трубки, когда он будет есть. Да, мы выстрелим в него из выдувной трубки и заставим его заболеть. И это будет концом его величия и богатств, его зеленых камней, его серебра, его изумрудов^[22], его драгоценностей, которыми он так гордится. Это же может сделать каждый! Но не должен уподоблять себя огненному божеству тот, кто есть всего-навсего серебро.

— Так да будет! — сказали юноши, и каждый положил свою выдувную трубку на свое плечо.

И вот, Вукуб-Какиш имел двоих сыновей: первый назывался Сипакна, второй же — Кабраканом. А мать этих двух носила имя Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

Этот Сипакна играл с огромными горами, как с мячом: с горой Чикак, с горой Хун-Ахпу, Пекуль, Нашка-Нуль, Макамоб^[23] и Хулиснаб. Вот имена гор, которые существовали, когда появилась заря; в одну-единственную ночь они были созданы Сипакной.

И Кабракан также заставлял дрожать горы; благодаря ему большие и малые горы плавилась.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша провозглашали о своей гордости. «Слушайте, я есмь солнце!» — говорил Вукуб-Какиш. «Я, я тот, кто создал землю!» — говорил Сипакна. «Я тот, кто создал небо и заставил землю дрожать!» — говорил Кабракан.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша следовали примеру своего отца и его предполагаемому величию. И это казалось юношам большим злом. Ни наша первая мать, ни наш первый отец не были тогда еще созданы.

Вот почему была решена юношами смерть Вукуб-Какиша и его сыновей и их разрушение.

Глава 6

Здесь рассказывается о том, как двое юношей выстрелили из своих выдувных трубок в Вукуб-Какиша. Мы сообщим, как каждый из тех, кто стал таким надменным, пришел к своей гибели. У Вукуб-Какиша имелось большое дерево тапаль^[24], и он ел плоды его. Каждый день он направлялся к дереву и взбирался на его вершину.

Хун-Ахпу и Шбаланке увидели, что этот плод является его пищей. И они улеглись в засаде у подножия дерева; оба юноши глубоко запрятались в листву кустарника. А Вукуб-Какиш пошел прямо к своей еде из плодов дерева тапаль.

Мгновенно он был поражен выстрелом из выдувной трубки Хун-Хун-Ахпу. (Шарик) ударил его прямо в челюсть, и он, вопя, сразу же упал с верхушки дерева на землю.

Хун-Хун-Ахпу быстро подбежал, он действительно побежал, чтобы осилить его, но Вукуб-Какиш схватил руку Хун-Хун-Ахпу, вывернул ее и вырвал ее из плеча. После этого Хун-Хун-Ахпу выпустил Вукуб-Какиша. Конечно, (юноши) поступили хорошо, не допустив, чтобы они были первыми побеждены Вукуб-Какишем.

Неся руку Хун-Хун-Ахпу, Вукуб-Какиш отправился домой и, прибыв туда, начал нянчить свою челюсть.

— Что это случилось с тобой, владыка мой? — спросила Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

— Что же может быть иного? Эти два чудовища выстрелили в меня из выдувных трубок и сдвинули мою челюсть. Поэтому она шатается и мои зубы страшно болят. Но сперва поместим над огнем то, что я добыл, пускай она повисит! Пусть она повисит там, над огнем; конечно, эти чудовища скоро придут, чтобы снова завладеть ею, — сказал Вукуб-Какиш и подвесил руку Хун-Хун-Ахпу.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Шбаланке хорошо продумали все это, они отправились поговорить со старцем, имевшим снежно-белые волосы, и со старицей, а она была поистине очень стара и смиренна, и оба они были уже согнуты, как очень старые люди. Старца звали Саки-Ним-Ак, а старицу — Саки-Нима-Циис. И юноши сказали старцу и старице:

— Пойдемте вместе с нами к дому Вукуб-Какиша, чтобы получить нашу руку. Мы же пойдем сзади вас, и вы скажете им: «Эти вот, с нами, наши внуки; их мать и отец мертвы; поэтому они следуют за нами повсюду, где нам подают милостыню. Ибо единственное занятие, которое мы знаем, — это как вытаскивать червей из резцов и коренных зубов»^[25]. Поэтому Вукуб-Какиш подумает, что мы маленькие дети, и мы будем там, чтобы давать вам советы, — сказали двое юношей.

— Хорошо! — ответили (старец и старица).

Тогда они отправились в путь к своей цели и увидели Вукуб-Какиша, сидевшего на своем троне. Старица и старец пошли по дороге, а за ними следовали два мальчика, державшиеся позади них. Таким образом, они прибыли к дому владыки, а Вукуб-Какиш корчился и вопил из-за боли, которую причиняли ему его зубы. Когда Вукуб-Какиш увидел старца и старицу и тех, кто сопровождал их, он спросил:

— Куда же вы идете, прародители? — так сказал владыка.

— Мы идем поискать чего-нибудь поесть, почтенный владыка, — ответили они.

— А что вы едите? И не дети ли ваши те, кто сопровождает вас?

— О нет, почтенный владыка! Они наши внуки, но мы жалеем их, и от каждого куска, что подают нам, мы уделяем им половину, о почтенный владыка, — ответили старица и старец.

Между тем владыка испытывал страшную боль из-за своего зуба: он метался из стороны в сторону и мог говорить только с величайшим трудом.

— Я умоляю вас о помощи, имейте же ко мне сострадание. Что можете вы делать? Что вы знаете, как лечить? — спросил их владыка.

И ответили (старые):

— О почтенный владыка! Мы можем только вытаскивать червей из зубов, только лечить глаза и только вправлять кости.

— Хорошо! Исцелите тогда мои зубы, которые поистине заставляют меня страдать день и ночь. Из-за них и из-за моих глаз я не могу быть спокоен и не могу спать. Все это из-за того, что два чудовища выстрелили в меня шариком из выдувной трубки, и вот с той поры я не могу больше есть. Имейте же ко мне сострадание! Моя челюсть совсем расшатана, мои зубы качаются!

— Хорошо, почтенный владыка! Это червь заставляет тебя страдать. Все это кончится, когда эти зубы будут вытащены и на их место поставлены другие.

— Хорошо ли будет, если вы вытащите мои зубы? Потому что только благодаря им я являюсь владыкой; мои зубы и мои глаза — вот и все знаки моего достоинства.

— Мы вставим другие из блестящей кости на их место. — Но блестящая кость в действительности была только зернами белой кукурузы.

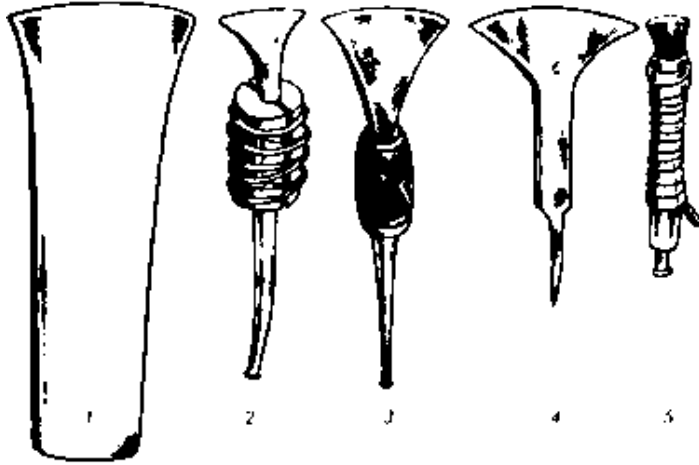
— Хорошо, вытащите их тогда и помогите мне по-настоящему, — сказал он.

Тогда они вытащили зубы Вукуб-Какиша, но на их место они вставили только зерна белой кукурузы, и эти кукурузные зерна замечательно блестели у него во рту. Мгновенно черты лица его изменились, и он уже более не выглядел подобно владыке. Они вытащили все, до последнего, его зубы, которые сверкали, подобно драгоценным камням, у него во рту. И наконец они исцелили глаза Вукуб-Какиша; они содрали кожу с его глаз; они сняли с них все его серебро.

Но он не чувствовал никакой боли и мог видеть по-прежнему. У него только были отобраны все те вещи, которыми он так сильно гордился. Так именно это и было замыслено Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда Вукуб-Какиш умер. Хун-Ахпу же возвратил себе руку. Чимальмат, жена Вукуб-Какиша, также погибла.

Вот каким образом Вукуб-Какиш потерял свою величественность. Целители взяли все изумруды и драгоценные камни, которые были его гордостью здесь, на земле.

Некоторые из медицинских инструментов, найденные в могильниках древних индейцев Перу: 1 — большой операционный нож; 2 — скальпель с деревянной ручкой, 3 — скальпель с костяной ручкой; 4 — бронзовый «туми» для раздробления костей; 5 — бронзовый скальпель

Старица и старец, сделавшие это, были чудесными существами; взяв руку (Хун-Ахпу), они приложили ее к ее месту, и, когда они точно приладили ее, все было снова хорошо.

Только для того, чтобы осуществить смерть Вукуб-Какиша, совершили они все это; потому что им казалось дурным, что он стал таким надменным.

И тогда двое юношей отправились дальше, выполнив таким образом то, что им было приказано Сердцем небес.

Глава 7

Дальше здесь следуют дела Сипакны, старшего сына Вукуб-Какиша.

— Я творец гор, — говорил Сипакна.

И вот этот Сипакна купался у берега реки, когда мимо проходили четыре сотни юношей, тащивших бревно, чтобы подпереть свой дом^[26]. Четыре сотни (юношей) возвращались после того, как они срубили большое дерево, чтобы изготовить из него главную балку для крыши своего дома.

Тогда Сипакна вышел (из воды) и, подойдя к четырем сотням юношей, (сказал) им:

— Что это вы делаете там, юноши?

— Вот (тащим) это бревно, (— ответили они, —) мы не можем поднять его и нести на своих плечах.

— Я отнесу его. Куда с ним идти? Для чего вы его хотите?

— Для главной балки в крыше нашего дома.

— Хорошо, — ответил он, поднял его, положил его на свои плечи и отнес к входу дома, (где жили) четыре сотни юношей.

— Теперь оставайся с нами, юноша, — сказали они. — Есть ли у тебя мать или отец?

— У меня нет никого, — отвечал он.

— Мы собираемся завтра приготовить еще одно бревно для подпорки нашего дома.

— Хорошо, — ответил он.

Четыре сотни юношей начали совещаться друг с другом и сказали:

— Этот молодой человек там... как это нам устроить, чтобы мы смогли его убить? Как мы убьем этого мальчика? Потому что не предвещает ничего хорошего то, что он сделал, когда высоко поднял бревно один. Давайте сделаем большую яму и толкнем его, чтобы он упал в нее. Мы скажем ему: ступай вниз, выгребь землю и вытащи ее из ямы, а когда он спустится вниз, углубится в яму, мы сделаем так, что на него свалится большое бревно, и он умрет там, в яме.

Так говорили четыре сотни юношей. Затем они вырыли большую, очень глубокую яму. Тогда они позвали Сипакну.

— Ты нам очень нравишься. Иди же, спустись и рой землю, потому что мы не можем добраться (до дна), — сказали они ему.

— Хорошо, — ответил он. И после этого он сразу же полез в яму.

— Ты громко позови нас, когда накопаешь много земли. Основательнее спускайся в глубину! — было приказано ему.

— Да будет так, — ответил он. И затем он начал углублять яму.

Но яма, которую он делал, должна была спасти его самого от опасности. Он знал, что они желают убить его; поэтому он рыл вторую яму, он делал сбоку другое углубление, чтобы освободить себя.

— Как далеко (ты углубился)? — крикнули ему вниз четыре сотни юношей.

— Я еще копаю, я крикну вам, когда я кончу копать, — сказал Сипакна со дна ямы.

Но он не копал себе могилу; вместо этого он отрывал другое углубление, чтобы спастись.

Наконец Сипакна громко позвал их. Но когда он крикнул, он уже был в безопасности, во второй яме.

— Идите, соберите и вытащите выкопанную землю, мусор, находящийся на дне ямы, — сказал он, — потому что поистине я сделал ее очень глубокой. Разве вы не слышите моего зова? Но вот ваши крики, ваши слова повторяются здесь однажды и дважды, так что я хорошо слышу, где

вы находитесь. — Так взывал Сипакна из ямы, в которой он спрятался, так он громко кричал из глубины.

Тогда юноши быстро подтащили то самое огромное бревно и с силой швырнули его в яму.

— Пусть никто ничего не говорит! Давайте подождем, пока не услышим его предсмертного крика, — говорили они друг другу шепотом. И ни один из них не мог посмотреть в лицо другому, когда бревно шумно полетело вниз.

(Сипакна) заговорил затем, крикнул, но он вскрикнул только один лишь раз, когда бревно упало на дно.

— Как мы преуспели в этом! Мы действительно его поразили! Теперь он мертв, (— восклицали юноши, —) если бы, к несчастью, он продолжал то, что начал делать, конец был бы нам; он прежде всего набросился бы на нас, а тогда с нами, четырьмя сотнями юношей, было бы все кончено!^[27]

И, исполненные радости, они говорили:

— Теперь в течение следующих трех дней мы должны делать себе опьяняющий напиток. Когда эти три дня пройдут, мы будем пить за постройку нашего нового дома, мы, четыре сотни юношей.

Затем они сказали:

— Завтра мы посмотрим, и на следующий день, послезавтра мы также посмотрим; может быть, мы увидим, как выйдут муравьи из земли, когда он начнет пахнуть, когда он начнет разлагаться. Вот тогда наши сердца станут совершенно спокойны и мы выпьем наш опьяняющий напиток, — говорили они.

Но Сипакна из своей ямы слышал все, что говорили юноши.

И действительно, на второй день появились полчища муравьев; они приходили и шли и собирались под бревном. И некоторые из них тащили в своих ртах волосы Сипакны, а другие тащили его ногти.

Когда юноши увидели это, они воскликнули: «Этот злодей теперь погиб! Посмотрите, как собрались муравьи, как они идут полчищами, и одни из них несут его волосы, а другие — его ногти. Посмотрите же! Вот что мы сделали!» Так говорили они друг другу.

Но Сипакна был в действительности жив. Он обрезал себе волосы и обгрыз зубами свои ногти, чтобы отдать их муравьям.

И вот четыре сотни юношей поверили, что он мертв, и на третий день они начали праздновать, и все юноши напились пьяными. А когда четыре сотни становились пьяными, они не разумели ничего другого. И тогда Сипакна заставил дом упасть на их головы, и все они были убиты. Даже один или двое не спаслись среди этих четырех сотен; все они были убиты Сипакной, сыном Вукуб-Какиша.

Вот каким образом умерли четыре сотни юношей. Говорят, что они стали группой звезд, которую из-за них называют Моц^[28], но это может быть и неправда.

Теперь мы расскажем о том, как Сипакна был окончательно побежден двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 8

Теперь следует (повествование) о поражении и смерти Сипакны, побежденного двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Сердца этих юношей были полны злобы, потому что Сипакна убил четыре сотни юношей.

А он лишь ловил рыбу и раков на берегах всех рек, и это составляло его ежедневную пищу. В течение всего дня он ходил, выискивая себе пищу, а по ночам он таскал на своей спине горы.

При помощи листа растения эк, которое растет во всех лесах, Хун-Ахпу и Шбаланке быстро сделали фигуру, выглядевшую подобно очень большому раку. Из этого (листа) они сделали туловище рака, тонкие клешни его они сделали из пахака, а для панциря, который покрывает спину и зад рака, они использовали круглый плоский камень.

Затем они поместили рака в глубине пещеры, у подножия большой горы; Меауан^[29] — вот имя горы, где (Сипакна) был (впоследствии) побежден.

Затем юноши отправились дальше и как будто случайно встретились с Сипакной на берегу реки.

— Куда ты идешь, юноша? — спросили они его.

— Никуда я не иду, — ответил Сипакна, — я лишь ищу себе пищу, о юноши.

— А что является твоей пищей?

— Только рыба и раки, но здесь ничего нет, и я ничего не нашел. А я не ел вот уже два дня и не могу уже больше переносить голод, — сказал Сипакна Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Там, в глубине ущелья, есть рак, поистине огромный рак, и, конечно, хорошо было бы, если бы ты съел его. Только он нас укусил, когда мы пытались его поймать, и мы испугались. Ни за что не будем теперь пытаться его поймать, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Пожалейте меня! Пойдемте, покажите мне путь, о юноши, — попросил Сипакна.

— Ни за что на свете! Иди ты один, там невозможно заблудиться. Иди по берегу реки, вверх по течению, и ты выйдешь к подножию большой горы; там он и шумит, в глубине ущелья. Тебе надо туда только быстрее прийти, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Ох, горе мне! Он, наверное, вообще вам не встречался, о юноши! Пойдемте со мной, я покажу вам место, где имеется воистину множество птиц. Идемте, вы сможете застрелить их вашими выдувными трубками, а я знаю, где найти их, — сказал Сипакна.

Его смирение убедило юношей. И (они спросили его):

— Но ты в действительности сумеешь поймать его? Потому что только из-за тебя мы возвращаемся. Мы не собирались снова пытаться поймать его, потому что он укусил нас, когда мы влезали на животе в пещеру. После этого мы испугались и не влезли, но мы почти ухватили его. Так что лучше будет, если ты влезешь внутрь, — сказали они.

— Хорошо, — сказал Сипакна, и тогда они отправились вместе с ним.

Они пришли на дно ущелья, и там, простертый на своем животе, находился рак, выставляя свой прекрасный тонкий панцирь. И там же, на дне ущелья, находилось и колдовство (юношей).

— Хорошо, хорошо, — сказал Сипакна, очень довольный, — хотелось бы мне, чтобы он уже был у меня во рту. — А он действительно умирал от голода.

Он хотел попытаться влезть (в пещеру) на животе, он хотел войти туда, но рак начал подниматься.

(Сипакна) сразу же вышел, и (юноши) спросили его:

— Ну что же, ты не поймал его?

— Нет, — ответил он, — потому что он начал подниматься, но еще немного, и я схватил бы его. Но, может быть, будет лучше, если я влезу (в пещеру) сверху, — добавил он. И тогда он снова попытался войти, уже сверху, но когда он был почти внутри и были видны только его пятки, как вдруг огромная гора соскользнула и медленно упала на его грудь. И Сипакна никогда уже не возвратился; он был превращен в камень.

Вот каким образом Сипакна был полностью повержен двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Он был старшим сыном Вукуб-Какиша, и, по старинному преданию, он был тем, кто создал горы.

У подножия горы, называемой Меауан, был побежден он. Только из-за магического искусства (юношей) был он побежден, второй из надменных. Остался еще один, и теперь мы расскажем о нем.

Третьим из надменных был второй сын Вукуб-Какиша, и имя его было Кабракан.

— Я тот, кто ниспровергает горы, — говорил он.

Но Кабракан был также побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха говорили и сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— Пусть будет также побежден и второй сын Вукуб-Какиша. Таково наше неизменное пожелание, потому что нехорошо, что они существуют на земле, возвеличивая свою славу, свое величие и свое могущество больше, чем солнце. Так не должно быть! Завлеките его туда, где поднимается солнце, — сказал Хуракан двум юношам.^[30]

— Хорошо, почтенный владыка, — ответили они, — потому что мы видим, что это дурно. Разве не существуешь ты; ты, кто есть жизнь, ты, Сердце небес? — сказали юноши, когда они слушали повеление Хуракана.

А между тем Кабракан занимался тем, что тряс горы. При самом легком ударе его ноги о землю большие и малые горы раскрывались. Так юноши нашли его и спросили Кабракана:

— Куда же ты идешь, юноша?

— Никуда, — ответил он, — я здесь двигаю горы и сравниваю их навсегда с землей, — добавил он.

Затем Кабракан спросил Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А что вы пришли сюда делать? Я не знаю ваших лиц! Как ваши имена? — спросил Кабракан.

— У нас нет имени, — ответили они, — мы не что иное, как стрелки из выдувных трубок^[31] и охотники с клеевыми ловушками для птиц на горах. Мы бедны, и у нас нет ничего, юноша. Мы лишь бродим по горам, большим и малым, как и ты, о юноша. Только что мы видели огромную гору, вот там, где ты видишь розовеющее небо. Она действительно поднимается очень высоко и превышает вершины всех (других) гор. Она так (высока), что мы не смогли поймать даже одну или двух птиц на ней, о юноша. Но это правда, что ты можешь сровнять все горы? — спросили Кабракана Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Вы действительно видели гору, о которой вы говорите? Где она? Вы тогда увидите сами, что я ниспровергну ее. Где вы ее видели?

— Она вот там, где поднимается солнце, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, идите впереди, покажите мне дорогу, — сказал он двум юношам.

— Ох, нет, — ответили они, — ты должен идти между нами; один пойдет слева от тебя, а другой — справа от тебя, потому что у нас выдувные трубки и, если будут птицы, мы сможем стрелять в них.

И, довольные, они отправились, пробуя свои выдувные трубки. Но когда они стреляли из них, они не клали глиняных шариков в дуло выдувной трубки. Вместо этого они сбивали птиц только дуновением воздуха, когда стреляли в них, и это очень удивляло Кабракана.

Затем юноши разожгли огонь и начали жарить на нем своих птиц. Но спинку одной из них они натерли мелом; белой землей покрыли они ее.

— Мы дадим ему это (кушанье), — сказали они, — чтобы пробудить его аппетит тем запахом, который оно издает. Эта наша птица будет его гибелью. Как мы покрываем эту птицу землей, так же мы сведем его в землю и погребем его в земле. Велика будет мудрость сотворенных существ, существ созданных, когда наступит заря, когда будет свет, — сказали юноши.

— Так как для человека естественно хотеть откусывать и проглатывать, то сердце Кабракана пожелает пищи, — говорили Хун-Ахпу и Шбаланке друг другу.

Между тем птицы жарились, они начинали становиться золотистыми, а жир и сок, капавший с них, распространяли приятный запах. Кабракану очень захотелось съесть их; они наполнили его рот водой: он зевал, а слюна и пена текли (из его рта) из-за запаха, который издавали птицы.

Тогда он спросил их:

— Что это вы там едите? Запах, который доходит до меня, действительно замечателен. Дайте-ка мне маленький кусочек! — сказал он им.

Тогда они дали Кабракану птицу, ту самую, которая должна была быть его гибелью^[32]. И когда он кончил есть ее, они отправились по направлению к востоку, где была большая гора. Но руки и ноги Кабракана уже полностью ослабели, и он не имел силы, потому что спинка птицы, которую он съел, была натерта землей. Он не мог ничего сделать с горами и был бессилён сокрушить их.

Тогда юноши связали его; они связали ему руки, они укрепили его руки за спиной; они связали его ноги. Затем они бросили его на землю и похоронили его в ней.

Вот каким образом Кабракан был побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Но невозможно было бы поведать о всех делах, которые они совершили здесь, на земле.

Теперь мы расскажем о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке, предварительно сообщив о поражении Вукуб-Какиша, Сипакны и Кабракана здесь, на земле.

ЧАСТЬ II

Глава 1

Теперь мы назовем имя отца Хун-Ахпу и Шбаланке. Полумрак скрывает его голову, и в полумраке находится все то, что сообщается и повествуется о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Мы расскажем только лишь половину ее, только часть того, что рассказывается об их предках.

Вот повествование (о них); вот имена: Хун-Хун-Ахпу (и Вукуб-Хун-Ахпу)^[33], как назывались они. Родителями их были Шпий-акок и Шмукане. В ночи были рождены^[34] ими, Шпийакоком и Шмукане. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И вот Хун-Хун-Ахпу породил двух детей, и это были сыновья: первый носил имя Хун-Бац, а второй — Хун-Чоуэн^[35].

Мать этих двух сыновей именовалась Шбакийало^[36]; так называлась жена Хун-Хун-Ахпу. Что же касается другого сына, Вукуб-Хун-Ахпу, то он не имел жены; он был одинок.

По природе своей эти два сына были очень мудрыми, и великим было их звание; они были предсказателями здесь, на земле, и дела и привычки их были прекрасны.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн, сыновья Хун-Хун-Ахпу, имели навыки и способности ко всему. Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами^[37] — всем этим были Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не занимались ничем, кроме игры в кости^[38] и мяч в течение целого дня, а когда они сходились все четверо вместе для игры в мяч, то одна пара играла против другой.

И Вок^[39], посланник Хуракана, посланник Чипи-Какулха и Раша-Какулха, приходил туда, чтобы наблюдать их (игру). Не далека для этого Вока ни поверхность земли, ни преисподняя Шибальбы. В одно мгновение он может унести на небо и быть около Хуракана.

(Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу) пребывали еще здесь, на земле, когда умерла мать Хун-Баца и Хун-Чоуэна.

И вот, когда они играли в мяч, на дороге, которая вела в Шибальбу, они были услышаны владыками Шибальбы^[40] Хун-Каме и Вукуб-Каме^[41]

«Что это такое? Что происходит там, на земле? Кто эти, что заставляют дрожать землю и вызывают столько смятения? Подите и позовите их! Пусть они придут играть в мяч сюда! Здесь мы победим их! Эти (создания) уже более не почитают нас! У них нет более ни почтения, ни уважения к нашему

положению, и они даже занимаются своими причудами над нашими головами», — восклицали все владыки Шибальбы.

Тогда они, все вместе, собрались на совет. Те, которые назывались Хун-Каме и Вукуб-Каме, были высшими судьями. Всем владыкам были назначены свои обязанности, и каждому из них Хун-Каме и Вукуб-Каме дали свою, соответствующую ему власть.

Там были Шикирипат и Кучумакик, владыки с такими именами^[42]. Они были те двое, которые причиняют кровотечение у людей.

Там были другие, назывались они Ах-Альпух и Ах-Алькана, тоже владыки^[43]. И их делом было заставлять людей пухнуть, чтобы из их ног изливался гной, и окрашивать их лица в желтый цвет, что называется чуканаль^[44]. Вот над чем владычествовали Ах-Альпух и Ах-Алькана.

Там были также владыка Чамиабак и владыка Чамиахолом, жезлоносцы Шибальбы, чьи посохи были из чистой кости^[45]. Их делом было заставлять людей чахнуть, пока от них не оставалось ничего, кроме черепа и костей, и тогда они умирали, потому что живот у них приклеивался к позвоночнику. Вот что было делом Чамиабака и Чамиахолома, как именовались эти владыки.

Там были также владыка Ах-Альмес и владыка Ах-Альтокоб; их делом было приносить людям несчастья, когда те находились перед своим домом или позади него, — так, чтобы их нашли израненными, распростертыми, с лицом, уткнувшимся в землю, мертвыми. Вот над чем владычествовали Ах-Альмес и Ах-Альтокоб, как именовались эти (владыки)^[46].

Там были, наконец, владыки по имени Шик и Патан^[47]. Их делом было заставлять людей умирать на дороге — то, что называется внезапной смертью, — заставляя кровь устремиться к их горлу, пока они не умирали, изрыгая кровь. Делом каждого из этих владык было наброситься на них, сжать их горло и сердце, чтобы хлынула у них горлом кровь во время пути. Вот над чем владычествовали Шик и Патан.

И вот собрались они на совет и решили совместно, что должно преследовать и мучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, чтобы сделать их уступчивыми. Но в действительности то, чего домогались владыки Шибальбы, было другим. Снаряжения для игры в мяч Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу — их наколенников из кожи, нашейников, перчаток, головных уборов и масок, — всего того, что было игральными принадлежностями Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу, — (вот чего добивались они).

Теперь мы расскажем об их путешествии в Шибальбу и как они оставили после себя двух сыновей Хун-Хун-Ахпу: Хун-Баца и (Хун) —

Чоуэна, мать которых была уже мертва. А в конце мы расскажем и о том, как Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 2

Тотчас по повелению Хуна-Каме и Вукуба-Каме (перед ними) предстали посланные.

— Отправляйтесь, мужи совета, — сказали они. — Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу. Скажите им: «Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны прийти. Они должны прийти сюда поиграть с нами в мяч, чтобы сделать нас счастливыми, так как мы поистине изумлены ими».

Поэтому они должны прийти к нам, — сказали владыки. — И пусть они принесут с собой свое снаряжение для игры^[48], их нашейники, их перчатки, и пусть также они принесут и свой каучуковый мяч, — говорили владыки. — Скажите им, чтобы они пришли как возможно скорей! — Так повелели они своим посланцам.

«Небесная сова»

А эти посланные были совы: Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холлом-Тукур^[49]. Таковы были имена посланников Шибальбы.

Чаби-Тукур был быстр, как стрела, Хуракан-Тукур имел только одну ногу, но у него были крылья; Какиш-Тукур имел красную спину и крылья, а у Холлом-Тукура имелась только голова, ног не было, но имелись крылья.

Эти четыре посланных имели достоинство ах-попа-чиха^[50]. Оставя Шибальбу, они быстро прибыли, принеся свое послание в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч, в здание для игры в мяч, которое называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники направились прямо в здание для игры в мяч и передали свое поручение точно так, как оно было дано им Хун-Каме, Вукубом-Каме, Ах-Альпухом, Ах-Альканой,

Чамябаком, Чамяахоломом, Шикирипатом, Кучумакиком, Ах-Альмесом, Ах-Альтокобом, Шиком и Патаном, как назывались те владыки, которые послали поручение с совами.

— Действительно ли владыки Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали, что мы должны идти с вами?

— Они определенно сказали так, и мы будем сопровождать вас. «Пусть принесут они с собой все их снаряжение для игры», — сказали владыки.

— Хорошо! — сказали (юноши). — Подождите нас, мы только сходим проститься с нашей матерью.

И вот они направились прямо домой и сказали своей матери, потому что отец их был уже мертв:

— Мы уходим, мать наша, но уходим только на время. Посланники владык пришли, чтобы взять нас. «Они должны прийти как возможно скорей», — сказали (владыки); так передали нам их посланцы. Мы оставим здесь наш каучуковый мяч в качестве заложника, добавили (братья).

И они немедленно пошли и повесили его в углублении крыши дома, там, где находилась ниша. «Мы возвратимся и будем потом играть», — сказали они.

И, подойдя к Хун-Бацу и Хун-Чоуэну, они сказали им: «Играйте на прекрасной флейте и пойте прекрасно, занимайтесь живописью и резьбой по камню, согревайте наш дом и согревайте сердце вашей бабушки!»

Когда они прощались со своей матерью, Шмукане очень огорчилась и горько заплакала. «Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли», — сказали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, когда они покидали ее.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились немедленно, и посланные шествовали впереди них по дороге. И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням. Они спускались вниз до тех пор, пока не подошли к берегу постоянно изменявшейся реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, называвшимися Нусиванкуль и Кусиван, и переправились через нее. Затем они пересекли местность с очень изменчивой рекой, которая текла среди колючих тыквенных деревьев. Там было очень много тыквенных деревьев, но они прошли между ними, не причинив себе вреда.

Затем они подошли к берегу другой реки, реки из крови, и пересекли ее, но не пили из нее воды, они только перебрались на другой берег, и поэтому они не были побеждены. А затем они подошли к другой реке, реке целиком из гноя; но она не принесла им вреда; они прошли снова беспрепятственно.

(Братья) двинулись дальше, пока они не пришли на место, где соединялись четыре дороги, и здесь, на этом перекрестке четырех дорог, они

были настигнуты судьбой.

Одна из этих четырех дорог была красная, другая — черная, третья — белая и последняя — желтая. И черная дорога сказала им: «Меня, меня должны вы избрать, потому что я — дорога владыки», — так сказала дорога.

И в этом месте они были уже побеждены. Они приняли эту дорогу, дорогу к Шибальбе, и когда (братья) прибыли на место совета владык Шибальбы, они уже потеряли в игре.

И вот, первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы. (Братья) приветствовали их первыми: «Привет, Хун-Каме!» — сказали они деревянной кукле. «Привет, Вукуб-Каме!» — сказали они другому деревянному изображению. Но те не отвечали. Немедленно владыки Шибальбы разразились хохотом, и все другие владыки начали громко смеяться, потому что они смотрели на Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу как на уже обессиленных, как на уже побежденных. Вот почему они продолжали смеяться.

Тогда Хун-Каме и Вукуб-Каме заговорили. «Хорошо, — сказали они, — вот вы прибыли. На завтра приготовьте маску, ваши нашейники и перчатки», — прибавили они.

«Подойдите и сядьте на нашу скамью», — сказали они. Но скамья, которую они предложили (братьям), была из раскаленного камня, и когда они сели на нее, то они обожглись. Они начали извиваться на скамье, но не находили себе никакого облегчения. Конечно, они вскочили со скамьи, но седалища их были обожжены.

Владыки Шибальбы снова разразились хохотом; они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы.

«Теперь идите к этому дому, — сказали они, — там вы получите ваши смолистые лучины и ваши сигары и там вы будете спать».

Немедленно прибыли они в «Дом мрака». Внутри него была только тьма. А пока они были там, владыки Шибальбы обсуждали, что они должны предпринять.

«Давайте принесем их в жертву завтра, пусть они умрут быстро-быстро, так, чтобы мы могли пользоваться их игральным снаряжением при игре в мяч», — говорили владыки Шибальбы друг другу.

А лучинами у них были липкие от крови каменные ножи; они назывались «сакиток» — так называлась сосна Шибальбы. Обоюдоострой была и их игра в мяч; каждое мгновение их кости могли быть расчленены; роковой могла быть для них игра в мяч с владыками Шибальбы.

Итак, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вошли в «Дом мрака». Там им были даны их смолистые лучины, единственная зажженная лучина, которую

Хун-Каме и Вукуб-Каме послали им, вместе с зажженной сигарой для каждого, которые послали им владыки. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу сидели в темноте, совершенно скорчившись, когда вошел (посланец) с лучинами и сигарами. Лучины ярко осветили помещение, когда он передавал (слова владык):

«Каждый из вас имеет горящую лучину и сигару; приходите на заре и принесите их обратно. Вы не должны сжигать их, но вы должны возвратить их целыми, в том же виде, что и сейчас, — вот что поручили сказать мне владыки».

Так было сказано им. И этим (братья) были побеждены. Они сожгли лучины, и они также искурили сигары, которые были даны им.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое — это «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма.

Второе было Шушулим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной невыносимый ветер дул внутри.

Третье было «Дом ягуаров», Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха, «Домом летучих мышей», называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.

Пятое называлось Чайим-Ха, «Дом ножей», в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению (всего находящегося) здесь, в этом доме.

В Шибальбе было много мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не входили туда. Мы должны были только упомянуть здесь названия этих домов для испытаний.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу появились перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, эти им сказали: «Где же мои сигары? Где моя смолистая лучина, которая была дана вам на прошлую ночь?»

— Они все кончились, владыка!

— Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Они немедленно принесли (братьев) в жертву и погребли их; они были погребены в месте, называемом Пукбаль-Чах. Перед их погребением

(владыки Шибальбы) отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили лишь тело старшего брата вместе с младшим братом.

«Возьмите его голову и поместите ее на дереве, находящемся около дороги», — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме. И когда туда пришли и поместили голову Хун-Хун-Ахпу среди ветвей дерева, оно, никогда раньше не приносящее плодов, внезапно покрылось плодами.

И это тыквенное дерево — так оно зовется — и есть то самое, которое мы теперь называем головой Хун-Хун-Ахпу.

С изумлением смотрели Хун-Каме и Вукуб-Каме на плоды этого дерева. Круглые плоды виднелись повсюду, но Хун-Каме и Вукуб-Каме не могли распознать, где голова Хун-Хун-Ахпу; она была совершенно подобна другим плодам тыквенного дерева. Так это казалось всем обитателям Шибальбы, когда они пришли посмотреть на него вблизи.

Они единодушно решили из-за того, что произошло, когда они поместили среди его ветвей голову Хун-Хун-Ахпу, что дерево это — волшебное. И владыки Шибальбы сказали:

«Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко и садиться под этим деревом!» — сказали они. Так владыки Шибальбы решили держать в стороне (от дерева) всякого.

Голову Хун-Хун-Ахпу более уже нельзя было узнать, потому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева. Тем не менее об этом говорилось очень много, и одна девушка услышала этот чудесный рассказ. Теперь мы расскажем о ее прибытии (к этому дереву).

Глава 3

Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучумакик.

До этой девушки, дочери владыки, также дошел рассказ об этом. Имя отца было Кучумакик, а имя девушки — Шкик^[51]. Когда она услышала рассказ о плодах на дереве, который постоянно рассказывал ее отец, она, слушая это, была очень изумлена.

«Почему я не могу пойти посмотреть на это дерево, о котором они столько говорят, — воскликнула девушка. — Я уверена, что плоды, разговоры о которых я (постоянно) слышу, должны быть очень вкусными».

И вот (девушка) пошла совершенно одна и приблизилась к подножию дерева, росшего в Пукбаль-Чах.

— Ах, — воскликнула она, — что это за плоды, растущие на этом дереве? Разве не удивительно видеть, как это покрыто плодами? Разве не

вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву единственный из этих плодов? — сказала девушка.

Тогда череп, находившийся среди ветвей дерева, заговорил и сказал:

— Что ты хочешь от (дерева)? Эти круглые предметы, покрывающие ветви дерева, всего лишь черепа. — Так говорила голова Хун-Хун-Ахпу, обращаясь к девушке. — Ты, может быть, хочешь их? — добавила она.

— Да, я хочу их! — ответила девушка.

— Хорошо, — сказал череп. — Протяни ладонь своей правой руки сюда! Посмотрим!

— Пусть будет! — сказала девушка, выдвигая свою руку и протягивая ее прямо к черепу.

В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь. Она быстро и внимательно посмотрела на свою руку, но слюны, упавшей из черепа, на ее ладони уже не было.

— В моей слюне и влаге я дал тебе потомство, — сказал голос из дерева. — Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп без плоти. Таковы и головы великих владык, ибо только плоть есть то, что дает им приятный вид. И когда они умирают, люди пугаются при виде их костей. Такова же природа их сыновей, которая подобна влаге и слюне; их жизненная сущность, будь то сын владыки, сын мудреца или оратора. Они не теряют своей сущности, когда отходят, но завещают ее. Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть искоренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой. Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим. Да будет это так! — сказала голова Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И все то, что они сделали вместе, было воистину совершено по повелению Хуракана, Чипи-Какулха и Раша-Какулха.

После этого девушка возвратилась прямо домой, и много забот легло на нее. Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Итак, девушка возвратилась домой, и после того, как прошло шесть месяцев, ее отец, именовавшийся Кучумакик, заметил ее положение. И тогда девушка вспомнила (слова, сказанные ей головой Хун-Хун-Ахпу), потому что даже ее отец увидел, что она ожидает потомства.

И тогда все владыки и Хун-Каме и Вукуб-Каме собрались на совет с Кучумакиком.

— Моя дочь действительно ждет ребенка, владыки, она беременна из-за чистого распутства, — воскликнул Кучумакик, когда он появился перед владыками.

— Хорошо, — сказали они, — вырви признание из ее рта, и если она откажется говорить, накажи ее. Пусть она будет уведена далеко отсюда и принесена в жертву.

— Хорошо, почтенные владыки, — ответил он.

И тогда спросил Кучумакик у своей дочери:

— От кого эти дети, которых ты носишь в чреве, дочь моя?

А она ответила:

— У меня нет ребенка, почтенный отец мой, потому что я не знала еще лица мужчины.

— Хорошо, — сказал он, — так ты, значит, действительно блудница. Возьмите ее и принесите ее в жертву, почтенные мужи, принесите мне ее сердце в тыквенной чаше; в этот же день оно должно трепетать в руках владык, — приказал он совам.

Четыре посланца взяли тыкву и отправились в путь, неся юную девушку на своих плечах. Они взяли с собой также и сверкающий каменный нож, предназначенный для ее заклания.

И она сказала им:

— Нет, не может быть, чтобы вы убили меня, о вестники, ведь то, что я ношу в чреве своем, — это не от бесчестия, а оно зародилось, когда я пошла подивиться на голову Хун-Хун-Ахпу, ту, что в Пукбаль-Чах. Вот поэтому вы не должны приносить меня в жертву, о вестники! — сказала девушка, обращаясь к ним.

— А что мы положим вместо твоего сердца? Так приказал нам твой отец: «Принесите ее сердце; владыки будут вертеть его так и сяк; им будет любопытно (смотреть) на него; они будут смотреть все вместе, как оно будет гореть. Итак, принесите ее сердце в чаше возможно быстрее, ее сердце, лежащее на дне чаши». Может быть, он не говорил так нам? Но что положим мы тогда в тыквенную чашу? Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла, — сказали посланцы.

— Хорошо, но мое сердце не принадлежит им. Ни дом ваш не должен находиться здесь, ни вы не должны быть принуждаемы ими силой, чтобы убивать людей. Наступит время, воистину, когда действительные распутники будут в ваших руках, а в моих руках Хун-Каме и Вукуб-Каме. Им должна принадлежать только кровь и только череп^[52]; вот что будет отдано им. Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними. Да будет так! Соберите то, что даст вам это дерево, — сказала девушка.

Красный сок, хлынувший из дерева, полился в чашу; и тотчас же он загустел и из него образовался комок; он блестел и имел форму сердца. Дерево дало сок, подобный крови, имевший вид настоящей крови. Тогда кровь, или, лучше сказать, кровь красного дерева, сгустилась и образовала

очень широкий блестящий слой внутри чаши, подобный свернувшейся крови. Так это дерево стало прославленным из-за девушки; оно называлось раньше «красное дерево кошенили»^[53], но (с той поры) оно получило имя «дерево крови», потому что сок его называется кровью.

— Вы будете теперь очень любимы, и все, что есть на земле, будет принадлежать вам, — сказала девушка совам.

— Хорошо, девушка. Итак, мы сейчас исполним приказанное (нам, а затем) укажем тебе дорогу туда, наверх, ты же продолжай свой путь как можно быстрее. Мы же пойдем и предъявим это изображение, эту замену вместо твоего сердца, владыкам, — сказали вестники.

Когда они появились перед владыками, все ожидали их с нетерпением.

— Кончили ли вы? — спросил Хун-Каме.

— Все кончено, владыки мои. Вот здесь, на дне чаши, находится ее сердце.

— Хорошо! Давайте посмотрим! — воскликнул Хун-Каме. И, схватив его кончиками своих пальцев, он поднял сердце; оболочка разорвалась, и заструилась блестящая кровь, ярко-красного цвета.

— Разожгите огонь и положите его на уголья, — приказал Хун-Каме. Как только они бросили его на огонь, обитатели Шибальбы начали принюхиваться и пододвинулись ближе к нему. Им очень нравилось благоухание, исходившее от сердца.

А в то время, пока они сидели и пристально смотрели на (огонь), совы скрылись и показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли. Совы же, указав ей путь, возвратились назад.

Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они все были поражены слепотой.

Глава 4

И вот, Хун-Бац и Хун-Чоуэн находились со своей матерью дома, когда (туда) пришла женщина, именовавшаяся Шкик.

Когда женщина Шкик появилась перед матерью Хун-Баца и Хун-Чоуэна, она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шбаланке, как они звались, должны были быть рождены. Когда женщина прибыла к старице, она сказала ей: «Я пришла, мать моя, я — твоя невестка и твоя дочь, о почтенная моя мать». Она сказала это, когда вошла в дом старицы.

— Откуда ты пришла? Где мои сыновья? Может быть, они не умерли в Шибальбе? Разве ты не видишь этих двух, оставшихся, их порождение и их кровь, зовущихся Хун-Бацем и Хун-Чоуэном? И тем не менее ты приходишь? Иди отсюда! Прочь! — закричала старица на девушку.

— И все же то, что я говорю, — истина. Я — твоя невестка и была таковой уже долгое время. Я принадлежу Хун-Хун-Ахпу. Они живы в том, что я ношу. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вовсе не мертвы; то, что они сейчас невидимы, — это великий их подвиг. А ты — моя свекровь. И ты скоро с любовью увидишь их образ в том, что я приношу тебе, — сказала она старице.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн рассердились. Они ничего не делали, а только играли на флейте и пели, рисовали и занимались резьбой по камню в течение всего дня и были утешением для сердца старицы.

Тогда старица сказала:

— Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, — это плод твоего бесчестья. А потом, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы.

Неожиданно старица добавила:

— То, что говорю я тебе, — истина, но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала. Иди тогда, принеси пищу для этих, они должны быть накормлены кукурузными лепешками. Иди и собери большую сеть (полную зерна) и возвратись сразу же, потому что ты — моя невестка, согласно тому, что я слышу, — сказала она девушке.

— Хорошо, — ответила девушка, и она сразу отправилась на кукурузное поле, которое было засеяно Хун-Бацем и Хун-Чоуэном. Дорога также была устроена и расчищена ими: девушка пошла по ней и так пришла на поле. Но она нашла там только один стебель кукурузы, не два или три. И когда увидела только один стебель с одним лишь початком на нем, у девушки сжалось сердце.

— Ох, так я в самом деле грешница? Ох, несчастливая я! Откуда же я соберу полную сеть зерна, как мне было приказано ею? — воскликнула она.

Немедленно начала она молить Чахалья о пище, которую она должна была собрать и принести назад.

— Штох, Шканиль, Шкакау^[54], вы, что готовите зерно, и ты, Чахаль, хранитель пищи Хун-Баца и Хун-Чоуэна! — воскликнула девушка. И затем она схватила нити, пучок нитей от початков и оторвала их, не повреждая початка. Затем она расположила эти нити в сети, и они превратились в початки кукурузы, и большая сеть была совершенно наполнена.

Девушка возвратилась немедленно; полевые животные шли рядом, неся сеть. Когда они прибыли, то поставили ношу в углу дома, как будто девушка

смогла нести ее. Старица подошла и заглянула туда. Увидев большую сеть, наполненную едой, она воскликнула:

— Откуда ты взяла всю эту еду? Может быть, ты растащила все на нашем поле и принесла сюда всю нашу кукурузу?

— Пойду посмотрю сейчас же, — сказала старица и вышла на дорогу к кукурузному полю. Но единственный стебель кукурузы по-прежнему стоял там; отчетливо было видно и место, где находилась сеть у подножия стебля. Старица быстро возвратилась назад, вошла в свой дом и сказала девушке:

— Это достаточное доказательство, что ты действительно моя невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами, — сказала она девушке.

Глава 5

Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь мы расскажем об их рождении.

Когда наступил день их рождения, девушка по имени Шкик родила их, но старица не видела их в лицо, когда они были рождены. Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет.

Потом внесли их в дом, но они не хотели спать.

— Ступай выбрось их, — сказала старица, — ибо поистине они кричат слишком много. — Тогда (Хун-Бац и Хун-Чоуэн) вышли и положили их в муравейник. Там они мирно спали. Тогда они вынули (новорожденных) из муравейника и положили на чертополох.

То, чего желали Хун-Бац и Хун-Чоуэн, это чтобы (Хун-Ахпу и Шбаланке) умерли в муравейнике или умерли на чертополохе. Они желали этого из-за той ревности и зависти, которую Хун-Бац и Хун-Чоуэн чувствовали к ним.

Сначала они даже отказались принять своих младших братьев в дом; они не хотели признавать их, и поэтому они были воспитаны в лесной чаще.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн были великими музыкантами и певцами; они выросли среди испытаний и нужды, и у них было много горя, но они стали очень мудрыми. Они были флейтистами, певцами, художниками и резчиками по камню, все это они знали, как делать.

Они сознавали свое назначение, и они знали также, что они — преемники своих родителей, тех, кто отправился в Шибальбу. Они знали, что их отцы умерли там. Хун-Бац и Хун-Чоуэн были исполнены большого знания, и в своих сердцах они знали все относительно рождения их двух

младших братьев. Тем не менее, будучи завистливыми, они не показывали своей мудрости, и их сердца были наполнены злыми желаниями против них, хотя Хун-Ахпу и Шбаланке не обидели их никаким образом.

Эти два (последних) ничего не делали в продолжение всего дня, кроме того что стреляли из выдувной трубки; их не любили ни их бабушка, ни Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Им не давали ничего есть; только тогда, когда еда была закончена и кончали есть Хун-Бац и Хун-Чоуэн, тогда приходили поесть младшие (братья). Но они не оскорблялись за это и не приходили в гнев, а переносили все терпеливо, потому что они сознавали свое положение и понимали все совершенно ясно.

Они приносили с собой птиц день за днем, когда приходили, а Хун-Бац и Хун-Чоуэн ели их, не уделяя никакой доли ни одному из них, ни Хун-Ахпу, ни Шбаланке.

Единственно, чем занимались Хун-Бац и Хун-Чоуэн, — это игрой на флейте и пением.

И вот однажды, когда Хун-Ахпу и Шбаланке пришли, не принеся на этот раз с собой ни одной птицы, то их бабушка разозлилась, когда вошли они в дом.

— Почему на этот раз не принесли вы птиц? — спросила она Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили:

— Вот что случилось, бабушка. Птицы наши запутались на вершине дерева, а мы не смогли взобраться и достать их, дорогая бабушка. Если наши старшие братья так желают, то пусть пойдут вместе с нами и спустят птиц вниз, — сказали они.

— Хорошо, — отвечали старшие братья, — на заре мы пойдём с вами.

(И когда они это говорили), они шли к своей гибели. Слепотой были поражены они оба, на свою гибель, Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

— Мы хотим лишь изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание, за все страдания и мучения, которые они причинили нам. Они желали, чтобы мы умерли, чтобы мы были уничтожены, мы, их младшие братья. В своих сердцах они действительно считают, что мы созданы быть их служителями. Из-за этих причин мы должны одолеть их и дать им урок. — Так говорили друг другу (Хун-Ахпу и Шбаланке).

Тогда они направились к подножию дерева, называвшегося канте^[55]. Их сопровождали два их старших брата, когда они отправились в путь. Тут они начали охотиться своими выдувными трубками. Невозможно было сосчитать птиц, щебетавших на дереве, и их старшие братья удивлялись,

видя так много птиц. (Застреленных) птиц было много, но ни одна не упала к подножию дерева.

— Наши птицы не падают на землю. Идите и доставьте их вниз, — сказали (Хун-Ахпу и Шбаланке) своим старшим братьям.

— Хорошо, — ответили (последние).

И тогда они тотчас вскарабкались на дерево, но дерево начало становиться все выше и выше, и ствол его увеличился. Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн захотели спуститься вниз, но не могли они уже больше спуститься с вершины дерева.

И тогда сказали они с вершины дерева:

— Что случилось с нами, о наши братья? О мы несчастные! Это дерево устрашает нас только при взгляде на него. О наши братья! — воскликнули они с вершины дерева.

А Хун-Ахпу и Шбаланке тогда ответили:

— Распустите ваши набедренные повязки, крепко привяжите их под вашим животом, оставив висящими длинные концы, и потяните их снизу. Таким образом вы легко сможете сойти вниз. — Так сказали им младшие братья.

— Да будет так! — ответили они, оттягивая концы своих поясов назад.

Но в то же мгновение эти концы превратились в хвосты, а они сами стали обезьянами. Тогда они начали скакать по ветвям деревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и качаясь на ветвях деревьев.

Таким способом Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке; и только из-за своего чародейства могли они совершить это.

После этого они возвратились в свой дом, и когда они пришли, они сказали своей бабушке и своей матери:

— Что это могло быть, о наша бабушка, что случилось с нашими старшими братьями, потому что их лица стали грубыми, а они сами неожиданно превратились в зверей? — Так говорили они.

— Если вы чем-нибудь повредили вашим старшим братьям, вы огорчили меня, вы наполнили меня печалью. Не делайте подобных вещей вашим братьям, о (дети) мои, — сказала старица Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили своей бабушке:

— Не огорчайся, о наша бабушка. Ты увидишь снова лица наших братьев. Они возвратятся, но это будет трудное испытание для тебя, бабушка. Будь осторожна и не смейся при (взгляде) на них. А теперь давайте испытаем их судьбу, — сказали они.

Немедленно (братья) начали играть на своих флейтах, наигрывая (песню) «Хун-Ахпу-Кой»^[56]. Затем они пели, играя на флейте и барабане,

схватив свои флейты и барабан. После они уселись рядом со своей бабкой и продолжали играть на флейте; они звали (назад) своих братьев музыкой и песней, произнося нараспев песню, называвшуюся «Хун-Ахпу-Кой».

Наконец появились Хун-Бац и Хун-Чоуэн и, подходя, начали танцевать; но когда старица взглянула и увидела их безобразные лица, то она стала смеяться. Старица не смогла удержать своего смеха, и они сразу удалились, так что не было больше видно их лиц.

— Ну, вот и все, бабушка! Они ушли в лес. Что ты сделала, наша прародительница? Мы можем сделать эту попытку только четыре раза, и осталось лишь три. Мы попытаемся снова позвать их (сюда) с помощью игры на флейте и песни, но ты постарайся удержать свой смех. Пусть еще раз начинается испытание! — сказали снова Хун-Ахпу и Шбаланке.

И тотчас начали они снова дуть во флейты, и снова (Хун-Бац и Хун-Чоуэн) возвратились; танцуя, они дошли до середины двора дома. Они гримасничали, возбуждая в их бабке такую веселость, что, наконец, она разразилась громким смехом. Они действительно были очень забавны с их обезьяньими лицами, их широкими животами, их узкими хвостами, судорожно двигавшимися, чтобы выразить их чувства. Все это заставляло старицу смеяться.

Тогда снова (старшие братья) ушли назад в горы. И сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А теперь что мы будем делать, о бабушка? Попытаемся еще раз. Это (уже) третий!

Они снова заиграли на флейте, и те (обезьяны) возвратились, танцуя. Теперь старица смогла удержать свой смех. Тогда они вскарабкались на (главную балку) — самое теплое место в доме; их глаза светились красным светом, они отворачивали прочь свои лица с широкими кривыми ртами и втянутыми губами. Они были очень взволнованы и пугали друг друга гримасами, которые они делали.

И когда старица увидела все это, она разразилась бурным хохотом. И они опять не увидели лиц (старших братьев) из-за смеха старой женщины.

— Только еще раз мы позовем их, бабушка, и они придут в четвертый раз, — (сказали юноши).

Они начали снова играть на флейте, но (их братья) не возвратились в четвертый раз; наоборот, они убежали в лес так быстро, как только могли.

И они (юноши) сказали своей бабушке: «Мы сделали все, что было возможно, о бабушка, они пришли один раз, затем мы пытались еще позвать их снова. Но не печалься! Вот мы здесь, мы твои внуки; ты должна смотреть на нас, о наша мать! О наша бабушка, мы здесь, чтобы напоминать тебе о

наших старших братьях, тех, кого называли и кто имел имена Хун-Баца и Хун-Чоуэна, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

(Хун-Баца и Хун-Чоуэна) призывали игроки на флейте и певцы в древние времена. Художники и мастера резьбы по камню также призывали их в прошедшие дни. Но они были превращены в животных и стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев.

Таким путем были опозорены их души; такова была их потеря; таким путем Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены и превращены в животных. Они постоянно находились в своем доме, они были музыкантами и певцами и сотворили многое поистине великое, когда жили со своей бабушкой и своей матерью.

Глава 6

Тогда (Хун-Ахпу и Шбаланке) начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

— Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, — сказали они. — Не печалься, мы здесь, мы, твои внуки; мы займем место наших старших братьев, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь, неся каждый на плече свою выдувную трубку. Когда они выходили из дома, они попросили свою бабушку принести им еды.

— Приди точно в полдень и принеси нашу пищу, бабушка, — сказали они.

— Хорошо, внуки мои, — ответила им их бабушка.

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле. И когда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом (братья) вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было сосчитать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно было и перечислить, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев.

Затем (Хун-Ахпу и Шбаланке) приказали птице, называемой Шмукур, горлинке, подняться и усесться на вершине высокого дерева, и Хун-Ахпу и Шбаланке сказали ей: «Сторожи, когда наша бабушка придет с едой для нас, и, как только она пойдет, начинай сразу ворковать, а мы схватим мотыгу и топор».

— Хорошо! — ответила горлинка. А они хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось.

Немного позже горлинка, как ей было приказано, заворковала, и (братья) быстро побежали и схватили один — мотыгу, а другой — топор. Они накрыли свои головы; один из них намеренно загрязнил свои руки землей и тем же самым образом вымазал свое лицо, чтобы выглядеть как настоящий земледелец, а другой нарочно набросал деревянных щепок на голову, как будто бы он в действительности срубал деревья.

Так их и увидела их бабка. Они сразу же поели, хотя в действительности они не работали в поле и получили пищу, не заслужив ее. Через некоторое время они вернулись домой.

— Мы поистине очень устали, бабушка, — сказали они, возвратившись, и протянули свои руки и ноги перед ее глазами, но без всяких оснований.

(Братья) возвратились на следующий день и, придя на поле, увидели, что все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались. (Вот что увидели Хун-Ахпу и Шбаланке), когда пришли.

— Кто это сыграл с нами такую шутку? — сказали они.

А совершили это все животные, большие и малые; они сделали это: пума, ягуар, олень, кролик, лисица, койот, дикий кабан^[57], коати, малые птицы и большие птицы — они, вот кто, совершили все это, и за одну только ночь.

И вот (Хун-Ахпу и Шбаланке) начали снова готовить поле для кукурузы и почву и срубать деревья. Они советовались друг с другом, в то время как рубка деревьев и расчистка кустарника шла сама собой.

— Теперь мы прежде всего будем сторожить наше поле, — сказали они друг другу, когда советовались, — может быть, мы сможем захватить тех, кто придет сюда творить все эти разрушения. — Потом они возвратились домой.

— Кто же видел что-нибудь подобное, бабушка? Они зло подшутили над нами. Наше поле, обработанное нами, они превратили в кусок земли, покрытый густыми зарослями и толстыми деревьями. Вот что мы нашли, когда пришли туда немного раньше, бабушка, — сказали они ей и своей

матери. — Но мы возвратимся туда и будем сторожить всю ночь, потому что несправедливо, что они совершают против нас такие вещи, — добавили (братья).

Затем они вооружились и снова возвратились на свое поле, к срубленным деревьям, и втихомолку спрятались там, прикрытые темнотой.

Тогда все животные собрались снова, пришли представители каждого рода, все большие и малые животные собрались вместе. Сердце ночи было спокойно, когда они пришли, все говоря между собой, и вот каковы были их слова: «Поднимитесь, деревья! Поднимитесь, лианы». Так говорили они, подходя и собираясь под деревьями и лианами. Наконец, они приблизились и появились перед глазами (Хун-Ахпу и Шбаланке).

Пума и ягуар были первыми, и (Хун-Ахпу и Шбаланке) жаждали схватить их, но (животные) не дались. Затем приблизились олень и кролик, но единственные части их, которые (братья) могли схватить, были их хвосты, их-то они и вырвали. Хвост оленя (и хвост кролика) остались в их руках, и поэтому с тех пор у оленя и кролика такие короткие хвосты.

Ни лисица, ни койот, ни дикий кабан, ни коати не попали в их руки. Все животные прошли перед Хун-Ахпу и Шбаланке, и сердца (братьев) были полны гнева из-за того, что не смогли поймать их.

Но, наконец, появился еще один зверь, отставший от других, и прибежал он, шмыгая то в одну, то в другую сторону. Они мгновенно преградили ему путь и, накинув на него ткань, схватили; это оказалась мышь. Поймав ее, они повернули ей голову назад и попытались задушить ее. Они опалили ей хвост на огне, и с тех пор хвост у мыши, ее хвост всегда безволосый. И глаза у нее всегда (выпучены), потому что юноши, Хун-Ахпу и Шбаланке, пытались ее задушить.

Мышь сказала: «Я не должна умереть от ваших рук. И не ваше это дело — возделывать кукурузные посевы».

— Что ты там такое рассказываешь теперь нам? — спросили юноши мышь.

— Освободите меня немножко, потому что у меня внутри есть кое-что, что желаю сказать вам, и я скажу вам это немедленно, но сперва дайте мне что-нибудь поесть, — промолвила мышь.

— Мы дадим тебе пищу потом, — ответили (братья), — сперва скажи!

— Хорошо! (Узнайте же) тогда, что собственность ваших родителей — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, как назывались они, тех, кто умер в Шибальбе, — принадлежащие им вещи для игры в мяч сохранились и висят под крышей дома: их кольца, перчатки и каучуковый мяч. Тем не менее ваша бабушка не хотела показывать их вам, потому что (эти вещи) были причиной, из-за которой умерли ваши родители.

— Ты уверена в этом? — спросили юноши мышь. А сердца их были очень счастливы, услышав о каучуковом мяче. И так как мышь им все теперь рассказала, то они показали ей, что будет ее пищей.

— Вот что будет твоей пищей: кукурузные зерна, белый перец, бобы, паташте^[58] и какао, — все это принадлежит тебе, и если что-либо будет запасено и позабыто, это также будет твоим. Ешь это! — Так было сказано мыши Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, о юноши, — ответила она, — но что будет сказано вашей бабушке, если она увидит меня?

— Не беспокойся, потому что мы здесь и мы подумаем, мы найдем, что сказать нашей бабушке. Идем же! Мы быстро посадим тебя в этом углу дома, а ты сразу же поднимайся туда, где висят эти вещи. Мы же посмотрим на жерди крыши и уделим внимание нашей пище, — сказали они мыши.

И условившись таким образом, после разговора друг с другом в течение ночи, Хун-Ахпу и Шбаланке прибыли (домой) точно к полуденному часу. Когда они пришли, то принесли с собой мышь, но никому не показали ее. Один из них прямо прошел в дом, а другой подошел к кровле, и там мышь быстро вскарабкалась наверх.

Тотчас же они попросили у своей бабушки свой обед: «Прежде всего приготовь нам в чаше еду, мы хотим перцовой подливки, бабушка», — сказали они. И тотчас же в чаше была приготовлена для них пища, и горшок с похлебкой был поставлен перед ними.

Но все это было только для того, чтобы обмануть их бабушку и их мать. Осушив кувшин с водой, они сказали:

— Мы поистине умираем от жажды; пойд и принеси нам пить, — сказали они своей бабушке.

— Хорошо! — сказала она и вышла. Тогда (братья) начали есть, но в действительности они вовсе не были голодны; то, что они делали, была лишь хитрость. Они видели при помощи их перцовой подливки, как мышь быстро побежала к каучуковому мячу, подвешенному к стропилам крыши дома. Видя это в их перцовой подливке, они послали к реке комара с жалом, насекомое, называемое шан, которое подобно москиту, и оно пришло туда и пробуравило бок у кувшина для воды, (который унесла) их бабушка. И хотя она пыталась остановить вытекавшую воду, она никак не могла заделать дыру в кувшине.

— Что там случилось с нашей бабушкой? Иди поскорее к реке, наши рты сухи от жажды, мы умираем от жажды, — сказали они своей матери и послали ее (принести воду). Немедленно мышь перегрызла (веревку, державшую) мяч, и он упал со стропил дома вместе с кольцами, перчатками

и кожаными щитками. (Юноши) схватили их и, выйдя из дома, спрятали на дороге, ведущей к площадке для игры в мяч.

После этого они пошли на берег и присоединились к своей бабушке и своей матери, которые усердно старались заделать дыру в кувшине для воды. Тут прибыли они со своими выдувными трубками и, подойдя к реке, сказали:

— Что же вы делаете? Мы устали (от ожидания) и пришли сюда, — промолвили они.

— Посмотрите на дыру в моем кувшине, которую я не могу заткнуть, — сказала бабушка. Но они тотчас же заделали ее и вместе возвратились домой, идя перед своей бабушкой.

Таким образом был обнаружен каучуковый мяч.

Глава 7

Обрадованные юноши возвратились на площадку для игры в мяч; они принялись за игру и играли там долгое время одни. Они расчистили площадку, где играли их родители.

А владыки Шибальбы слышали их и сказали: «Кто это те, что снова начинают играть над нашими головами и тревожат нас производимым ими шумом? Может быть, не умерли Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвысить себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда!»

Так сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им: «Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: «Пусть они придут, — сказали владыки, — мы желаем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сегодняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы придете (туда)». Так сказали владыки. Таково было (приказание), которое они отдали вестникам.

И они пошли туда по широкой дороге, (проложенной) юношами; она вела прямо к их дому.

Идя по ней, посланцы появились прямо перед бабушкой (и матерью юношей). Они были заняты едою, когда прибыли посланцы из Шибальбы.

— Скажи им, чтобы они пришли, без обмана, так приказали владыки, — сказали вестники Шибальбы. И посланцы Шибальбы указали точный день (прибытия): «В течение семи дней (владыки) будут ожидать их», — сказали они Шмукане.

— Хорошо, посланцы, они придут, как было приказано, — ответила старица. И посланцы отправились в обратный путь.

И тогда сердце старицы исполнилось беспокойством: «Кого же я пошлю позвать моих внуков? Разве не тем же самым образом явились в прошлый раз посланцы Шибальбы, когда они увели родителей (юношей)», — говорила старица и горько плакала, печальная и одинокая в своем доме.

И вдруг с ее одежды упала вошь. Она схватила ее и положила на ладонь своей руки. Вошь начала двигаться и быстро поползла.

— Доченька моя, не хочешь ли ты, чтобы я послала тебя позвать моих внучат с площадки для игры в мяч, — сказала она вши. — Исполнители приказаний, посланцы (Шибальбы) пришли к вашей бабушке и сказали ей: «Ты должна позаботиться, чтобы они пришли бы в течение семи дней, пусть придут они», — вот что сказали посланцы Шибальбы. Это велела мне передать ваша бабушка», — так приказала она вши.

Вошь, послушная приказанию, отправилась тотчас же в путь. На дороге ей повстречался сидевший юноша по имени Тамасул^[59], жаба.

— Куда это ты идешь? — спросила жаба вошь.

— Я несу в своем (животе) послание, я отправилась искать юношей, — отвечала вошь Тамасулу.

— Хорошо, но я вижу, что ты двигаешься недостаточно быстро, — возразила жаба вши, — ты не хочешь, чтобы я проглотила бы тебя? Ты увидишь, как я побегу, и таким образом мы быстро прибудем.

— Прекрасно! — ответила вошь жабе. Тотчас же жаба проглотила ее. И жаба путешествовала долгое время, но шла она без всякой спешки. Затем она встретила большую змею по имени Сакикас.

— Куда это ты идешь, юный Тамасул? — спросила Сакикас жабу.

— Я иду как посланец, у меня в животе послание, — отвечала жаба змее.

— Я вижу, что ты не можешь двигаться быстро. Может быть, я, я прибуду быстрее, — сказала змея жабе. — Иди-ка сюда! — прибавила она.

И тотчас же Сакикас, в свою очередь, проглотила жабу. И с тех пор только это является пищей змей, которые и теперь глотают жаб.

Змея быстро отправилась вперед, но встретила (сокола) Вака, большую птицу. Сокол, в свою очередь, мгновенно проглотил змею. Вскоре после этого он появился на стене площадки для игры в мяч. С этого времени вот что стало пищей соколов, пожирающих в горах змей.

Прилетев, сокол уселся на карниз стены здания, в котором забавлялись, играя в мяч, Хун-Ахпу и Шбаланке. Усевшись, сокол начал кричать: Вак-ко! Вак-ко! — что обозначало: «Вак здесь! Вак здесь!»

— Кто это там кричит? Давайте-ка сюда наши выдувные трубки! — воскликнули (юноши). Они выстрелили в сокола и попали шариком из выдувной трубки в зрачок глаза. (Сокол) кругами опустился на землю. Они

подбежали, быстро схватили его и спросили: «Что ты пришел сюда делать?» Так спросили они сокола.

— Я принес в своем животе послание, — отвечал сокол, — сперва излечите мой глаз, а потом я вам расскажу.

— Прекрасно! — сказали (юноши) и, взяв кусочек от каучукового мяча, с помощью которого они играли, они приложили его к лицу сокола. «Лощик»^[60] назвали они (это средство), и мгновенно он выздоровел, сразу же глаз сокола был исцелен полностью.

— Говори теперь! — сказали они соколу. И он немедленно изрыгнул большую змею.

— Говори ты! — сказали они змее.

— Хорошо! — сказала змея и, в свою очередь, изрыгнула жабу.

— Где же послание, что ты принесла? Говори! — приказали (юноши) жабе.

— Здесь, в моем животе находится послание, — отвечала жаба. И немедленно она попыталась, но не могла ничего изрыгнуть; рот ее был наполнен слюной, но ничего из (ее рта) не вышло. Тогда юноши захотели ее побить.

— Ты обманщица! — сказали они.

Они ударили ее ногою в крестец, и кости ее бедер поднялись вверх. Она попыталась снова, но из ее рта снова потекла только лишь слюна. Тогда юноши открыли руками рот жабы и, когда он открылся, заглянули внутрь его. Вошь застряла в зубах жабы; она осталась в ее рту и не была проглочена, а только казалась проглоченной. Так была искалечена жаба, и пища, предназначенная ей, неизвестна. Она не может бегать и стала (с тех пор) пищей змей.

— Говори, — приказали они вши, и тогда она передала свое послание. «Ваша бабка сказала мне, о юноши, — иди, позови их сюда; прибыли исполнители приказаний, посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме пришли сказать им, чтобы они отправились бы в Шибальбу. (Посланцы) говорили: они должны явиться туда в течение семи дней, чтобы играть в мяч с нами; они также должны принести свои принадлежности для игры: мяч, кольца, перчатки и кожаные наколенники, чтобы могли забавляться здесь! — сказали владыки. Они (посланцы) действительно приходили, — сказала ваша бабушка. Вот почему я нахожусь здесь. Поистине, ваша бабушка сказала это, и она плачет и скорбит, по этой причине я и пришла (сюда)».

— Неужели это правда? — спросили юноши друг у друга, когда они услышали это. Быстро они побежали домой и добрались к своей бабушке, но они пришли только, чтобы попрощаться с ней.

— Мы должны отправиться в путь, бабушка, мы пришли только попрощаться с тобой. Но мы оставляем здесь знак о нашей судьбе: каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком нашей смерти. «Они мертвы!» — скажешь ты, если он начнет засыхать. Но если он начнет пускать свежие ростки снова, — «они живы!» — скажешь ты, о наша бабушка. И ты, мама, не плачь, потому что мы оставляем знак о нашей судьбе. — Так говорили они (бабушке и матери).

И перед отправлением Хун-Ахпу посадил один (тростник), а Шбаланке посадил другой; они посадили их в доме, а не в поле; они посадили их не во влажную почву, а в сухую землю; они посадили (тростники) в середине их дома и затем оставили их.

Глава 8

После этого (братья) отправились в путь, неся каждый свою выдувную трубку, и стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий. Они прошли среди неких птиц, и эти птицы назывались Молай.

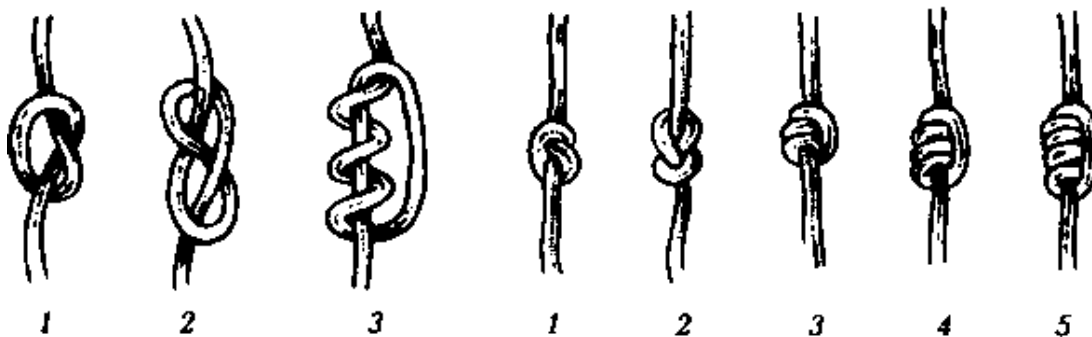
Затем они перешли через реку гноя и через реку крови, где они должны были быть уничтожены, — так думали люди Шибальбы, — но они не коснулись ее своими ногами; вместо этого они пересекли ее на своих выдувных трубках.

Они вышли оттуда и пришли к перекрестку четырех дорог. Они прекрасно знали, какие дороги (ведут) к Шибальбе: черная дорога, белая дорога, красная дорога и зеленая дорога. Там же они призвали к себе насекомое, москита по имени Шан. Он должен был идти и собрать те сведения, которых они хотели.

— Ужаль их, одного за другим; сперва ужаль сидящего на первом месте, затем ужаль всех их, так как это будет твоим уделом: сосать кровь людей на дорогах, — так было приказано москиту.

— Прекрасно! — ответил москит.

И немедленно он полетел по черной дороге и наткнулся прямо на вырезанных из дерева людей, сидевших первыми и покрытых украшениями. Он ужалил первого, но он не сказал ничего, он ужалил второго сидевшего но он также ничего не сказал.

Слева показан способ, каким вязались узлы, справа — цифры от одного до пяти

После этого он ужалил третьего, а сидевший третьим был Хун-Каме.

— Ой! — воскликнул он, когда его ужалили. — Ох! — сказал Хун-Каме.

— Что это, Хун-Каме? Кто это тебя ужалил? Не знаешь ли ты, кто тебя ужалил? Ох! — воскликнул четвертый из сидевших (владык).

— В чем дело, Вукуб-Каме? Что тебя ужалило? — спросил, в свою очередь, пятый из сидевших.

— Ох! Ой! — воскликнул затем Шикирипат. И Вукуб-Каме спросил его:

— Что ужалило тебя?

И когда был укушен сидевший на шестом месте, он закричал: «Ой!»

— Что это, Кучумакик? — спросил Шикирипат. — Что тебя (ужалило)? А когда был ужален седьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Ах-Альпук? — спросил Кучумакик. — Что тебя ужалило?

И когда был ужален восьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Ах-Алькана? — спросил Ах-Альпук. — Что ужалило тебя?

И когда был ужален девятый из сидевших, он воскликнул: «Ой!»

— Что это, Чамиабак? — спросил Ах-Алькана. — Что тебя ужалило?

И когда десятый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

— В чем дело, Чамиахолом? — спросил Чамиабак. — Что тебя ужалило?

И когда одиннадцатый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!»

— Что случилось? — спросил Чамиахолом. — Что укусило тебя?

И когда двенадцатый из сидевших был ужален, он воскликнул: «Увы!»

— Что это, Патан? — спросили они. — Что тебя укусило?

И тринадцатый из сидевших воскликнул: «Увы!» — почувствовав, что он ужален.

— В чем дело, Кикшик? — спросил Патан. — Что тебя укусило?

И в этот момент четырнадцатый из сидевших воскликнул, (почувствовав), что он ужален: «Увы!»

— Что укусило тебя, Кикришкак? — спросил КикреПеречисленные здесь имена владык Шибальбы несколько отличаются от упомянутых в первой главе этой же части. Возможно, в этом месте следы какой-то иной версии мифа.}

Таким образом, они назвали свои имена, когда они все говорили их один другому. Так они выявили себя, говоря свои имена, называя каждого из владык, одного за другим. И этим способом каждый из сидевших на своем месте сказал имя своего соседа.

Ни одно из этих имен не было упущено. Все сказали свои имена, когда Хун-Ахпу вырвал волосок со своей ноги, ужаливший их всех. Потому что в действительности не москит жалил их; он отправился, чтобы подслушать для Хун-Ахпу и Шбаланке имена всех их.

(Юноши) же, продолжая свой путь, прибыли наконец туда, где находились обитатели Шибальбы.

— Приветствуйте владыку, того, кто сидит там! — было сказано им, чтобы обмануть их.

— Это не владыка. Это не более чем вырезанное из дерева чучело, — сказали они и подошли ближе. И немедленно (юноши) начали почтительно приветствовать их: — Привет тебе, Хун-Каме! Привет тебе, Вукуб-Каме! Привет тебе, Шикирипат! Привет тебе, Кучумакик! Привет тебе, Ах-Альпук! Привет тебе, Ах-Алькана! Привет тебе, Чамиабак! Привет тебе, Чамиахолом! Привет тебе, Кикшик! Привет тебе, Патан! Привет тебе, Кикре! Привет тебе, Кикришкак! — говорили они, проходя перед ними. И, смотря в их лица, они говорили имена всех, не упустив ни одного-единственного имени из них.

А как желали бы владыки (Шибальбы), чтобы их имена не были раскрыты.

— Садитесь здесь! — сказали они, надеясь, что (братья) сядут на (указанное им) сиденье. Но те не захотели.

— Это не сиденье для нас; это всего лишь раскаленный камень, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке, и (владыки Шибальбы) не могли обмануть их.

— Прекрасно, тогда идите в этот дом, — сказали (владыки).

И они отправились и вошли в «Дом мрака», но и там они не были побеждены.

Это было первым местом испытаний в Шибальбе. Владыки Шибальбы думали, что, когда (юноши) вошли туда, это должно было стать началом их поражения.

После того как (юноши) вошли в «Дом мрака», им были немедленно принесены зажженные лучины из смолистой сосны, и посланцы Хун-Каме взяли (с собой) по сигаре для каждого из них.

— Вот сосновые лучины для вас, — говорит владыка, — вы должны прийти с ними на заре завтрашнего дня, вместе с сигарами; вы должны прийти и вернуть их назад целыми, — говорит владыка! — Так сказали посланные, когда они пришли.

— Хорошо! — ответили (юноши).

Но в действительности они не жгли сосновые лучины; вместо этого они поместили на конец их что-то красное: несколько перьев из хвоста красного попугая, а ночная стража приняла их за зажженные сосновые лучины. К концам же сигар они прикрепили огненных червей.

Всю ночь (каждый из обитателей Шибальбы) думал, что (братья) побеждены. «Ха, мы победили их!» — говорила ночная стража. Но сосновые лучины совершенно не были обугленными и выглядели по-прежнему, а сигары не были искурены, и вид их был такой же, как прежде.

Они отправились сообщить (происшедшее) владыкам.

— Что это за люди? Откуда они пришли? Кто зачал их? Кто родил их? Поистине это заставляет загореться наши сердца, потому что нехорошо для нас то, что они делают. Странны их лица и странно их поведение, — говорили они друг другу. И вскоре все владыки призвали (юношей) к себе.

— Ну, давайте же поиграем в мяч, юноши! — сказали они. И в это же самое время они были спрошены Хун-Каме и Вукубом-Каме:

— Откуда же вы оба пришли? Расскажите-ка нам, о юноши! — сказали им владыки Шибальбы.

— Кто знает, откуда мы пришли! Мы не знаем, — ответили они и не сказали больше ничего.

— Прекрасно. Давайте же играть в мяч, юноши, — сказали им обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — ответили они.

— Давайте-ка используем вот этот наш мяч, — сказали обитатели Шибальбы.

— Никоим образом. Вы будете пользоваться не этим, а нашим, — отвечали юноши.

— Нет, мы не хотим использовать никакого, кроме нашего, — настаивали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно, — сказали юноши.

— Давайте тогда бросим жребий на червяка чиль, — сказали обитатели Шибальбы.

— Нет, вместо этого пусть заговорит голова пумы^[61], — сказали юноши.

— Нет, так не пойдет! — закричали обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — сказал Хун-Ахпу.

Тогда владыки Шибальбы схватили мяч, они бросили его прямо на кольцо Хун-Ахпу. Немедленно, в то время как обитатели Шибальбы схватили ручку кремневого ножа, мяч отскочил и запрыгал по полу площадки для игры в мяч.

— Что это такое? — воскликнули Хун-Ахпу и Шбаланке. — Вы желаете убить нас? Может быть, это не вы послали за нами? И (к нам) приходили не ваши собственные посланцы? Поистине мы достойны сожаления! Мы сейчас же оставим вас, — сказали им юноши.

А это было именно то, чего желали обитатели Шибальбы: чтобы с ними случилось что-нибудь, чтобы они немедленно умерли бы прямо здесь, на дворе для игры в мяч, и чтобы таким образом они были побеждены. Но этого не случилось, а побеждены были юношами обитатели Шибальбы.

— Не уходите, о юноши, давайте поиграем в мяч, мы будем употреблять теперь только ваш мяч, — сказали они юношам.

— Прекрасно! — ответили (юноши), и затем они прогнали свой мяч через (кольцо обитателей Шибальбы), и этим игра была кончена.

И оскорбленные своим поражением обитатели Шибальбы немедленно сказали: «Что же мы будем делать, чтобы победить их? Надо покончить с ними!» И, обратясь к юношам, они сказали им:

— Подите соберите и принесите нам завтра рано утром четыре сосуда, наполненных цветами, — так сказали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! А какой род цветов? — спросили юноши обитателей Шибальбы.

— Букет красного мучита^[62], букет белого мучита, букет желтого мучита и букет каринимака, — сказали обитатели Шибальбы.

— Хорошо! — ответили юноши.

(Этим кончился разговор); сильными и уверенными были слова юношей. Но когда они отдавались нависшей над ними опасности, сердца юношей были спокойны.

Владыки Шибальбы были счастливы, думая, что они уже нанесли им поражение.

— Это хорошо мы сделали! Прежде всего, они должны собрать (цветы), — говорили обитатели Шибальбы, — но куда же они пойдут, чтобы получить эти цветы? — спрашивали они в своем сердце.

— Вы, конечно, дадите нам наши цветы завтра, ранним утром, идите тогда срезать их, — сказали обитатели Шибальбы юношам Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо! — ответили они. — На заре мы снова померимся с вами силами, — сказали они, расставаясь.

И вот после этого юноши вошли в «Дом ножей», второе место испытаний в Шибальбе. (Владыки) желали, чтобы они были изрезаны в куски ножами и были быстро убиты, — так задумали они. Вот чего желали они в своих сердцах.

Но (юноши) не умерли. Они сразу же заговорили с ножами и сказали им: «Вам будет принадлежать мясо всех животных», — сказали они ножам. И они больше не двигались; все ножи были спокойны.

Так (юноши) провели ночь в «Доме ножей» и, призвав всех муравьев, они сказали им:

— Идите, муравьи-резчики, идите, муравьи с высокими ногами, все вы приходите сюда. Идите же сразу, идите и принесите все виды цветов, которые мы должны собрать для владык.

— Хорошо! — сказали они, и все муравьи направились в путь, чтобы принести цветы из садов Хун-Каме и Вукуба-Каме.

Но (владыки) заранее предусмотрительно предостерегли стражу цветов в Шибальбе:

— О почтенные (стражи), будьте внимательны к нашим цветам, не допускайте, чтобы они были украдены. Правда, юноши уже в нашей власти, а кто же другой может прийти, чтобы посмотреть и срезать цветы? Это, конечно, невозможно! Но все же сторожите (их) всю ночь!

— Хорошо! — ответили они.

Но стражи садов не заметили ничего. Понапрасну они кричали посреди ветвей деревьев в саду, повинувшись приказанию. Они были там всю ночь, повторяя одни и те же свои крики и песни.

— Шпурпувек! Шпурпувек! — кричал один, начиная свою песню.

— Пугуйю! Пугуйю! — отвечал другой, когда он хотел петь.

(Пугуйю) — ночными ласточками назывались оба стража садов, садов Хун-Каме и Вукуба-Каме. Но они даже не заметили муравьев, похищавших то, что они охраняли. (Муравьи) полчищами сновали друг за другом, двигаясь туда и сюда и срезая цветы. Они поднимались по деревьям, чтобы срезать цветы, а цветы падали на землю у подножия деревьев и благоухали.

А стражи между тем продолжали прилежно кричать, и они не чувствовали, как зубы (муравьев) отгрызают у них хвосты, отгрызают их крылья.

И муравьи тащили, таким образом, цветы, которые они срезали, и, собирая их с земли, они уносили их в своих зубах.

Быстро наполнили они четыре тыквенных сосуда цветами, влажными (от росы); уже занималась заря. И вот пришли вестники, чтобы вести (братьев). «Скажи им, чтобы они пришли, — сказал владыка, — и принесли сюда сразу же то, что они срезали», — так было сказано юношам.

— Прекрасно, — ответили они.

И юноши отправились, неся цветы в четырех тыквенных сосудах.

А когда они прибыли пред лицо владыки (Шибальбы) и других владык и он взял цветы, приятно было посмотреть на цветы, принесенные ими с собой. И в этом (состязании) обитатели Шибальбы оказались побежденными.

Юноши послали только муравьев (срезать цветы), и в течение одной ночи муравьи срезали их и поместили их в тыквенные сосуды.

Мгновенно разъярились все обитатели Шибальбы, а их лица побледнели из-за этих цветов. Сразу же они послали за стражами цветов.

— Почему допустили вы красть наши цветы? Это ведь наши цветы из нашего сада, те, что мы видим здесь! — сказали они стражам.

— Мы ничего не заметили, владыка. Наши хвосты тоже пострадали, — ответили те.

И тогда (владыки) разорвали их рты в наказание за то, что было украдено то, что им было поручено сторожить. Так Хун-Каме и Вукуб-Каме были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. И это было начало их деяний. А ночные ласточки получили (такие) клювы; с этого времени рот у них разделен на две части клювом, как и теперь.

Немедленно (все) они отправились играть в мяч и сыграли опять несколько игр с равными результатами. Тогда они закончили игру и условились играть снова утром следующего дня. Так назначили обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! — ответили юноши по окончании (игры).

Глава 10

После этого (юноши) вошли в «Дом холода». Там было невозможно холодно. Дом был заполнен множеством льда; это было настоящее владение

холода. Но скоро холод прекратился, потому что юноши зажгли огонь из сосновых сучьев, совсем старых, и заставили холод исчезнуть.

Вот почему они не умерли; они были еще живы, когда началась заря. А обитатели Шибальбы желали, чтобы (юноши) умерли там. Но так не случилось, и когда занялась заря, они были еще полны здоровья. И снова появились исполнители приказаний; снова пришли посланные, чтобы вести их.

— Как же так? Они еще не умерли? — воскликнул повелитель Шибальбы. И вновь они смотрели с изумлением на деяния юношей Хун-Ахпу и Шбаланке.

После этого (юноши) вошли в «Дом ягуаров». Этот дом был полон ягуарами. «Не кусайте нас! Вот что будет принадлежать вам!» — сказали (братья) ягуарам. И они быстро разбросали перед животными несколько костей, а те с жадностью набросились на кости.

— Ну, теперь-то с ними покончено! Теперь их сердца уже пожраны ягуарами. Наконец-то они побеждены! Теперь их кости переломаны, — так говорили стоявшие на ночной страже, и сердца всех их были счастливы из-за этого.

Но (братья) не умерли. Как обычно, бодрые и здоровые, они вышли из «Дома ягуаров».

— Какого же рода эти люди? Откуда они появились? — спрашивали все обитатели Шибальбы.

После этого юноши вошли в средоточие огня, в «Дом пламени». Внутри этого дома был только бушующий огонь, но они там не сгорели, хотя там все превращались в уголь и пепел. И, как обычно, они были бодрыми и здоровыми, когда занялась заря. А очень хотелось (владыкам Шибальбы), чтобы (братья) быстро погибли там, где они находились. Но не случилось, однако, по желанию обитателей Шибальбы, и в сердцах их погасло мужество.

Тогда они направили (братьев) в «Дом летучих мышей». Ничего, кроме летучих мышей, не было внутри этого дома, дома Камасоца^[63], большого животного. Орудия убийства были у него, как у Чакицами^[64]; они были похожи на закаленные острия. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его.

(Юноши) находились там, но они спали внутри своих выдувных трубок. И те, кто находился в этом доме, не укусили их. И все-таки (братья) должны были сдаться, потому что один из них (был побежден) Камасоцем, спустившимся с неба. Да, он появился, когда они делали следующее.

Летучие мыши совещались друг с другом в течение всей ночи и летали вокруг и шумели. «Килиц, килиц», — говорили они. И так говорили они всю

ночь. Но затем они постепенно остановились; летучие мыши совершенно перестали двигаться и затем спокойно повисли на одном из концов выдувной трубки.

Тогда Шбаланке сказал Хун-Ахпу:

— Долго ли еще осталось до наступления зари? Посмотри!

— Долго ли еще? Кто знает? Сейчас я взгляну, — ответил (Хун-Ахпу).

И когда он, горя нетерпением, выглянул из дула выдувной трубки, желая поскорее увидеть восход зари, Камасоц мгновенно срезал его голову, и лишено было головы тело Хун-Ахпу.

Шбаланке спросил снова: «Ну, как? Не занялась ли заря?» — Но Хун-Ахпу был недвижим. «Как? Куда ты ушел, Хун-Ахпу? Что же ты сделал? » — Но он не двигался и продолжал молчать. Тогда опечалился Шбаланке и воскликнул: «Несчастные мы! Мы совершенно уничтожены!»

(Исполнители приказаний) пошли и немедленно повесили голову (Хун-Ахпу) на стене площадки для игры в мяч по специальному приказанию Хун-Каме и Вукуба-Каме. И все обитатели Шибальбы радовались из-за того, что случилось с головой Хун-Ахпу.

Глава II

Немедленно (Шбаланке) созвал всех животных, коати и кабана, всех зверей, больших и малых, созвал их в течение ночи и в эту же самую ночь спросил их, какова была их пища.

— Что ест каждый из вас? Что (из пищи) соответствует каждому роду? Ведь я собрал вас для того, чтобы вы могли избрать себе подходящую пищу, — сказал им Шбаланке.

— Очень хорошо, — ответили они. И немедленно каждый отправился выбирать свою (собственную пищу), и все они добрались до цели. Одни отправились взять себе как владение сгнившие деревья, другие отправились взять растение цалик^[65], третьи — камни. Были и такие, что выбрали только землю. Различной была пища (малых) животных и больших животных.

Сзади них ползла покрытая панцирем черепаха, она двигалась, переваливаясь, чтобы также найти свою (пищу). И когда она достигла конца (тела Хун-Ахпу), она превратилась в обманное подобие головы Хун-Ахпу, и в то же самое мгновение были созданы (на ее теле) его глаза.

Много мудрецов спустилось тогда с неба. Вот даже Сердце небес, Хуракан, появился и пребывал там, над «Домом летучих мышей».

Нелегко было закончить изготовление лица (Хун-Ахпу), но вышло оно прекрасным: поистине привлекательно выглядел его рот, и он мог даже по-

настоящему говорить.

Но уже наступала зря, и начал багроветь край неба.

— Сделай его снова темным, о старец! — было сказано коршуну.

— Да будет так! — сказал старец, и мгновенно он затемнил (небо). «Теперь коршун затемнил его», — говорит народ и теперь (при наступлении зари).

«Огненный попугай»

Итак, во время утренней свежести (Хун-Ахпу снова) начал свое существование.

— Хорошо ли это будет, — говорили они, — выгорит ли она подобной (голове) Хун-Ахпу?

— Она очень хороша! — отвечали они. И правда, казалось, что кость (черепашки) превратилась в настоящую голову.

После этого (братья) начали совещаться друг с другом и согласились. «Не играй в мяч, делай только вид, что ты играешь. Я буду делать все один!» — говорит Шбаланке (Хун-Ахпу).

После этого он отдал свои распоряжения кролику: «(Иди) и поместись над двором для игры в мяч, оставайся там среди выступов карниза, — сказал Шбаланке кролику, — а когда мяч подлетит к тебе, выбегай немедленно, а я сам сделаю все остальное». Так было сказано кролику, когда они давали ему эти приказания.

И вот настал день, а оба (юноши) были веселы и здоровы. Тогда они отправились играть в мяч. Голова Хун-Ахпу же была помещена на стене площадки для игры в мяч.

— Мы победили! — (торжествовали владыки Шибальбы). — Вы опозорили себя! Вы погибли! — говорили им (обитатели Шибальбы). Так они издевались над Хун-Ахпу.

— Сшиби его голову мячом, — говорили они (Шбаланке). Но они не оскорбили его этим, он не обращал ни малейшего внимания на (их насмешки).

Тогда владыки Шибальбы бросили мяч. Он понесся на Шбаланке и упал прямо перед кольцом его на землю. Затем мяч отскочил, быстро пронесся над площадкой для игры в мяч и прыжком достиг выступов карниза.

Тотчас же кролик выскочил (оттуда) и побежал быстрыми прыжками. Все обитатели Шибальбы устремились в погоню за ним. Они бежали за кроликом, шумя и крича. Кончилось тем, что за ним погнались все обитатели Шибальбы, до последнего человека.

А Шбаланке в этот момент овладел (настоящей) головой Хун-Ахпу и, схватив черепаху, поместил ее на стену площадки для игры в мяч. А Хун-Ахпу получил обратно свою настоящую голову. И тогда оба (юноши) были очень счастливы.

А обитатели Шибальбы отправились искать мяч и, найдя его между выступов карниза, начали звать их, говоря:

— Идите сюда! Вот наш мяч! Мы нашли его! — кричали они. И они принесли его.

Когда обитатели Шибальбы возвратились и игра началась снова, они воскликнули: «Что это, кого мы видим?»

А (братья) играли вместе; они снова были вдвоем.

Неожиданно Шбаланке бросил камнем в черепаху, она сорвалась и упала посреди площадки для игры в мяч, разбившись перед (владыками) на тысячу кусков.

— Кто из вас пойдет искать ее? Где тот, кто возьмется принести ее? — сказали обитатели Шибальбы^[66].

Так владыки Шибальбы были снова побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. Эти (двое) перенесли великие трудности, но они не умерли, несмотря на все свершенное над ними.

Глава 12

Вот сообщение о том, как умерли Хун-Ахпу и Шбаланке. Теперь мы расскажем, что живет в воспоминаниях об их смерти.

(Хун-Ахпу и Шбаланке) были предупреждены о всех страданиях, которым (владыки Шибальбы) желают подвергнуть их, но они не умерли от пыток Шибальбы и не были побеждены всеми хищными животными, имевшимися в Шибальбе.

После этого (братья) послали за двумя провидцами, которые были подобны пророкам; звали их Шулу и Пакам^[67], и были они исполнены мудрости. (И юноши сказали им):

— Возможно, вы будете спрошены владыками Шибальбы относительно нашей смерти, которую они замышляют и приготавливают теперь, потому что мы не умерли, потому что они не смогли победить нас, потому что мы не погибли под их пытками и не были растерзаны зверями. Мы предчувствуем в сердцах наших, что они попытаются убить нас при помощи раскаленного камня. Собрались уже все обитатели Шибальбы, но истина то, что мы не умрем. Поэтому вот наши наставления относительно того, что должны вы сказать (владыкам Шибальбы): если они придут советоваться с вами о нашей смерти и относительно того, как нас можно принести в жертву, что вы скажете им тогда, Шулу и Пакам? Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы выбросим их кости в пропасть?» — «Нет, не будет это хорошо, — скажите им, — потому что после этого вы, конечно, обязательно увидите снова их лица возвращенными к жизни!» Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы повесим их на высоких деревьях?» — вы ответите: «Конечно, не будет это хорошо, потому что вы обязательно снова увидите их лица!» И тогда в третий раз они спросят вас: «Может быть, лучше всего будет бросить их кости в стремнину реки?» И если у вас будет спрошено ими все, что говорилось раньше, (вы ответите): «Это будет лучше всего, если они (братья) умрут таким образом; хорошо будет истереть потом их кости на плоском камне, как мелют в муку кукурузные зерна; пусть каждый из них будет измолот по отдельности. Затем бросьте их немедленно в речную стремнину в том месте, где вода с шумом падает вниз, чтобы их (останки) были рассеяны среди малых гор и больших гор». Вот что вы ответите им, когда все то, что мы советовали вам, будет исполнено, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке. И когда (юноши) отдавали эти приказания, они уже знали относительно своей приближающейся смерти.

И вот был сделан тогда огромный костер с камнем внизу, вроде полуподземной печи; обитатели Шибальбы сделали его и наполнили кучами раскаленной золы.

Вскоре после этого прибыли посланные, которые должны были сопровождать (юношей), посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме.

— Скажите, чтобы они побыстрее пришли. Идите и возьмите юношей. Люди должны собраться там и увидеть, как мы испечем их живьем! — Так сказал владыка, о юноши! — возвестили (им посланные).

— Хорошо! — отвечали они.

(Братья) быстро отправились и подошли к краю земляной печи. Здесь (владыки Шибальбы) захотели заставить (юношей) участвовать в

издевательстве над собой.

— Давайте выпьем нашего опьяняющего напитка и перелетим (над костром) по четыре раза каждый, кто как умеет, о юноши! — было приказано им Хун-Каме.

— Не пытайтесь обмануть нас! — отвечали (братья). — Или, быть может, мы не знаем о нашей (предстоящей) смерти, о владыки? Так смотрите же!

И, обнявшись друг с другом, лицом к лицу, они оба вытянули свои руки, пригнулись к земле и прыгнули в подземную печь. Так они погибли, оба вместе.

Все обитатели Шибальбы были исполнены радости, они всю кричали, раскрыв рты, всю свистели и восклицали: «Вот теперь-то мы победили их! И поистине не так уж легко они сдались!»

Немедленно они позвали Шулу и Пакама, которым (братья) дали свои наставления, и подробно расспросили их, что нужно сделать с костями (погибших).

Затем обитатели Шибальбы, после того как спросили судьбу, смололи кости (юношей) и бросили их в речную стремнину. Но кости не удалились далеко; они тотчас опустились на речное дно и превратились снова в прекрасных юношей. И когда они появились опять, у них были те же самые лица и облик.

Глава 13

На пятый день (Хун-Ахпу и Шбаланке) появились снова и были увидены в воде людьми^[68]. Оба они имели вид людей-рыб, когда обитатели Шибальбы видели их. И они охотились (за братьями) по всей реке.

А на следующий день они явились как два бедняка с очень старыми лицами, жалким видом и в лохмотьях; ничего привлекательного не было в их наружности. Так они были увидены всеми обитателями Шибальбы.

И они совершали самые различные деяния. Они исполняли танец ночной ласточки, двуутробки^[69], танец броненосца, а в особенности танцевали «сороконожку» и танец на ходулях.

Кроме того, они совершали многочисленные чудеса. Они сжигали дома, как будто они горели в действительности, и тотчас восстанавливали их снова. Многие обитатели Шибальбы в изумлении смотрели на них.

Наконец, они умышленно разрезали друг друга на куски; они убили друг друга. Тот, кто первый дал себя убить, распростерся и лежал, как мертвый, и в то же мгновение (другой) возвращал его к жизни. Обитатели

Шибальбы смотрели в удивлении на все, что они делали, а они совершали это, как начало своей победы над обитателями Шибальбы.

Слово об их представлениях дошло, наконец, до ушей владык Хун-Каме и Вукуба-Каме. Когда они услышали это, они воскликнули: «Кто эти два бедняка? Они действительно доставляют так много удовольствия?»

— Да, поистине прекрасны их танцы и все, что они совершают, — ответил тот, кто принес эти известия владыкам. Услышав о таком искушении, (владыки) послали своих посланных позвать (пришельцев). «Скажите им, чтобы они поскорее пришли сюда, скажите им, чтобы они пришли и мы могли бы видеть, что они делают, чтобы мы могли удивляться им и оказать им внимание, — так сказали владыки. — Так вы должны возвестить им», — вот что было сказано посланным.

Они сразу же направились к танцовщикам и передали им послание владык.

— Мы не можем желать этого, — (сказали юноши), — потому что поистине мы устыжены. И как же мы можем не стыдиться появиться в доме владык? Ведь наши лица поистине отвратительны. Разве наши глаза не жадны из-за нашей крайней нищеты? Разве вы не видите, что мы всего-навсего лишь бедняки-танцовщики? Что скажем мы нашим товарищам по бедности, которые еще не пришли с нами и хотят принять участие в наших танцах, порадоваться вместе с нами? Как можем мы исполнять наши танцы без них перед владыками? Вот по какой причине мы не хотим идти, о вестники! — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Наконец, с потупленными лицами, выражая явное нежелание, горечь и глубокую печаль, они отправились; но через некоторое время вновь отказались идти, и вестники били их много раз по лицам, когда они вели (братьев в дом) владыки.

И вот прибыли они к владыкам, боязливые и со склоненными головами; они подошли и простерлись, они выказывали почтительность и смирение. Они выглядели слабыми и оборванными, и облик их был действительно внешностью бродяг, когда они прибыли.

Их немедленно спросили об их родине и об их народе; они спросили их также об их матери и их отце.

— Откуда вы идете? — спросили их (владыки).

— Мы совершенно ничего не знаем, владыка! Мы не знали лиц нашей матери и нашего отца; и были очень маленькими, когда они умерли, — ответили они и не сказали ни слова больше.

— Хорошо! Теперь исполняйте ваши штуки, чтобы мы могли дивиться на вас. Что вам для этого требуется? Мы удовлетворим ваши пожелания, — было сказано им.

— Мы ничего не желаем, но мы поистине очень испуганы, — ответили они на это владыке.

— Не бойтесь ничего и не стыдитесь! Танцуйте! И изобразите прежде всего, как вы убиваете друг друга, а затем сожгите мой дом, делайте все, что вы умеете делать. Мы будем дивиться на вас; этого желают наши сердца. Итак, быстро (принимайтесь) за дело, бедные создания; мы дадим вам все, что вы пожелаете, — говорили они им.

Тогда они начали петь и танцевать. Все обитатели Шибальбы прибыли и собрались, чтобы видеть их. И они исполнили все танцы: они станцевали «двуутробку», они станцевали «ночную ласточку» и они станцевали «броненосца».

И тогда владыка сказал им: «Разрежьте мою собаку на части, и пусть она будет снова возвращена вами к жизни», — так приказал он им.

— Да будет так! — ответили они и разрезали собаку на кусочки. Затем сразу же они возвратили ее снова к жизни. И собака воистину была полна радости, когда она была возвращена к жизни, и виляла хвостом, когда (братья) оживили ее.

И тогда владыка сказал им: «Сожгите же теперь мой дом!» Так он приказал им. Сразу же они подожгли дом владыки, и хотя все владыки собрались там, внутри дома, они все же не были обожжены. Быстро они сделали его снова целым, и ни на одно мгновение дом Хун-Каме не был разрушен.

Все владыки (Шибальбы) веселились; они даже танцевали сами (от восторга), и это доставило им много удовольствия.

Тогда им было приказано владыкой:

— Теперь убейте человека, принесите его в жертву, но не допускайте, чтобы он умер, — так было сказано им.

— Очень хорошо! — ответили они.

И, схватив одного человека, они быстро принесли его в жертву. А затем они вырвали у него сердце и высоко (подняли) его, чтобы все владыки могли видеть (сердце).

И снова Хун-Каме и Вукуб-Каме были восхищены. Мгновение спустя человек был возвращен к жизни (братьями), и его сердце было исполнено бурной радости, когда он воскрес.

Владыки были удивлены.

— Принесите теперь в жертву друг друга, пусть мы увидим это, — сказали владыки, — наши сердца поистине жаждут такого представления от вас!

— Очень хорошо, о наш повелитель! — ответили они.

И тогда они приступили к жертвоприношению друг друга. Вот Хун-Ахпу был принесен в жертву Шбаланке; одна за другой его руки и его ноги были несколькими кусками отрезаны от (туловища), его голова была отрублена от его тела и унесена прочь; его сердце было вырвано из его груди и брошено на (ветви) растения цалик. Все владыки Шибальбы были опьянены (этим зрелищем). Они хотели только одного: только смотреть на представление, которое устроил Шбаланке.

— Встань! — воскликнул он, и мгновенно (Хун-Ахпу) возвратился к жизни. Тогда (братья) были очень счастливы, счастливы были и владыки. Действительно, то, что совершали они, наполняло восторгом сердца Хун-Каме и Вукуб-Каме, и они чувствовали себя так, как будто они сами совершали все это.

Тогда их сердца наполнились желанием и стремлением раскрыть загадку представлений Хун-Ахпу и Шбаланке; и у Хун-Каме и Вукуб-Каме вырвались слова:

— Сделай то же самое с нами! Принеси в жертву нас! — сказали они. — Разрежьте нас на куски, одного за другим! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Очень хорошо! После этого мы возвратим вас снова к жизни. Разве существует для вас смерть? Ведь мы те, кто обязан доставлять вам развлечения, а вы — повелители над вашими сыновьями и подданными, — сказали они владыкам.

И случилось так, что они принесли в жертву первым того, кто был предводителем владык, того, кого звали Хун-Каме, повелителя Шибальбы.

И когда Хун-Каме был мертв, они схватили Вукуб-Каме, и они не возвратили ни того ни другого снова к жизни.

Обитатели Шибальбы бежали, как только они увидели, что оба их владыки убиты и расчленены на куски. А это было сделано (братьями), чтобы покарать их.

В одно мгновение был убит главный владыка, и они не вернули его снова к жизни.

А один из владык смирился и явился перед лицами танцовщиков. Они не открыли его, и они не нашли его^[70]. «Пощадите меня!» — сказал он, когда он пришел в чувство.

Все сыновья и подданные (владык Шибальбы) бежали в глубокое ущелье, и все они собрались одной огромной толпой в этой узкой, глубокой пропасти. Там они собрались огромной толпой, и полчища муравьев пришли туда и нашли их и вытеснили их из ущелья. Так (муравьи) гнали их по дороге, и когда они вернулись назад (в Шибальбу), то простерлись (перед

победителями) и сдались. Они все покорились и когда приходили, то горько плакали.

Вот таким образом было сокрушено владычество Шибальбы. Только чудесами и своими превращениями смогли (братья) совершить все это.

Глава 14

Немедленно (Хун-Ахпу и Шбаланке) объявили свои имена и были превознесены перед всеми обитателями Шибальбы.

— Слушайте наши имена, которые мы вам назовем! Мы скажем вам также и имена наших отцов. Мы сами, мы Хун-Ахпу и Шбаланке, — вот наши имена. А имена наших отцов — тех, кого вы убили, — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Мы — те, кого вы видите здесь, — мстители за пытки и страдания наших отцов. Вот причина, почему мы негодуем за все злое, что вы свершили по отношению к ним. Поэтому мы положим конец всем вам, мы умертвим вас, и ни один из вас не сможет ускользнуть, — сказали они.

Все обитатели Шибальбы сразу же пали на колени, умоляя:

— Пощадите нас, Хун-Ахпу и Шбаланке! Действительно, мы провинились перед вашими отцами, как вы говорите, и они погребены в Пукбаль-Чах, — сказали они.

— Хорошо! Вот наш приговор, который мы возвещаем вам. Слушайте его, вы все, обитатели Шибальбы. Поскольку ни ваша великая мощь, ни ваше племя более не существует и поскольку вы не заслуживаете пощады, то вы займете низкое положение, не будут вам оказывать больше почестей. Очень немного достанется вам от крови и черепов, а игра в мяч будет не для вас. Вы будете проводить ваше время в изготовлении глиняных горшков и сковородок и камней для перемола кукурузы. Только дети чащ и пустынь будут представлены вашему покровительству. Но порождения света, сыновья света не будут иметь общения с вами, и они будут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печалей, изменники, отдающиеся порокам — вот те, кто будет приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно схватывать людей (для жертвоприношений); помните, что ваше положение теперь низкое!

Так говорили они всем обитателям Шибальбы.

Так началось разрушение их величия и их печали, хотя их и призывали еще потом. Не велико было их могущество и в былые дни. Им нравилось лишь причинять людям злое в те времена. В действительности и в те дни они не принадлежали к разряду богов. Кроме того, их страшные лица

вызывали у людей ужас и отвращение. Они порождали только распри и несчастья. Они подстрекали к злу, к греху и к разногласиям.

Они были также фальшивы сердцем, черные и белые в одно и то же время, завистливые существа и угнетатели, согласно тому, что говорилось о них. Кроме того, они раскрашивали свои лица и мазали их жиром.

Вот таким образом они потеряли свое величие и свой блеск; так произошло падение их владычества.

И это свершили Хун-Ахпу и Шбаланке.

Между тем бабушка плакала и печалилась перед посаженными и оставленными ими тростниками. У тростников этих сперва появились побеги, и они зазеленели, но затем засохли. Когда же (братья) бросились в подземную печь, (тростники) засохли снова. Тогда бабушка зажгла огонь и сожигала благовония перед тростниками в память своих внучат. И сердце бабушки исполнилось радости, когда тростники зазеленели вторично. Бабушка оказывала им почести, как богам, и называла их «Центром дома», «Никах» назывались они^[71].

«Зеленые тростники, растущие на равнинах» — вот было их имя. И они назывались «Центром дома» и «Центром», потому что (Хун-Ахпу и Шбаланке) посадили тростники в самой середине дома. И тростники были названы «зелеными тростниками, растущими на равнинах», потому что (братья) посадили их в выровненную землю.

Их также называли «зеленые тростники», потому что они зазеленели. Эти имена были даны им Шмукане, даны тем (тростникам), которые посадили Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы они напоминали бы о них их бабушке.

Итак, их отцами, умершими давным-давно, были Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. (Хун-Ахпу и Шбаланке) теперь увидели лица своих отцов здесь, в Шибальбе, и их отцы разговаривали со своими потомками, с теми, кто победил (владык) Шибальбы.

А вот как их отцы были почтены ими. Вукуба-Хун-Ахпу они почтили следующим образом: они отправились почтить его в Пукбаль-Чах.

Прежде всего им хотелось, чтобы возникло его изображение, и поэтому он был спрошен о его голосе и обо всем: о его рте, его носе и его глазах. Они обнаружили его голос, но он мог свершить лишь очень немного. Он мог только что-то произносить; его рот не мог назвать по имени своего брата-близнеца; он только лишь что-то лепетал.

А сердце их отца, которое оставалось лежать там, — которое оставалось лежать там, в Пукбаль-Чах, — почтили они таким образом: «Пусть будут призывать тебя, да будет так! — сказали ему его сыновья, когда они утешали его. — Прежде всего, вы должны стать почитаемыми, и

вам первым будут молиться порождения света, сыновья света. Ваши имена не будут никогда забыты! Да будет так! — говорили они своему отцу и этим утешали его сердце. — Мы — отмстители за вашу смерть, за вашу гибель, за страдания и печаль, которая была причинена вам».

Таковы были их слова прощания, когда они уже полностью победили всех обитателей Шибальбы.

Тогда они удалились от них и поднялись вверх, в средоточие света; в одно мгновение они были подняты на небо. Одному было дано Солнце, другому — Луна. Тогда осветились свод небес и лицо земли. Теперь они обитают на небесах.

И вот тогда четыреста мальчиков, убитых Сипакной, также поднялись (на небо); они снова стали товарищами (братьев) и обратились в звезды на небе.

ЧАСТЬ III

Глава I

Здесь вот начало (рассказа о том), как было решено создать человека и как искали то, что должно было войти в плоть человека.

И Великая мать и Великий отец, Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, как гласят их имена, говорили: «Приближается время зари; так пусть наша работа будет закончена и пусть появятся те, кто должен нас питать и поддерживать, порождения света, сыновья света; пусть появится человек, человечество на лице земли!» — Так говорили они.

Они собрались, сошлись вместе и совещались в темноте и в ночи, и вот они искали и обсуждали, и здесь они размышляли и думали. Таким образом их намерения убедительно подошли к ясному решению; и они искали и открыли, что должно войти в плоть человека.

Это было еще перед тем, как солнце, луна и звезды появились над головами Создательницы и Творца.

Из Пашиля, из Кайала, как именовались (эти страны), появились желтые початки кукурузы и белые початки кукурузы.

Вот имена животных, доставивших эту пищу: лисица, койот, попутай и ворона. Эти четыре животных принесли известия о желтых початках кукурузы и о белых початках кукурузы. Они сказали (Создательнице и Творцу), что они должны идти в Пашиль, и они показали им дорогу в Пашиль.

И так они нашли пищу, и это было то, что вошло в плоть сотворенного человека, созданного человека, это была его кровь, из этого была создана кровь человека. Так вошла кукуруза в (сотворение человека), по желанию Великой матери и Великого отца.

И вот тогда они были исполнены радости, потому что они нашли такую прекрасную страну, полную удовольствий, изобилующую вкусными початками желтой кукурузы и вкусными початками белой кукурузы; изобилующую также прекрасным паташте и семенами какао. Нельзя и перечислить, сколько там было деревьев сапоте, кавуэш^[72], хокоте, тапаль, матасано^[73], какое множество меда. Там было изобилие восхитительной пищи, в этих селениях, именованных Пашиль и Кайала. Там была пища всякого рода, малая пища и большая пища, малые растения и большие растения. И дорога к ним была показана животными.

И тогда, размолот початки желтой кукурузы и початки белой кукурузы, Шмукане изготовила девять напитков, и из этой пищи пришла сила и плоть, и из кукурузы были созданы мускулы и сила человека. Вот что сделали Великая мать и Великий отец, Тепеу и Кукумац, как именовались они.

После этого они начали беседовать о сотворении и создании нашей первой матери и отца; только из желтой кукурузы и из белой кукурузы они создали плоть; из кукурузного теста они создали руки и ноги человека. Только тесто из кукурузной муки пошло на плоть наших первых отцов, четырех людей, которые были созданы.

Глава 2

Вот имена первых людей, которые были сотворены и созданы: первый человек был Балам-Кице, второй — Балам-Акаб, третий — Махукутах, а четвертый был Ики-Балам.

Таковы имена наших первых матерей и отцов.

Было (уже) сказано, что только лишь они были созданы и сотворены, не имели они матери, не имели они отца. Только лишь они одни могли исключительно называться людьми^[74]. Они не были рождены женщиной и не были зачаты, как сыновья, Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом. Только чудом, только средствами заклинаний они были сотворены и созданы Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, Тепеу и Кукумацем.

И так как они имели внешность людей, (то) они были люди; они говорили и вели беседы, они хорошо видели и слышали, они ходили, брали

вещи руками; они были хорошими и красивыми людьми, и их фигура была человеческой фигурой.

Они были наделены проницательностью; они видели, и их взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли.

Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая (даже) попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились.

Великая была мудрость их, их зрение достигало лесов, скал, озер, морей, гор и долин. Поистине они были изумительными людьми, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам!

Тогда Создательница и Творец спросили их: «Что вы думаете о вашем состоянии? Не видите ли вы? Не слышите ли вы? Не хороша ли ваша речь, так же как (ваша) походка? Смотрите тогда! Созерцайте все, что находится под небом, посмотрите, как появляются горы и долины! Попытайтесь же это увидеть!» — сказали они (первым людям).

И немедленно они увидели полностью все, что существовало в этом мире^[75]. Тогда они воздали благодарность Создательнице и Творцу: «Поистине воздаем мы вам благодарность тысячу раз. Мы стали людьми, нам даны рот и лицо, мы говорим, мы слышим, мы думаем и ходим, мы совершенно чувствуем, и мы знаем, что находится далеко и что находится близко. Мы видим также большое и малое в небе и на земле. Мы воздаем вам благодарность поэтому за то, что вы сотворили и создали нас, о Создательница и Творец, за то, что вы дали нам существование, о наша Праматерь, о наш Праотец!» — говорили они, воздавая благодарность за сотворение и создание их.

Они были способны познать все, и они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность земли.

Но Создательница и Творец услышали эту (благодарность) с неудовольствием. «Это нехорошо, что говорят наши создания, наши творения; они знают все: большое и малое!» — сказали они.

И поэтому Великая мать и Великий отец устроили совет снова: «Что же мы будем делать с ними теперь? Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немного на лице земли! Это нехорошо, то, что они говорят. Разве они по своей природе не простые создания нашего творения? Разве они тоже должны стать божествами? А что, если они не будут рождать и умножаться, когда наступит заря, когда поднимется солнце? И что (будет), если они не умножатся? — Так говорили они. — Давайте

немного сдержим их желания, потому что нехорошо это, что мы видим. Разве они должны быть равными нам, своим творцам, кто может видеть далеко, кто знает все и видит все?»

Так говорили друг другу Сердце небес, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпийакок, Шмукане, Создательница и Творец. Так они говорили и немедленно изменили природу своих созданий, своих творений.

Тогда Сердце небес наваял туман на их глаза, который покрыл облаком их зрение, как на зеркале, покрытом дыханием. Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко, только это было ясно видимо для них.

Таким образом была потеряна их мудрость, и все знание четырех людей, происхождение и начало (народа киче) было разрушено.

Таким образом были сотворены и созданы наши праотцы, наши отцы Сердцем небес, Сердцем земли.

Глава 3

Тогда получили существование их жены и были созданы для них женщины. Еще раз божество осуществило свое намерение. И они появились во время (их) сна. Поистине прекрасными были женщины, находившиеся рядом с Баламом-Кице, Баламом-Акаб, Махукутахом и Ики-Баламом.

Их женщины находились там, когда они пробудились, и сердца их мгновенно были наполнены радостью при виде их жен.

Вот имена их жен: Каха-Палуна именовалась жена Балама-Кице, Чомиха была женою Балама-Акаба, Цунуниха именовалась жена Махукутаха, и Какишаха было именем жены Ики-Балама^[76]. Таковы были имена их жен, и они были владычицами.

Они зачали людей, (людей) малых племен и больших племен, и они были началом нас самих, нас — народа киче.

Много было владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, их было не только четыре; но эти четыре были нашими праматерями, (праматерями) народа киче.

Различны были имена каждого (народа), когда они умножились там, на востоке, и имелось много названий народов: тепеуоломан^[77], кохах, кенеч, ахау, как именовались эти люди там, на востоке, где они умножились.

Известно также начало людей тама и людей илока, которые пришли вместе оттуда, с востока.

Балам-Кице был праотцем и отцом девяти великих домов Кавека; Балам-Акаб был праотцем и отцом девяти великих домов Нимхаиба; Махукутах — праотец и отец четырех великих домов Ахау-Киче.

Существовало три объединения родов^[78], и они никогда не забывали имя своего праотца и отца, тех, кто распространялся и умножался там, на востоке.

Таким же образом пришли люди тама и илока. С тринадцатью ветвями народов, тринадцатью из Текпана, (пришли они), а также люди Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха, а также закаха и ламак, кумац, ту-хальха, учабаха, люди из Чумилаха, люди из Кибаха, из Батенаба, люди акуль, баламиха, канчакель и баламколь.

Это только лишь главные племена, ветви народов, которые мы упоминаем; мы будем говорить только об этих главных. Многие другие еще пришли из каждой части главного населения, но мы не будем писать их имена. Они также умножались там, на востоке. Возникло великое число людей, и в темноте они множились: не были рождены еще ни солнце, ни свет, когда они умножались. Они все жили вместе, существовали и блуждали там, на востоке.

И не было у них (божества), которому они должны бы были приносить жертвенные дары и (искать) покровительства; они могли лишь поднимать свои лица к небу. И они не знали, почему они пришли так далеко, как (это) они сделали.

Там находились тогда в большом количестве черные люди и белые люди, люди с разной внешностью, люди столь многих наречий, что удивительно было слушать их.

Разные люди существуют под небом; имеются люди пустынь, лица которых никто никогда не видит, которые не имеют домов, они только блуждают, как помешанные, по малым горам и большим горам, поросшим лесами. Так рассказывали те, кто презирал этих людей пустынь; так рассказывали те, кто сам был там, на востоке.

Все они имели только одно и то же наречие. Они не зывали ни к дереву, ни к камню, но они хранили в памяти слово Создательницы и Творца, Сердца небес и Сердца Земли.

Вот таким образом они говорили, когда они хранили в сердцах мысль о наступлении зари. И они слагали свои молитвы, наполненные словами любви, полные любви, послушания и страха. Они поднимали лица к небу, когда просили себе дочерей и сыновей: «О ты Создательница, о ты Творец! Посмотри на нас, внемли нам! Не прогоняй нас прочь, не устраивай нам препятствий, о божество, сущее в небесах и на земле, Сердце небес, Сердце земли! Дай нам наших потомков, наше последование, пока будет двигаться

солнце и будет свет. Пусть наступит заря, пусть придет день! Дай нам много хороших дорог, ровных дорог! Пусть у людей будет мир, много мира, и да будут они счастливы! Дай нам хорошую жизнь и полезное существование! О ты, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Чипи-Нанауак, Раша-Нанауак^[79], Вок, Хун-Ахпу, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпийакок, Шмукане, Праматерь солнца, Праматерь света, пусть наступит заря, пусть придет день».

Так говорили они, когда они высматривали и призывали, полные ожидания, восход солнца, наступление дня. И в то же самое время они выслеживали утреннюю звезду, великую звезду, что движется перед солнцем. А солнце — пожар, освещающий небеса и землю, — озаряет шаги людей, созданных и сотворенных.

Глава 4

И Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сказали: «Давайте спокойно подождем наступления дня!» Так говорили эти великие умные люди, мудрецы, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Так было сказано ими.

Наши первые матери и отцы еще не хранили (изображений богов) ни из дерева, ни из камней, и их сердца устали от ожидания солнца. Уже были очень многочисленными все племена, и между ними народ йаки, а также владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений.

— Давайте пойдем, давайте пойдем, осмотрим все и поищем, нет ли чего, что мы могли бы признать как наших покровителей. Не сможем ли мы найти то, что должно гореть перед нами. Ибо так, как мы живем теперь, мы не имеем никого, кто бы бодрствовал для нас, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И, услышав о городе, они отправились туда.

И вот, имя того места, куда отправились Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам и люди (народов) там и илок, было Тулан-Суйва, Вукуб-Пек, Вукуб-Сиван^[80]. Таково было имя города, куда они отправились, чтобы получить своих богов.

Итак, они все прибыли в Тулан. Невозможно было сосчитать (число) людей, которые (туда) прибыли; туда отправились очень многие, и странствовали они, построившись в ряды.

Тогда было появление богов, и первыми (появились боги) Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, а они были исполнены радости: «Наконец-то нашли мы то, чего искали!» — говорили они.

Первым появившимся был (бог) Тохиль, как именовался этот бог, и Балам-Кице положил его на спину, на свою раму. Затем появился бог по имени Авилиш, и Балам-Акаб унес его. Бог по имени Хакавиц был унесен Махукутахом, а Ики-Балам унес бога по имени Никакахтаках.

И таким же образом вместе с народом киче получили (свое божество) и люди тама. И вот почему Тохиль было имя бога у людей тама, кого получили праотцы и отцы владык тама, которых мы знаем еще и теперь.

На третьем месте были люди илока. Имя бога, которого получили праотцы и отцы этих владык, которых мы знаем еще и теперь, было также Тохиль.

Таким образом, трем (группам) киче были даны их имена, и они не разделялись, потому что они имели бога с одним и тем же именем: Тохиль у киче, Тохиль у тама и (Тохиль) у илока; только одно было имя бога, и с тех пор эти три (группы) киче не разлучались.

Велики воистину были бытие и сущность этих трех: Тохилия, Авилиша и Хакавица.

Затем прибыли все (другие) народы: люди из Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха и народ, который теперь носит название йаки. И там изменилась речь народов; их языки стали различными. Они уже не могли больше ясно понимать то, что слышали друг от друга, после того как прибыли в Тулан. Там же они и разделились: были такие, кто отправился на восток, но большинство пришло сюда.

И одежаниями их были только лишь шкуры животных; они не имели хороших тканей, чтобы одеться; шкуры животных были их единственной одеждой. Они были бедны, они не владели ничем, но они были людьми, дивными по своей природе.

Когда они прибыли в Тулан-Суйву, Вукуб-Сиван — как говорится в старых сказаниях, — их странствования, пока они добрались до Тулана, были очень продолжительными.

Глава 5

И они не имели еще огня. Только народ Тохилия имел его. Он был богом племен, который первый создал огонь. Неизвестно, как он был создан, потому что он уже ярко горел, когда Балам-Кице, Балам-Акаб увидели его.

— Увы! Мы не имеем еще огня! Мы умрем от холода! — говорили они.

И тогда Тохиль сказал им: «Не беспокойтесь! Ваш это огонь, о котором вы говорите, что он недоступен для вас», — сказал им Тохиль.

— Это действительно так? О ты, наш бог, ты наша поддержка, ты, кому мы приносим жертвы, ты наш бог! — говорили они, благодаря его.

И Тохиль ответил:

— Хорошо! Конечно, я ваш бог. Да будет так! Я — ваш владыка, да будет так! — так сказал Тохиль владыкам страха перед богом и устроителям жертвоприношений. И, таким образом, племена получили огонь и были рады по причине этого.

Внезапно начался сильный ливень. Масса града выпала на головы всех племен, и огонь был потушен из-за града; только что приобретенный огонь снова исчез.

Тогда Балам-Кице и Балам-Акаб снова попросили Тохиль об огне. «О Тохиль, мы воистину умираем от холода», — сказали они Тохилью.

— Хорошо, не печальтесь, — ответил (им) Тохиль, и сразу же он создал огонь, пробуравив свою сандалию^[81].

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сразу же стали счастливы и немедленно согрелись.

И вот, огонь у (других) народов тоже погас, и они умирали от холода. Они немедленно пришли еще раз просить огня у Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама. Они не могли больше переносить ни холода, ни града; они дрожали, и зубы их стучали; они совершенно оцепенели и были едва живы; их руки и ноги тряслись, и они не могли ничего держать в них, когда они пришли.

— Мы не устыдились прийти к вам и попросить немного вашего огня, — сказали они. Но они не получили ничего в ответ. И тогда сердца племен были очень опечалены.

— Речь Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама отлична (от нашей). Увы! Мы утратили нашу речь! Что мы сделали? Мы погибли! Как же мы были обмануты? Мы имели только одно наречие, когда мы прибыли туда, в Тулан; в одном и том же месте мы были сотворены и стали людьми. Нехорошо это, что мы сделали, — говорили все племена под деревьями, под лианами.

Тогда некий человек появился перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом, и (этот человек), который был посланником Шибальбы, сказал им так: «Поистине, это ваш бог; он — ваша поддержка, он, кроме того, подобие вашей Создательницы и вашего Творца и должен напоминать вам о них. Не отдавайте вашего огня племенам, пока они не представят приношений Тохилью. Но необходимо, чтобы они дали что-нибудь вам (сейчас). Вопросите самого Тохилья, что они должны дать, когда они придут, как цену за огонь», — сказал (человек) из Шибальбы. Он имел крылья, подобные крыльям летучей мыши.

«Я послан теми, кто вас сотворил, теми, кто вас создал», — сказал (человек) из Шибальбы.

Они тогда исполнились веселья, а Тохиль, Авилиш и Хакавиц были очень обрадованы в своих сердцах, когда человек из Шибальбы сказал это. И затем он мгновенно исчез из их глаз.

Но племена не погибли, они пришли, хотя и умирали от холода. Много было града, шел черный дождь, был туман и неопиcуемый холод.

И они подошли, каждое племя дрожало и ежилось от холода, когда они приблизились туда, где были Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Велика была опустошенность их сердец, их рты были крепко сжаты, а взоры потуплены.

Сразу же они, как нищие, появились перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом и сказали: «Неужели у вас нет сострадания к нам; ведь мы только просим немного от вашего огня? Разве мы не были (когда-то) вместе и объединенными? Разве мы не имели один и тот же дом и одну и ту же страну, когда вы были сотворены, когда вы были созданы? Имейте же тогда к нам милосердие!» — сказали они.

— Что же вы дадите нам за то, чтобы мы над вами сжалились? — было спрошено у них.

— Хорошо! Мы дадим тогда вам серебро, — отвечали племена.

— Мы не хотим серебра! — сказали на это Балам-Кице и Балам-Акаб.

— А что же именно вы хотите? — (спросили племена).

— Это мы должны сперва узнать, — (сказали Балам-Кице и Балам-Акаб).

— Очень хорошо! — сказали племена.

— Мы спросим у Тохилия, и тогда мы ответим вам, — добавили (Балам-Кице, Балам-Алсаб, Махукутах и Ики-Балам).

После этого они задали Тохиллю вопрос:

— Что должны дать племена, о Тохиль? Те, кто пришел к нам просить твоего огня? — Так спросили Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

— Хорошо! Согласны они отдать то, что находится у них под грудью и под мышками? Желает ли их сердце обнять меня, кто есмь Тохиль? Если они не хотят делать этого, то и я не отдам им огня, — отвечал Тохиль. — А вы скажите им, что это произойдет позднее. Совсем не теперь они будут обязаны (мне) тем, что находится у них под грудью и под мышками. Вот что Тохиль приказал передать вам, скажете вы.

Таков был ответ (Тохилия) Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

Тогда они передали слова Тохилия.

— Очень хорошо, мы принимаем это, и мы обнимем это, — сказали те (племена), когда они услышали и им были сказаны слова Тохилья. И они не медлили с ответом.

— Хорошо, — сказали они, — мы согласны, но пусть это свершится вскоре! — И немедленно они получили огонь. Тогда они согрелись.

Глава 6

Тем не менее оказалось, что одно племя украло огонь из дыма; и были они из дома Цоциль. Бог какчикелей именовался Чамалькан, и он имел вид летучей мыши^[82].

Когда они проходили через дым, — а они прокрадывались через него очень тихо, — тогда они подошли и схватили огонь. Нет! Какчикели не просили об огне, потому что они не хотели отдаваться и быть побежденными.

А путь, который (избрали) другие племена, был путь побежденных, когда они отдали то, что находилось у них под грудью и под мышками, чтобы это расцвело. А это расцветание, о котором говорил Тохиль, означало, чтобы каждое племя было принесено перед ним в жертву, чтобы у них были вырваны сердца из груди, из-под мышек.

Но это еще не началось, когда Тохиль предрекал получение мощи и верховной власти Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

Там, в Тулан-Суйва, откуда они пришли, они привыкли воздерживаться от пищи, они непрерывно постились, пока они ожидали появления зари, и бодрствовали, ожидая восхода солнца.

Они чередовались, сторожа великую звезду по имени Икоких, которая поднимается первой перед солнцем, когда занимается день, блестящую Икоких. Туда, на место солнечного восхода, постоянно были устремлены их взоры, еще тогда, когда они находились в месте, называемом Тулан-Суйва, откуда пришли их божества.

Не там, однако, они получили свою мощь и верховную власть, но только лишь здесь они подчинили и покорили большие племена и малые племена, когда они принесли их в жертву перед Тохилем и поднесли ему кровь, плоть, груди и подмышки всех людей.

Но уже в Тулане могущество внезапно пришло к ним; велика была свойственная им мудрость, когда они свершали свои деяния во мраке и в ночи.

Тогда они ушли оттуда, они отправились и оставили восток позади себя. «Это не наш дом, отправимся и посмотрим, где мы будем селиться», — сказал (им) тогда Тохиль.

Поистине, он привык беседовать с Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом:

— Воздайте же благодарность перед отправлением; совершите, что необходимо: проколите ваши уши, пронзите ваши локти и совершите ваши жертвоприношения; в этом будет ваша благодарность перед божеством, — (сказал Тохиль).

— Очень хорошо! — сказали они и пустили кровь из своих ушей. И они плакали в своих песнях из-за своего отправления из Тулана; их сердца горевали, когда они уходили (оттуда), когда они навсегда оставляли Тулан.

— Увы нам! Мы не увидим здесь зари, когда поднимается солнце и озаряет лицо земли! — говорили они при уходе. Но они оставили нескольких (человек) по дороге; да, находились люди, которые хотели оставаться там и спать.

Каждое из племен продолжало бодрствовать, чтобы увидеть звезду, которая есть вестник солнца. Этот знак зари они несли в своих сердцах, когда они шли с востока, и с той же самой надеждой они покидали то место, которое было на большом отсюда расстоянии. Так говорится об этом теперь.

Глава 7

Наконец они пришли на вершину горы, и там все люди киче и племена объединились. Там все они держали совет, чтобы совершить свои намерения. И теперь эта гора называется Чи-Пишаб, таково имя этой горы^[83].

Там они объединились и там они получили свои имена: «Я здесь, я — народ киче! А ты, ты из народа там, таково будет твое имя!» — было сказано людям там. А людям из народа илок было сказано: «Ты из илока, таково будет твое имя. И эти три (народа) киче никогда не исчезнут; наша судьба будет одной и той же», — сказали они, когда они давали себе свои имена.

Тогда же они дали имя и какчикелям: «какчикели» было их имя^[84], а кроме того — рабиналь — это также было их именем, и оно не потеряно ими до сих пор. К этому же присоединились и люди из Цикинаха, как они называются еще и теперь. Вот имена, которые они дали друг другу.

И вот они сошлись на совет. Прежде всего они хотели ожидать зарю и сторожить появление звезды, которая восходит как раз перед солнцем, когда

оно намеревается подняться. «Мы пришли оттуда, но мы были разделены», — говорили они друг другу.

И сердца их разрывала великая скорбь; они очень сильно страдали; они не имели пищи; они не имели чего-нибудь поесть; они только лишь нюхали концы своих посохов и благодаря этому воображали, что они едят; но они ничего не ели с тех пор, как пришли.

Не совсем ясно, однако, как они пересекли море; они пересекли его по этой стороне, как будто бы там и не было моря; они пересекли его по камням, помещенным в ряды на песке. По этой причине, в воспоминание, они были названы «камнями в ряд», «песок под морской водой» — имена, данные (той местности, где) они (племена) пересекали море; воды разделились, когда они проходили.

И печаль разрывала их сердца, когда они говорили друг с другом, потому что у них не было ничего есть; они имели только глоток воды и пригоршню кукурузы.

Там собрались они тогда на вершине горы, называемой Чи-Пишаб. И они принесли с собой также и Тохиль, Авилиша и Хакавица. Балам-Кице и его жена Каха-Палуна, таково было имя этой женщины, соблюдали строгий пост. То же самое делали и Балам-Акаб со своей женой, которая называлась Чомиха; и Махукутах и его жена по имени Цунуниха также соблюдали строгий пост, и Ики-Балам со своей женой, которая называлась Какишаха, (поступали) таким же образом.

Вот кто были те, кто постился в мраке и в ночи. Велика была их печаль, когда они находились на горе, называемой теперь Чи-Пишаб. И их боги говорили с ними слова.

Глава 8

Так сказали Тохиль, Авилиш и Хакавиц Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу:

— Идите, поднимите нас, не оставляйте нас здесь. Нам нельзя оставаться здесь. Унесите нас в какое-нибудь потаенное место! Заря уже приближается. Разве не будет для вас бесчестьем, если мы будем захвачены в плен вашими врагами внутри этих стен, где мы находимся по вашему желанию, о владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений! Унесите тогда каждого из нас в безопасное место! — Таковы были их слова, когда они говорили.

— Очень хорошо! Мы отправимся, мы пойдем искать (потаенное место) в лесах, — отвечали они все вместе.

Немедленно после этого они взяли (богов) и взвалили их на свои спины. И каждый взял принадлежащее ему божество. Таким образом они несли Аиилиша к ущелью, называемому «Ущелье сокрытия», так они назвали его, к большому ущелью в лесу, называемому теперь Па-Авилиш, и там они его оставили. Он был оставлен в этом глубоком ущелье Баламом-Акабом.

После того как был установлен в стороне первый по порядку (бог), они перенесли затем и Хакавица. Он был установлен на большой огненной горе. Хакавиц называется теперь эта гора, на ней затем был основан их город. Итак, там находилось божество, называемое Хакавицем.

Таким же образом, (как и Балам-Акаб), Махукутах остался около своего божества, которое было вторым божеством, спрятанным ими. Но Хакавиц находился не в лесу; на горе, лишенной растительности, был спрятан Хакавиц.

Тогда отправился Балам-Кице; он отправился туда, к огромному лесу; Балам-Кице отправился спрятать Тохилья на горе, которая теперь именуется Па-Тохиль. И они восхваляли укрытие в ущелье, убежище Тохилья. Большое количество змей и огромное число ягуаров, гремучих змей и ехидн^[85] жило там, в этом лесу, где был спрятан владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений (Тохиль).

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам находились вместе; вместе ожидали они зари, там, на горе, называемой Хакавиц.

А на очень недалеком расстоянии находились боги людей тама и людей илока. Амак-Тан называлось (место), где находился бог людей тама, здесь началась для них заря. (Место, где) люди илока ожидали зарю, называлось Амак-Укинкат; там находился бог людей илока, он был на небольшом расстоянии от них, на горе.

Там (находились) также все люди Рабиналя, и как-чикели, и люди из Цикинаха, все малые племена и большие племена. Да, они пребывали все вместе, неподвижные, ожидая наступления зари, совместно ожидая подъема большой звезды, называемой Икоких^[86], которая поднимается как раз перед солнцем, когда наступает заря, согласно сказанию.

Вместе находились тогда там Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Не было для них сна, не было покоя, и велика была тоска их сердец и их желудков о наступлении зари, о наступлении дня. На их лицах было только уныние; огромная печаль и великая подавленность опустилась на них; они были совершенно подавлены страданиями.

Они зашли так далеко. «О, как плохо это, что мы пришли сюда! Если бы только мы могли увидеть восход солнца! Как это мы сделали, зачем отделились от подобных нам в наших горах?» — восклицали они и много

беседовали друг с другом, полные печали, исполненные уныния, с громкими возгласами горести.

Так они говорили и никак не могли успокоить свои сердца, тосковавшие о наступлении зари.

«Боги сидят в ущельях и лесах, они находятся среди ползучих растений и мхов; у них нет даже сиденья из досок», — говорили они.

Первыми из (богов) были Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Велика была их слава, их сила и их могущество над богами всех (других) племен. Многочисленны были их чудеса и бессчетны их средства и их пути; и поэтому их существование вызывало страх и ужас в сердцах племен.

Но Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Ба-лам успокоили их желанья. Они не чувствовали в своих сердцах страха перед богами, которых они получили и тащили на своих спинах, когда они шли туда из Тулана-Суйва, туда, где восходит солнце.

И вот находились они (боги) там, в лесу. Сакирибаль-Па-Тохиль, Па-Авилиш, Па-Хакавиц — так называется теперь эта (местность).

Там же наши праотцы и наши отцы стали владыками и там засияла для них ранняя заря.

Теперь мы расскажем о наступлении зари и о появлении солнца, луны и звезд.

Глава 9

Здесь (рассказывается о) заре и появлении солнца, луны и звезд.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были очень счастливы, когда они увидели утреннюю звезду. Она поднялась первая, с сияющим ликом появилась она перед солнцем, и оно следовало за ней.

Немедленно они развязали свои курения, которые они (доставили) с востока, надеясь в душе, что они смогут позже пригодиться. Тогда они раскрыли три (дара), которые они намеревались преподнести (в жертву) в знак благодарности своих сердец.

Курение, которое доставил Балам-Кице, называлось Маштан-Пом, курение, которое доставил Балам-Акаб, называлось Кавистан-Пом, а курение, которое доставил Махукутах, называлось Кабавиль-Пом. Таковы были три благовонных смолы, которые они имели. И они зажгли его, когда начали танцевать, обратясь лицом к востоку.

Они плакали от радости, когда они танцевали и сжигали свои благовония, драгоценные благовония. Потом они горевали, потому что все еще не видели и не созерцали восхода солнца.

И вот тогда взошло солнце.

Малые звери и большие звери были счастливы; они поднялись с берегов рек, в ущельях и на вершинах гор, и все поспешно обратили свои глаза туда, где вставало солнце. Тогда зарычали пума и ягуар. Но первой залилась песней птица, называвшаяся келецу. Воистину все звери были счастливы; орел и белогрудый коршун, малые птицы и большие птицы распростерли свои крылья.

Они же, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, опустились на колени; велика была радость владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха и из Тухальха, Учабаха, Кибаха, людей из Батена и йаки-тепеу, всех этих племен, которые существуют теперь. И сосчитать людей было невозможно. Свет зари упал на все племена в одно и то же время.

Сразу же поверхность земли была высушена солнцем. Солнце было подобно человеку, когда оно показалось, и его лик пылал, когда оно высушивало поверхность земли.

Перед тем как поднялось солнце, поверхность земли была влажной и илистой, ведь солнце тогда еще не взошло. Но затем солнце поднялось в первый раз и было подобно человеческому существу. И зной его был непереносимым, хотя оно только еще показалось в тот момент, когда оно было рождено. То, что осталось в настоящее время, — это только лишь отражение в зеркале. Конечно, это было не то самое солнце, которое мы видим (теперь), как об этом говорится в их древних сказаниях^[87].

Немедленно после (появления солнца) Тохиль, Авилиш и Хакавиц превратились в камень вместе с божественными существами пумой, ягуаром^[88], гремучей змеей, ехидной и белыми чудовищами, находящимися среди древесных ветвей. Когда появились солнце, луна и звезды, все подобное превратилось в камень. И, может быть, нас теперь не было бы в живых из-за этих хищных животных: пумы, ягуара, гремучей змеи, ехидны, а также белого чудовища; может быть, мы не могли бы наслаждаться теперь дневным светом, если бы эти первые животные не были превращены солнцем в камень.

Когда (солнце) поднялось, сердца Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама были наполнены радостью. Велика была их радость, когда наступила заря. И там, в этом месте, было немного людей; только лишь малое количество (их) находилось там, на горе Хакавиц.

Там пришла к ним заря, там они сожигали свои благовония и танцевали, обращая свои взгляды к востоку, откуда они пришли. Там

находились их горы и их долины, откуда пришли Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, как они именовались.

Здесь, на горе, они умножились, и здесь возник их город; именно здесь находились они, когда появились солнце, луна и звезды, когда наступила заря и когда осветилось лицо земли и весь мир. Здесь же они начали свою песнь, которую они называли «Наш голубь»; они пели ее и выражали в этой песне скорбь своих сердец и свое самое сокровенное.

— Увы нам! Мы были уничтожены в Тулане, мы были разъединены, и там остались наши старшие и младшие братья. Да! Мы видели солнце! Но где теперь они, когда наступила заря? — так говорили они, (обращаясь) к владыкам страха перед богом, устроителям жертвоприношений из племени йаки.

— Ведь тот, кто называется Тохилем, является тем же самым богом йаки, и имя его — Йолькуат Кицалькуат.

— Мы получили его в Тулане, в Суйва, с ним оттуда мы вышли, и там был создан им наш род, когда мы вышли, — так говорили они друг другу.

И они живо вспоминали своих старших братьев и своих младших братьев, людей йаки, к которым заря пришла туда, в (страну), называемую теперь Мексикой. Кроме того, часть людей осталась там, на востоке; они называются *тенеу-олиман*.

— Мы потеряли их навсегда, — говорили они.

Они чувствовали большую печаль в своих сердцах там, в Хакавице; огорчены также были и люди из гама и илока, которые также находились там, в лесу, называемом Амак-Дан, где взошла заря для владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений тама, вместе со своим богом, который также звался Тохиль, потому что у трех ветвей народа киче было одно и то же имя бога. И такое же (имя) имел и бог людей Рабиналя, потому что мало разницы между (именем Тохиль) и именем Хун-Тох, как называется бог людей Рабиналя. Из-за этой причины — так говорится — они желали приравнять свое наречие к наречию киче.

Речь же какчикелей, однако, отлична от них, потому что имя их бога звучит по-иному еще с тех пор, как они пришли оттуда, из Тулан-Суйва. Цоциха-Чималькан было имя их бога; и по сей день они говорят на отличном (от киче) языке. И от их бога также произошли имена родов Ах-Поцоциль и Ах-Поша[хиль], как они называются.

Речь бога также изменилась с тех пор, как они получили своего бога там, в Тулане, около камня; их речь изменилась, когда они ушли из Тулана в темноту.

Они были все вместе, когда наступила для них заря и засиял свет над всеми племенами, но имена божеств остались в каждой группе теми же

самыми.

Глава 10

А теперь мы расскажем об их пребывании и промедлении там, на горе, где четверо, именуемые Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, находились вместе. Их сердца печалились по Тохилю, Авилишу и Хакавицу, которые по их вине все еще находились среди ползучих растений и мхов.

Мы расскажем теперь, как они решили совершать Тохилю жертвоприношения, когда они появились перед Тохилем и Авилишем. Они отправились посмотреть их, они отправились приветствовать их и воздать пред их лицами благодарность за наступление зари. (Боги) же блистали среди скал там, в лесных зарослях. И благодаря своему магическому искусству говорили они, когда владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений появились перед лицом Тохилия.

Они не принесли (с собою) больших даров или необычайных благовоний; только сосновую смолу, а также смолу, называемую *рачак-нох*, и траву по имени *йиа*^[89] сожгли они перед своими богами.

Тогда Тохиль заговорил благодаря чудодейственной силе; он сообщил владыкам страха перед богом и устроителям жертвоприношений предначертания богов. И вот что (боги) сказали:

— Поистине здесь будут наши горы и наши долины. И мы полностью принадлежим вам! Велика будет наша слава и судьба над всеми многочисленными людьми. Вашими же будут всеотдавшиеся в (ваши) руки племена, потому что мы будем всегда с вами. Заботьтесь о вашем городе, а мы будем давать вам советы.

Не показывайте нас перед племенами, когда мы будем разгневаны словами, (идушими) из ртов их, или их поступками и поведением. И не давайте нам впасть в какую-нибудь западню. Приносите нам только создания лесов, создания пустынь, только самку оленя и самок птиц. Приходите и приносите нам немного вашей крови, имейте к нам жалость. Вы можете иметь шкуры оленей и оберегать нас от тех, чьи глаза вводят нас в заблуждение.

Итак, пусть (шкура) оленя будет нашим символом, который вы будете показывать перед племенами. Когда спросят у вас: «Где Тохиль?», покажите оленью шкуру перед их глазами. И не показывайтесь (им) сами, потому что вы будете иметь другое, что делать. Велико будет ваше положение; вы будете главенствовать над всеми племенами; вы принесете их кровь и их

сущность пред наши лица. Они должны прийти к нам, принадлежать полностью нам, обнять нас! — Так говорили Тохиль, Авилиш и Хакавиц.

Они (боги) имели внешность юношей, когда те, кто явился возжечь пред их лицами курения, увидели их. Тогда началось преследование птенцов всех птиц и молодых оленей, и владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений устроили поиски. И когда они находили птенцов и молодых оленей, они сразу же отправлялись намазать оленьей и птичьей кровью рты камней, Тохилия и Авилиша.

И как только кровь была выпита богами, камни начинали говорить, когда приближались владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, когда они приближались, чтобы поднести свои воскурения. То же самое они делали и перед их (богов) символами, сожигая травы *йша* и *холоп-окош*.

Символы^[90] каждого из (божеств) находились там, где они были помещены, на вершине горы.

Но они сами (Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам) не жили днем в своих домах, а бродили по горам и питались только лишь личинками слепней, личинками ос и личинками пчел, за которыми они охотились. Не было у них ни хорошей еды, ни хорошего питья. Не были известны дороги к их домам, и никто не знал, где находятся их жены.

ЧАСТЬ IV

Глава 1

И вот, уже основывались поселения, одно за другим, и различные ветви племен общались друг с другом; они ходили и путешествовали по дорогам, и их дороги были отчетливо видны.

Что же до Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, то совершенно не было известно, где они находятся. Но когда они видели племена, проходившие по дорогам, они сразу же начинали кричать на вершинах гор. Они то завывали подобно койоту, визжали подобно горной кошке, то подражали рычанию пумы и ягуара. Вот что они делали.

И племена слышали это, проходя то туда, то оттуда, и говорили: «Их вопли подобны воплям койота, горной кошки, пумы и ягуара. Они хотят появиться перед племенами, как будто бы они не люди, и делают они это только лишь для того, чтобы обмануть нас, людей. Их сердца втайне жаждут чего-то. Конечно, они не пугают нас тем, что они делают. Они преследуют какую-то цель этим рычанием пумы, этим криком ягуара, который они

издают, когда видят одного или двух человек, идущих по дороге. Покончить с нами — вот что хотят они».

День за днем (предводители народа киче) возвращались к своим домам и своим женщинам, но они приносили только личинки шмелей, личинки ос и личинки пчел, чтобы отдать их своим женам.

День за днем также они появлялись перед лицами Тохилья, Авилиша и Хакавица и говорили в своих сердцах: «Вот здесь находятся Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Мы можем принести им только лишь кровь оленей и птиц; мы берем кровь только из наших ушей и наших локтей. Попросим же у Тохилья, Авилиша, Хакавица силы и мощи. Кто сможет проследить что-нибудь, когда начнут умирать племена, когда мы начнем убивать людей, одного за другим?» — говорили они один другому, когда появлялись перед лицами Тохилья, Авилиша и Хакавица.

И затем они пронзали свои уши и свои локти перед божествами; они собирали свою кровь, наполняли ею сосуд и прикладывали его к устам камней.

Но в действительности они были уже не камни; каждый из них выглядел подобно юноше, когда появлялся перед (предводителями киче).

И вот владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений радовались по причине жертвенной крови. И тогда им был дан знак: как они должны действовать.

— Пусть иссякнут их [жертв] слезы! Ничего другого не остается вам (делать). Оттуда, из Тулана, пришло это^[91], когда вы взяли нас с собой! — так было сказано им.

И одновременно с этим была вручена им кожа, называемая Пасилисиб, вместе с кровью, которой они должны были себя окропить. Да, появившаяся кровь была подарком от Тохилья, Авилиша и Хакавица.

Глава 2

Вот как было это осуществлено и как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам начали похищать людей из племен (вук-амак). Вот как они умерщвляли этих людей.

Они схватывали человека, когда он шел один, или двух, когда они шли вместе, и никогда не было известно, когда они похищены. И тогда они (предводители киче) отправлялись и приносили их в жертву перед Тохилем и Авилишем. После этого они кропили на дороге кровью и разбрасывали головы (убитых) по отдельности на дороге. И люди из племен (вук-амак) говорили: «Ягуар пожрал их!» И они говорили так потому, что (Балам-Кице,

Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам) оставляли следы, похожие на отпечатки лап ягуара, а сами они не показывались.

Уже много было людей, утащенных таким образом, но племена поняли все это только очень поздно. «Как? Может быть, это Тохиль и Авилиш, которые находятся здесь, среди нас? Это должны быть те, о ком заботятся владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Где же находятся их дома? Давайте выследим их по их следам!» — говорили люди всех племен.

Тогда они устроили между собою совет. Тогда они начали выслеживать отпечатки ног владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, но они были неясны. Там были только следы оленей, только следы ягуаров, вот что они видели, но следы были неотчетливые. Первые следы были неясны из-за того, что они были обращены в разные стороны, так, (как бывает), когда люди ходят, заблудившись, и путь их был неясен. Образовался туман, выпал черный дождь, и образовалось много грязи. Начало моросить. Вот что люди увидели перед собою. И их сердца стали усталыми от поисков и преследования тех (на дорогах), потому что велики были существа Тохилья, Авилиша и Хакавица. А (предводители киче) удалились туда, на вершины гор, и расположились поблизости от тех племен, людей которых они убили.

Так началось похищение тех, кто служил жертвами, когда устроители жертвоприношений ловили на всех дорогах людей из племен и приносили их в жертву перед Тохилем, Авилишем и Хакавицем; но своих собственных сыновей они поместили на вершине горы, в безопасном месте.

И вот Тохиль, Авилиш и Хакавиц имели внешность трех юношей и ходили благодаря чудодейственным свойствам камня. Была там река, в которой они купались у берега воды, и только там можно было видеть их. Из-за этой причины это (место) было названо «В купальном месте Тохилья» и таким же было название реки. Люди из племен много раз видели их, но они немедленно исчезали, как только были увидены людьми.

И тогда распространилась весть о том, где находятся Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И сразу же племена устроили совет относительно того, каким образом (предводители киче) могут быть убиты.

Прежде всего племена хотели обсудить, каким образом подчинить себе Тохилья, Авилиша и Хакавица. И все владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, стоявшие во главе племен, сказали народу:

— Поднимитесь, все вы, призовите каждого, пусть не будет ни одной семьи, ни двух семей среди нас, которые бы остались позади других.

Все собрались, они собрались все в большом числе и совещались друг с другом. И они говорили, спрашивая один другого:

— Что должны мы сделать, чтобы победить киче (из дома) Кавека? Потому что все наши знатные и сыновья умерщвляются, совершенно неизвестно каким образом из-за них (предводителей киче) исчезают люди. Если мы должны погибнуть по причине этих похищений, то да будет так! Если же могущество Тохилия, Авилиша и Хакавица так велико, тогда пусть нашим богом будет этот Тохиль, овладейте им! Невозможно, чтобы они победили нас. Разве не достаточно еще людей среди нас? А ведь люди Кавека не многочисленны, — так говорили они, когда собрались все вместе.

И тогда часть людей сказала, (обратившись) к племенам: «Кто видел тех, кто купается в реке каждый день? Если они — Тохиль, Авилиш и Хакавиц, тогда сперва мы должны подчинить своей власти их, а затем мы начнем уничтожать владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений».

Тогда часть людей заговорила снова и спросила:

— Но чем же мы сможем подчинить их (богов) своей власти?

— Вот каков будет наш способ действий, чтобы стать их владыками. Так как они имеют внешность юношей, когда они появляются и когда их можно видеть в воде, пусть тогда две девушки, самые прекрасные и пленительные, пойдут (туда) и возбудят в них желание (овладеть) ими^[92], — сказали они.

— Очень хорошо! Пойдемте же и отыщем двух прекрасных девушек! — воскликнули они и отправились отыскивать таковых среди своих дочерей. И поистине ослепительными были (выбранные) девушки.

Затем они начали давать (девушкам) наставления: «Идите, наши дочери, поспешно идите стирать одежды у реки, и если вы увидите трех юношей, то предстаньте перед ними обнаженными. А если их сердца пожелают вас, то пусть они овладеют вами. Если же они скажут вам: «Можем ли мы подойти к вам поближе?» — тогда отвечайте им: «Да будет так!» И когда вас спросят: «Откуда вы пришли, чьи вы дочери?» — если они это спросят, (то отвечайте им): «Мы дочери владык». И затем вы скажите им: «Дайте нам что-нибудь как знак любви от вас». И после того как они дадут вам что-нибудь, если они захотят поцеловать ваши лица, (тогда) по-настоящему отдайтесь им. А если вы не отдадитесь им, мы вас убьем. Сердца наши будут удовлетворены лишь тогда, если вы получите (от них) знак любви и принесете его сюда. Это и будет доказательством для нас, что они действительно соединились с вами».

Так говорили владыки, когда они отдавали свои приказания двум девушкам. Вот имена этих девушек: Штах было имя одной из девушек, а другой — было Шпуч. И две девушки, Штах и Шпуч, так они именовались,

были посланы к реке, к месту купания Тохилья, Авилиша и Хакавица. Вот что было решено всеми племенами.

Они отправились сразу же украшать себя, чтобы выглядеть действительно пленительными. И они были поистине крайне прелестны, когда они пошли туда, где имел обыкновение купаться Тохиль. И когда они отправились, владыки были счастливы, потому что они послали двух своих дочерей.

И они подошли к реке и начали купаться. Эти две уже сняли прочь свои одежды и трудились со своей работой над камнями^[93], когда пришли Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Они подошли туда, к речному берегу, и остановились на мгновение, удивленные тем, что видят двух купающихся молодых девушек. А девушки смутились в то мгновение, когда появился Тохиль. Но не случилось так, чтобы у Тохилья появилось бы желание к двум девушкам. И тогда он спросил их:

— Откуда вы пришли?

Так спросил он обеих девушек и добавил:

— Что вы хотите, раз вы пришли сюда, к краю нашей воды?

А они ответили:

— Владыки послали нас, чтобы прийти сюда. «Пойдите, посмотрите на лица Тохилья, (Авилиша и Хакавица) и заговорите с ними, — сказали нам владыки, — и соответственно принесите доказательство, что вы действительно видели их лица», — говорили они нам. — Так сказали девушки, выдавая цель их прихода.

Итак, племена хотели, чтобы эти две девушки занялись бы распутством и уничтожили волшебную силу Тохилья. Но Тохиль, Авилиш и Хакавиц сказали, обращаясь снова к Штах и Шпуч, как звали девушек:

— Очень хорошо, мы дадим вам доказательство нашего разговора с вами. Подождите немного, и вы отдадите тогда его владыкам, — так было сказано им.

Затем (боги) призвали на совет владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений и сказали Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу: «Раскрасьте хорошенько три покрывала, нарисуйте на них символ вашего существа, чтобы племена могли узнать их, когда эти девушки, пришедшие мыться, отнесут их назад. Дайте им эти плащи». — Так было приказано Баламу-Кице, Баламу-Акабу и Махукутаху.

Сразу же эти трое начали рисовать. Сперва Балам-Кице нарисовал ягуара; фигура (зверя) была сделана и изображена на поверхности покрывала. Затем Балам-Акаб нарисовал фигуры орлов на поверхности (другого) покрывала, а Махукутах, наконец, изобразил шмелей и ос на всех сторонах (третьей ткани); фигуры и рисунки их он изобразил на

поверхности покрывала. И трое кончили свои рисунки; три куса складчатой ткани были разрисованы.

Тогда они отправились отдать покрывала Штах и Шпуч, как эти (девушки) именовались. И Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах сказали им: «Вот вам доказательство вашего разговора (с Тохилем), покажите их перед лицом владык. Скажите им: «Воистину Тохиль говорил с нами; вот здесь мы принесли доказательство». Так скажите им, и пусть они заботливо хранят те одеяния, которые вы дадите им». Так говорили они девушкам, когда прощались с ними. Девушки же сразу отправились, неся (с собой) те раскрашенные плащи, о которых говорилось выше, и вернулись домой. Когда они прибыли, владыки исполнились радости, увидев их лица и их руки, с которых свисали те (вещи), за которыми девушки были посланы.

— Вы видели лицо Тохилья? — спросили они их.

— Да, конечно, мы видели его, — ответили Штах и Шпуч.

— Очень хорошо! А это вы принесли как доказательство, не так ли? — спросили владыки, думая, что эти (вещи) были доказательством их прегрешения.

Тогда девушки развернули расписанные покрывала, все покрытые яркими (изображениями) орлов и ягуаров, покрытые шмелями и осами, нарисованными на поверхности ткани; и покрывала сверкали перед ними. Сразу же (владыки) почувствовали желание надеть на себя покрывала, набросить их на свои плечи.

Ягуар не сделал ничего, когда владыка набросил первое изображение на свои плечи. Затем владыка надел на себя второе покрывало с изображением орла. Владыка, закутанный в него, чувствовал себя очень хорошо. И он повертывался во все стороны перед взглядами всех (собравшихся). Тогда он разделся перед глазами всех догола и надел третье разрисованное покрывало. И как только он надел на свои плечи шмелей и ос, которые были нарисованы на третьем покрывале, то мгновенно шмели и осы начали жалить его тело. И не будучи в состоянии сдержаться, переносить жала этих насекомых, он начал вопить из-за насекомых. А (только лишь) их фигуры были изображены на ткани, (только) рисунок Махукутаха, третьего рисовавшего.

Так они были побеждены. Тогда владыки стали упрекать двух девушек по имени Штах и Шпуч.

— Что же это за ткани, которые вы принесли нам? Откуда вы их принесли, вы, злодейки? — говорили они девушкам и ругали их. Так все племена были посрамлены Тохилем.

Итак, они желали, чтобы Тохиль отправился бы за Штах и Шпуч, чтобы его желание было удовлетворено и чтобы (девушки) стали блудницами.

Племена думали, что они послужат к соблазнению их (богов). Но победить их (богов) было невозможно благодаря чудодейственным людям: Баламу-Кице, Баламу-Акаб, Махукутаху и Ики-Баламу.

Глава 3

После этого племена снова устроили совет.

— Что же мы будем делать с ними? Поистине их могущество очень велико, — сказали они, когда собрались снова на совет.

— Хорошо, тогда мы просто устроим для них засаду, мы убьем их, мы вооружимся стрелами и щитами. Разве мы не многочисленны? Пусть среди нас не будет ни одного, ни двух, кто остался бы позади! — Так говорили они, когда они устроили совет. И каждое племя без промедления вооружилось. Много было воинов, когда собрались вместе все воины от каждого племени.

А между тем Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были там, они находились на вершине горы Хакавиц, на горе, носившей это имя. Они находились там и поместили в безопасности своих сыновей, которые были на горе.

И они не имели при себе много (людей); у них не было такого множества, как у племен. Вершина горы, где они поместились, была малой, и поэтому, когда племена собрались вместе, устроили совет и созвали всех, они решили убить всех (находившихся на вершине).

И вот тогда собрались все племена, все вооруженные своими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно было описать богатство их украшений; поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов; и все они неукоснительно повиновались приказаниям.

— Нет сомнения, что они будут разгромлены! — говорили они друг другу. — Что же касается Тохилья, этого божества, то он будет нашим богом, и мы будем почитать его, если захватим его в плен.

Но Тохилья знал все, и все знали Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах. Они слышали все, что было решено (врагами), потому что они не спали и не отдыхали с того времени, как были вооружены все стрелки из лука.

Тогда все воины поднялись и отправились в путь, намереваясь проникнуть (в горную крепость) ночью. Но они не прибыли (туда), потому что они провели всю ночь в пути и были одурачены Баламом-Кице, Баламом-Акабом и Махукутахом.

Они провели всю ночь в пути, но не заметили сами ничего и, наконец, все заснули. Тогда (Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах) начали срезать у

них брови и бороды; они сняли серебряные (украшения) с их шей, их диадемы и ожерелья. И они содрали серебряную обкладку с концов их начальнических жезлов. Они сделали так, чтобы наказать их и унижить их, чтобы дать им пример могущества народа киче.

Когда (воины) пробудились, они тотчас пожелали взять свои диадемы и свои жезлы, но не было более ни серебра на их шеях, ни их диадем.

— Кто же это ограбил нас? Кто отстриг у нас бороды? Откуда пришли те, кто ограбил нас и унес все серебро? — восклицали все воины. — Может быть, это те чудовища, которые похищают людей? Но им не удастся уstrasшить нас! Мы войдем в их город силой, только таким образом мы сможем снова увидеть лик нашего серебра, мы это так и сделаем! — говорили все племена, и они воистину собирались выполнить свое слово.

Но спокойны были сердца владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, находившихся на вершине горы, поистине глубоко обдумали и обсудили все Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И после того как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам поговорили друг с другом, они построили стену вокруг своего поселения и окружили поселение срубленными деревьями и колючим кустарником. Затем они изготовили фигуры, выглядевшие как люди^[94], благодаря их искусству, и поместили их рядами по стенам крепости, они вооружили их щитами и стрелами и украсили их, поместив на их головы серебряные диадемы. Они поместили эти венцы на простые деревянные фигуры, они украсили их серебряными украшениями, отнятыми у племен на дороге; при помощи этих (вещей) они украсили фигуры.

Они вырыли ров вокруг города и затем спросили Тохилья, намереваясь получить от него совет:

— Убьют ли они нас? Победят ли они нас? — так спросили их сердца пред лицом Тохилья.

— Не печальтесь! Я здесь! И от этого вам будет польза. Не будьте испуганы! — сказал Тохиль Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху, Ики-Баламу.

И им были предоставлены шмели и осы. Вот за чем они отправились и принесли их туда. И когда они пришли, они поместили их в четыре большие тыквы, которые разместили на стенах поселения. Они закрыли шмелей и ос внутри тыкв, чтобы поражать с их помощью людей.

Разведчики племен внимательно осмотрели поселение издали, изучили и расследовали его. «Они вовсе не так многочисленны», — сказали они. Но (разведчики) видели лишь деревянные фигуры, слегка двигавшие своими стрелами и щитами. Поистине у них была человеческая внешность, поистине у них была внешность воинов, когда племена смотрели на них. И

все племена были счастливы, потому что они видели их немногочисленность.

Там сошлось много племен; невозможно было сосчитать людей, воинов и приносящих смерть, приготовившихся убить Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха. А эти находились на вершине горы Хакавиц — имя той местности, где они жили. Теперь мы расскажем, как это происходило, об их прибытии туда.

Глава 4

Итак, они были там, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были все вместе на горе, с своими женами и их детьми, когда пришли все воины и приносящие смерть. И число их не измерялось ни дважды восемью тысячами, ни трижды восемью тысячами человек, а значительно больше^[95].

Они окружили стены поселения, громко крича, вооруженные стрелами и щитами. И они били в барабаны, издавали боевые кличи, свистели, кричали, их стрелы свистели, и они вопили раскрытыми ртами, побуждая (осажденных) сражаться, когда они подошли к поселению.

Но владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений не были испуганы; они лишь внимательно смотрели на них с верхнего края стены, где они находились вместе со своими женами и детьми. Их сердца были совершенно спокойны. Они не думали о силе и криках племен, когда те поднимались по склону горы.

И только они намеревались броситься к входу в поселение, как четыре тыквы, помещенные на (стенах) города, были открыты. Шмели и осы вылетели оттуда; подобно большому облаку дыма было то, что появилось из тыкв. И воины тотчас же погибали, потому что насекомые жалили зрачки их глаз и прилипали к их носам и их ртам, к их ногам и их рукам. «Где они, — (воскликали ужаленные), — те, кто взял и собрал вместе всех шмелей и ос, находящихся здесь?»

Они летели и жалили зрачки их глаз, эти взбешенные насекомые, жужжавшие роями над каждым из этих людей; и они были все ошеломлены шмелями и осаами и не могли уже больше удерживать свои стрелы и свои щиты. И (оружие) лежало поломанным на земле.

Когда (воины) падали, они распростирались по горному склону и уже не чувствовали, что их поражают стрелами, что их убивают топорами. Балам-Кице и Балам-Акаб били (их) потом просто палками. И жены их также приняли участие в этом избиении. Только часть (из побежденных) людей возвратилась назад, и все племена начали бегство. Но первых

пойманных подвергали смерти; и в действительности умерло немало людей. И те, кто умер, умерли не потому, что сердца (предводителей киче) жаждали убийства, а потому, что они были ужалены насекомыми.

И не было это делом доблести, потому что воины были убиты не стрелами или щитами.

И тогда все племена подчинились. Люди смирились перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом и Махукутахом. «Сжальтесь над нами, не убивайте нас!» — восклицали они.

— Хорошо! Хотя вы и заслуживаете смерти, вы (не умрете), вы станете (нашими) данниками и будете ими, пока движется солнце, пока есть свет! — так было сказано им.

Вот таким способом все племена были побеждены нашими матерями и отцами. И это случилось там, на вершине горы Хакавиц, как она называется еще и теперь. Это было там, где они впервые поселились, где они размножились и возросли в численности, где они породили своих дочерей и дали жизнь своим сыновьям, на горе Хакавиц.

И тогда они были очень счастливы, когда победили все племена, которых они истребили там, на горной вершине. Так они довели до конца подчинение племен, покорение всех племен. И после этого их сердца успокоились. И они сказали своим сыновьям, что, когда (племена) собирались убить их, час их собственной смерти уже приближался.

А теперь мы расскажем о смерти Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, как они назывались.

Глава 5

И когда у них появилось предчувствие своей смерти, своего ухода, они поучали своих детей. Они вовсе не были больны, они не испытывали ни страдания, ни предсмертных мук, когда давали свои наставления своим детям.

Вот имена их сыновей: Балам-Кице имел двух сыновей, Кокаиб было имя первого и Кокавиб было имя второго сына Балама-Кице, предка и праотца людей Кавека.

А вот имена двух (сыновей), которых породил Балам-Акаб, здесь их имена: Коакуль звался первый из его сыновей и Коакутек было имя второго сына Балама-Акаба, прародителя людей Нихаиба.

Махукутах же имел только одного сына, который назывался Коахау.

Эти три имели сыновей, но Ики-Балам не имел детей. Они в действительности были владыками страха перед богом и устроителями

жертвоприношений, и таковы были имена их сыновей.

И вот как они попрощались (со своими сыновьями). Эти четыре сошлись вместе и начали петь, чувствуя горечь в своих сердцах. И их сердца плакали, когда они пели «Камаку», как называется та песнь, которую они пели, прощаясь со своими сыновьями.

— О наши сыны! Мы уходим отсюда, мы уходим далеко, здоровое поучение и мудрый последний совет оставляем мы вам. И вы, кто пришел с нами из нашей далекой страны, о супруги наши! — говорили они своим женам и прощались с каждой. — Мы отправляемся назад к нашему народу, уже находится на месте Владыка оленей, он виден там, в небе. Мы начинаем наше возвращение, мы выполнили свою задачу, кончаются наши дни. Думайте же о нас, не стирайте нас из своей памяти и не забывайте нас! Вы увидите еще свои дома и свои горы. Поселитесь там. Да будет так! Идите своим путем; вы увидите снова ту страну, откуда мы пришли!

Вот какие слова говорили они, когда прощались. И тогда Балам-Кице оставил символ своего существа: «Вот воспоминание обо мне, которое я оставляю здесь для вас. Это будет вашей мощью. Я прощаюсь, исполненный печали», — добавил он. И он оставил, как символ своего существа, «Писом-Какаль»^[96], как он был назван. Нельзя было различить, что он представляет собой, потому что он был полностью закутан и не мог быть раскрыт. У него не было видно швов, потому что никто не видел, как они закутывали этот (символ).

Вот так они прощались и немедленно после этого исчезли там, на вершине горы Хакавиц.

Они не были похоронены их женами или их детьми, потому что не было видно, когда они исчезли. Было ясно видно лишь их прощание, и поэтому «Писом» был очень дорог (их сыновьям). Это было напоминание об их отцах, и они тотчас же зажгли курения перед этим напоминанием об их отцах.

И тогда владыки, следовавшие за Баламом-Кице, породили новые (поколения) людей, после того как он положил начало как предок и праотец людей Кавека. И никогда его не забывали его сыновья, те, кто звались Кокаиб и Кокавиб.

Вот как умерли четверо, наши первые предки и праотцы; вот как они исчезли, оставив своих детей на горе Хакавиц, там, на вершине, где они находились.

Племена были уже подчинены, и их величие кончилось. Никто из них^[97] не имел уже более могущества, и все они уже привыкли служить каждый день.

Те же (владыки киче) помнили почтительно своих отцов, и велика для них была слава «Писома». Никогда они не могли раскутать его, он всегда был плотно закутан и всегда оставался с ними. «Узел величия» — называли они его, когда они восхваляли и именовали то, что их отцы оставили для их благоденствия как действительный символ своего существа.

Таково было исчезновение и конец Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама. Они были первыми людьми, пришедшими туда с другой стороны моря, где поднимается солнце. Они пробыли здесь долгое время; когда они умерли, они были уже очень старыми, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, как они назывались.

Глава 6

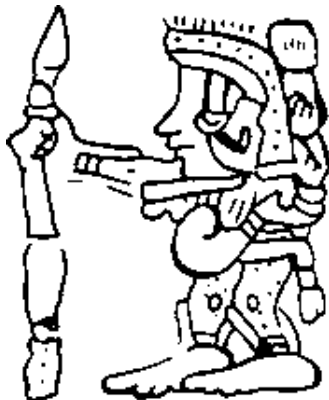
Тогда (преемники Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха) решили идти на восток, думая таким образом исполнить приказание своих отцов, они не забыли его. Прошло уже много времени с тех пор, как отцы их умерли, и племена дали им жен, а потому они приобрели вторых отцов и братьев — отцов и братьев их жен, — когда они все трое взяли себе жен.

И, отправляясь в это странствование, они говорили: «Мы идем на восток, туда, откуда пришли наши отцы». Так сказали трое, рожденные, как сыновья, когда они отправились в путешествие. Один носил имя Кокаиб, и он был сыном Балама-Кице, прародителя людей Кавека. Другой, именовавшийся Коакутек, был сыном Балама-Акаба, прародителя людей Нихаиб. И Коахау было именем третьего, единственного сына Махукутаха, прародителя людей Ахау-Киче.

Итак, вот имена тех, кто ушел туда, на ту сторону моря; трое их отправились в путь, и они были наделены разумом и опытностью, но их сущность не была сущностью обычных людей. Они простились со всеми своими братьями и родственниками и, исполненные радости, отправились. «Мы не умрем, мы возвратимся», — сказали трое, отправляясь в путь.

И вот действительно пересекли они море и пришли туда, на восток, куда они отправились, чтобы получить знаки правления. И вот каково было название у владыки, к которому они пришли: «Повелитель мужей востока». И когда они появились перед лицом владыки Накшита^[98], — такое имя было у великого владыки, единственного высшего судьи среди всех правителей, — он дал им знаки правления и все отличительные символы. Тогда появились знаки достоинства ах-попа и ах-попа-камха, и тогда пришли знаки величия и власти ах-попа и ах-попа-камха. Полностью Накшит дал им знаки отличия владык, и вот все они, перечисленные по их названиям:

балдахин, трон, флейты, сделанные из костей, барабаны, желтые бусы, когти, когти пумы, голова ягуара, ноги оленей, помост, ожерелья из раковин, табак, маленькие тыквы, перья попугая, перья белой цапли для головных уборов, татам и кашеон. Все перечисленное они принесли (в свой город) — те, кто после пребывания на той стороне моря получил (звание) картин Тулана, картин — так они назывались, — которыми они писали все то, что содержалось в их истории. [\[99\]](#)

Бог войны

Тогда, после того как они прибыли в свой город, называвшийся Хакавиц, все люди тама и илока собрались там; все племена собрались сюда и были преисполнены радости, когда Кокаиб, Коакутек и Коахау прибыли и снова взяли на себя управление племенами. Радовались люди Рабиналя, какчикели и люди из Цикинаха. Перед их взорами (возвратившиеся) показали знаки отличия владык. Великими были эти племена, хотя и не проявили они тогда еще своей мощи. И они находились в Хакавице; они были все с теми, кто пришел с востока. Здесь они провели много времени, очень много было их на вершине горы.

Здесь также умерли жены Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха.

Позже они покинули, оставили навсегда эту местность и искали других мест для поселения, чтобы поселиться там. Неисчислимыми были те местности, в которых они селились, где они пребывали и которым они давали наименования. Там соединялись и возрастали первые матери наши и первые отцы наши. Так говорили древние люди, когда они рассказывали, как они оставили навсегда свое первое поселение Хакавиц и отправились основывать новое поселение, названное Чи-Киш.

Они пробыли долгое время в этом другом городе, где они породили дочерей и породили сыновей. Много их было там; имелось четыре горы, и все они были заняты одним и тем же городом. Их дочери и сыновья

вступали в брак; они просто отдавали их на сторону (замуж), а подарки и приношения, которые получали за них, они считали ценой своих дочерей. Таким образом, они жили счастливо.

Впоследствии они прошли каждую из четырех частей города; вот различные имена этих частей: Чи-Киш, Чи-Чак, Хуметаха, Кульба и Кавиналь. И они осматривали холмы и свои поселения и искали необитаемых мест, потому что все вместе они были теперь очень многочисленны.

Те, кто отправлялся на восток, чтобы получить знаки владык, были теперь мертвы. Они были уже старыми, когда прибыли в каждый из этих городов. (Киче) не привыкли к различным местам, через которые они проходили; они терпели много трудностей и печалей, и только после долгого времени предки и праотцы прибыли в свой город.

Вот имя поселения, в которое они пришли.

Глава 7

Чи-Исмачи — имя места их города, где они впоследствии поселились и где они обосновались. Там при четвертом поколении правителей они увеличили свою мощь и мололи свою известность и белую землю^[100].

Правили Коначе, Белехеб-Кех и калель-ахау. Тогда владычествовали повелитель Котуха и Истайуль, так звались они; это они были ах-попом и ах-попом-камха, правившими там, в Исмачи. Это был прекрасный город, который они там построили.

В Исмачи имелось только три великих дома. Тогда еще не было двадцати четырех великих домов; только три великих дома (имелось) у них: только великий дом Кавека, только великий дом во главе Нихайба и, наконец, лишь великий дом Ахау-Киче. Только лишь двое (из этих родов) имели великие (дома), украшенные изображениями змей; две ветви родов.

И жили они там, в Исмачи, с одной только мыслью^[101], без раздоров или недоверия; мирным было правление, они не имели ни ссор, ни раздоров, в сердцах их были только мир и счастье. Они не были ни завистливы, ни подозрительны в своих поступках. Могущество их было еще ограниченным; они не думали ни о своем возвеличении, ни о расширении (своих владений). Когда они попытались сделать это, то они прикрепили в Исмачи щит, но только чтобы дать малый знак своего владычества, как малый символ своего могущества и символ своего величия. Видя это, люди илока начали войну; они хотели прийти и убить правителя Котуха, желая иметь вождя только из

своего собственного (племени). А относительно владыки Истайуля — они хотели наказать его, чтобы он был наказан и убит людьми илока.

Но их злые намерения против правителя Котуха не имели успеха, потому что он напал на них прежде, чем люди илока были в состоянии убить его.

Таково тогда было начало восстания и разногласия войны. Сначала они атаковали город и пришли убивать. Они хотели уничтожить народ киче, они хотели править одни, в этом было их намерение. Но они пришли только для того, чтобы умереть, они были схвачены и попали в плен, и было мало среди них, кто спасся бегством.

Тип инкских построек. Фасад знаменитого Храма трех окон в инкском городе Мачу-Пикчу

Немедленно после этого начались жертвоприношения; люди илока были принесены в жертву перед богом. Таково было наказание за их грехи по приказанию правителя Котуха. Многие из них попали также в рабство и зависимость, были сделаны рабами. Они пришли только для того, чтобы отдаться побежденным, потому что они подняли предательскую войну против владык и против города ущелий. Разрушить (город) и уничтожить народ киче и их повелителя — вот чего они желали в своих сердцах, — но не удалось им осуществить этот (замысел).

Таким образом начались человеческие жертвоприношения перед богами, когда разразилась война щитов. (Эта война) была причиной того, что они начали (строить) укрепления вокруг города Исмачи.

С этой поры началось и зародилось их могущество, потому что владения повелителя киче были действительно большими. (Правители) были во всех отношениях изумительными повелителями; не было никого, кто мог бы властвовать над ними; не было никого, кто смог бы унижить их. И в то же самое время они были строителями величия царства, которое они основали там, в Исмачи.

Там увеличился почтительный страх перед богом, они были воодушевлены благоговением, а все племена, большие племена и племена малые, были исполнены страха, потому что они видели прибытие пленных, которых приносили в жертву и убивали из-за мощи и величия повелителя Котуха, повелителя Истайуля и людей Нихайба и Ахау-Киче.

Имелось только три ветви родов (киче) там, в Исмачи, как назывался этот город. Там же они начали устраивать пиры и неистовства из-за своих дочерей, когда (женихи) приходили просить их в брак. Там собирались эти

три великих дома, как они себя называли, там они пили свои напитки и там они пожирали свои кукурузные лепешки, которые были ценой их сестер, ценой их дочерей, и сердца их были исполнены радости, когда они делали это. И они ели и пили из разрисованных тыквенных сосудов в своих больших домах.

— Таким образом мы показываем нашу благодарность, и этим мы открываем дорогу нашему потомству и нашим преемникам, это знак нашего согласия на то, чтобы они стали мужьями и женами, — говорили они.

Там же они уговаривались и там они получили свои имена; (там) они разделились на роды, на семь главных родов, и на части города.

— Давайте объединимся, — мы, люди Кавека, мы, люди Нихаиба, и мы, люди Ахау-Кице, — сказали три рода и три великих дома.

И долгое время находились они там, в Исмачи, пока не нашли и не увидели другой город и не оставили тогда город Исмачи.

Глава 8

После того как они поднялись и оставили ту (местность), они пришли сюда, в город по имени Кумаркаах^[102], как киче назвали его, когда пришли повелители Котуха и Кукумац и все владыки. Тогда началось пятое поколение людей с начала света, с начала существования народа, с начала жизни и человечества. Они построили там много домов и там же выстроили они храм бога; они поместили его в середине самой возвышенной части города, когда прибыли и поселились там.

Тогда вновь разрослось их царство. Они были очень многочисленны, их было очень много. И тогда великие роды снова сошлись на совет, они снова сошлись вместе и предприняли новое разделение, потому что среди них уже возникла зависть и поднялись разногласия из-за цены их сестер и цены их дочерей. Поэтому они больше никогда не пили вместе.

Вот это и было основной причиной, почему они разделились, почему они полностью обратились друг на друга и бросали черепа и кости мертвых и швыряли их вокруг и один в другого^[103]. Вот в какой ярости они находились.

Тогда они разделились на девять родовых групп. Кончив раздор из-за сестер и дочерей, они выполнили то, что решили, и (разделили) царство на двадцать четыре великих дома^[104]. Так это и произошло. Прошло уже много времени с тех пор, как они все пришли сюда, в свой расположенный в горах город, и закончили (создание) двадцати четырех великих домов там, в

городе Кумаркаах, который был (потом) благословлен епископом^[105]. Позже город был навсегда оставлен.

Там же они достигли величия, там поместили они свои блестящие троны и царские сиденья, и (там) они распределили полагающиеся почести среди всех владык. Девять владык Кавека образовали девять родов, владыки Нихаиба образовали девять других, владыки Ахау-Киче образовали четыре других (рода), и владыки Сакик образовали два других рода.

Они стали очень многочисленны, и много (людей) следовало за каждым из владык; эти были первыми среди их подданных; каждый из владык имел (в своем подчинении) многих, много родов.

Мы назовем теперь звания владык каждого из великих домов.

Вот звания владык, которые правили у людей Кавека. Первый из владык был ах-поп^[106], (затем) ах-поп-камха^[107], (затем) ах-тохиль^[108], ах-кукумац^[109], ним-чокох-кавек, пополь-винак-читуй, лольмет-кех-най, пополь-винак-па-хом-цалац и учуч-камха.

Таковы были правящие владыки Кавека, девять владык, каждый из которых имел свой собственный великий дом; впоследствии они будут приведены снова.

А вот (звания) владык, которые правили у людей Нихаиба. Первым владыкой был ахау-калель, затем ахау-ах-цик-винак, кале-камха, нима-камха, учуч-камха, ним-чокох-нихаиб, авилиш, йаколатам-уцам-поп-саклатоль и нима-лольмет-йеолтуш, (вот) девять владык Нихаиба.

А для таковых у Ахау-Киче — вот звание их владык: ах-цик-винак, ахау-лольмет, ахау-ним-чокох-ахау [киче] и ахау-хака-виц, четыре владыки имелись во главе Ахау-Киче, по порядку их великих домов.

А дом Сакик имел две группы родов: (звания их) владык были цутуха и калель-сакик. Эти два владыки имели только один великий дом.

Глава 9

Вот таким образом образовалось число двадцати четырех владык и соответственным образом появилось двадцать четыре великих дома. Тогда росло величие и могущество сынов киче, возрастало и крепло величие и значение державы киче. И они построили из камня и извести города, окруженные ущельями.

Тогда малые племена и великие племена сходились туда, привлекаемые именем повелителя. Киче возрастали, тогда увеличивалась их слава и величие, тогда они воздвигли дом своего божества и дома для своих владык. Но они сами, впрочем, не утруждали себя никакой работой, не они это

делали, не они сооружали свои дома или работали над воздвижением дома для божества; все это было (сооружено) их сыновьями и подданными, которые постоянно росли в числе.

И они вовсе не обманывали их, не грабили их, не схватывали их силой, потому что каждый (из них) принадлежал владыке по праву, и много было их старших и младших братьев. Они жили вместе и они собирались вместе, чтобы слушать приказания каждого из владык^[110].

(Владыки) были поистине почитаемы, и поистине велико было их могущество. И сыновья и подданные соблюдали дни рождения владык с большим почтением, а жители ущелий^[111] и города увеличивались в числе.

Но это случилось не потому, что все племена подчинились, и не потому, что (жители) ущелий и поселений пали в битве; нет, наоборот, они возрастали из-за чудесной силы владык, повелителя Кукумаца и повелителя Котуха. Кукумац был поистине чудодейственным повелителем. За семь дней он поднимался на небеса и за семь дней он спускался вниз в Шибальбу. Семь дней он пребывал в личине змеи, в действительности становился пресмыкающимся; на семь других дней он превращался в орла, на семь других дней он становился ягуаром; и его вид был действительно видом орла и ягуара. В другие семь дней он превращался в свернувшуюся кровь и был лишь застывшей кровью.

Природа и дела этого повелителя были поистине чудесны, и все владыки других племен были исполнены перед ним страха. Слухи о чудесной природе повелителя распространились всюду, и все владыки поселений слышали их. И это было началом величия киче, когда повелитель Кукумац проявил эти знаки своей мощи. Его сыновья и его внуки никогда не забывали о нем в своем сердце. А он совершал это не для того, что-бы проявить себя необычайным повелителем, он сделал это, чтобы господствовать над всеми поселениями, чтобы показать, что только он единственный призван быть вождем народа.

Поколение чудодейственного правителя по имени Кукумац было четвертым поколением (правителей), а Кукумац был неоспоримым ах-попом и ах-попом-камха.

Они оставили преемников и потомков, которые управляли и возвеличивались и тоже порождали детей; и эти их сыновья свершили многие дела. Были порождены Тепепуль и Истайуль, правление которых было пятым поколением повелителей. Таким образом, каждое из поколений этих владык имело свое продолжение в сыновьях.

Здесь следуют имена шестого поколения повелителей. Было два великих повелителя, первый звался Как-Кикаб, а другой — Кависимах. Кикаб и Кависимах совершили великие дела и возвеличили имя киче, потому что они были воистину чудодейственной природы.

И вот, они опустошали равнины и города малых племен и больших племен; они рассеивали повсюду (жителей) поблизости и вдали от городов, которые некогда стояли здесь. Это была страна какчикелей, теперешняя Чувила, и страна людей Рабиналя, Памака, страна людей каоке, Сакабаха, и город людей Сакулеу, (города) Чуви-Микина, затем Шелахух, Чува-Цак и, наконец, Цо-лохче^[112].

Эти (народы) ненавидели Кикаба. Он начал против них войну и действительно завоевал и разрушил поля поселения людей Рабиналя, какчикелей и людей Сакулеу. Он пришел и завоевал все эти племена, и воины Кикаба пронесли свое оружие в различные части (страны). Если то или другое племя не приносило дани, то (воины киче) нападали на их поселения и они были принуждаемы приносить свою дань Кикабу и Кависимаху.

Они (эти народы) стали рабами, они были ранены копьями и они были убиты стрелами, (привязанные) к деревьям^[113], не было для них уже более славы; они не имели более мощи. Рассказывают, что разрушение этих поселений произошло так внезапно, как будто бы раскрылись уста земли^[114]. Подобно вспышке молнии, которая ударяет и разбивает вдребезги скалу, так мгновенно завоеванные народы исполнились ужаса (перед народом киче) и принесли свою покорность.

Перед Колче, как свидетельство о городе, (разрушенном) им (Кикабом), находится теперь каменная скала, которая выглядит почти как вырубленная острием топора; она вся вдоль и поперек изрублена. Она находится там, на побережье, называемом Петатайуб, и теперь люди, проходящие мимо, могут ясно ее видеть — доказательство могучей силы Кикаба.

Они не могли ни убить его, ни победить его, потому что он поистине был мужественным человеком, и каждый народ приносил ему полагающуюся дань.

И все владыки собрались на совет и затем отправились укреплять ущелья и стены поселений, после того как были завоеваны поселения всех племен. Тогда дозорные отправились наблюдать за врагом, и они оставили памятные знаки в (завоеванных) местностях. «Только на случай, если вдруг племена вернуться, чтобы занять поселение»^[115], — говорили владыки, когда собрались снова на совет.

Затем они вышли, чтобы занять предназначенные им (места). «Это будет как наши укрепления и наши поселения, как наши стены и защитные

сооружения, здесь будет доказана наша боевая сила и наше мужество», — говорили все владыки, когда они отправились занять места, предназначенные каждому роду, чтобы бороться с противником.

И, получив свои приказания, они отправились к поселениям, которые были основаны в стране племен^[116]. Они должны были отправиться в эти местности.

— Не страшитесь, если там еще имеются враги и они снова придут, чтобы убить вас. Быстро возвращайтесь и дайте мне знать, а я пойду и сам убью их! — говорил Кикаб, когда он прощался со всеми ними в присутствии калеля и ах-цик-винака.

Тогда отправились стрелки из лука и пращники^[117], как их следует называть. Тогда распространились деды и отцы всего народа киче^[118]. Они находились на каждой из горных вершин, и они были как стражи гор, они сторожили со своими луками и пращами, они были тогда стражами войны. Они не имели никаких увеселений и не имели ни одной (статуи) божества, когда они отправились. Они отправились только, чтобы укрепить стены своих поселений.

Тогда вышли все: владыки из Увилы, владыки из Чулималя, Сакийя, Шахбакиех, Чи-Темах, Вахшалахуха, а также и владыки из Кабракана, Кабикак-Чи-Хун-Ахпу и еще владыки из Мака^[119], владыки из Шайабаха, владыки из Саккабаха, владыки из Сийаха, владыки из Микина, владыки из Шелахуха, а также владыки с побережья. Они отправились как военная стража, как защитники земли; они отправились по приказанию Кикаба и Кависимаха — ах-попа и ах-попа-камха, а также (по приказанию) калеля и ах-цик-винака, — тех, кто был четырьмя повелителями.

Они были посланы, чтобы сторожить врагов Кикаба и Кависимаха — имена правителей, оба из дома Кавека, (чтобы сторожить врагов) Кеема — имя владыки людей Нихаиба, и Ачак-Ибой'а — имя владыки людей Ахау-Киче. Вот таковы были имена владык, пославших их и назначивших их разведчиками. И они, как их сыновья и данники, отправились к горам, к каждой из гор. Они отправились сразу же первыми, и они захватили пленных, они доставили своих пленников пред лицо Кикаба и Кависимаха, калеля и ах-цик-винака. Лучники и пращники воевали и брали все больше пленников и заложников.

Некоторые из защищавших укрепления были храбрецами. И в их словах и требованиях росла их самостоятельность от повелителей, когда они приходили отдавать всех своих пленных и заложников.

После этого властители собрались на совет — ах-поп, ах-поп-камха, калель и ах-цик-винак, и вот что они решили:

— Давайте предоставим почетные звания первым из тех, кто находится там и несет знаки родов; пусть они будут допущены к этому! Я (все же остаюсь) ах-попом! А я — ах-попом-камха! Достоинство ах-попа, которое я имею сам, должны иметь и они. И твои, о ахау-калель: достоинство калеля должно быть (и для них)! — так говорили правители, когда они совещались на совете.

Люди тама и илока поступили точно таким же образом^[120]; равными по положению были три ветви киче, когда они впервые назвали своих сыновей и данников предводителями и сделали их знатными. Вот что было исходом этого совета. Но они не были сделаны предводителями здесь, среди киче. Гора, где сыновья и данники были сделаны впервые предводителями, имела свое имя; после того как они были все посланы каждый к своей местности, они все (затем) сошлись в одном и том же (месте). Шебалаш и Шекамаш — вот названия гор, где они были сделаны предводителями и где они получили свои почетные звания. Это случилось в Чулимале.

Вот таким-то образом произошло наименование, возвышение и отличие двенадцати калелей, двенадцати ах-попов, какие получили эти почетные звания, благодаря (пожеланию прежних) ах-попа и ах-попа-камха, калеля и ах-цик-винака. Все (новые) к алели и ах-попы получили знаки своего достоинства, а также и одиннадцать ним-чокохов, калель-ахау, калель-сакик, калель-ачих, ах-поп-ачих, ах-цалам-ачих^[121], цам-ачих — вот почетные звания, которые получили воины, когда достоинства и отличия были распределены среди них, когда они находились на своих тронах и на своих сиденьях, будучи первыми сынами и данниками народа киче, их лазутчиками, их разведчиками, лучниками, пращниками, стенами, дверями, укреплениями и крепостями киче.

Совершенно таким же образом поступили и люди тама и илока; они наименовали и сделали знатными первых сыновей и данников, которые находились в различных местностях.

Вот таковым было происхождение калелей и ах-попов, тех званий, которые сохраняются и теперь в каждой из этих местностей. Вот каким образом были созданы их звания; ах-попом и ах-попом-камха, калелем и ах-цик-винаком были они созданы, наподобие их званий.

Глава 11

Теперь мы расскажем о жилище бога. Этому жилищу было дано то же самое имя, что и богу. «Великое здание Тохия» было именем храма Тохия, принадлежащего людям Кавека, в котором жил Тохиль. «Авилиш» было имя

храма Авилиша, принадлежавшего людям Нихаиба, в котором жил Авилиш, и «Хакавиц» было имя храма бога людей Ахау-Киче.

«Цутуха», (здание) которое можно было увидеть в Кахбаха^[122], было именем (другого) большого здания, в котором находился камень, почитавшийся всеми владыками киче; он почитался также и всеми (завоеванными) племенами.

Люди приносили сперва свои жертвоприношения Тохилю, а затем шли отдать почести ах-попу и ах-попу-камха. Тогда они отправлялись принести свои драгоценные перья и свою дань перед повелителем. А повелителями, о которых они заботились и за которыми они ухаживали, были ах-поп и ах-поп-камха, основавшие их поселения.

Великими владыками и чудодейственными людьми были изумительные повелители Кукумац и Котуха, а также изумительные повелители Кикаб и Кависимах. Они знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры. Они поистине хорошо знали, где можно все это было увидеть, где была книга, которую они называли «Пополь-Вух».

Но не этим только, не таким только образом было велико положение владыки; великое значение имели также и их посты. И это совершалось в признание того, что они были созданы, в признание того, что им были даны их дворцы и царствование. Они постились долгое время и совершали жертвоприношения пред лицом своего божества.

Вот как они постились: постились девять человек, а девять других совершали жертвоприношения и сожигали благовония. Тринадцать человек еще постились, а еще другие тринадцать совершали приношения и сожигали благовония перед лицом Тохилия. И пока они находились пред своим богом, они питались только фруктами, только плодами тулуль, ахаче и кином. И они не могли съесть ни одной кукурузной лепешки. Поистине, будь то семнадцать человек, совершавших жертвоприношения, или десять, которые постились, они не ели. Они выполняли свои великие предписания и этим показывали свое положение как владык.

И не имели они женщин, с которыми могли бы спать; нет, они оставались одни и были воздержанными; они постились. Они находились в доме бога, где они день за днем молились, возжигали благовония и совершали жертвоприношения. Так они оставались с сумерек до зари, печалась в своем сердце и в своей груди, прося счастья и жизни для их сыновей и данников, для их царства и поднимая свои лица к небу.

Вот их моления к их богу, когда они молились, вот что было мольбою их сердец:

— О ты, красота дня! Ты, Хуракан, ты, Сердце неба и земли! Ты, податель изобилия и богатств, податель дочерей и сынов! Обрати к нам свое могущество, излей на (нас) свое изобилие и свои богатства. Дай жизнь и рост моим сыновьям и данникам, да умножатся и возрастут в численности те, кто должен поддерживать и кормить тебя, те, кто призывает тебя на дорогах, в полях, на берегах рек, в ущельях, под деревьями, под лианами!

Дай им дочерей и сынов! Да не встретятся они ни с бесчестием, ни с несчастьем, ни с глупостью, ни с обманом. Да не появится чудовище ни впереди, ни позади их. Да не будут они грешить, да не будут они ранены, да не будут они ни прелюбодеями, ни осужденными правосудием! Да не падают они ни на поднимающейся, ни на спускающейся вниз дороге! Да не будет кровавых ударов ни позади их, ни впереди их, ничего, что может повредить им! Дай им хорошие дороги, прекрасные, ровные дороги! Да не будет у них ни несчастья, ни позора по причине твоей слюны, по причине твоего волшебства!

Дай хорошую жизнь и деяния тем, кто должен давать тебе пропитание и помещать пищу в твой рот, перед твоим лицом, тебе, Сердце небес, Сердце земли, тебе, «Писом-Какаль»! И ты, Тохиль, ты, Авилиш, ты, Хакавиц, свод неба, поверхность земли, четыре угла, четыре основные точки. Да будет только мир и спокойствие в твоём (жилище), в твоём присутствии, о ты, бог!

Так (молились) владыки, в то время как внутри постились девять человек, тринадцать человек и семнадцать человек. Они постились в продолжение дней, и их сердца печалились об их сыновьях и данниках, о всех их женах и их детях, когда каждый из владык совершал свое жертвоприношение.

Это было ценой за счастливую жизнь, ценой за могущество, ценой за власть ах-попа, ах-попа-камха, кале-ля и ах-цик-винака. Пара за парой они правили, каждые двое следуя за другими, чтобы нести бремя (управления покоренными) племенами, а также всем народом киче.

Одно лишь было начало преданий их, (одно лишь) начало обычая поддерживать и питать (богов) и одно лишь также начало преданий и обычаев людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха, людей Тухалаха и людей из Учабаха. Имелось всего лишь одно-единственное, что их уши должны были слушать там, в Киче, что все они должны были делать.

Но не только в одном этом было их предание. Не с неохотой доставляли им безвозмездно свои дары те, что поддерживали их и питали; те, кто приготовлял для них их кушанья и напитки. С полным правом получали они все это; (с полным правом) получили и схватили они свои владения, свое могущество и свою власть.

И не малой ценой (достигали они) этого: они завоевали поля и поселения; малые племена и большие племена платили большие подати, они приносили драгоценные камни и серебро, они приносили муку и пчелиный мед, браслеты из изумрудов и других камней; они приносили головные уборы, сделанные из голубых перьев, дань всех поселений. Они появлялись перед чудодейственными повелителями Кукумацем и Котуха и перед Кикабом и Кависимахом, ах-попом, ах-попомкамха, перед калелем и ах-цик-винаком.

Не малое совершили они, и не малочисленны были племена, которых они покорили. Многие ветви племен приходили платить дань киче, полные печали, приходили они, чтобы отдать ее. Но могущество (киче) росло не быстро. Кукумац был тем, что начал расширение владычества. Вот что было началом могущества и расширения (владычества) народа киче.

А теперь мы поименуем поколения владык и дадим их звания; мы снова поименуем всех владык.

Глава 12

Вот поколения и порядок последования всех правителей, которые начались с наших первых праотцев и наших первых отцов, Балама-Кице, Балама-Акаба, Ма-хукутаха и Ики-Балама, когда появилось солнце и стали видны луна и звезды.

И вот теперь мы (дадим) начало поколений, порядок царствований, с начала их родословной, как владыки приобрели мощь, с их вступлений до их смертей, (мы дадим) каждое поколение владык и предков, а также и владык поселений, всех и каждого из владык. Здесь будет показано лицо каждого из владык киче^[123].

Балам-Кице — корень людей Кавека.

Кокавиб — второе поколение (рода) Балама-Кице.

Балам-Коначе, с которым началось звание ах-попа, — он был третьим поколением.

Котуха (I) и Стайуб — четвертое поколение.

Кукумац и Котуха (II), первые из чудодейственных правителей, они были пятым поколением.

Тепепуль и Стайуль — шестые по порядку.

Кикаб и Кависимах — седьмые по порядку в наследовании царством; они тоже были чудодейственными.

Тепепуль и Штайуб — восьмое поколение.

Текум и Тепепуль — девятое поколение.

Вахшаки-Каам и Кикаб — десятое поколение повелителей.

Вукуб-Нох и Кууатепеч — одиннадцатые по порядку повелители.

Ошиб-Кех и Белехеб-Ци — двенадцатое поколение повелителей. Они были те, кто правил, когда пришел Донадиу^[124], и кто был повешен испанцами.

Текум и Тепепуль, которые платили дань испанцам; они оставили сыновей, а прежде они были тринадцатым поколением повелителей.

Дон Хулио де Рохас и дон Хулио Кортес, четырнадцатое поколение повелителей, они были сыновьями Текума и Тепепуля.

Вот таковы поколения и последовательность царствования владык ах-попов и ах-попов-камха у киче Кавека.

А теперь мы снова назовем роды. Вот великие дома каждого из владык, следовавших за ах-попом и ах-попом-камха. Здесь (перечисляются) названные раньше девять родов людей Кавека и их девять великих домов, а вот звания владык каждого из великих домов:

повелитель ах-поп, один великий дом. Куха было именем этого великого дома;

повелитель ах-поп-камха, великий дом которого назывался Цикинаха;

ним-чокох-кавек, один великий дом; повелитель ах-тохиль, один великий дом; повелитель ах-кукумац, один великий дом; пополь-винак-читуй, один великий дом; лольмет-кехнай, один великий дом; пополь-винак-па-хом-цалац-шкушеба, один великий дом;

тепеу-йаки, один великий дом.

Рельеф на крышке саркофага в «Храме надписей»

Вот таковы девять родов Кавека. Очень многочисленными были сыновья и данники, следовавшие за этими девятью великими домами.

А здесь вот девять великих домов людей Нихаиба. Но сперва мы дадим родословную правителей царства. Все они происходили только из одного корня, когда начало сиять солнце, когда начался для людей свет. Балам-Акаб — первый предок и праотец.

Коакуль и Коакутек — второе поколение.

Кочахух и Коцибаха — третье поколение. Белехеб-Кех (I) — четвертое поколение.

Котуха (I) — пятое поколение правителей.

Затем дальше Баца — шестое поколение.

Стайуль — седьмое поколение повелителей. Котуха (II), восьмой по порядку царствования. Белехеб-Кех (II), девятый по порядку.

Кема — так назывался — десятое поколение. Повелитель Котуха — одиннадцатое поколение. Дон Кривоваль — так он назывался, — который правил во времена (прихода) испанцев.

Дон Педро де Роблес, тот, кто повелитель калель в настоящее время.

Вот таковы все повелители, которые происходят от повелителя калель. Теперь мы назовем (звания) владык каждого из великих домов:

повелитель калель, первый владыка Нихаиба, глава одного великого дома;

повелитель ах-цик-винак, один великий дом; повелитель калель-камха, один великий дом; нима-камха, один великий дом; учуч-камха, один великий дом; нима-камха, один великий дом; ним-чокох-нихаиб, один великий дом;

повелитель авилиш, один великий дом;

йаколатам, один великий дом;

(нима-лольмет-иеолтуш, один великий дом).

Вот таковы великие дома Нихаиба, таковы были названные раньше имена девяти родов людей Нихаиба, как они назывались. Многочисленными были роды каждого из владык, имена которых мы дали сперва.

Здесь вот (родословная) людей Ахау-Киче, кто были их праотец и отец. Махукутах, первый человек.

Коахау — имя повелителя второго поколения.

Каклакан.

Кокосом.

Комахкун.

Вукуб-Ах.

Кокам ель.

Койабакох.

Винак-Бам.

Вот таковы (имена) повелителей людей Ахау-Киче; такова последовательность и порядок их поколений.

А здесь вот звания владык, которые (составляли) великие дома; всего было только четыре великих дома:

ах-цик-винак-ахау — звание первого владыки, один великий дом;

лольмет-ахау, второй владыка, один великий дом;

ним-чокох-ахау, третий владыка, один великий дом;

хакавиц, четвертый владыка, один великий дом.

Итак, было четыре великих дома у Ахау-Киче.

Имелись, итак, три ним-чокоха^[125], которые были подобны почетным отцам для всех владык киче. Единодушно советовать имели обычай три чокоха. Велико было их положение: они были матерями слова, отцами слова; они действовали в великих и малых (событиях), три чокоха.

(Имелись) тогда ним-чокох людей Кавека, ним-чокох людей Нихаиба — он был вторым, и ним-чокох-ахау (людей) Ахау-Киче, он был третий. Каждый из трех чокохов представлял свой род.

Заключение

Больше о существовании народа киче сказать нечего, потому что нельзя больше видеть светильника (книгу «Пополь-Вух»), которую повелители имели в древние времена, она совершенно исчезла.

Вот таким образом тогда все люди киче, (люди из местности, которая называется теперь Санта-Крус, пришли к теперешнему состоянию.

ЛЕТОПИСЬ НАРОДА КИЧЕ

Происхождение «Родословной владык Тотоникапана», этого важного для восстановления древней истории киче документа, следующее. В 1834 году индейцы, жители небольшого гватемальского города Тотоникапан (в доиспанское время на языке киче называвшегося Чименекенха), обратились с просьбой к губернатору провинции. Просьба их состояла в том, чтобы священник селения Сакапулас Дионисио Хосе Чонай перевел на испанский один важный документ. После того как Чонай выполнил это поручение, индейцы представили оригинал документа и его перевод местному судье, прося, чтобы «два понимающих человека» освидетельствовали бы документ и заверили бы точность выполненного перевода. Желание индейцев было выполнено, а перевод по приказанию судьи оставлен в архиве суда.

Хосе Чонай, переводя документ, сократил его. Это явствует из его письма, приложенного к переводу. Приводим заключительную часть его:

«Перевод приложенной рукописи, написанной на языке киче теми, кто подписал ее в 1554 году, в согласии с традициями их предков.

Вышесказанная рукопись состоит из тридцати одной страницы ин кварто; но перевод первых страниц опущен, так как в них говорится о сотворении мира, о Адаме, земном рае, в котором Ева была обманута не змеем, а самим Люцифером, как ангелом света. Повествуется о потомстве Адама, следуя в каждой детали тому же порядку, как в Генесисе и священных книгах, до пленения Вавилонии. Рукопись утверждает, что три великих народа киче, с которыми она в особенности имеет дело, являются потомками десяти племен царства Израиля, которых Салманесер принудил к вечному плену и которые, оказавшись на границе Ассирии, решились бежать.

В этом переводе я старался следовать, насколько это возможно, орфографии и порядку слов оригинала».

В 1860 году, во время своего вторичного пребывания в Гватемале, Ш. Э. Брассер де Бурбур, находясь в Тотоникапане, обнаружил этот перевод и снял с него копию. Эта копия — в настоящее время единственный источник, так как ни оригинал «Родословной...», ни ее перевод не обнаружены. После

смерти Брассера де Бурбура копия перешла в руки французского американиста Шаранси, который опубликовал ее, сопроводив своим переводом на французский, в 1885 году. С этого издания и сделан перевод для русского издания.

Название этого документа, предложенное Брассером де Бурбура и уже вошедшее в научную литературу, не вполне удачно, так как не отражает его подлинного содержания. В действительности в нем излагается история народа киче от выхода из Тулана до правления повелителя киче Кикаба, жившего в середине XIV века. По всей видимости, он был составлен с целью доказать права знати киче на какие-то земельные участки в районе тихоокеанского побережья Гватемалы; не случайно «Родословная...» заканчивается описанием путешествия Кикаба по этому району и сообщением о совершенных им там разделах земли. С целью доказать какие-то свои права на эти земли обратились в 1834 году к тексту «Родословной...» и жители Тотоникапана.

По предположению А. Ресиноса, «Родословная...» была составлена в 1554 году в бывшей столице киче — Утатлане, на что указывают подписи под документом, перечисляющие наиболее важных лиц из знати киче.

РОДОСЛОВНАЯ ВЛАДЫК ТОТОНИКАПАНА

Глава I

Путешествие народов киче и других родственных племен [\[126\]](#)

Мудрые люди, нахуали^[127], вожди и предводители трех великих народов и других, присоединившихся к ним, называемые у-мамае^[128], простирали свой взгляд на четыре части мира и на все то, что находится под небом. Не обнаружив препятствий, они отправились с другой стороны океана, оттуда, где поднимается солнце, из места, называвшегося Па-Тулан, Па-Сиван.

Главных вождей было четверо: первый именовался Балам-Кице, дед и отец наш, людей Кавека; второй — Балам-Акаб, дед и отец людей Нихайа; третий — Махукутах, ствол и корень киче; четвертый именовался Ики-Балам. Эти были вождями первого народа или первого племени киче; а жена Балама-Кице носила имя Сака-Палума, жена Балама-Акаба — Цунуниха, жена Махукутаха — Какишаха, Ики-Балам был холостым.

Вожди второго народа или племени киче назывались тамуб; их было также четверо: Копичоч, Кочохлам, Махкиналон и Коканавиль. Эти были стволем и корнем принцев тамуба, каковые носили звания какох (и) эгоме^[129]. Совместно пришли эти племена с другой стороны моря, с востока, из Па-Тулана, Па-Сивана.

Вождей третьего племени или народа киче было также четверо, — и они были Чийатох, Чийа-Цикин, Йолчитум, Иолчирамак и Чипель-Камукель^[130]. Эти были ствол и корень домов и семей Кала-Сиха и Цунуниха, но это племя различалось именем илокаб.

Вот таковы были три народа киче, и пришли они оттуда, где поднимается солнце, потомки Израиля^[131], того же самого языка и тех же самых обычаев.

Когда они поднялись из Па-Тулана, Па-Сивана, первым предводителем был по единодушному выбору назван Балам-Кице, и тогда великий отец

Накшит дал им дар, называемый «Кирон-Какаль»^[132].

Когда они прибыли к берегу моря, Балам-Кице коснулся его своим посохом, и сразу же открылся проход, который затем снова закрылся, ибо великий бог желал, чтобы это так произошло, потому что они были сыновьями Авраама и Иакова^[133]. Это было так, эти три народа прошли (через море) и с ними тринадцать других, называвшихся вук-амак^[134].

На этой другой стороне моря они были принуждены питаться кореньями из-за отсутствия пищи, но они странствовали довольные. Они пришли к берегу озера, где имелось множество животных; здесь они построили хижины, но (затем), не удовлетворенные местностью, оставили ее. Они пришли на место, называемое Чикпач; остановились там, а (затем), оставив большой камень в качестве памятника, продолжали свое странствование, поддерживая себя кореньями. Они пришли к другому месту, которое называли Чи-Киче; они оставались там некоторое время и, покинув его, прибыли, наконец, к горе, которую называли Хакавиц-Чипаль^[135].

Это было (место), где они остановились, и это было (то место), где Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам решили поселиться. Три народа или племени киче находились вместе, а именно кавекиб, тамуб и илокаб, а также тринадцать других народов, называемых вук-амак-тепан.

И они (уже) находились в Хакавице некоторое время, когда согласились разжечь огонь. «Мы слишком много страдали от холода, — сказал Балам-Кице, — давайте попробуем разжечь огонь».

«Хорошо, — ответили тринадцать народов вук-амак, — давайте договоримся о том, какой вид платы будут иметь те, кто первым зажжет его; если это устраивает вас, мы согласимся отдать наших дочерей тем, кто первым зажжет огонь». — «Хорошо», — ответил Балам-Кице.

И когда они начали тереть дерево и камни, первыми, кто зажег огонь, были Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах, а народы вук-амак никак не могли разжечь его. И тогда последние сказали:

«Дайте нам немного вашего огня!». — «Дайте нам, — возразили они, — то, что мы выиграли, или же дайте нам залог или обеспечение». — «А что за залог хотели бы получить от нас?» — спросили люди вук-амак. «Если это устраивает вас, — сказал Балам-Кице, — мы поцелуем вашу грудь в знак того, что вы в долгу перед нами за ваших дочерей». — «Хорошо», — ответили тринадцать народов, и, допустив, чтобы их поцеловали, они утвердили договор.

Глава II

Разделение народов

Здесь следует объяснение, почему народы разделились.

Четыре вождя первого племени собрались, и, взяв слово, Балам-Кице сказал: «Владыки Копичоч, Коканавиль, Махкиналон, вожди гамуба, и вы, Чийатох, Чийа-Цикин, Йолчитум и Йолчирамак, вожди илокаба, слушайте. Если это нравится вам, я скажу, что мы можем разделиться, но не навсегда, потому что в конце концов мы снова объединимся. Мы не нашли еще наших домов и полей; здесь, в этом месте Хакавиц-Чипаль, мы сделали не больше того, что повиновались голосу, который вел нас».

После того как это было сказано, племя тамуб сразу же оставило (эту местность) для горы Амак-Тан. Люди илокаба отправились к горе Укин, и с ними народы вук-амак; племя же, которым предводительствовали Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, осталось там, на горе Хакавиц-Чипаль.

Там они умножились, и там Балам-Кице породил Кокаиба и Каковиба. Другие народы также умножались. Нахуаль или бог Балама-Кице был назван Тохилем, бог Балама-Акаба — Авилишем, бог Махукутаха — Хакавицем. Ики-Балам умер холостяком.

Там, в Хакавиц-Чипале, они жили многие годы, и там они впервые раскутали дар, который старый Накшит дал им, когда они ушли с востока. И этот дар был причиной того, что их боялись и почитали.

Случилось, что сыны народов вук-амак начали пропадать; никоим образом не было возможности найти тех, кто похищал и убивал их. «Может ли быть, — сказали они, — что сама гора, на которой мы живем, причиняет нам это зло?»

Они напрягали все свои силы, чтобы найти следы и расследовать их, но все, что они могли обнаружить, — были следы тигров и койотов и кровь, которые вели к святилищу нахуалей Тохилия, Авилиша, Хакавица. Это было достаточным основанием для народов вук-амак; они решили убить наших отцов, Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха. Но как только Балам-Кице узнал об этом решении, он отправился сообщить это и посоветоваться с нахуалями, а они ответили и сказали: «Не печалься, как только будет известен день, в который враги нападут на вас, приди и сообщи это нам».

Когда наши отцы затем узнали день, назначенный для их убиения, они отправились и сообщили об этом нахуалям, а те сказали, что им делать. Враги вооружились луками, стрелами и другими орудиями войны. В первый раз война угрожала Хакавиц-Чипалю. Враги пришли, и после дневного перехода они устроили лагерь у подножия горы. Здесь их охватил такой глубокий сон, что они не заметили, когда наши отцы отобрали у них их луки, стрелы и все их оружие, а кроме того и (отрубили) у них мизинцы и пальцы на ногах, так что, пробудившись, они увидели себя в таком

постыдном положении, что (немедленно возвратились), пристыженные, домой.

Тогда народы вук-амак начали готовить другую войну. (У них) продолжало исчезать много сыновей, и это было причиной. Они (думали) также, что эти несчастья могли быть следствием поцелуев, которые они допустили, когда их дочерей просили для (брака). Они объявили войну и назначили день, а наши отцы, узнав об этом, отправились посоветоваться с нахуалями, и те ответили: «Сделайте двенадцать деревянных чучел, вооруженных луками и стрелами, и всем тем, что вы отобрали в прошлый раз у противников, устроив так, разместите их на холмах, по порядку, как будто они собираются нападать. Возьмите четыре больших кувшина; наполните их — один шершнями, другой маленькими осами, третий змеями и последний жуками — и поставьте между каждыми четырьмя чучелами по кувшину».

Полихромная роспись блюда. Вашактун

Они использовали эту уловку потому, что по сравнению с тринадцатью народами вук-амак племя, над которым главенствовали Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах, было маленьким. Народы (вук-амак), уверенные из-за своей численности, решили устроить нападение и убить наших отцов. Но последние, будучи хорошо наученными (нахуалями), использовали свои заклинания, чтобы создать облака, гром, молнию, град, землетрясение и другие явления, сопутствовавшие чучелам. Тем не менее враги напали, но

наши отцы поместили чучела в боевом порядке, и враги стреляли в них, пока не утомились. Тогда женщины, жены Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха, открыли кувшины со змеями и осами, которые, добравшись до врагов, заставили одних бежать, бросив оружие, а других убили. Наш народ ограбил их. Так закончилась первая война;

с того времени наши предки приобрели славу необычайных и доблестных людей.

Вот имена вражеских вождей: Роцхаиб, Кибаха, Ушаб, Баках и Кебацунуха. Они встретились снова, чтобы в третий раз совместно посоветоваться, каким образом они могут убить наших отцов: Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха. Они выведали, что через каждые семь дней наши отцы отправляются купаться к одному источнику с теплой водой, и сказали: «Может быть, они могущественны и как бы наполнены божественным огнем потому, что не знают других женщин? Давайте выберем и украсим трех прекрасных юных девушек: если они полюбят их, то их нахуали возненавидят их, и, когда они будут лишены этой помощи, мы сможем убить их».

Когда замысел был одобрен, они выбрали трех прекрасных девушек^[136], украсили их, снабдили благовониями и посоветовали им, что они должны делать в купальне. Когда Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах прибыли, юные девушки сказали им:

— Бог да хранит вас, владыки и вожди этих высот! Наши отцы и владыки приказали нам приветствовать вас от их имени и повиноваться всему, что вы пожелаете приказать нам. Или, если у вас будет желание жениться на нас, мы будем счастливы и согласимся. Так сказали наши отцы Роцхаиб, Ушаб, Кибаха и Кебацунуха.

— Хорошо, — ответил Балам-Кице, — но лучше вы скажите вашим отцам, что вы не видели нас или не говорили с нами.

— Этого не может быть, — возразили девушки, — потому что наша задача — поговорить с вами. Наши отцы сказали нам: «Принесите доказательства, что вы действительно говорили с теми владыками, к которым мы вас посылаем, иначе вы будете жертвами нашего гнева». Имейте к нам сочувствие, дайте нам какое-нибудь доказательство, что мы сделали так, чтобы мы не погибли.

— Тогда подождите доказательства, какое мы можем дать вам, — сказал Балам-Кице.

И он отправился посоветоваться с нахуалиями и, объяснив им положение вещей, сказал:

— Возвестите же нам, о Тохиль, Авилиш, Хакавиц, что мы должны делать или какое доказательство мы можем дать этим юным дочерям

народов вук-амак?

— Возьми три покрывала, — ответил Тохиль, — на одном нарисуй осу, на другом — орла, а на третьем — тигра; дай их девушкам и скажи им, что это — доказательство, а также подарок, который вы посылаете для главных владык этих народов.

Разрисовав три белых покрывала, Балам-Кице дал их девушкам, имена которых были Пуч, Тас и Кобацунах. Они, очень довольные, возвратились к своим владыкам и сказали им: «Мы исполнили порученное нам, и в доказательство вот подарки, которые эти владыки посылают вам».

Очень довольные принцы вук-амак исследовали подарки, распределили их и немедленно накинули их на себя, но нарисованные (звери) тотчас ожили и стали так мучить владык вук-амак, что они сказали своим дочерям: «Адские женщины, что это за бичи вы принесли нам?»

Так была сокрушена вражда, поднявшаяся против наших отцов. Так все их враги стали бояться и почитать их. Это было там, в Хакавице, там наши отцы показали достоинство и величие, в которое они были облачены, и там они жили долгое время.

Глава III

Об общественных должностях, достоинствах и почестях

Когда Балам-Кице поразили своих врагов и получил мир, он сказал: «Наступило время отправить посланников к нашему отцу и владыке Накшиту; тогда он узнает положение наших дел, тогда он снабдит нас средствами, так что в будущем наши враги никогда не смогут победить нас; тогда они никогда не преуменьшат знатности нашего рождения, тогда он назначит почести для нас и для всех наших потомков и тогда, наконец, пришлет общественные должности для всех, кто заслуживает их».

Это решение было одобрено другими вождями; они пытались избрать лиц, достойных такого поручения, и большинством голосов были избраны Кокаиб и Кокавиб, оба сына Балама-Кице.

Получив эти наставления, Кокаиб отправился на восток, а Кокавиб — на запад. Кокаиб следовал по своему пути, пренебрегая опасностями, пока не выполнил (возложенное) на него поручение. А Кокавиб, встретив какие-то затруднения на берегах озера Мехико^[137], возвратился, не сделав ничего. Обнаружив затем слабую душу, он недозволенно познал свою невестку, жену Кокаиба. При таких обстоятельствах до Хакавиц-Чипаля дошел слух о приближении Кокаиба, нагруженного общественными должностями и почестями.

Эти новости огорчили Кокавиба, который сказал: «Было бы лучше, если бы я повесился на дороге, по которой я возвращался; тогда бы принц Кокаиб, прибыв (сюда), не узнал, что получилось из совершенного мной поступка!»

Кокаиб прибыл и дал отчет в своем поручении. Он доставил звания ах-попа, ах-цалама, цамчинимиталья и многие другие; он показал отличия, которые должны сопровождать эти звания, а это были когти ягуаров и орлов, шкуры других животных, а также камни, палки и другое.

Вожди поздравили Кокаиба и проводили его до его дома. Когда он увидел, что в его отсутствие родился ребенок, он сказал своей жене:

— Чей это ребенок? Откуда он появился?

— Он — твоей крови, — ответила женщина, — твоей плоти и твоих же костей.

— Раз это так, то я не буду ненавидеть его, я, наоборот, возложу на него почести.

И, взяв колыбель ребенка, Кокаиб сказал:

— С сегодняшнего дня и навсегда этот ребенок будет называться Балам-Коначе.

Так начался ствол дома Коначе и Истайуль, и здесь также начало звания и должности ах-поп-камхайль, второго звания дома Истайуль.

Глава IV

Другое странствование на восток

Слушайте, что я собираюсь рассказать, что я собираюсь объявить, я, Диего Рейносо, пополь-винак^[138], сын Лахух-Ноха.

Великие люди, мудрые люди, доблестные люди решились на второе путешествие на восток. Этими людьми были Кокаиб, Кокавиб, Коакуль, Акутек и вскоре после ним-чокох кавек, который позже имел звание чокохиль-тем. Когда они достигли местопребывания Накшита, там, где поднимается солнце, они разъяснили свое поручение. Накшит принял их, благосклонно выслушал, подарил им то, что они просили, и дал много других знаков отличия, которые должны были носить (люди), получившие звания, и другие достойные лица. Кокаиб и его товарищи возвратились радостные из своего счастливого путешествия и, когда прибыли в Хакавиц-Чипаль, показали все знаки и символы, которые они доставили с собой. Они объяснили, как и какие знаки отличия должны сопутствовать носителям званий.

Владыка, который должен был впредь с этого времени иметь звание ах-попа, обязан был употреблять четыре балдахина и арку. Владыка ах-попкамха — три, и так же с другими. Вновь созданные звания были: калель-тем, ацивинакиль-тем, ним-чокохиль-тем, калейамхайль-тем, нима-йамохаль-тем, четыре ах-тохиле, три чоко-хиб, три уцам-пот, три йакольха и попкамха. Лица, которые получили эти должности, обязаны были сопровождать короля иначе, который в знак почета также имел все эти звания.

Глава V

О генеалогии Балама-Кице.

Страх нахуалей и странствования народа киче

Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах, после того как они были возвеличены и украшены новыми почестями, весьма наслаждались в Хакавиц-Чипале, где они претерпели многие трудности и где также умножились, потому что все они имели по многу детей.

Балам-Кице породил Коцаха и Корашонамака. Коцаха породил Цикина, последний породил Ахкана, который породил Кокаиба и Кокавиба. Кокаиб имел пять сыновей, каковые суть Кехнай, Койой, Шмаикех, Чоккой и Кокамаль, и все они назывались Ахкан. Кокавиб породил Балама-Коначе, который взял своей женой прекрасную Ципитабан.

Когда они были весьма не подготовлены, нахуали заговорили и сказали Баламу-Кице и другим вождям: «Перед тем как поднимется солнце, перед тем как наступит заря, возьмите нас из этого места и спрячьте в другой глубокой горе, а если вы не сделаете этого, вы без сомнения, погибнете. Отправьтесь туда и спрячьте нас; вы можете (там) советоваться с нами. Спешите, спрячьте нас, перед тем как засияет солнце, перед тем как появится другая луна, перед тем как засверкают другие звезды».

Испуганные вожди повиновались. Тохиль, бог Балама-Кице, отправился к холму, названному с тех пор Па-Тохиль, где жили три пары орлов, три пары змей и три (пары) гадюк-канти^[139]. Бог Балама-Акаба отправился к холму, который стал называться Авилиш; бог Махукутаха отправился вверх, на высоту и ширину самого Хакавица. Когда показалась утренняя звезда, когда начали петь маленькие птицы и когда поднялось солнце, боги были уже на своих положенных им местах, и, обернувшись лицом к звезде дня, они воздали хвалу. Вожди отправились к своим богам и, вынув курения с различными запахами, поднесли им, говоря: «Дважды и трижды мы благодарим вас, творцы всего, что окружает нас, мы благодарим вас, потому что снова увидели солнце и надеемся увидеть его еще много раз, и звезды. А

ты, наша древняя страна Тулан-Сиван, где находятся наши братья, прими наши клятвы». Так говорили они, сожигая благовония. И дымок от них поднялся сперва прямо, показывая, что они были приятны великому богу, а затем склонился по направлению к солнцу, показывая, что эти приношения и эти клятвы, рожденные в тайных местах сердца, достигли присутствия нашего отца Накшита.

Когда они выполнили эти обязательства, они погрелись на солнце и затем собрали всех вместе. Балам-Кице сказал другим: «До сих пор мы выполняли наши обязанности целиком для вашего блага, — сказал он, — мы оставляем вас покрытых почестями, свободными от врагов; они, испытав вашу храбрость и узнав о вашем превосходстве, всегда боятся вас. Храните драгоценный дар, который наш отец Накшит дал нам; он будет еще полезен, потому что мы еще (не) достигли местности, в которой мы должны поселиться. Порождайте сыновей, достойных званий ах-попа, ах-попа-камха, калеля, ацивинака и других; творите сыновей, полных огня и величия, которым наш отец Накшит наградил нас; заботьтесь о ваших матерях. Мы же, кто были до сих пор вашими вождями и предводителями, смертны; мы скоро исчезнем!»

Так сказал Балам-Кице. И они хорошо провели этот день и оставались в добром здоровье, но, когда наступила заря, их уже больше не существовало; они исчезли, и никто не знал как. Но не путайтесь, услышав это, потому что сыновья Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха приняли имена своих отцов.

Не зная, как это случилось, они обнаружили, что находятся со всеми своими детьми в горах, там же, где находились и боги. Благодаря этому удивительному происшествию эти холмы были названы с того (момента) Сакирибаль-Тохиль — первый, Сакирибаль-Авилиш — другой и Сакирибаль-Хакавиц — третий^[140].

Здесь, на этих холмах, они построили дома и жили некоторое время. После этого они все собрались на (горе) Па-Тохиль, а (затем), оставя ее, прибыли в местность, которую они называли Чи-Кибакиха. Там они оставались некоторое время, всегда храня у себя дар Накшита, терпя нужду и перенося недостатки. Они оставили эту местность и пошли в другую, которую они называли Чиваих, несомненно из-за голода, который они (там) терпели^[141]. Ибо они жевали палки, чтобы поддержать себя там. Они построили большие хижины. Они оставили эту местность и прибыли в Пакаха-Шехойен. Там они воздвигли несколько зданий и оставались некоторое время.

Пятая стоянка (как они называли ее, не говорится). Они пришли к местности, (называемой) Барабик-Чум^[142], здесь они остановились на

несколько дней. Из Барабик-Чум (они передвинулись) в Памбилиль-Панцокан, здесь они также остановились на некоторое время и питались личинками ос и жуков^[143].

Восьмая стоянка, которую они называли Тиках-Чалиб; они строили дома. Из Тиках-Чалиба они пошли в Тибацци, они построили дома и пострадали от страшного урагана.

Десятое место, которое они называли Хобалам-Кана-Улеу; (в нем) они оставались некоторое время.

Двенадцатое место, которое они называли Йамримба. Из Йамримба они пришли на место, которое они позже называли Чики-Туха, потому что они узнали, что там живет человек. Они действительно нашли его охотившимся за перепелкой. Захваченный врасплох предводителями, он сказал:

— Не убивайте меня и ничего со мной не делайте!

— Каково твое имя и что ты здесь делаешь? — спросил Балам-Кице.

— Они называют меня Котуха, — ответил старик, — а я охочусь за перепелкой!

— Хочешь присоединиться к нам? Мы смотрим на тебя как на брата!

— Я с удовольствием принимаю вашу любезность, — сказал Котуха.

— Хорошо! Тогда с сегодняшнего дня ты наш брат и товарищ, — сказали предводители, — твоим будет место и все почести и превосходство Ики-Балама, умершего в этих странствиях, и ты будешь товарищем Махукутаха.

И он был признан за такового всеми; вот как восполнилось число четырех предводителей, пришедших с востока.

Там они нашли также камень, подобный тому, который Накшит дал им. Там, в Котуха или Цутуха^[144], они оставались долгое время. Из Котуха они отправились в Чуви-Кабаль; (здесь) они построили дома и находились долгое время. Из Чуви-Кабаль — в Йамукутурашо; там необходимость принудила их есть личинки ос и других насекомых. Из Йамукутурашоа они пошли в Чильцареб. Там они воздвигли дома и терпели нужду, хотя позже они нашли способ сеять кукурузу, удовлетворявшую их потребности. Они оставались (там) долгое время. Из этой местности они пришли в Калемиаль-Кукурабах, бесплодное место, и страдали там от голода и жажды. Из Кукурабаха они пошли в Паче-Чикохон; там наши отцы оставались долгое время.

Из Чикохона — в Чи-Кабавиланик. Они назвали это (место) так потому, что камень Накшита, который они использовали для своих заклинаний, был полезен им. Здесь они оставались долгое время, (находясь) под руководством четырех предводителей. Здесь они занялись охотой на оленя,

кровь которого они подносили нахуалю Тохилю; там же они использовали и свои за клинания, принужденные к этому следующим случаем.

Когда они обезглавливали одного из своих оленей, мимо проходили двое людей из горцев, с которыми, как это было установлено позднее, вражеские племена, называвшиеся вук-амок, были уже знакомы. Эти двое людей сказали:

— У кого это вы отрезаете голову? Наверное, это один из наших товарищей. Мы будем мстить!

Наши отцы ответили:

— Хорошо, мы принимаем вызов!

Там же появился замаскированный человек, которого они, естественно, приняли за разведчика, потому что он был покрыт с головы до ног ушами какого-то животного. Старые враги Ах-Цалакан и Ах-Тибильпат приняли участие в споре. Наши предводители приказали, чтобы следы разведчика были прослежены. Их проследили и (увидели), что вражеские силы окопались на горе, которую наши люди называли «Горой дыма» из-за того, что из нее постоянно шел дым.

Когда нахуалиям сообщили об этом, они отправились туда и с помощью своего искусства создали два новых ливня, грома и молнии, разразившиеся над противником. А враги, услышав такой страшный шум с нашей стороны, в ужасе бежали. В первый раз (в жизни) сам Котуха испугался.

Двадцатая остановка. Оставив Котуха, они пришли на место, которое они называли Чи-Хумет, потому что там было большое изобилие известняка и потому что они построили из него свои жилища. Они нашли (там) несколько банановых деревьев^[145] и маленьких птиц. Но, несмотря на это, они терпели в этих горах большие трудности. Из Чи-Хумет они отправились в Кульба-Кавиналь. Здесь они также воздвигали дома и строили хижины. Там они и встретили тех, кого называли акааб^[146]. Эти (люди) сказали Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Котуха: «Вы наши дедушки, наши отцы и наши вожди». Они стали почитать нахуалей, приносили им в жертву небольших птиц и таким образом объединились (с народом киче).

Наконец, они (киче) пришли к месту, которое они называли Чи-Исмачи. К тому времени, когда это случилось, король Балам-Кице имел многих сыновей и внуков, и мы, люди Кавека, очень умножились, так же как и люди Нихайиб, потомки Балама-Акаба, и киче, сыновья и внуки Махукутаха. Здесь они провозгласили звания и должности, созданные Накшитом; здесь Котуха был публично признан как принц и владыка, получив звания ах-попа и ах-попа-камха; здесь же было дано звание ах-попа-камха и Истайулю, сыну Коначе.

Должности, которые должны были, согласно инструкциям Накшита, иметься в государстве, были следующие: ах-поп, ах-цалам, цамчинамиталь, калель-тем, ах-ци-винак, накель-туй, ним-чоко-хиль-тем, калель-кан, хаитуй, нима-камохиль-тем, ах-тохиль, чо-кохиль, у-цам-поп, йаколха и поп-камха. Все эти звания и почести имели свои эмблемы, а такими были когти ягуаров, пумы, орлов и так далее. Таковы были знаки отличия и почести, возведенные и дарованные там, в Исмачи, все в согласии с наставлениями Кокаиба, доставленными с востока. После этих действий они воздали за все хвалу богу, творцу всего, что ограничено небесами и землей; они воздали хвалу солнцу и луне, звездам и в особенности звезде, возвещающей день. Они воскурили благовония и с печалью вспоминали свою старую родину, братьев и родственников, оставшихся там, на другой стороне моря, в Сиван-Тулане.

Когда они исполнили эти обязанности, то развеселились, запели и, наконец, стали пьяными из-за перебродившего меда, который они находили обычно на деревьях. Тогда они начали предлагать своих дочерей, которых они выдавали замуж с определенными церемониями и несколькими глиняными кувшинами белого батидо^[147], к которым (прибавлялась) корзина с маленькими авокадо, нога дикой свиньи и маленькие пироги, завернутые в (листья) и перевязанные побегами. Таковы были (свадебные) подарки, и после этого брак считался заключенным.

Глава VI

Женитьба Котуха и другие события

Имелось три группы киче, а именно группа кавик, группа илок, и там, (все они) находились в одной местности, Исмачи, на недалеком расстоянии друг от друга.

У всех них были те же самые обычаи, один и тот же образ жизни и язык.

И вот Котуха, желая жениться на дочери владыки народа, называвшегося малах, послал двоих своих людей. Их задачей было просить (его дочь ему в жены), согласно наставлениям Накшита. Он приказал им взять с собой нескольких кроликов и птиц, которых они должны были положить на горе, где жил владыка (народа) малах. (Котуха) предостерег (посланцев), чтобы они тщательно скрывались. Они так и поступили и два или три раза помещали кроликов и птиц на предназначенное место. (Посланцев) не видели, но и они не находили упомянутых выше животных, а всякий раз находили там куваль^[148].

Когда, наконец, их увидели разведчики, то последние сказали выслеженным:

— Кто вы такие и что вы хотите? Может быть, вы посланцы Котуха-Кукумацеля?

— Это так, — ответили они, — мы послы владыки Котуха, и мы желаем говорить с вашим принцем.

Они проводили их. И когда были выпиты крепкие напитки — был обычай предлагать их в таких случаях, — владыка (народа) малах спросил, каково же было их поручение. «Принц и владыка Котуха, — ответили посланные, — желает жениться на твоей дочери».

— Хорошо, — сказал владыка народа малах, — скажите Котуха, чтобы он посылал за ней, а как задаток возьмите для этого три кубка с батидо и хлеб.

Посланные возвратились с этим ответом, и тогда Котуха послал четырех ах-попов-камха, несших выкрашенные в желтый цвет носилки, красное петате и несколько каитес. Молодая девушка Хамаи-Улеу прибыла в Исмачи вместе со своей кормилицей. Владыка малах послал батидо из патасте и из какао, пакайас и гирналлас (фрукты), перец и несколько птичек. Это было сделано, чтобы испытать этих людей, но даже и так они могли не избежать возможных раздоров. Люди малах назывались также цутухиль.

К этому времени (туда) пришел народ, называвшийся ах-акту-куль, он состоял из племен ах-цуке, ах-оанем, манакот, манасаке-пет, ванкох, йабакох и ах-цаколькех. Они поселились в горах и долинах цутухилей, и сыновья их умножились. Люди по имени ах-цикинаха желали досадить этим подданным Котуха, но когда двое из их предводителей — Текпан и Шуцин — были побеждены и взяты в плен, то оставшиеся испугались и удалились прочь.

К этому времени владыка Котуха решил единодушно с владыкой Истайулем, что люди малах, как союзный (с киче) народ, должны получить почести. (Они также решили), что дадут этим племенам принцев и другие звания. Когда это намерение было одобрено, они дали им некоторые должности, такие, как должность ах-попа, ах-попа-камха, алаи-туи и несколько других. (Это было сделано), чтобы оскорбить их врагов, в частности, врагов, (живущих) у озера, которые желали обидеть их. Все это было сделано в Исмачи, где (киче) построили три больших белых дома.

К этому же времени мир и спокойствие, поддерживаемые владыками Котуха и Истайулем, были готовы нарушиться: те, что были назначены как ах-попа-камха, явились источником и носителями огня разногласий. Они сказали владыке Котуха: «Принц Истайуль оскорбляет тебя; он говорит, что ты несчастный и что ты питаешься только отбросами, чикиринес^[149] и другой дрянью, не подходящей для владыки». С другой стороны, Истайулю

они сказали: «Принц Котуха оскорбляет тебя; он говорит, что ты бесполезный человек, что ты питаешься навозом, хрящами и мухами, а его пища, наоборот, состоит из хорошей свежей рыбы, горной форели и других вещей, достойных принца!»

Эти речи так оскорбили Котуха и Истайуля, что они были уже готовы взяться за оружие. Но когда причины были раскрыты и обманщики выявлены, то они были преданы всеобщему позору. Затаив злобу из-за этого, ах-поп-камха организовал заговор, чтобы убить владыку Котуха в его купальне. Последний, когда его предупредили, расставил людей, и предатели были побиты камнями. Так огонь, начавший было распространяться, был затушен. Все это произошло в Исмачи, где (киче) значительно умножились. Владыка Котуха породил семнадцать сыновей, стволы и корни многих других домов и фамилий, которые названы Кика-Кависимах, Кикавиль-Винак, Текум, Истайуль-Винак, Тепепулька-Виамак. О потомках Балама-Кице было уже сказано (выше).

Глава VII

Последствия смерти Котуха ^[150].

Встреча многих народов

Два года (спустя) после смерти Котуха Кикаба-Кависимах^[151] начал большую войну с народами койахиль и улахаиль, которые убили его отца, состоявшего в союзе с Текум-Тепепулем. Тепепуль, когда (к нему) пришли тринадцать владык этого народа, убил их, раскроив или расколов их головы. Так было предсказано Котуха, и поэтому Кика-Кависимах должен был отомстить за его смерть. Очень хорошо было бы направить огонь на любого (врага), существующего на земле. Это событие дало повод для устройства большого праздника, чтобы решить, что должно быть сделано, потому что тринадцать народов вукамак и многие другие начали уже мстить. Для этой цели боги тама и илока были доставлены в то место, Исмачи-Киче. С богом тама прибыли кале-тем, ах-по-тем, кале-цакох, шакох-иколь и ах-тунала. Пришедшие с богом илока были калель-рошче, люди из Сиха. Владыка Татеаха прибыл также, а с ним люди Рабиналя, далматин и ах-поп-каль.

Враждебными народами были ах-поцоциль, ах-по-шахиль, ах-бакахоль, какакуч, ухубаха и чималаха. Прибыли (племена) ах-каб-баламиха, кабалькаль, камац; прибыли также налитиха, ах-кибаха, ах-кула-киче, ах-кабовиль, ах-по-цолола, ах-пова, ах-по-булаша, ах-по-рунум, ах-по-саккучак, балам-утиу, ах-покоче, ах-потулаха, ах-покон, ах-по-туктум, ах-по-хум, ах-пуле, укнай и лольмет-куминай.

Все это были народы, пришедшие из Цикинаха, люди озера, а также старые враги (киче) вук-амак, последние были те, кто покрывал себя большими кусками кожи, (с ними пришли) также тринадцать принцев с преспехос тех, кто убил Котуха. Они пришли в Исмачи, чтобы совершить свои обряды, выказывая те чувства, которые они питали к тем, кто был убит по приказанию Кикаба-Кависимаха.

Они начали свои обряды и песнопения, повертывались кругом и использовали все инструменты, которые доставил для этой цели туда один из ах-поп-цах. Когда эти церемонии были окончены, они выстрелили и ранили Кикаба-Кависимаха и всех тех, кто имел эмблемы и знаки отличия, таких, как ах-поп (который имел четыре эмблемы), ах-поп-камха (который имел три эмблемы), нима-рах-поп-ачих (который имел две) и чутирах-поп-ачих (который имел одну эмблему). Все это случилось в этом месте, Чи-Кумаркаах-Исмачи.

Девять великих ветвей произошло из дома принца Кокаиба, это были многие владыки, называемые кавикиб-кикабиль-винак. Девять других великих ветвей произошло из дома принца Нихайиб; четыре великих ветви из дома принца [Ахау] Киче Махукутаха. Две великие ветви от владыки Сакик-Котуха. Всего было двадцать четыре принца и владыки киче.

Званий у этих домов было четыре, а именно: ах-поп-кикабиль-винак, ах-поп-камха, нима-рах-поп-ачих, чутирах-поп-ачих, кика-биль-винак. Они были также из семьи Лахун-Хо, товарища Кикаб-Кависимаха, женой которого была Рокчах, все эти ветви произошли от нее.

Когда они уже намеревались и решили оставить местность Исмачи, старые вожди и предводители выбрали и отдали публичные должности другим владыкам, чтобы они могли иметь трон в различных местах, которые они занимали, и были бы вторыми вождями. Итак, они избрали девять (человек), которым они дали звание ах-цалама, девять других со званием рах-поп-ах-цалама и девять со званием уцам-чинамиталь. Они дали эти должности, когда собрались в одном доме полным советом; они избрали этих великих владык, которые должны были стать вождями земель, которые они намеревались занять.

Глава VIII [\[152\]](#)

Экспедиция вновь выбранных вождей, назначенных акалелем и ах—попом. А их было тринадцать из Кулаха, двенадцать из Цихбачах и восемь из тех, кто назывался цалам-коштум

Когда вновь вожди во главе бесконечного количества людей уже были готовы отправиться (в путь), старые вожди обратились к ним со следующим увещеванием: «Наши сердца взволнованы, видя, что вы отправляетесь, но вы не должны обращать на это внимания. Мы передали вам нашу доблесть, вы — наша надежда. Отправляйтесь, ищите и подчиняйте все враждебные народы, сражайтесь с (людьми) ах-посоциля, ах-поша-хила и ах-порамонера. Покажите доблесть и стойкость во всех опасностях, помните, что от вас зависит счастье такого большого количества людей. Идите же, внимательно осматривайте и захватывайте в собственность те горы и долины, которые понравятся вам!»

После того как это было сказано, они обнялись и попрощались друг с другом. Они взяли свое оружие и отправились. Это были люди, которые ничего не домогались, они не стремились ни к каким должностям или почестям, которые были возложены на них. Они были выбраны за их известное мужество и бескорыстность.

Оставив Киче-Чи-Исмачи, они пошли к местности, которую назвали Икийак, а оттуда — в Чинкаца. Здесь они поднялись (на гору) Хокоб-Канашек, где жили некоторое время. Из Канапека (они отправились) в Пацам-Каккик, оттуда — в Чайбальмет-Какикиль, который называется также Хойамканак. Они разделились, чтобы лучше обследовать горы и поля, и люди из Цихбачаха остались здесь, где они воздвигли здания. А (другие), перед тем как уйти, выбрали тринадцать калелей и тринадцать ах-попов племени калах. Оставшиеся там увеличились в численности, они избрали двенадцать калелей, двенадцать ах-попов и двенадцать укалечих-рах-поп-ачихов племени цихбачах.

В одной местности они закутали свои ноги, и поэтому они назвали ее Эсухулакан. И они разделили ее на три части: одну часть для кикабиль-винак, кикаб-нимакас и тепепуль-кикабиль-винак, другую — для каленихайиб, ах-цивинак-нихайиб, а третью — для владыки киче.

Восемь цалам-коштумов и сиха, а также люди йохоут балкин сабаче взяли направление прямо вперед, пока не дошли до Пашаш-Тумпека, а затем вскоре пришли к местности, которую назвали Субит. Здесь они построили дома, и чути-сабаче и нима-сабаче остались там, а йохоут двинулись дальше, вперед.

Они следовали за каксай, которых мы теперь называем ах-самайаке. Люди тама, люди илока и люди Ни-хайиб уже встретились, и число мужчин дошло, вместе с людьми сиха, до семи тысяч. Так как теперь собралось много (людей), то они избрали других калеля и ах-попа. Двенадцать цихбачах, оставшихся в Хойаме, также пришли, чтобы разведать, некоторые остались там.

Вождями этих семей цихбачах были: первый — ахау-ах-поп-кикабиль-винак-нимайа, второй — ахау-ах-поп-калель-нихайиб и третий — ахау-ах-цик-винак ахау-киче.

Из упомянутых выше местностей они отправились в Рашчи; оттуда — в Мучулик-бак, в Омуч-Кахолаб. Из Омуча — в Чопикнам, оттуда — в Кашон, оттуда — в Кенбанаб, у подножия горы, оттуда — в Навала, затем к горе Чутун-Абаль, оттуда они прибыли в Саваль шукукаб. Оттуда они направились в Панкиш или Шолта-канабах, в Кулькульпек и снова в Чичиль, в Чикичаких-Чо. Оттуда они направились прямо к горной вершине или пику Цихбачах-Цактинамит.

Первым и главным предводителем был именовавшийся ах-йиккаль-нимайак-йашом-балам-кавек-кикавинак. Вторым — калель-нихайиб-ах-цивинак, принц киче.

Они были первыми, оставившими Киче-Исмачи, чтобы исследовать и захватить во владение все упомянутые земли. Они достигли местности, называемой Микина-Цикиче-Па-Буааль-Сахок. Оттуда они отправились и исследовали местность Сакмала, они поднялись на Кушликель, а оттуда (двинулись) к местности Чуиацикин.

У Кикаба было пять сыновей: Шитапуль, первый, второй — Кам, третий — Искет, четвертый — Йаму, а пятый, именовавшийся Каниль-Шитапуль, отделился от других братьев, которые поселились и построили дома в Чувистока и в Чикуа. Они были там, когда пришел слух об Альварадо.

Когда Кикаб-Кависимах оставил Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, когда он оставил Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, тогда он отправился, сопровождаемый тремя из Кулаха и двенадцатью цихбачах. Это было (время), когда сила и могущество Кикаба-Кависимаха, предка и отца нашего, людей Кавек, достигло вершины. Тогда он обошел кругом все горы и долины и все земли и участок, где (находился) Киче-Исмачи, в котором он так долго пребывал. И, оставя его, он двинулся по направлению озера Лемоа^[153], на берегах которого (все племена) собрались и определили путь, который надлежит взять каждому.

Новые предводители взяли тот путь, о котором говорилось, а Кикаб-Кависимах, поднявшись с берегов этого озера, двинулся к месту, которое они называли Какиш-Канше. Взяв во владение эту местность, он отправился в Пабаль-Абах, оттуда в Чакашак, а из него в Чи-Капох, где он встретился с теми, кто избрал другой путь. Когда они осмотрели (эту местность), то изменили свой путь и отправились в Чи-Капох в Цамцола и Пекбалам-Абах. Поллиги было для людей апотохилия, а другая часть для людей Кикаба. Он пришел к вулкану Чоихуйуб, оттуда в Хукбайках, в Цанкана-Улеу, оттуда в

Чуа-Наранхос. Когда он прибыл в Мукуликрикат, то отправился с людьми, называвшимися йаки, в Сейба Инуп, оттуда в Маколабах-Табаламин, где Кикаб-Кависимах оставил людей из Кулаха и Чихбачах.

Он отправился в Кахакалькат-Нахуаль, около впадения или устья (реки) Самала, оттуда в Сиван, а затем, сопровождаемый всеми могучими воинами, прибыл к устью Реве, руке моря. Здесь было закончено измерение земель, которые должны были занять йаки. Они посадили там два дерева — одно, служившее пограничным знаком для йаки, и другое — для жителей Айутар и масатеков. Пограничными знаками земель тех, кто назывался какулебаль, были Канчивиес и Какалиш.

Девять месяцев оставался здесь Кикаб, наш истинный предок и отец наш, людей Кавека. Все это время, когда он вел народ, он показывал свое мужество и талант, совершая удивительные чудеса. Границами для тех, кто называется акааб, были Кошомшак, Вейатио, Кабалцам-Киче, Лаканабах, Пайаки и Акашокакут.

Здесь конец измерений.

Теперь, двадцать восьмого сентября 1554 года, мы подписываем это свидетельство, в котором мы написали то, что по традиции наши предки рассказали нам, (наши предки), которые пришли с другой стороны моря, из Сиван-Тулана на границе с Вавилонией.

Мы, перворожденные Кавека, подписываемся, мы, потомки Балама-Кице:

Хуан де Роса Кикаб.

Диэго Гарсия Читуй.

Хорхе Нихайиб.

Диэго Перес Ах-Кукумац.

Хоче Перес, владыка киче.

Кристобаль Фернандес Нихайиб.

Кристобаль Веласко, Ним-Чокох-Кавек.

Хуан Лукас Ах-Тохиль.

Педро Шикицаль Шепек. Кристобаль, писец муниципального совета.

Подписываемся мы, главные киче, Кавикиб, Нихайиб, владыка киче, Ах-Тохиль, Кукумац, Читуй и Кехавай^[154].

Я, Хосе Кордес Кикаб, подписываю это свидетельство Кикаба-Нимайаш.

Я, Хуан де Роса Кикаб, подписываю это свидетельство ах-попа.

В Тотоникапане.

Ф. Ратцель

ДЕТИ ТИХОГО ОКЕАНА

РЕЛИГИЯ И ЖРЕЦЫ АМЕРИКАНЦЕВ [\[155\]](#)

Повсюду в Америке туземцу свойственно было чувство сверхземного. Ему известно было, что невидимые, но могущественные силы действуют вокруг него, имея возможность приносить ему по своему желанию пользу или вред. В каждой груди там находился жертвенник «неизвестного божества».

Д. Г. Бринтон

Ни один народ Америки не лишен религии. Мы находим у них веру в одного или в несколько высших существ и во множество низших духов, сказания о творении и представления о загробном мире. Идея о Едином Боге смутно носится над поклонением небу или солнцу. Выражения нагуасов вроде «бесконечный», «всемогущий», «душа мира», «творец всего» выказывают, по крайней мере, предугадывания, ищущие выражения. Но масса не поднималась до такой высоты. Она сводила великих духов творения и мирового порядка к бессмысленным животным образам и низменному антропоморфизму. Здесь миссионерам пришлось испытывать величайшие трудности, отыскивая выражения для нашего понятия «Бог». Там, где можно найти достаточно отвлеченное понятие, оно покрывается лишь словом «душа», «дух», «тень» или просто «чудесный». Но все это обнимает лишь наше понятие «сверхъестественный». Алгонкины словом «Атагокан» обозначали, быть может, высшего, но бездеятельного, далекого от мира творца, которому не воздавалось никакого поклонения. Их выражение *Маниту* обозначает, во всяком случае, не «Великого духа», а нечто таинственное и непонятное. Маниту — бесчисленные души неизвестного происхождения, населяющие всю природу и относящиеся к человеку то враждебно, то доброжелательно. Также мало что выражает

собою слово «вакан», что на языке дакотов означает лишь нечто непонятное. Индейское понятие о божестве лишь тогда выступает из сферы чего-то смутного, когда оно имеет отношение к космогонии. Тогда оно сгущается в единственное представление личного творца мира. Высшее божество создало солнце, луну и звезды. Из всех богов к нему ближе всех солнце: свет, жизнь и дух не различались строго между собою. Целью первого творения было приобретение помощников. Созданные живые существа вышли из воды или из пещер. Верование, будто когда-нибудь люди света придут, чтобы заявить свои права на землю, созданную богом света перед возвращением его на небо, содействовало столь быстрому распространению власти белых завоевателей в XVI в. При этом так же, как в Африке и Австралии, их почитали и боялись, как духов умерших.

Почти все американцы поклонялись солнцу, за исключением эскимосов и северных атабасков. Культ солнца здесь, как и повсюду, оканчивается, по-видимому, на границе земледелия. Около света, солнца, солнечной птицы и т. п. вращаются все великие идеи американской мифологии и с особенною любовью направляются к востоку. В Перу гелиолатрия из политических видов получила единственную в своем роде организацию. Мы должны согласиться с мнением Бринтона, что солнце то считалось одним из божеств, то их символом или формой, то самим высшим божеством. Но при этом следует заметить, что во многих языках небо и солнце обозначаются одним и тем же словом. И в других местах поклонение воздается больше свету, чем образу солнца. Солнцу в хижине начальника приносились в жертву первые плоды земледелия, охоты и войны. Ему воссылались молитвы, когда оно всходило. Клятвы, произнесенные во имя его, считались самыми священными. Благословение его испрашивалось для дальнего пути, войны, охоты. В жертву ему предназначался первый дым трубки. У натчезов название начальника и жреца было «великое солнце», он никого не признавал выше себя, кроме солнца, и утверждал, что происходит от него. Даже у сиусов, отличавшихся от натчезов во многих отношениях, и у других племен к западу от Миссисипи были в обычае жертвы и воскурения в честь солнца. Солнце, луна и звезды пользовались почитанием у поэблосов, навахов, суньисов и родственных им племен; правда, не так, как боги (именно они смутно предугадывали невидимого высшего Бога), но как носители плодородия и всевозможных благ. «Сыздавна», «перед началом света» — говорили гвателматеки. В виде «основной догмы» алеутских верований указывается поклонение солнцу и луне. Брат и сестра воспылали взаимной любовью, были разлучены и с тех пор отыскивают друг друга. Солнце преследовалось братом и сделало лицо его черным, чтобы опять найти его днем: таково происхождение пятен на луне. Высокоразвитый

солнечный культ в Перу, который на своей родине по временам успешно боролся против преобладания бесчисленных деревенских и родовых идолов (гаука), светил даже и в тени первобытных лесов Гвайяны. В Дарьене солнце считалось творцом мира. У чибчасов одному лишь солнечному богу приносились человеческие жертвы.

Луна почиталась здесь как богиня воды и дождей, а поэтому как богиня плодородия полей, рождающих и новорожденных. Она также и богиня ночи, не приносящая ничего доброго. От нее исходят яды, болезни и дурные сны. Во всех представлениях, где злой дух противопоставляется доброму, основой чаще всего служит отношение луны к солнцу или, правильнее, ночи к дню. Здесь часто выражается и древняя связь богини плодородия с темным духом подземного мира. Отсюда исходит предостережение — во время созревания плодов не оглядываться в поле и не тревожить это опасное двойственное существо. В религиозных обрядах ацтеков жрецами богини луны были прокаженные. Пустыня направляет взор с надеждою или признательностью к облакам. Поэтому в пуэблосах и *casas grandes* мы находим почитание воды, так же, как в Мексике или в Перу, подобно тому как облака почитались в Иране.

Там, где влажность для произрастания полевых плодов нужнее, чем тепло, в особенности в Мексике, луна в качестве водяной богини пользовалась особым почитанием при празднествах сева и жатвы. Гумилья рассказывает об одном племени на Ориноко, которое при лунном затмении прилежнее, чем когда-либо, работало мотыгой, так как богиня луны прячет свой лик, гневаясь на людей за их леность.

Неохотно выпускает вода землю из своих недр. Ежедневно она проглатывает солнце и другие светила. В виде змеи она противится творческой силе огня и солнца. Она является в форме большой собаки, проглатывающей солнце во время затмений. На всем протяжении Америки, от эскимосов до туписов, во время солнечного затмения били собак, чтобы они своим визгом напугали большую собаку. Собак приносили в жертву бурному морю, а некоторые народы поклонялись их изображениям. В бури с грозой и громом слышали шум могучих крыльев, голос Великого духа, призывный крик приближающегося лета, обещание плодородия, бой барабана рогатого исполина Гаокаха. Огонь молнии считался священным. Перуанцы в громовых камнях, окрашенных красной краской, почитали детей громового бога, а дакоты — своих предков. Камни странной формы принимались за громовые стрелы. Конкреции необычной формы и цвета, особенно если их находили в воде, в «источнике жизни», индейцы считали священными. Бразильские туписы видели в молнии сверкание глаз, а в громе — звук голоса птицы, которая была некогда высшим божеством и

творцом и в образе человека принесла огонь и полевые плоды и теперь сводит с неба плодородие. Перуанский громовой бог Апокатекиль призвал людей к жизни, переверотив землю золотой лопатой. Его окружали три помощника — молния, след молнии и удар молнии, у него было оружие трех родов — молния, громовая стрела и громовой раскат. На облаках ездит Гено ирокезов, бог грома и плодородия.

Гарсиласо де ла Вега сохранил следующий гимн грому:

Прекрасная владычица,
Смотри, твой брат
Разбил чашу
Всю в осколки.
Его удары
Рождают молнии,
Глухие громы.
И ты, царица,
Создаешь воду,
Посылаешь дождь,
Снег и град.
Виракоча,
Основатель мира,
Оживитель мира,
К этому делу
Тебя предназначил.
Тебя создал.

В положении ветров, в процессах творения, происходящих из совпадения дыхания (души) и дуновения, выступает священное значение числа четырех стран света и вообще усиление астрономическо-метеорологического элемента. Виннебаги рассказывают о своем Великом духе, что он создал четырех мужчин и одну женщину, из которых первые создали четыре ветра, а последняя — землю. Повсюду они принадлежат к благодетельным творческим духам, иногда по возрасту они бывают даже старше солнца, луны и звезд. Так же как солнцу, четырем странам света приносится в жертву табак из «священной» трубки. Ветры почитаются наряду с луною, как вестники солнца, приносящие дождь, произрастание растений и прохладу. Далее мы встречаем четырех слуг мексиканского воздушного и солнечного бога, четырех держателей земли, переживших потоп, четыре угла мира, четырех братьев аравакской саги, произведших

потоп, и т. д. Отсюда развилось общее представление о священности числа четыре и его кратных. Отсюда произошел и крест на американских памятниках.

Помощником творца, который, подобно Прометею, принимает на себя заботу о человеческом роде, бывает то само солнце, то сын или внук месяца. Близнецы Иоскега и Тавискара, «светлый» и «темный», бабкой которых была луна и мать которых умерла, дав им жизнь, вступили между собою в единоборство, причем оружием одного из них были рога оленя, а другого — шиповник. Второй из них был тяжело ранен и, спасаясь бегством, ронял при каждом шаге струю крови, которая превращалась в кремни. А победитель вернулся к своей бабке, которая стала с тех пор темным злым божеством и построила себе хижину на восходе солнца, на краю моря. Он сделался со временем отцом людей и в особенности гуронов. Он сделал пустую землю пригодной для обитания, умертвив исполинскую лягушку, которая проглатывала всю воду. Он вывел воду на землю, создал дичь и полевые плоды и дал людям огонь. Поэтому Иоскеге приносились жертвы, и часто он просто назывался солнцем.

Принесение огня, по-видимому, олицетворялось более на западе и северо-западе, чем на востоке и юге, где солнце стояло на первом плане. Сперва род пауков соткал веревку, чтобы добежать до луны, но там он был задержан и должен был уступить первенство роду змей, который по этой веревке взобрался на луну и достал оттуда горящую головню. В качестве Прометея у шастиков признавался волк, добывший блестящий кремль на востоке, а мездосины держались безличного воззрения, будто бог послал огонь в виде молнии в дерево, откуда его можно вызвать посредством трения. Нам напоминает легенду о Мауи адский бог чилотов, добывающий огонь трением и окруженный целым штатом «хунчесов», которые не только прыгают сами на одной ноге, но и выламывают ноги красивым мальчикам, которых поймают.

Функции Прометея скрываются и в некоторых чертах сказаний о любимых героях, очевидно занимающих переходное положение между небом и землей. Менабушо, герой алгонкинов, окрашивает голову дятла в красный цвет из признательности за то, что эта птица посоветовала ему направить стрелу в шейный позвонок неуязвимого начальника Жемчужное Перо. Менабушо, с одной стороны, индеец, как и все другие, испытывает то нужду, то изобилие, имеет друзей и врагов, женится, охотится, ловит рыбу, а с другой стороны, он может оборачиваться в любое животное и владеть могучими волшебными средствами, с помощью которых ему удалось очистить землю от великанов и змей. Но когда алгонкин в светлые дни индейского лета говорит, что Менабушо закурил опять свою трубку, то этим

он обнаруживает его космический характер. Действительно, Менабушо выступает в качестве внука луны и сына западного ветра. Сумерки — его мать, умирающая вскоре после его рождения. Сам герой — утро, и его борьба с отцом есть часто прославлявшаяся битва между днем и ночью.

Вечный огонь до прибытия европейцев поддерживался у многих племен Америки в честь солнца. В Виргинии в нем жгли табак для услаждения духов. Табак и в других местах заменял благовонные курения. Суньисы и в настоящее время не съедят ничего, не бросив кусочка в огонь с просьбою съесть эту жертву. Угасание огня было дурным предзнаменованием. Угасший огонь можно было разжечь только огнем из другого храма. Его поддерживали обычно в хижине, заключавшей в себе кости умерших вождей. Особые стражи должны были питать его. Даже и там, где его не поддерживали постоянно, жертва в виде огня была наиболее употребительной. У многих племен на празднике первых плодов огонь везде гасили и зажигали новый посредством трения. У суньисов это делалось на каждом празднестве.

Помимо неизбежного искажения при устном предании свобода творчества нигде не проявляется так слабо и основных идей нигде не придерживаются так строго, как в истории творения. Сравнивая космогонии с более глубокой исторической точки зрения, мы видим в них мировой миф, наполненный духом всего человечества. Нет ни одной черты полинезийской мифологии, которая не проявлялась бы в Америке, и изменения, замечаемые здесь, сравнительно незначительны.

Прежде всего, положение высшего божества определяется его творческой деятельностью. Часто мы замечаем видимость монотеизма и там, где утрачено уже всякое воспоминание о высшем духе. Но это творческое божество нередко настолько приобретает человеческий характер, что оно сливается с родоначальником народа, который предполагает, что земля создана именно для него и поэтому в творце видит первого человека своего племени. Первый пимас был создан из нерва, который бог-творец выдернул из своей шеи.

Из трех элементов творения — земли, воды и огня — вода стоит выше всех. Земля только остров, небо и солнце существовали еще раньше, и солнце приносит с неба или с его разрешения огонь на остров — землю. Сказание о творении заячьих индейцев рассказывает: отец живет в зените, мать — в надире, сын снует по небу взад и вперед между ними. Во время одного из таких странствий он замечает землю. Вернувшись к отцу, он поет ему: «О, мой отец в вышине, зажги твой небесный огонь, потому что на этом маленьком острове (земле) мои братья давно уже несчастливы. Взгляни на них, отец мой, сжался над людьми».

Творец мира у северо-западных американцев — ворон Ельх, или Ешль, главная фигура мифов, полных глубокого значения. Его человеческий характер заметен и в птичьем образе. Божественный ворон родился тогда, когда земли еще не было, но другой бог, Кханук, был еще раньше. Огонь достал он с острова на море. Огонь произошел оттого, что искры падали на камень и дерево. С острова Кханука он принес пресную воду в своем клюве. По другим сказаниям, он в самых удивительных приключениях перехитрил завистливого бога, который хранил в ящике солнце, луну и звезды. Когда Ельх еще во время господства тьмы родился от сестры этого бога и этот последний, предупрежденный вещими птицами, бросил его в море, дельфин принес огорченной матери камень. Она проглотила его, и Ельх опять появился на свет и поднялся вверх в виде журавля, чтобы долететь до неба и навсегда остаться там (в виде солнца?). В третьей легенде ревнивый бог следит сам за своей дочерью. Но Ельх превращается в маленький травяной стебелек и, прильнув к сосуду для питья, проглатывается дочерью, чтобы возродиться опять. Благодаря ему из ящика с небесными телами звезды взлетают на небо, а луну и солнце ворон выносит сам. Или он выносит в виде ворона солнце и спрашивает, слыша под собою голоса, должен ли быть свет. Когда солнце неожиданно засияло на небе, недоверчивые люди превратились в зверей, разбежавшись в испуге в горы, в леса и в воды. В другом варианте ревнивый бог становится первым человеком, который также убивает детей своей сестры. Рядом с Ельхом мы видим его сестру, «женщину под землею», как называют ее тлинкиты, которая при большом потоке разлучается с братом и спускается в кратер вулкана Эджкомб, чтобы поддерживать подпорки, на которых покоится земля. По объяснению конягов, разлука произошла вследствие того, что сестра поела запретной травы, увидела свою наготу и убежала. Младший из детей ее, зачатых на небесной лестнице, остается в живых благодаря песенке, которую выучило дитя.

В виде противоположения и в то же время пополнения творческому божеству выступает темное начало, имеющее иногда дуалистическую форму — отца-мрака, рождающего сына-мрака. Чилуласы помещают в воздухе дьявола с рогами и крыльями, наделенного баснословной быстротою, могущего в один миг уничтожить человека. Это — бог бури, которому придан устрашающий характер, и подобие дьявола христианства, прежде вовсе не известного индейцам. И змея здесь первоначально не имела значения злого духа.

Название «человек» на индейских языках имело часто еще другое значение — земли или камня. Так, в легенде земля или глина является основным веществом человека, или он исходит из камня. Мексиканцы и

тескоканцы, алеуты и макасы на мысе Флеттери думают, что они произошли из кремней. Там, где творец человека выступает в виде зверя, в нем скрывается творческое божество, которое всего охотнее принимает образ волка или собаки. Ельх на северо-западе не сам создал людей, а ему помог в этом дух по его призыву. В другой мифе он советует спасшимся от потопа бросать камни позади себя; из них произошли люди. Регрессивное развитие мифа заставляет его самого родиться в виде сына первого человека, затем подняться над водой потопа и перенестись на спине бобра на берег, где он находит вместе свою мать и ее брата и создает народ колошей. Около основных идей происхождения человеческого рода из земли сосредоточиваются различные легенды. Но и эти, второстепенные, по-видимому, сказания имеют отношение к происхождению всего мира. Согласно легенде, манданы в первые времена жили под землей, куда свет проходил только через корни виноградной лозы. Некоторые из самых смелых влезли по ней, нашли в надземном мире в изобилии буйволов и плоды, нарвали виноградных гроздей и принесли их своим родственникам. Когда уже половина народа была наверху, лоза обломилась под тяжестью толстой женщины, и люди, оставшиеся внизу, оказались лишенными света и надежды когда-либо выбраться оттуда. Подобные сказания мы встречаем и у бразильских лесных племен. У навахов путь прокладывает людям енот и гусеница или жук.

Сказания о переселениях отчасти примыкают непосредственно к мифу о творении. Исполин Якке-Элтени чиппевеев, который волосами своей головы ворочает небесный свод, заграждает людям доступ в западную страну. Но когда он был умерщвлен, его труп очутился между восточным и западным миром и, окаменев, превратился в мост, по которому ходили олени. Если бы мы таким сказаниям захотели придать континентальный характер, то это не соответствовало бы их местному горизонту. Заячьи индейцы полагали, что на востоке, за морем, жил лысый народ, колдуны которого могли превращаться по ночам в собак или волков. Они носили деревянные шлемы, чешуйчатый панцирь, щит и копье. Сюда примыкает легенда тиннехов, согласно которой на далеком северо-западе жил народ, мужчины которого были наполовину люди, наполовину собаки, а женщины имели вполне человеческий образ. В основе этой легенды, вероятно, лежали предания о смешении двух племен с тотемическими нравами.

Предания о разделении племен часто связываются с сотворением солнца или появлением первого света на темной земле. За долгое время до прибытия белых на западо-юго-западе появилась звезда, и в ту сторону направились многие из народа тинне. Отсюда и произошло разделение. Монтаньи с небольшими и плохими стрелами распространились на юге,

лучше с некрасивыми женами поместились к северу, настоящие люди тинне поселились в Скалистых горах.

Сказание о потопе мы встречаем и в Америке, где оно содержит все элементы мировой легенды. Орлы предостерегают людей, так как им видны собирающиеся грозовые тучи. У других народов голуби открыли первую землю, а у третьих человеческая чета спаслась на горе, которая росла по мере того, как прибывала вода. Один индеец услышал предостережение птицы койот, построил большой корабль и сделался родоначальником папайосов. Папайосы и в наше время верят, что провидец, спасшийся на корабле, был их предком, и ежегодно посещают гору и маленькую деревеньку Санта Роза в Аризоне; ни один папайос никогда не убьет койота. Замечательно, что и у инков потоп связывается с почитанием тотемообразных племенных святынь (гуака), гор, камней и деревьев, смотря по тому, на чем спаслась чета прародителей этого рода. Иначе сложилось сказание об алгонкинском герое Менабушо. Потоп настигает его в наказание за умерщвление змеиного царя, когда он бежал на высокую гору; он поднимается на дерево, вода настигает его, и он три раза вскрикивает: «Расти!» И каждый раз дерево становится выше, пока наконец вода не достает ему до подбородка. Тогда заставляет он сперва камбалу, потом мускусную крысу приносить ему землю; обе вскоре всплывают на поверхность в виде трупов. Менабушо дуновением возвращает жизнь мускусной крысе, и она приносит ему в когтях землю, из которой герой заново создает земной мир с растениями и животными.

Идея, что вначале была лишь беспредельная вода, из которой чудесным образом поднялась земля, придает этим сказаниям высшее космогоническое значение, чем легендам, в которых потоп происходит уже после создания мира. Идея об участии птиц в происхождении земли имеет мировое распространение: это — ветры, дуновение которых действует творческим образом на воду. Рядом с буревестником мы видим крылатую змею молнии; грозовая туча получает здесь творческий характер. Рей де ла Куэва чилотов покидает свою пещеру, чтобы разъезжать на морской лошади по волнам или подниматься на свой призрачный корабль. Он может добыть огонь трением своего хвоста. По сказанию пимов, земля создана пауком, который, будучи сам первым созданным существом, породил ее в своей паутине. В эту легенду перенесена сеть творения, которою мир был извлечен из первобытного моря. Быть может, отсюда исходит связь почитания рыболовной сети (с которой у гуронов ежегодно ради улучшения рыбной ловли обрुчались две девушки) с историей творения.

Добывание огня

Когда предание становится устойчивее, а быть может, также благодаря стремлению жрецов к разнообразию, место одного потопа заступает представление о мировых эпохах. Майясы считали в прошлом три эпохи, из которой две закончились моровой язвой, а одна бурей. Мир, в котором они жили, находился в четвертом периоде. Ацтеки признавали в прошлом четыре крушения, причинами которых были огонь, вода, буря и голод. Кроме того, у них через каждые 52 года тушились все огни и добывался новый трением дерева. Если бы это не удалось, солнце не взошло бы более, а все разрушающая вода распространилась бы по всему миру. Этого боялись и перуанцы при каждом солнечном затмении. О конце мира существовали предсказания, согласно которым нынешние виннебани думают, что будут жить только три поколения их; в связи с пророчеством о пришествии Мессии это еще недавно повело к политическим беспокойствам. П. Лисана сохранил нам следующее пророчество майясов:

В конце времен, так предназначено,
Почитанию богов наступит конец,
И мир будет очищен огнем.
Счастлив будет тот, кто до этого доживет,
И, сокрушаясь о своих грехах, раньше оплачет их.

Второй потоп облегчает задачу антропологии, заставляя человеческий род погибнуть весь, за исключением одной пары или даже одного человека. Эти последние часто вновь создают мир; согласно верованию толовов, души умерших превращались прежде в медведей, оленей и других лесных животных и таким образом созданы были животные. Это представляет, без сомнения, своеобразную форму регресса творения. И Ману, первый человек

браманов, оставшись один в живых, создает собственной силой новые поколения.

От животных заимствуются маски, которыми прикрываются высшие божества неба, солнце и его сыновья, носители огня, луна и водяные боги, заботящиеся о земном творении. Им приписывается связь со сверхчеловеческим; отсюда развилось ясновидение в Перу и Мексике, предсказывавшее на основании движений и голосов животных. Многие странности в почитании животных объясняются тотемизмом, которым человеческие роды приводятся в близкое соотношение с животными и превращениями людей в животных, сказания о которых изменяются до бесконечности. Маска из северо-западной Америки, соединяющая черты человека и козули, относится к сказанию о происхождении этого животного из человека, намеревавшегося убить одного из божеств. Плоские камни из тамошнего аппарата шаманов изображают с одной стороны человека, а с другой рябчика, проглатывающего червяка. Птицы занимают при этом первое место. Поклонение медведю далеко проникает из Азии в Северную Америку и процветает всего более у эскимосов. До известной степени каждое охотничье животное считается священным. Многие «боги-животные» — не что иное, как фантастические олицетворения лесной дичи. Лишь по этой причине манданы могли почитать голову буйвола как высшее существо. Убив животное, там часто говорят длинные речи для оправдания себя и примирения с ним. Дакоты не любят, когда собаки гложут кости убитых животных, из боязни, что души их могут не вернуться и, таким образом, порода этих животных вымрет. Своеобразные представления о бессмертии и в Америке приводили к поклонению животным. Злые души ведут печальное существование в виде гремучих змей; души, не достигающие счастливых полей, переходят в животных и растения. Многие виды поклонения животным не так легко объяснить. Заячьи индейцы и луше почитают мускусного быка и полагают, что его помет делает неуязвимым; тиннехи Скалистых гор и индейцы «собачьи ребра» рассказывают то же самое о собаке. Волк создает вместе с луной землю и все живые существа или один вытаскивает их из бездны. Вера в змей по своему значению уступает только вере в птиц. Змею видали в реках, и поэтому она считалась водяным божеством; так как она меняла кожу, в ней видели символ возрождения. Здесь само собой обозначается сходство с молнией. Легенда о рогатых змеях рассказывалась у гурунов. К ней близко подходит перуанская легенда о змеином царе, стерегущем сокровища. Там, куда проникало христианство, змей преследуют. Приверженность св. Павлу, которая выражается в наименовании многих мест Сан Пабло, находится в связи с его качеством охранителя от змей. Мексиканцы верили в баснословное

животное Агуицотль, живущее в глубине воды; они почитали его и представляли себе в образе, напоминающем восточноазиатского дракона. В виде молнии змея сопровождает птицу — бурный ветер и, зарождаясь в оплодотворяющих ливнях, может делаться символом плодородия. Мексиканский государственный герб и до сих пор еще сохраняет это сочетание. Лягушка встречается в бесчисленных пластических изображениях, в особенности в толтекском круге. Черепаха то выступает носительницей мира, то ныряет во всепокрывающее море, чтобы достать со дна ил для создания новой земли, что также является мифом, распространенным по всему миру. По указанию Лонга, у омагов в начале этого столетия была большая морская раковина, которая в течение многих поколений переходила по наследству в их племени. Для нее была воздвигнута особая хижина, покрытая шкурами, нечто вроде храма, и она ни в коем случае не должна была касаться земли. Перед началом войны ее вопрошали, как оракула. Тогда отрезывали кусок повешенного над нею табаку и давали его курить знахарю. Тем временем кто-нибудь из присутствующих прикладывал ухо к раковине; если он слышал какие-либо звуки, предвещание считалось благоприятным.

Первопредки — мифологические персонажи индейцев Южной Америки

В богатой животными Южной Америке редко приходится слышать легенды о них. Гваянские индейцы верили, что у животных была душа. В новейшее время Эренрейх сообщил несколько типичных басен о животных у карайясов, но даже и они кажутся нам достаточно знакомыми. Девушка-лебедь наших сказок, волк-оборотень, состязание между оленем и черепахой давно известны бразильским индейцам.

Переходя к поклонению растениям, мы замечаем, что вера в мировое дерево существует и в Америке. Алгонкинский герой Менабушо во время

потопа спасся на дереве. Но он — бог света и грома, живущий на востоке, и поэтому тождествен со «старым небесным человеком», Танне карайбов, который, расставаясь с людьми, обещал возвращаться, чтобы переносить их души с верхушки священного дерева на небо. Сваи из священного дерева находили применение у североамериканцев в виде символов высших божеств. Части растений служили амулетами и волшебными средствами. Семена некоторых трав, брошенные в огонь, вызывали, по мнению чолонов, жесточайшие бури.

Камни своеобразной формы почитались под видом громовых стрел. В Мексике не было ни одной деревни, где не поклонялись бы такому идолу. Доисторические топоры, наконечники копий или ножи называли также громовыми стрелами и верили, что они произошли от молнии. Шнурок из бус, который надевали на шейку перуанских ваз, напоминает почитание горшков у малайцев. С мировым потопом связывалось почитание гор. На высоких скалах обитали злые и, редко, добрые духи. Речных духов, пока лодки проходили через опасные места, путали адским шумом. Лукавые духи со смертельным взглядом населяли леса. То страшными, то покровительственными казались эскимосам береговые духи. Пускаться далеко в море в виду духов, которые жили на поверхности и в глубине, считалось доказательством мужества. Там жили большие «кайряки», которые могли вызывать бурю. Кроме того, существовали «конгенсотекиты», морские люди, которые с удовольствием едят лисьи хвосты, и огненные «игнерсоиты» на берегу или утесах, которые задерживали рыболовов и делали их своими товарищами.

За немногими исключениями все индейцы верили в бессмертие души и в жизнь в надземном и подземном мире. Отличие души от тела выражают сравнением с дыханием и тенью. Душа была просто человек, сделавшийся невидимым, сохранивший еще много свойств живого человека, что достаточно доказывается погребальными обычаями. Идея, будто человек в другом мире продолжает жить так, как он жил в момент смерти, оказывала гораздо более влияния на военные и погребальные обычаи, чем мысль о награде и наказании. Человеку приписывались две души — одна духовная, которая уже при жизни может случайно покинуть тело, и одна — остающаяся при теле, вызывающая жизнь, пребывающая в нем и после смерти и освобождающаяся от него только тогда, когда она призывается в другое тело. Души умерших блуждают вокруг в виде духов; к этому сводится главным образом усиливающаяся вера в привидения. Все индейцы верят в многочисленных духов, замышляющих только злое. Отчасти они могли быть первоначально душами умерших, но часто еще теснее связь их с мифологией.

Душа блуждает в сновидениях. Но ни она, ни душа, выходящая из человека во время обморока и вновь вдуваемая шаманом, не представляет тождества с жизнотворным началом. Шаманы подвергают души испытаниям и хранят их в жестянках. Божество является им во сне, что кажется всем завидным даром. Сны составляют самую важную часть индейского прорицания; они оказывают большое влияние, заключая в себе советы и предостережения. Толкование их было главной задачей жрецов. В Мексике, кроме того, были в ходу гороскопы, а в Перу — предсказания, выводимые из всевозможных явлений. И здесь в каждой отрасли были особые жрецы и ясновидящие.

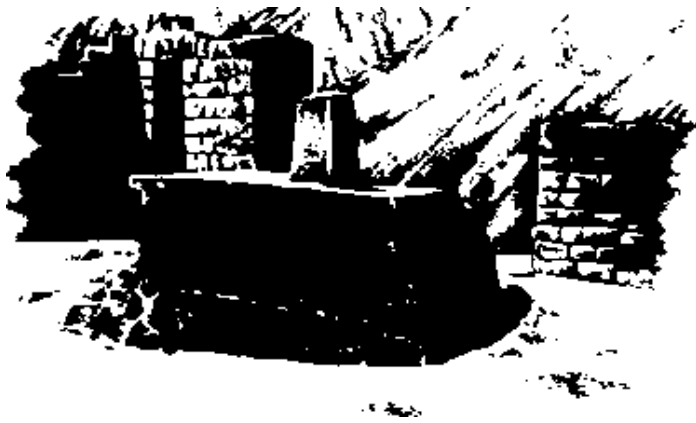
Счастливая страна загробного мира, представления о которой, несомненно, получили полную ясность лишь под влиянием христианства, не имеет ни ночи, ни облаков, ни зимы, ни бурь; она обладает самым роскошным растительным покровом, так как там произрастает каждое семечко, которое не возшло на земле. Она часто, как и в Полинезии, обладает многими чертами земного мира. Так, команчи представляют себе загробный мир в виде прерии со множеством буйволов, а нишинамы называют рай танцевальным домом богов. В некоторых местах предполагалось, что умерший попадает в жалкий безотрадный мир; но благоприятное представление, по-видимому, брало верх. Для одних рай находился на юге, для других на западе. Для эскимосов он был в теплой земле, а ад — на холодном небе. Так же как и в Полинезии, в Северо-Западной Америке души благородных, следуя за солнцем, спускаются вниз, чтобы найти себе приют на счастливых островах в прекрасном длинном доме. Тлинкиты думают, что в детях возвращаются умершие родственники, и мать нарекает ребенку первое имя по имени одного из предков. Петито никак не мог разубедить молодую девушку тинне, что она никогда не жила уже под другим именем.

В представление о загробном мире входит и представление о награде и наказании. Пайягуасы верят, что злых после смерти сжигают в котлах, а добрые охотятся на берегах прекрасной реки, полной рыбы. Рукуйены признают три степени: добрые уходят на небо, злые должны блуждать в облаках, а души колдунов остаются при их телах в могилах, где другие души, даже животных, могут получать от них советы. На холодном севере, где солнце со своим теплом и блеском резче выделялось на небе, оно брало с собой души храбрых, еще далее то же самое делало северное сияние. Но и в Мексике солнце было счастливым местопребыванием храбрых воинов и женщин, умерших родами. Представление о чистилище у индейцев-христиан в Чилоэ не совсем еще вытеснило верование, что в воздухе носится множество душ. И эскимосы зимою, когда солнце опустилось за

горизонт, видят души, наполняющие воздух. Наказание злых после смерти индейцам неизвестно. Все возмещается здесь: и добрые, и злые пользуются вечным блаженством в той градации, как и на земле. Вопрос решается тем, умерли ли они как воины или в ленивом покое, естественной или насильственной смертью.

Из общей страны душ выделяется подземный мир, глубоко сплетающийся с мифологией индейцев. Согласно некоторым легендам, души проводят в нем четыре дня. Кабинопеки и ашочимии заставляют души летать вокруг большого очистительного огня, прежде чем они могут войти в загробный мир. У чоктасов злые души попадают в реку, полную разложившейся рыбы и мертвых жаб, где они никогда не видят солнца и испытывают всевозможные бедствия. Через этот Стикс души вообще должны переправляться в каменном челноке, по опасной лестнице, по окоченевшей змее или по скользким перекладинам; злые не могут перенести этого пути и погибают.

Во всей Северной Америке форма религии не столько политеистическая, как в Южной Азии, древней Европе и Мексике, сколько пандемоническая. Вследствие того сравнительно так редки изображения богов, которые чаще всего встречаются на северо-западе. На берегу залива Нутка Кук во многих домах видели одно или два толстых бревна, метра в полтора высоты, с резной передней стороной, имевшей некоторое сходство с человеческим лицом. По бокам были вырезаны руки с кистями, и все это было раскрашено. Занавесь из циновки, закрывающая эту фигуру, показывала, что она была предметом особого почитания. Гайдахи воздвигали художественно вырезанные столбы в память умерших. В восточной части Северной Америки подобные резные изображения были вообще реже. По рассказам, человеческие идолы были в храмах Виргинии, а также и раскрашенные подпорки с резными человеческими лицами. Майясы держали в домах деревянные изображения предков. В пещерах на Санта-Лусии были найдены каменные изваяния и куски глиняной утвари. Грубо вырезанные человеческие головы и целые фигуры или физиономии баснословных страшилищ на стенах указывают связь с древним культом.

Интиутана — «место, где привязано Солнце», пункт наблюдения за Солнцем у инков (находится в Мачу-Пикчу)

От южной оконечности Флориды до Арканзаса и до Виргинии существовали солнечные храмы — хижины больших размеров с толстыми глиняными стенами, увенчанные куполообразной крышей, с которой одна или несколько фигур орлов глядели на солнце. Кругом виднелись на стене головы врагов или же стояли раскрашенные столбы с резными человеческими лицами. Жертвы приносились в сторону востока и запада, и в тех же направлениях двигались процессии. Из многих остатков этих построек можно заключить об ориентировании по точкам солнцестояния. Внутри здания горел священный огонь. Вероятно, некогда с этими храмами соединены были помещения совета и «паровые бани», они остались после того, как культ огня уже исчез. Женщины в прежние времена, по-видимому, исключены были из храмов, но они имели доступ в хижины совета. Об индейцах-язычниках Южной Америки чаще всего приходилось слышать: «У них нет ни церквей, ни обрядов». Но уже Петрус Мартир видел у них деревянные изображения, что подтверждается и другими наблюдателями. О значении жертвы из маиса и маисовой муки мы уже говорили выше. Жертвы из бус, плодов и животных также бросались в текущую воду, вешались на деревьях и коньках крыш или втыкались на высокие шесты. Канадцы вешали собак живыми за задние ноги на сучок дерева. В связи с запретами некоторых кушаний, исходящими от системы тотемов, находится большое число суеверных обычаев, связанных с едою. Нутки украшали убитого медведя и ставили перед ним кушанья с просьбою отведать их. Лишь после того они разнимали его на части. Пиршество до истощения силы считалось у ирокезов и их соседей крайним средством для спасения жизни больного, заказывавшего празднество.

Человеческие жертвы и даже людоедство, несомненно, существовали в Америке, но нигде они не были обыденным делом. В них повсюду под

религиозным покровом скрываются жажда мести и преувеличенная воинственная ярость. Гойдахи рассказывают, что начальник-знахарь, возвращаясь из лесу, у первого попавшегося отрывает зубами кусок мяса из руки. Нутки через каждые три года должны приносить человеческие жертвы. И жертвы при постройке встречаются в Америке: у тлинкитов раб зарывался живым под угольными сваями нового дома. В Кадыяке, как рассказывают, рабов сжигали по случаю смерти начальника. Индейцы на Путумайо еще немного лет тому назад съели молодого колумбийца, причем в оправдание себе объясняли, что они едят человеческое мясо не потому, что оно кажется им вкусным, но для совершения акта мести по отношению к враждебным племенам. Действительно, никто не слыхивал, чтобы они когда-нибудь съели белого или негра. Эскимосы из страха съедают сердце знахаря или кого-либо, убитого ими из кровавой мести, они думают, что этим способом утоляется месть его близких.

Колдовство привержено всего более к легко отделяющимся частям человеческого тела. Волосами и слюной человека пользуются для того, чтобы вредить ему, одинаково и в Араукании, и на Мильбенкском заливе. В Южной Аляске можно найти волшебные камни с маленькими углублениями, в которые кладут остатки кушаньев, оставшиеся между зубами, чтобы они не попали в руку колдуну.

Говорить подробно о жречестве этих народов значило бы повторять с небольшими изменениями то, что мы описали у полинезийцев. Повсюду мы видим отражение типа шаманов. На северо-западе снаряды его отличаются обилием, пестротой и разнообразием трещоток и масок. Резная скамейка служит ему опорой для головы во время экстаза. В Калифорнии шаман имеет вид потрепанного фигляра. В Северо-Западной Америке колдун прежде всего должен иметь власть над животными. Высшую ценность имеет язык выдры. Колдун, которому удалось вырвать его у выдры, считается самым могущественным, так как сюда присоединяется действие вытекающей при этом крови. Головы животных, изображаемые на изваяниях и масках, олицетворяют силу колдунов. Колдовство посредством изображений встречается довольно часто. У восточных тумасов к северу от Хилы для отвращения моровой язвы делался рисунок на песке из пыли различного цвета и растертых листьев. Мы знаем, что у нэ-персе на Орегоне, у чоктасов и большинства южноамериканцев шаманство переходило по наследству в одной и той же семье. Когда у черокисов жрец тотема бесстыдно злоупотребил своим положением, он был смещен и на его место выбран новый жрец, в роду которого осталось это достоинство. Душа жреца блуждает и после каждого возвращения из области другого мира поднимается на одну ступень. У дакотов существовала изящная легенда,

согласно которой душа жреца наподобие крылатого семени уносилась ветрами на небо и там знакомилась с богами, искусством и наукой. Она становится все могущественнее в четырех воплощениях, затем она опять обращается в ничто.

У мексиканцев и перуанцев существовали иерархии жрецов с твердо установленной выработкой и с строгим разделением.

Они учили смешиванию красок, живописи, рисованию иероглифов, музыке, астрологии и счислению времени. Многим из них не позволялось вступать в брак.

Их легко было узнавать по одежде, так, у криков светлые одежды и сановитые манеры служили обозначением священного сословия. Богослужение происходило на неизвестном народу языке. Особенность его заключалась в ударении, выговоре и выборе слов и оборотов. Южноамериканские пиаи, пиахи и пр. — прежде всего лекари, знахари, высасывающие болезнь с пением и конвульсиями, заговаривающие ее или излечивающие настоем трав. У пимов жрецы стреляли раскрашенными стрелами из раскрашенных луков в воздух, чтобы убить болезнь. Далее, колдуны могут видеть воров в кристаллах или осколках стекла. Но у них можно найти и более разумные меры против болезней — холодные купанья и паровые бани, нажимание и растирание больного места, взрезывание кожи острыми камнями. Гваяковое дерево, ипеакауана и слабительные, которыми пользуются особенно охотно при посвящении юношей, приобрели известность благодаря индейским знахарям, которые часто и у европейцев пользуются славой удачного лечения болезней. В установленных религиозных празднествах центром опять является знахарь, окруженный целым хором поющих, пляшущих и часто доводящих себя до конвульсивного состояния мужчин и женщин. Его часто сопровождает молодой человек, который должен повторять каждое из трудно отгадываемых слов. Законченные представители такого жречества искусны и в животном магнетизме, чревовещании и фокусничестве. Без сомнения, они встречают в публике не столько веру, сколько известное настроение. Эпидемическая Виттова пляска и истерика опустошали целые деревни.

Самый ценный дар древнейшего Перу медицине всего мира — хинное дерево

В погребальных обычаях по всей Америке до Огненной Земли замечается известное однообразие — завывание по умершему, вырывание волос, поранение острыми раковинами и камнями, раскрашивание лица по строго установленному способу, погребение в скорченном виде с обвязыванием веревками и разрушением хижины умершего.

Различия в способах погребения ограничиваются немногими типами. В Мексике у чичимеков, отомисов и майясов было в употреблении сжигание трупов, между тем как мицтеки, сапотечи и михесы зарывали их в землю. В Гвайяне рукуйены жгли своих мертвецов, а ойямпии погребали их, согнув ноги, руки и голову, в глубокой яме длиною не более метра. Рядом с хижинами гуарауносов можно видеть тюки, завернутые в пальмовые листья, заключающие в себе труп, на подпорках из крепких, крестообразно воткнутых в землю сучьев. Даже на одном и том же кладбище встречаются различия в положении и погребении трупов. Близ Медисон-вилля было выкопано более 400 скелетов, погребенных в самых различных положениях, отчасти в ямах, засыпанных золой с неизвестной целью, у многих недоставало черепа или челюсти. В Нью-Фаундленде труп, завернутый в кору, оставлялся на помосте или зарывался в глубокую могилу. На этом острове, правда, кроме туземных жителей проживали иногда микмаки, а может быть, и эскимосы, поэтому смешение погребальных обычаев могло произойти и в других местах.

Скорченное положение и обертывание трупов в кожи, циновки или кору более распространено, чем их сжигание. Уже Добрицгофер обратил

внимание на сходство в данном случае с положением ребенка в утробе матери. Этот способ погребения приписывается и Западной Гренландии; в самой чистой форме мы находим его в перуанских могилах. Там не стеснялись переламыванием костей, чтобы уложить труп в возможно компактном виде. Часто это связывалось с погребением большого количества трупов в фамильных могилах. Погребение сложенных таким образом трупов в урнах встречается на всем протяжении от гуаранисов до Северной Америки. У тукуманов детские трупы погребаются в открытых корзинах. Обвязанные веревками мумии находили в пещерах Бразилии близ Санта-Анны и у алеутов. Гвайянские рукуйены, сжигающие своих мертвецов, погребали таким образом только знахарей. Для погребения часто пользовались пещерами, имеющими свойство высушивать трупы и предохранять их от разложения. Перуанские мумии с руками, скрещенными наперед, коленями, подогнутыми к подбородку, и выпрямленной головой вкладывались в мешок с морской травой, оболочка которого состояла из цветной хлопчатобумажной ткани, нередко из одежды, даже с рукавами. Благодаря вырезанным местам, заполненным другой тканью, происходит мозаика тканей, которая едва ли бывала в одежде живых. Голова крестообразно обернута пестрым платком, и даже шея нередко прикрыта полосой материи в виде галстука. У винтунов старухи по целым месяцам носят веревку вокруг тела. Как только они испустят последний вздох, труп обвязывается травяными жгутами, шкурами косули и циновками, уподобляясь товарному тюку.

Перуанцы покрывали лица своих мертвецов деревянными масками с глазами из раковин, с черными восковыми шариками в виде зрачков и носом, вырезанным из дерева. Нашитые бумажные нити обозначали рот, внутренняя полость составлялась из тыквы и тростниковых палочек. Близ Арики найдены были многочисленные черепа, в которые были вставлены глаза каракатицы. Волосы на них заменялись окрашенными в черный цвет волокнами агавы или париком, который у богато обряженных трупов был тщательно приготовлен из пряжи, переплетенной с человеческими волосами, образовавшими на середине макушку и заплетенными в косички. Голова, кроме того, часто украшалась перьями попугаев, цветными повязками и т. п. Папчесы в северо-восточной части Южной Америки и индейцы Чако сшивали высохшие губы бумажными нитями как будто для того, чтобы они оставались замкнутыми навсегда. Алеуты еще несколько сот лет тому назад погребали в пещерах плотно закутанные мумии, снабжая их множеством вещей. Прикрытие лица трупа маской было в употреблении и у них. На острове Нунивак трупы покрывались камнями и кругом раскладывались деревянные маски и предметы обыденного употребления. В

перуанских гуаках и в могилах майясов находили маски из спиленных лицевых частей черепа, на которых отчасти сохранилась кожа и был прикреплен деревянный нос, и все это сверху покрыто было известью. Знатным лицам в Верапасе тотчас же после смерти в рот вкладывали камень, в который должна была перейти душа.

Временное погребение связано с воззрением, будто душа некоторое время, прежде чем она уйдет в другой мир, находится вблизи трупа. Гуарауносы напоминают нам малайцев, когда тотчас же после смерти выдалбливают деревянный ствол, чтобы сделать из него гроб. Затем туда кладется труп, завернутый в гамак, отверстие заделывается досками, все щели замазываются глиной женщинами, и гроб ставится на сваях вблизи хижины. У галибисов под трупом ставится большой сосуд, куда стекает жидкость, образующаяся при разложении. У некоторых племен через год после смерти гроб открывают опять и останки вновь оплакиваются, причем песни и возлияние чичи продолжается всю ночь и весь следующий день. Переламывание костей и обвязывание их в пучок первоначально, вероятно, имело целью придать трупу такую форму, чтобы его легко было носить с собою во время передвижения. Чоктасы и другие индейцы, а также и береговые чукчи, или намоллосы, оставляли своих мертвецов на несколько месяцев или на целый год в земле или на подмостках на открытом воздухе, а затем погребали их кости в гробах или в изящно сплетенных циновках. Обычай погребать кости таких мертвецов в общей могиле встречался по преимуществу у гуронов.

Могилы бывают то просторные ямы, то неглубокие отверстия. Нередко, как и в Африке, встречается здесь глубокая могила с боковой нишей. С первого взгляда можно узнать, какому народу принадлежали мумии, находимые в гуаках: аймар сидит в круглом углублении, гуанка лежит на спине в яме глубиной до полутора метров, кечуас помещается в эллипсоидальной могиле не более метра глубиной. Могилы в Эквадоре и Средней Америке держатся, в сущности, того же плана, будучи иногда сходны с ним даже в частностях. В Дарьене могилы, напротив, походят на засыпанные колодцы, отверстие в которых обозначается кругом из камней. Глубина изменяется от 2 до 10, а объем — от 5 до 7 метров. На дне этих гуаков по четырем направлениям ветра выкопаны маленькие ниши, куда складываются кости и положенные с ними вещи. Могилы, если они не выбиты в скале, покрываются глиной, как у калифорнийцев, отсюда могло развиваться погребение в урнах. В этих семейных могилах кости отделялись друг от друга каменными плитами, глиняными перегородками или китовыми костями. Бразильские племена покрывали свои могилы кусками

коры и обсыпали труп благовонными ягодами и крыльями блестящих насекомых.

Многие народы не признают видимых надгробных памятников. Калифорнийцы и чуруйесы даже заравнивают свои могилы, хотя и выкопанные весьма искусно. Их можно узнать только по слегка опустившейся земле. Тинне воздвигают, напротив, длинные шести с пестрыми полосами ткани, которые должны радовать душу умершего, когда она возвращается к телу. Это напоминает могильные плиты древних перуанцев, состоящие из прямоугольного слоя тростника, перевитого бумажной материей и воткнутого на длинной палке. На материи находится схема человеческой фигуры в известном стиле, раскрашенная голубым или красным цветом. Вульвасы отмечают свои могилы большим навесом, сплетенным из соломы, место погребения тщательно очищается от кустов. Урны гуаранисов, огороженные терновником плоские могилы абипонов, каменные насыпи тегуельчей представляют первобытные могильные памятники. Они ведут к дольменообразным каменным постройкам и окруженным стенами могилам древних перуанцев.

Почти со всеми мертвецами, богатыми и бедными, клали известное число предметов — пищу и оружие с мужчиной и утварь с женщиной. У более богатых народов, например у перуанцев, там находили себе место более дорогие безделки, рабочие корзинки, предметы украшения, ремесленные орудия и пр. в оболочке из листьев и хлопка. На Панамском перешейке там находят платья, сосуды, наиболее законченные по форме и исполнению, какие только были доступны американцам, и, кроме того, различных зверей, змей и лягушек из золота. Калифорнцы принадлежали к самым бедным племенам, но и они клали вместе с трупом все оружие и утварь, какие употреблялись при жизни. Южноамериканские народы, которые воздвигали своим покойникам большие могильные памятники, чувствуют их, кроме того, выше своих средств, что нередко совершенно разоряет оставшихся после умершего. На могиле тегуэльча умерщвляются все его лошади, собаки и другие животные. Его пончо, украшение, болласы и орудия складываются в кучу и сжигаются. Все это связывается с их представлениями о загробном мире, напоминающими представления североамериканских охотничьих племен. По их верованию, путь на небо весьма длинен и души устают, если не едут верхом, и должны умереть с голоду, если у них нет пищи.

Для места погребения особенно охотно избираются известные местности, преимущественно у края воды. Следует заметить, что лицо мертвецов должно быть обращено к такому месту, откуда открывается свободный горизонт. Большие скопления раковин также казались удобными

как места погребения. Их положение у моря, рыхлость и естественная форма кургана делали их втрое пригодными для этой цели. Абипоны предпочитали лес. Гуаки чирикисов лежали, по большей части, у подошвы небольших холмов, там чаще всего можно было видеть глыбы с надписями и рисунками. И североамериканские строители курганов погребали охотно на возвышенностях или поблизости от них. Пепел и остатки костей завертывались в кусок ткани и ставились в ближайшем погребальном домике. Гайдахи зарывают эти остатки или вешают их, обернутыми в кору, на дерево. К ним нередко прибавляются вещи, принадлежащие умершему, обыкновенно предварительно разломанные. Шаман хоронится у нутков на открытом воздухе, в домике наподобие голубятни, опирающемся на четыре подпорки, так же, как у гайдахов. Рабов, которых прежде сжигали вместе с трупом, теперь просто бросают в море. В устье бухты Якуины трупы клались в выдолбленные колоды и пускались по воде. Постепенно у морского берега собиралось множество таких челноков с их страшным грузом. Когда с этой стороны дул резкий ветер на сушу, оставшиеся слышали жалобные голоса мертвецов. У нутков челноки употребляются в качестве гробов.

У абипонов женщины обряжали труп и выкапывали могилу, у других это доверялось особому лицу, которое могло видеть труп и касаться его, не оскверняясь. Во многих случаях труп относят к могиле в виде тюка на шесте.

У вувласов могильщик сверток с костями вместе с сосудами и украшениями переносит, никем не сопровождаемый, на семейную могилу.

Стела 10, найденная в небольшом селении Шультун

Племена Ориноко от дома умершего до места погребения протягивают бумажный шнурок, через пропасти и ямы, через воды и болота, по возможности в прямом направлении; быть может, это делается для того, чтобы показать духу дорогу. Верование, будто душа охотно остается близ прежнего жилища и оставляет его лишь через несколько дней, можно считать общераспространенным.

Гидатсы сжигают поэтому на угольях пару мокасинов: запах горячей кожи прогоняет духов. Нижнекалифорнцы надевают на своих покойников мокасины, возможно, как остаток сожжения трупа, сгоревшие мокасины могут пригодиться, по их мнению, умершему.

Празднества в честь умерших, в особенности на северо-западе, носят на себе ясные следы веры в возвращение душ. Как только тлинкит умрет, его родственники поднимают громкий жалобный вой, а у чинуков до тех пор говорят шепотом, пока труп находится в доме. В течение четырех ночей продолжаются песни и пляски, угощение и одаривание гостей; на пятый день позади дома на костре из крупных кусков дерева сжигается труп в согнутом положении при жалобных песнях. В знак печали вдове или вдовам и детям обрезают длинные волосы, делают разрезы на теле, лицо вымазывается черной краской и одежда разрывается. Жалобные вопли

женщин наполняют место траура обыкновенно в течение нескольких дней. После того у многих племен неуничтоженное имущество умершего раздается детям и родственникам. У сиусов это происходит в форме игры: один из родственников представляет духа, играющего с остальными участниками. В настоящее время для игры часто употребляются карты, но собственно для нее должны служить искусственно раскрашенные косточки диких слив, которых мужчины получают по 8, а женщины только по 7. Смотря по сочетаниям выбрасываемых косточек, согласно установленным правилам игры, участвующие выигрывают или проигрывают. С *туле* — праздником в честь умерших — у рукуйенов также связывается распределение желаемых вещей.

Имена умерших и в Америке нигде не произносятся добровольно. Смерть кажется страшной, но о ней ничего не хотят слышать. Добрицгоффер думает, что индейцев иногда клали в могилу живыми, так как близкие не могли дожидаться, пока их вынесут из дому. Случаи насильственного ускорения смерти, по-видимому, не представляют ничего необычного и среди крещеных южноамериканцев. Все, что принадлежало умершему, после смерти его раздается, уничтожается огнем, и даже хижина его сносится, несмотря на опасность, что оставшиеся после него могут впасть в нужду.

* * *

Подобно тому как в настоящее время для индейцев Мексики день деревенского святого представляется самым важным в году, блеску которого каждый с гордостью готов содействовать деньгами и личной услугой, то же могло быть и в доевропейское время, с тою разницей, что святого заменял прославленный легендой герой, приведший в порядок и обогативший человеческую жизнь. Легенды о культурном герое в различных местах настолько сходны между собою, что им приходилось странствовать не менее, чем лицам, о которых они рассказывали. Основною их чертой является возможно темное окрашивание времени, предшествовавшего этому важному событию. Люди были рыболовами и охотниками, их страна была только что оставлена первобытным морем, и они часто не имели другой пищи, кроме червей и улиток, и даже ели собственных детей. Хижин и одежды они не знали. Тогда, согласно сказанию майясов, внезапно появился с запада отряд чужеземцев, во главе которых стоял Самна, которому преимущественно приписывается изобретение графических искусств, но который вообще был основателем цивилизации, господствовавшей на

полуострове. Предания Мексики рассказывают, что страна эта была населена исполинами, которые были побеждены толтеками. Герой-предводитель Кетцалькоатль был волшебником и жрецом и сделался основателем нового культа. Эти пришельцы явились с юга и с северо-запада. Сказание кичесов сходно с толтекским, и вообще оба народа были тесно связаны между собою. Но у чибчасов Чимисапагуа, вестник бога, приходит с востока. Ему приписывались мудрые законы, в особенности искусство прядения и тканья. На одной из скал показывали след его ноги и объясняли, что он отвратил большой потоп, устроив водопад. Перуанцы заставляли своего благодетельного Виракочу выступить из озера Титикака, но он стоял слишком высоко, так как считался в то же время и творцом целого мира, и поэтому впоследствии под влиянием инков вся его целительная и благодетельная деятельность перенесена была на его предполагаемого прародителя Манко-Капака. В виде общей черты этих мифов носитель культуры называется светлым и бородатым, а во многих случаях поразительно рослым человеком. В связи с индейской легендой о сотворении человека находится то, что целые народы выводятся из пещер. Название места «Семь пещер» встречается часто, но отождествлять его с каким-либо местом — такое же праздное дело, как отыскивать лежащую на востоке первоначальную родину с того момента, когда культурный герой сливается с носителем огня или с самим солнцем. То, что в этих преданиях не составляет общего достояния американцев и, быть может, даже более обширного круга народов, часто носит на себе, соответственно ограниченности горизонта, чисто местный отпечаток. И даже в величественных представлениях обнаруживаются видоизменения, вероятно местного происхождения. Согласно древнеамериканскому преданию, в такой-то долине земля уничтожается сперва огнем и затем водою. В соседней долине это уничтожение передается в обратном виде, на плоскогорье ему предшествует ураган и т. д. Сказания о переселении племен в немногих случаях переходят за пределы известных естественных областей, и тогда они становятся так неясны, что место исхода редко поддается определению.

В ином виде нам являются, прежде всего, переселения толтеков. Народы, выступающие под этим именем в мексиканском предании как основатели культуры на плоскогорье Анагуак и затем позднее подпадающие власти ацтеков, которые к их цивилизованности присоединяют свою воинственную энергию, — эти народы не ограничиваются одной Мексикой. Во мраке первобытной истории среднеамериканских народов выступает факт, что культурный народ мексиканского происхождения распространен во всех частях Средней Америки и, если не является настоящим

основателем или, по крайней мере, решительным сподвижником образованности, как об этом часто рассказывается, то, по крайней мере, находится в известной связи с нею. Часто встречающиеся мексиканские названия местностей в пределах данных границ не оставляют в этом никакого сомнения. К этому надо прибавить еще ближайшее совпадение мексиканских и среднеамериканских традиций, появление мексиканских имен даже в племенной легенде кичесов и поразительное сходство обычаев.

О переселениях обыкновенно рассказывается так, как будто они произошли от одного толчка в общий период времени. Традиции и учреждения в Эквадоре и Перу связывают с «большим американским переселением народов». Никто, однако, не знает в Америке большого переселения народов, какое в этой стране, лишенной стад и пастухов, могло бы идти в сравнение с нашим периодом переселения народов. Совпадения, начиная с основных религиозных идей и исторических установлений до орнамента или черт лица на урне, не могут быть результатом однократного переселения. Мы должны иметь в виду постоянные следствия не только изменений места, но и распада и нового образования племен и государств. Уже были представлены доказательства подвижности индейцев. И. Кольман в своей работе о «коренных обитателях Америки» эту часть света несправедливо называет неблагоприятной для переселения народов, так как, по его мнению, ее вытянутая в длину форма и направление гор менее пригодны для этого, чем Европа. Мексиканцы и перуанцы переходили именно через самые массивные и высокие горы, границей власти инков служил тропический первобытный лес юго-восточной низины, а не вторая по величине горная цепь земли. Преобладающее множество сходных черт говорит за частые и тесные смешения, поддерживавшиеся переселениями в том и другом направлении. Особенности вроде отсутствия мексиканского образного письма у перуанцев, незнакомство с картофелем со стороны мексиканцев, ограничение своеобразной письменности областью майясов, недостаток сведений друг о друге, какой был у инков и ацтеков в XVI веке, не уменьшают значения сходств и подобий, корни которых заключаются в больших глубинах. Этими народами управляло стремление к обособлению, а не к общению друг с другом. Когда европейцы пришли в Мексику, горизонт ацтеков достигал только до озера Никарагуа, и последний инка имел известие о прибытии Нуньеса де Бальбоа на Тихий океан. Между обеими названными географическими точками находится легкопроходимая страна, протяжением лишь в несколько миль, и немного было нужно для пересечения этих исторических горизонтов. Если тогда это было так близко к осуществлению, то почему оно не осуществилось прежде, чем европейцы воспрепятствовали расширению и соприкосновению местных государств?

Попытка превратить определенные культурные расы в представителей этих движений разбивается об единство типа индейцев. Во всяком случае, не может не казаться удивительным, что в физических свойствах самого народа можно найти так мало следов культуры, процветавшей здесь, несомненно, в течение многих веков, хотя судьба ее и была довольно изменчива. Такое различие, как, например, между яванцами и даяками, должно было бы замечаться между представителями культуры и детьми первобытного леса. Между тем выдающиеся краниологи не видят никакого следа культурности на перуанских черепках.

Подобное тому наблюдается и в этнографической области. Оставив в стороне лингвистические особенности, Льюсен Карр сопоставил внутренние различия индейцев Миссисипи и Атлантического океана с теми, какие замечаются теперь между промышленным Род-Айлендом и земледельческой Индианой. Без сомнения, всегда существовали различия между отдельными народами, и для оценки культурных различий вдвойне важны отдельные культурные проявления, поднимающиеся, подобно деревьям, над однообразной травянистой равниной, с которой можно сравнить проявления жизни диких народов. Но в них прежде всего заключается великое поучение, что эта часть человечества задерживается не столько внутренними качествами, сколько внешними условиями, что изменчивостью отличаются не источники даровитости, а, скорее, производительность почвы, орошаемой ими. Культурное достояние эскимосов, живущих в самых неблагоприятных условиях, в отношении орудий, оружия, технической умелости, обычаев и мифов только в массе уступает культурному достоянию мексиканцев и перуанцев. Различие, на поверхности кажущееся необычно большим, сводится в конце концов к более крепкой связи культурного достояния в самом себе и с жизнью нации. Древние американские культуры — тоже не отдельные явления, возвышающиеся, как башни, над уровнем остального американского мира, но, скорее, вполне часть этого последнего, с которым они имеют общее ядро. Религиозные представления и основные идеи общественных учреждений одинаковы в Перу и Мексике или на Миссисипи и на Ла-Плате. То, что здесь возшло выше и с большим блеском, лежит или в зародыше, или в виде упавшего плода и у тех американских народов, которые не строили пирамиды и не основывали царства. Можно назвать весьма незрелым представление, которое выводит все, что имели толтеки, майясы и кечуасы излишнего пред другими, из Азии с помощью колоний жрецов. При такой постановке вопрос о происхождении американской культуры вообще никогда не может быть решен.

Преимущество, какое эти народы или царства имели перед другими американцами, в сущности, заключалось прежде всего в организации, если понимать это слово в обширном смысле. Населению всего Нового Света свойствен недостаток свободной индивидуальности, которая по ту сторону границ этих стран приносится в жертву племени, а по эту сторону — племени и государству, — недостаток, заключающийся в природных условиях. В нем следует искать главную причину того, что так называемые культурные народы Америки в своей организации не достигли ступени, находящейся на одном уровне с культурными народами Старого Света. Оставляя этот последний в стороне, любой американский народ в силу своей даровитости и элементов своего культурного достояния мог бы достичь высоты, на которой мы видим Перу и Мексику.

Для сравнения ценности культуры Америки и Старого Света мы должны начать с наружной стороны. Мы видим перед собой народы с интенсивным, трудолюбивым земледелием, живущие оседло в деревнях и больших городах, воздвигающие громадные каменные постройки, причем они пользуются наряду с каменными медными орудиями, обладающие началами письменности и во многих отраслях промышленности, в особенности в производстве горшков, обработке камня, тканье и красильном искусстве, производящие много выдающегося по количеству и качеству. Они основывают в формах аристократически-патриархального деспотизма завоеванные царства, которые умеют и поддерживать с помощью твердой военной организации. Но деспотизм не опирается здесь непосредственно на грубые народные массы: он имеет поддержку в крепко сплоченном социальном порядке, который тем более способствовал достижению великих целей, что приносил семью в жертву племени. Равносильным племенной организации и отчасти сливающимся с ней является система религиозных правил и жречество, которое, будучи также крепко сплоченным, играет роль хранителя религиозных преданий и науки, занимает в этом качестве выдающееся положение и тесно срастается с государством.

Иероглифы месяцев майя

В письменности заключается одно из наиболее богатых последствиями различий культур Старого и Нового Света. Эти народы, правда, пошли уже далее так называемых петроглифов. Но письменности даже в смысле древнейших иероглифов Китая или Египта у них не было. Поэтому предания были у них менее прочными, а литература — беднее. Юкатанские майясы отличались от других обладанием высшего рода письменности. То, что нам известно о содержании этой последней, ограничивается скудными данными о культуре, календарной системе и письменных знаках. Замечательно, что именно у перуанцев, народа, стоявшего выше их в других отношениях, письменность совершенно вытеснялась мнемотехническим суррогатом. Напомним прежде всего *кипу* (письменный передник), шнурки с узлами различного цвета и формы, которыми передавались числа и другие

факты, а по маловероятным предположениям, даже приказания и законы. Говорят, что целые архивы связок разноцветных шнурков с их петлями и узлами содержат известия о прошедшем времени, к которым, к сожалению, ключ еще не найден. Риверо рассказывает о находке кипу весом в 1/8 центнера. Только пастухи пун сохранили остаток этого способа общения в узловом счете количества своих лам и овец — очевидно, лишь скудный остаток в сравнении с тем, что было известно хроникерам, знакомым с кипу. Кроме кипу для выражения мыслей служили также камешки, которые располагались в определенном порядке небольшими квадратами. Заветы пророка Тонапы были вырезаны на палке, так же как и завещание Гуайне-Капака. Как кипу напоминают узловые шнурки тихоокеанских народов, так и эти палочки с нарезками приводят на память такие же способы запоминания у полинезийцев. На числительных камнях или досках, имевших своеобразную форму и снабженных ступенями, посредством зерен различного цвета отмечались подати. Каждое племя обозначалось особым цветом, и каждая высшая ступень на числительной доске показывала количество в десять раз высшее. Гарсиласо де ла Вега упоминает о плане Куско, на котором были видны площади и улицы города и протекающие по ним ручьи. О Монтесуме рассказывали, что у него было нечто вроде карты берегов Мексиканского залива. Существовали планы городов и деревень, на которых казенная земля была окрашена пурпурно-красным цветом, земля кальпулли — светло-желтым, а земля знатных лиц — ярко-красным. Однако все это не могло способствовать передаче знания и опыта одного поколения последующим и закреплению и суммированию умственного достояния, составляющего основу науки и культуры. В Мексике образное письмо развилось до символического сокращения изображений и до применения некоторых из них для обозначения слогов. Тем не менее это не производит впечатления, будто этот прогресс был общепризнанным и сохранял свое поступательное движение. Значение письменной системы заключается в установленности и обобщении и является гораздо меньшим, если письмо доступно лишь немногим или различным образом применяется отдельными лицами. Представления являются тогда колеблющимися и смутными. И письменность майясов, по свидетельствам XVI века, была понятна только жрецам и некоторым выдающимся туземцам. В письме с подписями юкатекских начальников, посланном Лас Казасом в Испанию, место письмен могли заменять знаки тотемов. Многие наблюдатели описывают книги, которые были «сложены, как пальмовые листья», так как они имели в длину от 10 до 12 локтей, и в которых обозначалось «годовое счисление, войны, заразные болезни, бури, наводнения, голод и другие события». Но

епископ Ланда говорит: они употребляли буквы или знаки, изображения и некоторые знаки в изображениях в виде письма.

Основное сходство в духовном отношении уже часто упоминалось выше. Мексиканская и перуанская религии содержат почитание предков, переселение душ, явление духов и колдовство, предвещения и одержания болезнями и многочисленные мифы, которыми обладают и другие индейцы, но которые напоминают также Австралию, Африку и Северную Азию и некогда, как показывают многие следы, мертвые и живые, были свойственны всему миру... Когда начали проводить параллели между культурными народами Америки и Старого Света, оставляли без внимания многочисленные отношения между культурным достоянием отдельных народов всего мира, от высших религиозных представлений до частных в стиле оружия и татуировки, и искали ограниченную область для выселения и распространения предпочтительно в Южной или Восточной Азии. Но происхождение древнеамериканских культур не может быть выведено из какого-либо определенного уголка земли или от какого-либо из ныне живущих культурных народов. Все попытки, ставившие себе эту цель, оставались бесплодными. Корни этих замечательных форм вдаются, скорее, в первоначальное общее достояние человечества, которое в течение многих доисторических тысячелетий имело время для распространения по всей земле. В других местах оно развивалось быстрее, чем в Америке, в положении и естественных свойствах которой недостает тех способствующих моментов, которыми наделен Старый Свет. Европейцам, которые в XVI веке проникли в Мексику, Юкатан и Перу, тамошняя культура показалась сперва чем-то неслыханным, но чем более всматривались в нее, тем более оказывалось в ней родственного, так что уже Александр фон Гумбольдт принадлежал к убежденным сторонникам происхождения ее из Старого Света. Результаты измерений черепов уже теперь доказывают, впрочем, что сходство физических признаков, замечаемое нами у нынешних индейцев, может быть признано только внешним. Тем не менее мы должны остановиться на принадлежности американцев к восточноокеанской ветви монголоидной расы.

* * *

Весьма многочисленны и разнообразны праздники, которыми справляются важные периоды в жизни, в работе или в природе. Индеец-акомас радуется, когда при зимнем солнцестоянии дневное светило достигает низшего положения и диск опирается на известные скалы. Там

радуются и летнему солнцестоянию, и каждой перемене луны; когда маис посажен, пшеница сжата и снопы после жатвы убраны, все веселятся и пляшут. Каждое рождение и свадьба служат поводом к веселью. Зимой пляшут каждую неделю, иногда по несколько дней подряд. Но когда кончается власть желтого зимнего солнца и господство на небе переходит к «зеленому» летнему солнцу, пляски прекращаются и сказочники умолкают; тогда гремучая змея выползает из своей норы, и горе тому, кто скажет неправду. Многие празднества имеют религиозный характер; обыкновенные праздники заключаются в угощении гостей, которые выражают свою признательность плясками. Устроители празднеств следят за порядком, и гонцы торжественно приглашают на них. Кушанья гостям, сидящим вокруг огня, прямо вкладываются в рот друзьями хозяина, то, что осталось несъеденным, должно быть взято с собой. На северо-западе гайдахи справляют праздник после окончания лова лососей, после того как их начальник и знахарь, одетый в медвежью шкуру и древесную кору, вступит в лесу в общение с духами. У нутков сценические представления воспроизводят целые охоты, сражения, движения тюленей и других животных. У тлинкитов в заключение праздничного танца один из пляшущих произносит речь, на которую отвечает кто-либо из зрителей. У менее зажиточных и менее развитых в социальном отношении племен юга, как, например, у чинуков, празднества справляются проще — без гонцов, приглашений и торжественных игр. Гостям раздаются подарки, с песнями и тщательным соблюдением разрядов их по общественному положению. Так как при этом оказывают помощь в постройке дома, резьбе и т. п., то у гайдахов этот обычай является основным хозяйственным учреждением. Часто все движимое имущество раздается и выменивается. Во внутренней части Северной Америки индейцы Гудзонова залива, гуруны, алгонкины, племена к западу от Миссисипи праздновали сбор первых плодов или всходы маиса. Этому празднику предшествовало двухдневное воздержание от пищи и от сношения с женщинами и потребление «черного напитка». На третий день ели утром, и при солнечном закате, при общей торжественной тишине, жрец добывал трением огонь, который очищал присутствующих от всех преступлений, кроме убийства. Огонь ставили в глиняном горшке на жертвенник, на который жрец возливал «черный напиток» и возлагал новые полевые плоды, смазанные медвежьим жиром, для духа огня. Тогда каждая хозяйка получала новый огонь для приготовления кушаний, и затем мужчины на месте собрания, а женщины и дети в своих хижинах весело проводили время, и очистившиеся обитатели соседних деревень с пением и плясками посещали друг друга.

Принадлежность танцев, кроме раскрашивания и обвешивания себя побрякушками, составляет богатый аппарат искусно вырезанных масок, которые прикрепляются перед лицом или надеваются на голову. Некоторые из них представляют человеческие лица, с волосами, бородами и бровями, другие — головы орлов и буревестников, волков, оленей и дельфинов; обыкновенно они значительно больше естественной величины. Часто они бывают раскрашены или обсыпаны пластинками слюды. Нередко надевают на голову даже большие резные куски дерева, например переднюю часть лодки! Маски из мягкого дерева в Северо-Западной Америке вырезаны весьма твердою рукой и прекрасно отполированы. В них ясно выступает расовый характер, свидетельствуя о точном подражании природе. Животные маски и фигуры, сплетенные из лыка, живо напоминающие меланезийские типы, встречаются в Северо-Западной и в Южной Америке.

У южноамериканцев спиртные напитки играют на праздниках видную роль; эти последние нередко обращаются в простые угощения пайвари. Легко понять, что они обыкновенно оканчиваются опьянением, так как участники проводят целые дни в шумных плясках. Чилийские индейцы тянут вино лежа, из ямы, обтянутой овечьей шкурой. И у воинственных абипонов и их соседей ни одно общественное дело не решается без спиртных напитков. Наклонность к последним здесь является роковою. Ни в одной стране мира, за исключением, быть может, Новой Зеландии, они не действуют столь губительным образом; регресс целых племен Северной Америки остановился лишь тогда, когда торговля водкой была подвергнута контролю. Однако, несмотря на все меры предосторожности, спиртные напитки и теперь еще играют губительную роль в жизни индейцев. Их вредное действие перевешивает все хорошее, что внесли туда европейцы. Оно же, в сущности, обрекает индейцев, даже и там, где они возвратили себе свободу, на полную пассивность в экономическом и политическом отношении.

РЕЛИГИЯ ОКЕАНИЙЦЕВ

Народ выказывает большую склонность прислушиваться ко всему, касающемуся как высшего божества, так и подчиненных богов, и в последовании некоторых общепризнанных предписаний заключается сущность его служения богам.

Йог. Рейнгольд-Форстер

Одушевление всей природы служит широкой основой религии полинезийцев и меланезийцев. У них все было одушевлено или могло быть одушевлено, даже и домашние орудия. Мы не должны под этим подразумевать что-либо исключительно облагораживающее. Слова «дух» или «душа» у них означали вообще проявление жизни. Крысиный писк, бормотание детей во сне таитяне называют духом. Но система воплощения покровительствующих духов сознательно вводила души даже в неодушевленные предметы. Поэтому так же, как душам людей, животных, растений и камней, и для всякого рода ремесленных орудий допускается продолжение жизни в Болоту. Эта система приводила к первичному пантеизму, наиболее характерно выражающемуся в распространенном по всей Океании понятии атуа, акау, готуа и т. п.

Атуа означает в Полинезии духовное в обширном смысле, и «туа» употребляется здесь, по-видимому, в смысле загробного мира; это — бог, обоготворенный человек, дух, душа, тень, призрак. Это слово употребляется сознательно в генерическом смысле, подобно тому, как «мана» в Меланезии, по Кодрингтону, «было свойственной человеку силой или влиянием, в известном смысле сверхъестественным, но выражающимся в той или другой способности или преимуществе». Оно не находится в неразрывной связи с чем бы то ни было и может переноситься почти повсюду; но духи, в качестве душ, лишенных тела, или сверхъестественных существ, обладают ими и могут его передавать. Все религиозные обычаи меланезийцев состоят в том, чтобы призывать «мана» или пользоваться им с выгодой для себя. В практическом отношении загробный мир действует на живых или

посредством общения с душами умерших, странствующих между небом и землею, или во временном или же вечном вселении божества в какой-либо земной предмет. Отсюда возникли покровительствующие духи, крайне важные в практическом служении богам; внушения их были желательны, потому что они могли сообщить о том, что было известно богам, Болоту. Если они не являлись добровольно, их старались понудить к тому просьбами, жертвами и, в крайнем случае, посредством приведения себя в состояние безумия. Полинезийского Атуа мы видим в Ане или Гане на Понапэ, Казингле и Калите на Палау, Ануте на Кузайи и Яресе на Тоби. Это почитание духов, обращенное к предметам, считающимся одушевленными, во многих местах выродилось, по-видимому, в настоящий культ животных. Так, на Мортолоке макрели воздавалось поклонение как богу войны, а курнайи в *Stipiturus* и *Malurus* видели творцов мужчин и женщин. И калит считался одушевляющим элементом, как мы видим из того, что он приписывался и неодушевленным предметам: у Земпера на Палауских островах расспрашивали о калите, который постукивал в его часах.

На Новых Гебридах «вуи» живут в стране, называемой Панои; они связаны с божественными предками и призываются в случае опасности. Все серьезные болезни там приписываются колдовству или дурному влиянию атаи или таматэ, совершенно отличных от первых (вуи) и от душ умерших. Как только душа оставила тело, начинается ее странствование, имеющее тот или другой конец, смотря по положению и заслугам умершего. Вначале она недалеко отходит от тела и может быть соединенными силами возвращена в него, ввиду чего родственники у смертного одра громко и настойчиво выкликают имя умершего в уверенности, что душа тотчас после смерти еще может вернуться. В одном похоронном плаче Джильбертовых островов мертвый призывается его женою в виде птицы, которая летит на свою родину к своему приемному отцу и улетает все дальше и дальше.

Там, где души и другие духи, никогда не бывшие людьми, обособляются друг от друга, как в большей части Меланезии, из общего культа душ легко возникает божественное почитание известных личностей. Фиджийцы различали первоначальных и обожествленных богов. Они молились изображениям умерших родственников или сговаривались с родственниками, чтобы они, если умрут раньше, превратились в богов. В опасности обращаются к духу отца или деда с полной уверенностью, что он слышит этот призыв. Души старых начальников обоготворяются после смерти, и, принося им жертвы, их зовут по имени. В эту толпу духов и душ самое отличие положений их прежних земных оболочек вносит известное разделение. Загробная участь душ начальников и жрецов уже потому выше душ низших классов, что в них при жизни обитали высшие силы; без

телесной оболочки они становятся еще сильнее; так как души начальников восходят к звездам, а души других остаются на земле или в земле, то звезды просто называются душами умерших. Когда они поднимаются, их на пути во мраке легко могут захватить и похитить злые духи.

Происхождение божественного почитания часто связано с воспоминаниями ныне живущих. Воины поклоняются духу передового бойца как богу войны, приписывая костям и волосам его значение амулетов. Величественные произведения, например каменные террасы на Вайео на Маркизских островах, приписываются богам, и к ним причисляют людей, построивших подобные сооружения. Это вполне выясняет обоготворение героических людей. Табуарик, главное божество Джильбертовых островов, был прежде начальником; теперь он то показывается в виде акулы, то живет над облаками и гремит, причем сквозь облака просвечивается лицо его жены. Таматоа, начальник Райетеи, еще при жизни считался божеством. Даже в сказаниях о больших космогонических богах выступает представление, что они были и опять могут сделаться людьми; нисхождение с божественных высот постоянно повторяется.

Духи, которые никогда не были душами, стоят, по-видимому, на высшей ступени. Один обитатель Банксовых островов, принадлежавший к старому поколению, следующим образом высказывался о вуи: «Оно живет, думает, имеет больше разума, чем человек, знает тайные, невидимые вещи, обладает нечеловечески сильным мана, не имеет образа, в котором его можно было бы видеть, и не имеет души, так как оно само — душа» (Кодрингтон). Вполне лишенным образа они, впрочем, не могут себе представить ни одного духа, и многие утверждают, что они видели дух в виде пара, дыма или тому подобной неопределенной формы. Такие духи входят и в людей. На Моте *нопиту* называется и дух, и одержимый духом. Под именем *нопиту-вуи* на Банксовых островах представляют себе эльфо- или гномообразных добрых духов. Они дарят честным и поддерживают бедных; их присутствие выражается нежным пением, точно детским. Места, где они охотно пребывают, считаются *ронго*, т. е. священными, как будто они были табу. И хотя эти духи сами невидимы, но связь их с чем-либо телесным дает возможность телесного общения с ними. Все камни, деревья и животные, находящиеся на таких местах, также считаются *ронго*. Это понятие распространяется на животных, которые часто показываются в жилищах, каковы ящерицы, змеи, совы. Даже и некоторые жидкости могут по той или другой причине сделаться *ронго*. О духе судят, смотря по тому предмету, где он живет, и тот, кому это доступно, считается посредником между другими людьми и добрыми духами. Он один может вступать в места «ронго» и там приносить жертвы. Тогда он молится и кладет жертву на камень, который

считается связанным с духом. На одном из праздников у фиджийцев вызываются водяные дети: их выманывают игрушками, положенными на берег, на сушу, куда они могут выбраться с помощью маленьких плотин, построенных для них; по тому же соображению, на Анайтеуме священные дороги, которые вели от рощ Натмазы к берегу, никогда не огораживались. Если вуи просит причинить врагу болезнь или другое зло, то оно может доставить просящему средства и способы для этого, но само никому не делает зла, потому что оно добрый дух.

При таком обилии духовных существ всякое выдающееся естественное явление приводится в соотношение с ними. Так возникли тысячи божеств природы, которые не что иное, как локализованные духи или души. Не менее 20 божеств управляют морем, и некоторые из них пользуются большими голубыми акулами как орудием своей мести. Акулы, которым бросают рыб и свиней, приучаются в известное время подходить к берегу; это убеждает туземцев, что они являются на зов жреца. Весьма известным морским богом считается Гиро, бывший смелым и искусным обитателем Райатеи; он был таким молодым членом группы богов, что его череп до уничтожения язычества показывался в Опоа.

Над божествами воздуха, часто почитаемыми в образе птицы, поставлены двое детей Тангароа — брат и сестра. Они живут вблизи скалы, на которой держится мир; за всякое пренебрежение к их почитанию они наказывают бурей и непогодой. Когда опасались приближения неприятельского флота, к ним обращались с просьбой наслать на него ураган. Еще и теперь многие островитяне верят, что злые духи прежде имели власть над ветрами, так как со времени общего обращения в христианство уже не было таких бурь, как в прежнее время. Верхняя область воздуха также населялась высшими существами. Все небесные тела считались богами, когда происходило затмение солнца или луны, это означало, что их проглатывал какой-нибудь раздраженный демон; богатыми дарами старались заставить его выпустить светила на свободу. Боги или души представлялись в метеорах. Ломон рассказывает об одном мальчике, который при виде падающей звезды заплакал, думая, что видит в ней душу предка. Феи, живущие в горах, становятся видимы в туманную погоду. Самый туман рожден Ранги (небом) с Папату-Ануку (обширной поверхностью). Исполины с огненными глазами живут на уединенных островах, как, например, на пустынном вулканическом острове Мануа близ Райатеи. На Гавайях существуют места, где процессии духов проходят со свистом; тот, кто их услышит, должен умереть. Предвещения окружают всю жизнь этих людей густой сетью неотвратимых роковых случайностей, и суеверие не дает себе труда отыскивать наиболее вероятные отношения

между причинами и следствиями; подчинению Таити французскому протекторату в 1842 году предшествовала трещина в балке, на которую опирались дворцовые ворота.

Наконец, духовные существа управляют и занятиями людей. Особые божества посылают рыб в известное время к берегу; особые божества призываются рыбаками, когда они вяжут сети, садятся в лодку или работают на море. Точно так же и у сельских хозяев, плотников, строителей домов и лодок есть свои покровители. И над играми наблюдают пять или шесть духов, и даже над отдельными пороками и преступлениями. Начальники не останавливаются перед призыванием Гиро в качестве покровителя воров в тайных процессиях, для которых всего благоприятнее 17, 18 и 19-я ночи месяцев. От украденной свиньи ему приносится в жертву часть хвоста со следующими словами: «Здесь, добрый Гиро, часть свиньи; не требуй ничего больше!»

Склонность к многообразию и параллелизму мышления способствовала увеличению числа богов. Так, многие члены небесного полчища представляют нам произведения жреческого языка, говорящего образами. Он противопоставляется полному предчувствиям, духовно-чувственному воззрению. Таким путем увеличивались образы в сказаниях, рядом с которыми ставились олицетворенные братья и сестры, пока из них образовались целые семьи.

Довольно трудно личных покровительствующих духов отделить от таких духов целого племени. К тем и другим относятся одинаково, и, по существу, они одни и те же. Здесь же обнаруживается система тотемизма. Самоанец видел свое божество в утре, другой — в акуле, третий — в черепахе, собаке, сове, ящерице и т. п., во всех классах других морских рыб, птиц, зверей и других существ, даже в некоторых слизняках. Он без опасения ел мясо животного, в котором обитало божество другого человека, но оскорбить или съесть воплощение своего собственного божества было для него равносильно смерти. Бог мстил за оскорбление тем, что входил в человека и, чтобы погубить его, производил в нем те же существа, которые тот ел.

Наряду с обязанностью служить вместилищем покровительствующих духов оживленным существам принадлежали известные назначения в истории богов и в их общении с людьми. Нам часто приходилось слышать о древе жизни, на верхнюю ветку которого прямо с неба сходят боги, спускающиеся на землю. Поэтому на Тонге дерево тоа поднимается высоко к небу. Говорящее дерево находится рядом с жилищем Икулео, властителя неба; когда он требует смерти человека, за ним посылается лодка и дерево берет его душу. Когда люди появились на мировом дереве, они получили

свои души из небесных высот. Легенда принижала небесное растение до простого дерева, откуда человек глядел в небо, как это было на Палау, и оставляла его расти, чтобы божественный Куат (Банксовы острова) мог влезть на него, спасаясь от своих преследователей. И души богов могут быть изгоняемы в деревья: так, Мауи узнал от своего дяди Инопорари о деревьях норо, с которыми была связана жизнь его братьев и сестер и его собственная и которые росли в подземном мире. У маорисов деревья представляли бога Танэ, дети которого живут в виде водяных и наземных птиц. На Таити дерево ао сажают вблизи храмов, так как в нем живут боги, а из щепок дерева аито Тангароа, происшедший сам собою, создал низших божеств прежде, чем людей. В Меланезии фиджийцы оказывали почитание деревьям, бросая листья на последнее место тени при вечернем солнце. Но наряду с деревом вези, стволы которого употребляются для лодок, смоковница с широко распространенными корнями считается священной, как седалище богов, так же как и раздвоенная кокосовая пальма. Добрые карликовые божественные души «вели» поют в дуплах деревьев. Листьями некоторых деревьев натирают оружие с целью достижения успеха; но на Ватэ закапываются листья рядом с домом для причинения болезней. На Новых Гебридах панданус пользуется особым почитанием: во время священных плясок вновь вступающие в тайный союз появляются прикрытые панданусовыми ветвями и обвитые гирляндами из листьев этого дерева. В Микронезии также существует почитание священных деревьев. Так, на Бигоре почитают кокосовые пальмы, обнесенные изгородью, потому что на верхушки их спускаются «ани». Калит, который на Палауских островах придумал имена начальников и первоначально жил внутри земли, воплощен в больших лесных деревьях. Куст перед домом короля Коррора считался последним потомком растений, принесенных из погрузившейся в воду страны духов, а на Тапитуе на Джильбертовых островах в Новый год приносились жертвы под старым деревом Мамани.

Птицы играют роль носителей и хранителей огня в сказаниях о Мауи, а также в одном варианте сказания о творении человека. С помощью кулика или жаворонка, посланного на землю своим отцом Тангароа, были созданы люди — выкапыванием червей из земли. Другое самоанское сказание заставляет этих птиц приносить душу человека в виде птицы. И семена полезных растений птица принесла на землю из плодовых садов на Луне. Новозеландцы считали какуду священной птицей; для них было дурным предзнаменованием, когда птица тарата летела за отрядом, отправляющимся в поход. Сова возбуждала настоящий ужас. В качестве носителей душ и огня в Полинезии почитались священными и другие птицы: например, на Таити цапля и птица отараре. Красные перья служили символом огня, который

творческое божество вложило во все живые существа. Один знаток Фиджи говорит: «Если бы мы хотели представить точную эмблему старинной фиджийской религии, то мы должны были бы выбрать красивый панданус, под которым спит, свернувшись, большая змея и вблизи которого петух с яркими перьями поет изо всех сил, чтобы разбудить ее». Эта птица, провозвестница дня, вестник света солнца, птица солнечного бога, — та самая, за оскорбление которой сыновья Нденгеи навлекли на себя такой гнев своего божественного отца, что он наслал громадный потоп на всю землю. Большие белые раковины служили украшением ее ног, и красивых перьев было так много, что, ощипывая только одно крыло, можно было окружить, точно туманом, целую горную вершину. В остальной Меланезии рядом с ящерицей вараном в разных изображениях всего чаще попадает птица носорог. Гамбургский музей хранит деревянное резное изображение такой птицы, где она своим клещевидным клювом извлекает ребенка из чрева матери.

Из млекопитающих роль баснословного животного играет свинья. Чтобы одолеть свинью, поедавшую людей на Эйве, исполины отправились с Таити на плотках, или ее умертвил Гиро, рожденный солнцем. Свиньи, в хлева которых могли входить только жрецы, были самыми драгоценными жертвенными животными. На Нукугиве было найдено каменное воспроизведение свиной головы вместе с человеческими костями. Сюда можно причислить и зверообразных баснословных существ. Мотив океанического земноводного, тело которого живет на суше, а хвост, подобный змее или ужу, достигает до моря, встречается на Фиджи и в других местах Меланезии в виде хвостатых божеств, а также и душ начальников в Сиулео.

Особый круг легенд, так же как и в Австралии, окружает ящериц, которые приводятся в тесную связь с живущими в глубине земли божествами землетрясений. Божество это на Фиджи жило в пещере, когда оно было изгнано оттуда волшебством, там осталась в виде игрушки его содержавшаяся в клетке исполинская ящерица, которая была, наконец, убита начальником Тарой. С нею легенда связывала какое-то земляное сооружение, имевшее вид большой ящерицы, на реке Вайтио. Встреча с зеленой ящерицей во время похода считалась дурным предзнаменованием. Атуа охотно появляется в виде ящерицы. Подобно тому, как ящерицы заползают в отверстия тела и вызывают болезни, у маорисов бог ящериц Моко-тити вызывает головную боль. И о Танэ говорят, что он жил в ящерице. Змеи пользовались у меланезийцев наибольшим почитанием из всех животных. Некоторые места на Фиджи даже славились своим культом змей. С другой стороны, гаттамца на Новой Гвинее предпочитали больших

змей всем другим животным в качестве кушанья. Среди идолов папуасских храмов на Вайгу можно найти и крокодила. На домах жителей Соломоновых островов ставятся идола, нижняя половина которых изображает акулу, а верхняя — человека, для отклонения дурных влияний. Щиты черепах, играющих такое важное значение в питании туземцев, сохраняются в храмах. Идола с рыбьими головами мы знаем на острове Пасхи. Большие утри на Флориде предпочтительно признавались жилищами душ умерших.

Скажем в заключение о широко распространенном поклонении камням. В Меланезии едва ли можно найти священное место без священного камня. Мотивом всевозможных сказаний, напоминающих восточные легенды, служат полуразрушенные береговые скалы. Море у скал представляется любимым местом богов, борющихся между собою и создающих острова. Захваченные дневным светом, они вынуждены были оставить скалы на этих местах. Боги считаются творцами больших каменных фигур на острове Пасхи. Сюда примыкали сказания островов, богатых каменными идолами, как, например, острова Токелау, где первый человек произошел из камня и создал жену из песка, вложив в нее свое ребро. На Тонга-Леву Тангароа построил дольмен, указывающий направление пути богов в Вавай и Гапаи. На Джильбертовых островах приносится жертва на камне в каменном кругу, причем камень обвивается листом пальмы. Рыболовы поклоняются стоячим камням, и идола могут изготавливаться только из камня известного рода. Дождевые камни, когда дождя слишком много, кладутся в огонь, а во время засухи опрыскиваются водою. В камнях видели также каменные останки рыб после большого потопа. Каменные идола, обернутые тканью, составляют предмет поклонения в Микронезии, многие из них были привезены издалека. Туи-Токелау, почитаемый за божество, живет в камне, обернутом тканью. На Моте маленькие камни употребляются как целебное средство от всех болезней. В Новой Гвинее обрезание совершается свежееобтесанным каменным ножом, в крайнем случае осколком бамбука. Кубари и на Палау нашел идола божества из черной вулканической породы. Маленькие изображения предков из камня рыбаки привязывали к сетям для удачной ловли рыбы. Утесы на Фиджи считаются местом рождения бога Денге, а на Палау — последними остатками погрузившихся в море призрачных островов, откуда пришли в эту страну исполинские предки нынешнего населения — калиты. Там часто находят волшебные предметы: например, под одним утесом Коррора — корень косоля, который, положенный на конец лодки, сам собою приводит ее к цели путешествия.

Почитание воздается и морю. Все, что связано с ним, в особенности мореплавание и кораблестроение, ставится весьма высоко. Жрец на Нукуоре ударяет восемь раз священным топором о ствол дерева, предназначенного

для постройки лодки. Только тогда, когда протекут три месяца после смерти духовного вождя, дерево это может быть срублено и обделано. На особом празднестве жители Понапэ посвящают богам все лодки, построенные в предыдущем году. Весло в качестве могильного знака служит символом выдающейся деятельности мужчины, так же как веретено — женщины. Не только трупы, но и тяжелобольные и ослабевшие от старости на Тоби кладутся в лодки. На Мортлоке высшее почитание морскому богу воздается тем, что к нему отправляют павших в битве, так как умершие естественной смертью погребаются в земле.

Благодаря одухотворению, проникавшему в мир человека и природы, боги и идолы возникали массами и заводили ум океанийцев в лабиринт вне- и сверхчувствительных представлений. В этом крайнем стремлении к созданию образов мы находим отпечаток расы. Не случайно полинезийцы и мадагассы обладают общей для них широкой теогонией, первые — крайне политеистической мифологией, а вторые — усиленным фетишизмом. Если только небольшая часть этих духов поднималась на высоту божественного почитания, оставляя главную массу на земле, то все-таки число их было велико: списки, составленные миссионерами на Райатее, содержат почти сотню имен божеств. Причина, почему некоторые из них поднимались выше, зависела от продолжительности жизни племени. В более отчетливом порядке мира богов отражалась прочность предания. Поэтому вообще мы находим больше богов на востоке у полинезийцев и больше духов и призраков на западе у микро- и меланезийцев. Именно тогда, когда христианство коснулось полинезийцев, они находились в состоянии оживленного мифологического творчества; новые отпрыски и цветы, вызываемые к жизни их возбужденной фантазией, находили твердую опору частью в прочно кристаллизованных космогонических сказаниях, частью в системе порядка, положения и родства, наивно одухотворявшей отношения здешнего мира. Там, где господствовала склонность беседовать целым обществом о религиозных преданиях на возвышенных местах в тихие вечера, как, например, в Новой Зеландии, время создало органы и методы творчества и божественное учение приобрело более прочную связь, чем в тех областях, где жизнь была менее устойчива и не имела органов традиции и жречества.

Высших богов связывало происхождение из хаоса, предшествовавшего всякому бытию, их называли *рожденными ночью*. Впоследствии в их круг попадали полубоги и герои, даже люди высокого происхождения.

Это много способствует затемнению полинезийской мифологии. Именно эти, возвысившиеся позднее, имели большое значение в царстве богов, хотя только местное. Более глубокая связь с космогонией, напротив, в

высшей мере свойственна только одному: Тангароа под именем Тароа и Каналоа пользовался почитанием и на более дальних островах. Сказания на Райатее в величественном виде изображают его власть, оказывающую действие на все: сперва, облаченный в яйцеобразную раковину, он носился в темном воздушном пространстве, утомленный однообразным движением, простер руку, поднял ее, и повсюду тотчас же стало светло. Он взглянул на песок берега и сказал: «Поди ко мне». Песок ответил: «Я не могу лететь в небо». Тогда он сказал скалам: «Пойдите ко мне». Они ответили: «Мы крепко сидим на земле и не можем прыгнуть к тебе в высоту». Тогда бог спустился к ним, бросил свою раковину и прибавил ее к земной массе, которая вследствие того стала больше. Из осколков раковины образовались острова. Тогда он произвел людей из своей спины и сам превратился в лодку. Когда он плыл в бурю, пространство наполнилось его кровью, которая дала цвет морю. С моря она распространилась по воздуху, и от нее светятся утренние и вечерние облака. Наконец, его остов, лежа на земле спинным хребтом кверху, послужил жилищем для всех богов и, наконец, прообразом храма. Тангароа сделался небом.

По другим преданиям, он выступает в качестве Нептуна полинезийцев. Его почитали также как покровителя плавающих в выдолбленных лодках. Наконец, он, давши образ храма, сделался покровителем художников. Морскому народу свойственно считать морского бога отцом и первым из богов. Между тем, как под его верховной властью творение восходит от растений и червей к человеку, последний с помощью бога Найо становится более утонченным и более близким к богам. Этот Найо, установивший движение солнца и неподвижность земли, примыкает в конце концов к новозеландскому Мауи. Вследствие этого прибавления второстепенных богов или помощников с течением времени положение его стало неясным. Его называли несозданным, живущим от времен мрака, и воспевали следующим образом:

Таароа, основание корней,
Нижнее основание скал,
Таароа, морской песок,
Таароа находится повсюду,
Таароа пробивается, как свет,
Таароа управляет внутри...

Официально поклонение воздавалось ему в немногих местах. В качестве создателя мира Тангароа со своей женой, от которой у него были

сын и дочь, имевшие, в свою очередь, двух сыновей, является первым вышедшим из «по» и породившим вследствие объятий со скалистой почвой сушу и море. Когда предвестники дня, темное и светлое голубое небо, пришли к нему и просили у него души для земли, он поручил своему сыну Райтуне исполнить его волю. Этот последний создал, взглянув только на небо и землю, все, что только находится на небе, на земле и в море.

Уже в громадной творческой силе Тангароа, из которой исходит безразлично доброе и злое, лежит корень превращения его в злое начало. На Тонге оно заменяет солнце и луну, а на Гавайях среди четырех главных божеств является злым духом. На Фиджи именем Тагалоа называется трупный запах.

Другой божественный образ представляет в связи с Тангароа человеческая сторона его сознания: во многих преданиях отцом человеческого рода называется Ти́и. Рожденный Тангароа от объятия берегового песка, он сам создал свою жену, дети его были родоначальниками людей. Поэтому два Ти́и, земной и морской, приняли на Опоа человеческие тела и заселили острова, обитавшиеся до тех пор только богами. Но существовало также воззрение, что Ти́и и Тангароа — одно и то же существо, как дневное и ночное солнце. Некоторые уверяли как относительно Тангароа, так и Ти́и, что он был первым человеком, который, продолжая жить после смерти, носил это имя, то же название получили впоследствии и души умерших. Это сказание кажется распространенным вариантом господствующего во всей Полинезии представления о Тангароа, творце людей. Его заставляют вместе с женою постепенно обитать на всех островах и заселять их. Ти́и неоднократно играл роль благодетеля человеческого рода, подняв небо над землею, ослабив бога землетрясения, принеся огонь на землю и создав людей. Поэтому он тесно примыкает к Мауи и, соответственно тому, выступает на островах Товарищества в качестве бога света, рожденного солнцем и луною.

Таким образом, из космогонии развилась мифология. И здесь она обязана своим существованием смутной потребности знания. Той же цели содействовало и стремление привести в порядок представления загробного мира. Понадобились властители неба и ада. Так вечно отражающееся антропоморфическое стремление к созданию образов поднимает человеческие образы в виде носителей творческих и разрушительных сил природы, в увеличениях и искажениях, в глубокое сияющее небо и помещает их на дальнем горизонте своего островного отечества. Там действуют и чувствуют настоящие полинезийцы, но в исполинском виде. Стремление к господству и власти, ревнивое притязание на почести и богатство, беспощадная месть в случае неудачи свойственны всем им.

Нравственные преимущества, выдающаяся мудрость и щедрая доброта не украшают ни одного из них. Преступления всякого рода находят прообраз и поощрение в мире духов. Таким образом, очеловечивающий политеизм даже и высшие существа сводит на землю. Только в начале творчества деятельно проявляется стремление выразить в образе предугадывание общего происхождения и связи существ. Творчество начинается в величайшей метафизической глубине. Здесь мифология приближается к происхождению науки. Поэзия и сказания стремятся затем к разъяснению мировой загадки. И напрасно: это навсегда останется блестящим свидетельством умственной силы полинезийцев. Они были бы выдающимся народом, если бы развитие их направилось в другие области. В самой основе их существования среди широкого морского горизонта чувствуется теснота, ограниченная островной жизнью. И космогоническое начало следовало ходу естественного развития: средоточие мира произошло поднятием суши с первоначального дна, острова, открытые позже, были выловлены героями. Вообще повсюду проходит воззрение, что первичные силы природы, которые в божественных воплощениях выделили из себя мир явлений, после органического замкнутого процесса развития опять стремились поглотить их.

Хотя боги имеют начало, но у них нет конца: так говорится на Тонге. Земля, небо — все само по себе также божественно, поэтому «по», ночь, помещается в начале вещей. Из кругов по от первой до десятой ночи произошел, наконец, Кака, бывший отцом брата и сестры Ранги и Папы, которые дали жизнь Тане и его восьми братьям. Ночи имели особые названия, которые глубокомысленно истолковывались жрецами. У маорисов ночь также предшествует творению. После бесчисленных периодов пробуждается желание, затем стремление и ощущение. За первым биением жизни следует мысль и затем действие духа. Тогда рождается желание, направленное к священной тайне или великой загадке жизни. Позднее из материальной, производительной силы любви развивается привязанность к существованию, проникнутая радостным ощущением. Под конец Атеа, мировое целое в пространстве, расщепляется развитием полов на Ранги и Папу, небо и землю, и тогда начинаются отдельные творения на земле и небе. Ввиду этих громоздящихся друг на друга идей Бастиан спрашивает: «Не переселился ли сюда переодетый Анаксимандр или Пифагор?» Отношение к космогониям азиатцев и американцев видно, так сказать, в каждом предложении. Нет надобности даже напоминать о Ру и Буто, солнце и ночи египтян: каждая космогоническая мысль океанийцев имеет кровных родственников на востоке и западе океана.

Папа, земля, и Ранги, или Ру, небо, брат и сестра, лежали плотно прижатыми друг к другу. Между тем как поэзия старалась объяснить их

разлучение и поднятие неба над землю, отсюда возникла целая божественная легенда, в одном виде на Таити, в другом — на Тонге и в третьем — на Самоа. От Ру-Ронго, небесного бога, к Тангароа приводит только местное изменение. Кака, брат Папы, земли, заменил по отношению к ней небо, или свет, и в Гавайи является под именем Вакеа и мужа Папы, который производит вместе с нею целое поколение богов, в особенности ряды братьев Мауи. Погрузившись в глубины моря, он соединился с морской богиней, и, когда вернулся на сушу, птицы моа (ныряющие морские птицы), рожденные от этого союза, спустились ему на плечи.

Метафизические толкования того, что было раньше создания земли, мыслимы только при большой общности установленных преданий у полинезийцев, обладавших особым сословием жрецов на островах Гавайских, Товарищества или Новой Зеландии. Там, где учение передавалось смешанными обществами тайных союзов, история творения заключается вполне в сказочном или легендарном мифе. Основные черты, правда, просвечивают, и некоторые имена повторяются в нем, но идейное содержание в частности сделалось совершенно иным. Так, нам кажется хорошо знакомым, когда плотники и художественные мастера на Мортлоке почитают средину неба как настоящего покровительствующего бога под именем Аагейланга, по своей сущности это — Ранги. Еще ближе знакомо нам распространяющееся с востока до Джильбертовых островов воззрение, будто небо — плотно прилегающая к земле круглая чаша, которую один из героев более приблизил к богам. Его сестра помогала ему в виде каракатицы. И в других формах брат и сестра выступают при создании мира как представители мужского и женского начала — например, на Марианских, Каролинских, Палауских и других островах.

Характер меланезийских видоизменений полинезийских сказаний о богах часто является прихотливым сведением их в низшие сферы. То, что в Полинезии можно назвать мифом, здесь мы находим в виде сказки, которая утратила величественность, но сделалась более доступной для человека. Первоначальные обитатели островов, соответствующие калитам Микронезии, вовсе не исполины, а добрые гномы, и глава их, Марави, до сих пор еще показывает бедным людям, доверяющимся ему, сокровища, скрытые в расщелинах скал. Шуточные обороты соответствуют веселому характеру этих людей с курчавыми волосами. На Новых Гебридах так рассказывается о творце людей: сначала он заставил человека ходить на четырех ногах, а свинью на двух. Это рассердило птиц и пресмыкающихся, они созвали собрание, на котором ящерица больше всех требовала перемены, а трясогузка оживленно возражала ей. Ящерица выбралась на свободу, взобралась на кокосовую пальму и спрыгнула оттуда на спину

свинье, вследствие чего та опустила на передние ноги. С тех пор свиньи ходят на четырех, а люди на двух ногах. Но это значило бы не понимать цены этих преданий, если бы мы в духах, в коренных космогонических образах видели только сказочных героев, какими, по понятным причинам, их особенно любят представлять миссионеры. Полинезийское сказание о творении в виде извлечения острова из глубины моря так излагается на Япе. Когда Матикетик с двумя старшими братьями выехал на рыбную ловлю, он выудил сперва полевые плоды и таро, а затем остров Фаис. Эта удочка хранится жрецами, и так как в случае ее уничтожения должен погибнуть и Фаис, то жители его находились под постоянными угрозами начальника Япа. Так величественное космогоническое представление может опуститься до уровня обмана и суеверия.

Связь творческой деятельности с солнцем и луной, столь ясная в Полинезии, в Микронезии становится уже совершенно легендарной. На Палауских островах рассказывают, что муж и жена, недовольные своим пребыванием на Палау, отправились к камню в Эймилейке, откуда они происходили, и стали звать к себе луну. Когда она приблизилась, они встали на затылок змеи и добрались до луны, где их можно видеть и теперь. Столь же отчужденными являются и другие представления о солнце и луне. Луну, когда она в ущербе, колдуны едят в тесте, и солнце светит ночью в другой стране. На Палау четыре человека, увидев, что солнце зашло, поспешно сели в лодку. Они добрались до него, когда оно было около дерева Денге, и солнце спросило, чего они хотят... Люди эти сказали, что они пришли посетить его, и тогда им было приказано пустить лодку на воду, даже потопить ее. Островитяне сделали это и очутились в незнакомой стране в хорошо построенном доме, где солнце угощало их. Кушанья, приносившиеся на блюдах, были донельзя малы, но от еды они не убавлялись. Наконец, люди приготовились к отъезду, но так как лодку их угнало, то солнце взяло толстый бамбуковый ствол, которого еще не знали на Палау, и посадило их туда. Солнце приказало стволу плыть в Нгаргинкль. Люди благополучно прибыли туда и сделались четверьмя главными начальниками. Но бамбуковый ствол поплыл к Нгарекобазангу. Там стоят теперь бамбуковые леса, которых нет на Пелелиу. Но в воспоминание их подвига людям Нгаркинкля позволено брать оттуда бамбук.

Происхождение творца из камня или земли составляет начало фиджийской и новогеебридской космогонии. Жрецы Денге указывают скалу, поднимающуюся из реки у подножия горных высот, на которых живет бог: эта скала — его отец. Объяснение заключается в соединении отца (неба) с матерью (землей). Так, у жителей Банксовых островов высший бог Куат исходит из камня, который был его матерью, и создает с помощью своего

товарища Маравы остальной мир. Марава во всех бедствиях призывается вместе с Куатом, и в нем нетрудно узнать Мауи новозеландцев и гавайцев, подавшего повод к стольким легендам. Предназначенный к уничтожению Куат получил возможность взобраться на мускатное дерево. Едва достиг он вершины его, как между враждующими братьями дерево стало расти выше и выше и стало так толсто, что Куат не мог уже спуститься по нему. Но Марава, видя беду друга, бросил нитку или волос с головы на землю. В этом мы видим солнце, а небесное дерево — то же самое, на вершине которого в другом сказании целая группа таргаров спаслась от ярости враждебного духа.

Острова, которые часто бывают местом вулканических извержений и землетрясений, должны быть особенно богаты мифами, изображающими силу огня, заключенного в недрах земли. Этой силе приписывали на Маркизских островах животворное влияние и соответственно тому почитали Мауи как творца мира. После того как Нукугива была поднята божественной силой из подземного мира, одна женщина произвела на свет море вместе с зачатками животных и растений, между тем как люди и рыбы, заключенные в пещерах, были вулканическими извержениями выброшены наверх. Слияние подземного и надземного огня в одного бога — землетрясения, огня и солнца, напрашивается само собой на такой высокой теогонической ступени. Многообразное подвижное существо огня и тепла открывает фантазии неизмеримое поприще. Гавайский Прометей, Мауи, принесший огонь с солнца, на Самоа в то же время — бог землетрясения, на Райатее — творец солнца, а на Маркизских островах — всего живущего. Таким образом, является основание для его высокого положения из того разделения, какое устанавливают маорисы между Ру, богом землетрясения или вулканического огня, и богом огня Мауикой, который находится во всем живом: Мауи является здесь носителем огня и воодушевителем. Вокруг него сплетается ткань сказаний прометео-титанического характера. Слово «мауи» означает — сломанный, разбитый. У Мауи, когда он нес огонь, богом землетрясения Тати была ушиблена или вывихнута рука. Это повторяется в различных видоизменениях. Его братья, в которых он повторяется в различных видах, являются в двойной форме — как полубоги и как жители земли. Но доставление огня доставалось всегда предпочтительно прославляющимся в сказаниях подвигом Мауи. Получив огонь с помощью птицы с красными перьями, он закончил свой прометеевский жизненный путь после того, как, поссорившись благодаря вмешательству злых духов со своим отцом Канэ, победил его и его брата Каналоа в решении загадок, напал на них и еще, кроме того, подчинил своей власти целое полчище духов. Канэ и Каналоа из храма улетели ввысь. Мауи хотел последовать за

ними, но неожиданно был поражен брошенным копьем в грудь. Вследствие того он утратил свою сверхъестественную силу и вскоре захирел от болезни, как смертный человек.

Какая смесь общих всему миру идей и образов! В ином виде Мауи на островах Товарищества приводится в соприкосновение с солнцем, где он в качестве жреца, желающего закончить божественную службу, прикрепляет уходящее солнце за его лучи. На Гавайи он вернул солнце, убежавшее на Таити, и перебил ему одну ногу, чтобы оно ходило медленнее и высушивало белье его матери. И наконец, мы находим его божеством, родственным Прозерпине, возвращение которого из подземного мира ежегодно испрашивается во время праздника жатвы на Нукутиве. Повсюду огонь приносится на землю против воли богов. Бог, изгнанный с неба, достает его на острове Улеа с помощью угроз от старой женщины Мафуикэ и приносит его на Факаафо, где до тех пор все ели сырым. С того времени огонь, посвященный богу дня, зажигается там только при рыбной ловле или по окончании ночи. О добывании огня трением двух кусков дерева напоминают сказания на Токелау и Палау.

В этот ряд великих богов Полинезии вступает и Тане, или Канэ, находящийся в близком родстве с Ронго, Ранги, или Ру, небом или носителем неба. После разлучения неба и земли Тане украсил небо звездами и превратил на земле изувеченных детей в деревья. Он является, таким образом, помощником и завершителем творения. По другому сказанию, он создает первого человека или его предшественников.

Еще более существенным действием разрешает он в сказаниях маорисов важную задачу разлучения его родителей, Ранги, неба, и Папы, земли, и поднятия неба. Когда он затем взошел на небо, чтобы найти себе жену, он узнал, что там есть только одна женщина, но получил от своего отца Ранги совет — вернуться к матери. Там он создал из своего ребра себе жену, Гине, и произвел с нею дочь. Узнав в Тане своего отца, она убежала со стыдом к своему брату и превратилась назло Тане в прародительницу Гиненуитепэ (ночь), между тем как Тане остался на земле. Пока Тане всюду искал свою дочь, он встретил Регуа, своего брата, всеоживляющий огонь в верхнем, десятом небе. Этим посещением оживляющего огня Тане примыкает к Прометею-титану Мауи, так как он в то же время искал воду жизни для охраны от Меру и считался отцом птиц. То и другое сближает его с Тангароа. Регуа был на Таити настоящим звездным богом, звездой начала года, породившей близнецов и плеяд и признававшейся божеством года. Утренняя звезда считается сыном неба и руководителем мореплавателей, а вечерняя звезда — сыном солнца. В падающих звездах видят атуа. Близнецы

называются сыновьями людей, которые спаслись на небо, боясь того, что их разлучат.

Церемониальный нож, украшенный акулыими зубами, предназначенный для разделки человеческого мяса. Новая Зеландия

Тесно связаны с прихотливым мифологическим строем идей, образуя в то же время самобытный мир, полинезийские представления о загробном мире, являясь несколько облагороженным отражением земной жизни, но более близким к последней, чем к миру богов. Только бог подземного мира почитается наравне с последними — Икулео, или Гикулео, младший брат Мауи, властитель Болоту, неба благороднорожденных, бог и руководитель их душ. Рядом с его небесным дворцом бьет источник жизненной воды, возвращающий к жизни души умерших вождей, оживляющий мертвых, исцеляющий больных. Или же он пребывает в пещере в Болоту, из которой может выходить не далее длины своего хвоста, сросшегося с землею, и где он живет в роскоши с женою и детьми, заставляя служить себе души начальников. Так как жажда душ составляет одно из его главных свойств и в то же самое время подданные его царства ушли под предводительством сыновей Тангароа, то он старался вернуть их из Тонги, призывая к себе души главных начальников. Он более всего обращал внимание на первенцев самого знатного происхождения. Однажды наступила между ними такая смертность, что Мауи на земле, а Тангароа на небе должны были сковать Гикулео. Под именем Сиулео он выступает на Самоа во главе воинов, которых он ведет к победе, когда благосклонно принимает их жертвы. В виде Милу и Вакеа, двух однородных половин того же образа, мы встречаем его на Гавайях. Сказания, относящиеся здесь к нему и к его призрачным

спутникам, представляют нам материал для представлений полинезийцев об аде и рае. Подземное царство Милу будет продолжаться без конца и было уже с самого начала. Известия о нем приносились мнимоумершими. Оно представляет плодородную равнину, даже несколько светлую, все растет там само собою. На дворе дворца Милу происходят всевозможные увеселения. Милу выбирает для себя самых красивых из прибывающих туда женщин, которые с этого времени становятся табу для всех других акуа. Другим властителем подземного мира является Вакеа, царство которого было основано позднее царства Милу. На оба эти царства наложено табу: из одного из них нельзя попасть в другое. Вакеа царствовал на земле, прежде чем сделался богом. И Милу был человеком, но менее добрым, поэтому Вакеа царствует над высшими, а Милу — над низшими душами. Души умерших несутся по направлению заходящего солнца к островам Кане и там прыгают со скалы в море или скрываются в отверстие на земле. На Оагу такое место показывается вблизи западного мыса, что наводит на воспоминание о таком же положении священного места на Палау. Но души не могут тотчас же попасть в загробный мир, а некоторое время бродят у его пределов и могут, если они окажутся только обмершими, вернуться в верхний мир. Отсюда исходит страх пред недавно умершей душой, так как ее полутелесное явление может напугать до безумия. В царстве Милу души развлекаются шумными играми, в царстве Вакеа господствует торжественный покой. Место для мучения злых, которое в качестве мрака продолжительной смерти и темного углубленного места указывается на обратной стороне неба, где привешены звезды, могло быть занесено сюда из чуждого круга идей.

На Гавайских островах, вызванный величественными вулканическими извержениями, образовался целый круг сказаний о подземной огненной богине Пеле, примыкающих к сказаниям об Аиде. Менее проникательные наблюдатели приписывали ей, как самому могущественному из божеств, не только вулканический огонь, но и гавайский потоп. Когда Пеле предприняла путешествие на Гавайские острова, которые были в то время огненной пустыней, с нынешними горами, но без пресной воды и даже без моря, родители дали ей с собой море, чтобы оно могло нести ее челноки. Когда она пристала к Гавайи, волны поднялись до такой высоты, что были видны лишь самые высокие вершины горных исполинов. Но вскоре после того море опустилось опять и достигло своего нынешнего уровня. Пеле со своими старшими братьями и сестрами, властителем пара, молнией, громовым человеком, насылателем огня, разрушительницей лодок с огненными глазами, раздробительницей неба и т. д. удалилась в огнедышащие горы. В шуме потоков лавы канаки слышат их голоса. Пеле

часто меняла свои местопребывания; изгнанная морским богом Моаной, она живет теперь в Килауэе, единственном действующем вулкане этой группы. И после обращения островитян в христианство кратер Килауэа еще долгое время оставался под строгим табу. До новейшего времени чужеземцы замечали, что их туземные проводники бросали с непокрытыми головами в огненное озеро маленькие жертвы вроде стеклянных бус, кораллов, раковин и пр. с приветствием: «Алоа, Пеле». Воспоминанием о некогда могущественной богине служат волосообразные стеклянные нити (волосы Пеле), встречающиеся в кратере Килауэа.

Фантазия меланезийцев не поднималась до таких величественных украшений области душ, но дорогу туда она обставляла многими и разнообразными препятствиями. Название Мбулу у фиджийцев напоминает тонганское Болоту. Точно так же гавайская игра в мяч повторяется в Новой Каледонии в виде игры душ померанцами на морском дне. По дороге в Аид прежде всего встречается город, и тени проходят через все его дома, ввиду чего все ворота открываются в одном направлении. Затем они должны пройти мимо исполина, который старается в них попасть большим каменным топором. Раненные им вынуждены вечно бродить в горах в виде духов, а спасшиеся от него получают после своего освобождения разрешение от Нденгеи наслаждаться запахом человеческих жертв. Самую худшую участь терпят души безбрачных. Их подстерегает Нанга-Нанга, и, как только схватит одну из них, он поднимает ее обеими руками и бросает на скалу так, что она разбивается пополам. Поэтому у фиджийских племен было в обычае удушение вдов, так как бог мужские души, приходящие без жен, считает за холостяков. Если жена умрет раньше мужа, то вдовец кладет свою отрезанную бороду в левую подмышечную впадину трупа как доказательство того, что умершая была замужем. Дух, насильственно препятствующий вступлению в подземное царство, известен и в Меланезии. Салатау старается ударить входящих в Аид обитателей острова Вате палицей по голове. Это тот же дух, который на Фиджи в виде Самуйяля, или Саму, или же Равойяля, подстерегает души, чтобы вместе со своими братьями съесть их. Души простых людей погибают, а души знатных входят в Мбулу. Они идут на вершину горы и находят там сидящих в пропасти отца и сына с веслом в руке. Если они о чем-нибудь спросят у них, то их сбрасывают и они должны плыть в загробный мир по морю. Могут показаться странными этот отец и сын с веслом в руке, когда душам приходится плыть. Но мы должны помнить значение перевозчиков душ, хотя это не относится к Фиджи, где места, куда пристают души, лежат к северо-западу и где воображают, что слышат вместе с западным ветром из Галонгало шум этого плаванья. После смерти своего короля трое самых

старых из мужчин племени идут с платками в руках на берег реки, чтобы найти провожатых для души. Они там громко зовут перевозчика и ждут, пока к берегу не подойдет более крупная волна, служащая признаком невидимой лодки. Тогда они отворачиваются и кричат: «Входи, господин!» Затем уходят оттуда как можно поспешнее, потому что глаз живого человека не должен видеть, как душа входит в лодку. Самый труп погребается по обыкновению.

Души, не попавшие в загробный мир, погибают или возвращаются назад и затем, подобно душам, раненым в борьбе душ, беспокойно блуждают по земле. Подобная же участь готовится тем, которые бросают китовым зубом, положенным в гроб, в дерево Такивелайява и не попадают в него, а по фиджийским сказаниям — для нетатуированных женщин и скупых. Этот исполненный опасностями путь душ разделяется остановками, на которых еще раз умирает каждая из душ. Скупцы, убийцы и другие грешники, по верованию жителей Соломоновых островов, подвергаются очищению таким образом, что превращаются в отвратительных пресмыкающихся — змей, жаб и т. д. Сходные с этими следы неясных представлений о награде и наказании в вечной жизни можно встретить повсюду. Но нельзя считать первичным представление фиджийцев о том, что души должны появляться перед судом Денге.

Обыкновенно души спускаются вместе с солнцем в океан и на следующий день, при его восходе, достигают другого мира. Поэтому островные мысы, откуда души прыгают в темноту, лежат на западе.

Там, где, как у фиджийцев, у каждого человека и у каждой вещи различают две души — тень и отражение, только темная душа уходит в подземный мир, а душа, похожая на отражение, остается у могилы. Этим объясняется появление душ во сне. Другое представление ставит для душ цель даже и в загробном мире, так как за высшей ступенью жизни в Мбулу следует уничтожение. Но это уничтожение олицетворяется и в другом предании принимает характер начальника душ в Мбулу, который при этом, вероятно, является божеством, поедающим души. Другие, однако, заставляют души оставаться на своем месте, пока земля не будет разрушена и обновлена огнем.

В главных чертах меланезийское учение о духах и богах напоминает полинезийское. Мы не заходим слишком далеко, утверждая, что основа ткани меланезийской мифологии состоит из полинезийских нитей; своеобразные нити только вплетены туда и чаще всего выступают вследствие ослабления прежних нитей и красок. При разнообразии божеств в области Полинезии, Меланезии и Австралии не имеет большого значения, кто стоит во главе их. На каждом острове меняется имя и достоинство

властителя богов. Только в рассказах о сотворении мира и подземном царстве мы замечаем больше устойчивости. На Фиджи главою всех богов и людей считается Денге, Тенгеи или Нденгеи. Денги вначале обладал свободою движения, но в качестве змеи прирос к земле своим свернувшимся хвостом. Этим он сходен с тонганским властелином местопребывания душ и Диануей, богом душ в Новой Каледонии. С того времени он стал богом землетрясений, бурь и времен года. Говорят, что, как только Денге шевелится, выпадают плодотворные дожди, на деревьях появляются ценные плоды и поля яма дают превосходную жатву. Но Денге в то же время — бог гнева, проявляющий себя в ужасающем виде. Он наказывает свой народ то уничтожением жатвы, то наводнениями. Он даже легко мог бы истребить людей на земле, потому что с тех пор, как он живет в глубинах земли, его мучит ненасытный голод и мог он бы привлечь к себе и проглотить целый мир. Сообразно степени родства с Денге боги на Фиджи распадаются на различные классы. Как и в Полинезии, здесь упоминают о семье богов — об отце, сыне, дочери. Мауту-Мауи, помогавший Денге в творении, называется плодом хлебного дерева и сыном верховного бога. Кроме того, у Денге есть еще несколько сыновей, которые принимают обращенные к нему молитвы. Внуки его — боги отдельных местностей, отдаленные родственники — подчиненные божества племен. Символизированные свойства или способности, напоминающие Индию своими грубыми преувеличениями, стоят еще ниже упомянутых божеств. Таковы Механическая ловкость с восемью руками, Мудрость с восемью глазами, Валювакати с 80 желудками. Два перевозчика душ и родившийся из локтя Рокомуту считаются детьми Денге, что основывается на сказании о творении и потопе.

Люди созданные из камней или земли творящим богом и его помощниками, или они — простые потомки богов, появляющиеся сперва в виде женщины, а затем мужчины. От их союза произошли прочие небесные и земные существа. На Банковских островах Куат творит существа плетением из гибких ветвей и по смеху тотчас узнает, что он создал женщину. Там, где Денге выступает творцом людей, мы видим рядом с ним в качестве помощника его сына Мауту (Мауи). Денге создал первую человеческую пару из яиц кулика (киту), а сын его dokonчил их создание до той ступени, когда они получили способность воспроизведения. Творение человека происходит там, где оно не примыкает к богам непосредственно путем грехопадения, между прочим и в Меланезии, из неодушевленного камня. На Факаафо первый человек, происшедший из камня, вылепил из глины руки и ноги своей подруги Иви, в тело которой вставил одно из своих ребер. От них произошли все другие люди. На Палау создала людей

божественная пара, Иракадернгель и Эйлуайнгадассакор, таким образом, что он создал мужчин, а она женщин. Стыдливая создательница не хотела показывать своего творения, тогда как ее муж на свое позволял смотреть свободно. С тех пор все женщины носят передник из листьев пандануса, а мужчины ходят обнаженными. И душевная дисгармония обоих полов сводится к этому давнему времени. Когда творческая пара соединяла двоих, случалось, что многие не подходили друг к другу. Первыми творениями были, впрочем, калиты, великаны по размерам и силе, обладавшие способностями, которых нет у нынешних людей. Обитатели островов Вознесения считают их строителями своих каменных памятников.

Из богов второго порядка рядом с высшим и старейшим богом чаще всего ставится бог войны, так как в нем особенно ясно выражен героический характер. Видоизменения его также довольно замечательны. Меру является на Самоа в виде бога молнии и грома и переходит в военного бога Мозо, или Мезо, напоминающего Оро таитян. Хотя позднее ему воздается почитание всего Мауи, как богу, закончившему творение, но он все-таки человеческого происхождения. Мару в Новой Зеландии посылает дождь, но также и землетрясение. Его узнают в красноватой планете Марс и почитают его на южном острове как военного бога, которому убитые приносятся в жертву. Вместе с тем боги полей и жатвы имели наибольшее практическое значение. Часть их свойств могла переноситься на Тангароа, Ту и Тане и пользоваться почитанием в лице этих последних. Между ними были полезные и вредные боги. На Тонге одному воздавалось поклонение при посеве и жатве, а другому — при орошении полей. Но богиня ветра, если ее забывали, уничтожала посевы. В Новой Зеландии вместе с жатвой соединено поклонение изображению Тики, первого человека.

В заключение остановимся на одном из толпы героев. Перед нами мощно выступает Тавагаки, родоначальник маорисов, подвиги которого были столь велики, что за него вышла замуж одна из дочерей неба. Когда она после рождения ребенка скрылась на небо, Тавагаки поднялся за ней на паутине. Родители его жены нанесли ему несколько ран, и, чтобы отомстить за себя, он вызвал потоп. В одном предании говорится, что в гневе он топнул о хрустальный небесный свод, разбил его, и потоп прорвался оттуда. В другом предании герой, вылеченный от ран своей женой Гирапи-рипири, просит потоп уничтожить его врагов. С тех пор Тавагаки как руководителю душ, который ведет души умерших начальников с земли на небо, приносится искупительная жертва при погребении. Нечто подобное первому варианту мы встречаем и на Тонге: Гуанаки и Фао приплыли с Тонги на Ниуэ, с силой ударили ногою в остров, чтобы заставить его подняться выше,

а ударив еще раз, вызвали к жизни растения, от одного из которых произошла первая человеческая пара.

Нисхождение обитательниц неба на землю, чтобы сделаться там женами земнородных героев, повторяется в другой форме во многих полинезийских сказаниях. Когда дочерям Денге, властителя неба, стало скучно в пустом доме, им захотелось посмотреть ближе народ, живущий под ними на земле. В это самое время сыновья начальников собрались для торжественного питья кавы. Когда они увидели спустившихся богинь, красота их вызвала тотчас же кровавые ссоры и схватки. Ужасный шум достиг до самого Болоту, и боги в месте своих собраний были испуганы. Ланги поспешил наказать нарушителей спокойствия. Но старшая дочь была уже разгоряченными соперниками в горячей схватке разорвана на куски, а младшей раздраженный отец сам отрубил голову. Эта голова, брошенная в море, превратилась в черепаху, с тех пор мясо этого животного запрещено есть начальникам.

Сказание о грехопадении, объясняющее смертность богоподобного человека, повторяется в видоизмененной форме, распространенной по всему миру. Между тем как прежде старик просто сбрасывал старую кожу и появлялся в новом, помолодевшем виде на Соломоновых и на Банксовых островах, все живые существа стали умирать следующим образом. Старая женщина обычным способом сбросила свою кожу в море, но кожа эта повисла на выдвинувшемся кусте. Помолодевшая мать вернулась домой. Так как ее ребенок не хотел узнавать ее, то она должна была волей-неволей пойти и опять надеть старую кожу. С тех пор все люди умирают. На Лифу смерть явилась вместе с любимой пищей островитян — с корнем яма. Когда из сыновей первого человека, обращенных в животных, крыса принесла на поверхность земли корень яма из огородов старика, живущего в середине земли, пробравшись в особое отверстие, и корень этот был посажен, люди начали умирать, так как за украденное питательное вещество они должны были платить своей жизнью. Мы видим намек на грехопадение, когда слышим, что бог Нобу навсегда покинул Эрроманго после того, как он создал людей. На Вате рассказывают, что жители его однажды, во время отсутствия Нутерайна, сожгли его большие раковины и в наказание за то обречены были на смерть.

Грехопадению людей соответствует период общего упадка и ослабления богов. При этом обращение главного бога в животное играет такую важную роль, что в этом можно видеть оправдание бессмысленного поклонения животным. На Фиджи рассказывают о Денге: когда он однажды смотрелся в чистый ручей, он был поражен своим безобразием. Вследствие того он принял вид змеи. «Если я останусь безобразным человеком, —

говорил он себе, — меня все будут презирать. А если я сделаюсь змеей, каждый будет меня бояться и повиноваться мне». В предпочтении, оказываемом животным идолам, заключается, вероятно, нечто позднейшее и регрессивное. Более чистое и высокое почитание высшего существа опустилось до поклонения пресмыкающемуся; героическое мужество и мудрость заместились страхом. Поэтому и полубоги — продукты испорченного времени, которое, будучи недовольно старыми богами, искало новых. На Фиджи один из начальников поднялся однажды на гору и воскликнул: «Кто хочет быть моим богом?» Не слыша ответа, он спустился к морю и повторил свой зов. Тогда ему ответила змея: «Я хочу быть твоим богом». Начальник пожелал признать змею в качестве бога и сделался ее жрецом. Но и в образе змеи это поклонение продолжалось недолго. Когда Денге, сросшись концом своего змеиного хвоста с основой земли, улегся в пещере Раки-Раки на покой, его посещал только старый слуга Уто, который, однако, при возрастающем равнодушии почитателей приходил по большей части с пустыми руками.

Повторяющееся во многих местах сказание о потопе не находится в какой-либо заметной связи с прочими мифологическими представлениями. Потоп то вызывается верховным божеством, то обоготворенные герои открывают путь волнам. Фиджийский Денге — в то же время Нептун Меланезии. С этим сходятся его отношения к Тангароа и Мауи, властителям моря и виновникам потопа. Когда Денге жил еще на берегу моря в качестве главного начальника, некто начал войну с ним. Тогда он призвал океан с севера на всю низменность и потопил неприятеля, а сам убежал на горы. Когда в другой раз его сыновья-близнецы умертвили его любимую птицу, петуха с великолепными перьями, который будил его каждое утро, Денге даже затопил всю страну. Близнецов он отправил под конец в округ Рева, где они сделались покровительствующими божествами строителей лодок. Поэтому положение корабельных плотников считается здесь почти священным, как на Тонге. На Палауских островах рассказывается следующее сказание о потопе. Старая женщина Милат, которая произвела на свет четыре большие страны, жила в преклонном возрасте в стране Нгарекобукит в Эйрае. Когда люди именно в то время убили там одного из семи калитов и друга его, проходя по всему Палау, пришли к дому Милат, она дружески пригласила их к себе и спросила, чего они желают. Они объяснили, что они — друзья пропавшего. Милат дала им поесть, но сообщила им печальную новость, что он убит людьми своей страны. Тогда друзья решили в гневе уничтожить всю страну, пощадив только Милат. Они ей посоветовали сделать себе плот из бамбука, который она должна была держать на длинном канате из лиан перед домом, перед самым полнолунием

запасти побольше пищи и даже спать на этом плоту, так как приближается большой потоп. Женщина сделала, как ей посоветовали, и вскоре вода залила всю твердую землю. Только плот старой Милат всплыл на поверхность. Но через некоторое время канат из лиан оказался слишком коротким, Милат была снесена с плота и утонула. Она приплыла без признаков жизни к скале и запуталась волосами в ветвях дерева, где и была найдена друзьями, искавшими ее. Согласно одному преданию, труп ее был превращен в камень, существующий и теперь, а по другому — она ожила с помощью женщины-калит, принявшей ее образ, после чего искавшие ее мужчины прижили с ней пятерых детей, от которых исходит население Палауских островов. Подобное сказание мы встречаем и на Банксовых островах. Потопы вообще не всегда насылаются в виде наказания. Денге причиняет их уже тем, что ворочается под землю. С потопами здесь, как и повсюду, соединены сказания о переселениях. С ними даже связаны исторические странствования тихоокеанских народов.

Служение божествам не всегда бывает делом жрецов, но эти последние занимают выдающееся положение потому, что они сносятся с высшими из небожителей и принимают на себя заботу о святилищах и жертвах. Наиболее священными считаются предметы, связанные с божествами, — храмы, идолы, жертвы, празднества и все, что употребляется при этом, животные и деревья, где боги пребывают по временам, и т. п. На Таити на христианские капеллы перешел обычай, в силу которого при освящении храма король сперва входил туда один, как самое священное лицо из народа. Каждый почитал прежде всего божество своего дома. Перед ужином у огня домохозяин молится семейному божеству. При домашних праздниках старейший в доме приносил семейным богам сосуд с авой. Общинному богу, которому служит жрец, дети посвящаются уже при самом рождении. Бог этот является в образе животных, движения которых истолковываются жрецами в качестве предзнаменований. Наконец, большим национальным богам служат жрецы, которыми бывают начальники или лица, близко связанные с ними. Отсюда исходит неправильное понятие, будто частные люди служат лично своим богам, а начальники — только через посредство жрецов.

Эти жрецы обозначаются на Тонге именем «отделенных», так как они — люди с особой душой. За потомками их признаются такие же способности. Жреческое звание наследуется в одной семье наряду с званием начальника, или начальники сами становятся наследственными жрецами. Известное благоволение богов простирается и на начальников деревень. На Самоа огонь в доме начальника никогда не должен был угасать, даже и ночью. Кто не хотел приносить начальнику деревни свои повинности,

подвергался каким-нибудь несчастным случайностям: он разделял подати с Айтиу. Высшие начальники оставались во время войны в деревне, чтобы помогать воинам молитвой. Но в затруднительных случаях жрецы должны были принимать участие в битве, насылая проклятия на врагов. На Гавайских островах, по крайней мере, к одному члену семьи начальника переходило жреческое посвящение. В жреца вселялись души умерших, и его семейный бог был его помощником. Вместе с этим одухотворением предание присваивало ему множество ценных знаний, из которых важнейшие исходят от высших божеств и являются источником крупного влияния. Когда удается получить какую-нибудь частицу ближнего, то через нее посредством колдовства жрец, в руках которого находятся вред и польза других людей, может проявлять свою власть.

Части умерших служили самыми сильными волшебными средствами. Такими талисманами были на Маре пучок волос, ресницы, кости, ногти рук и ног жреца, в Новой Каледонии — ногти на руках, на Тонге — человеческие фигуры из кости, на Самоа — куски тапы, которую носили знаменитые предки. Но наибольшая ценность придается черепу, который самыми различными образами препарировался, сохранялся и служил предметом почитания. Подвергаясь медленному сгоранию в известной смеси волосы, ногти и т. д. какого-либо человека могут причинить ему болезнь и даже смерть. Если кусочек кости трупа завернуть в листья и с пением некоторых стихов положить на дорогу, то нашедший его подвергается нарывам, сыпям и т. п. Жрецы маорисов убивают врага, вставив в его изображение камень на место сердца. Наряду со жрецами в Новой Зеландии существовали особые колдуны, а на Гавайях — астрологи. Здесь сыновья Гины, полинезийской Селены, были научены ворожке своею бабушкой. Знанию жрецы придавали высокую цену. Их название «тогунга», буквально «толкователь знаков», в Новой Зеландии применялось к каждому, кто несколько выдавался в чем бы то ни было, например в постройке лодок или приготовлении копий, он считался «ученым». Все тогунги новозеландского племени считали самым ученым тино-тогунга, высшего, который жил с ариком, или начальником. Там, где не было общественных певцов, как, например, на Маркизских островах, жрецы были также носителями исторического предания. Таков был кагуна на Гавайских островах..

Штевень военной лодки, украшенный резьбой. Новая Зеландия

Общественное положение жрецов в разных группах оказывается различным. С внешней стороны оно отличается татуировкой (у маорисов — волнистыми линиями на лбу) и длинной палкой. Начальники жрецов, арики, составляли вершину общественного строя маорисов. Они не ходили на войну, а предоставляли это начальнику, выбранному из числа их родственников. Они сохраняли силу наложения табу даже и тогда, когда начальническое звание переходило к другому, и гордились происхождением от самой старинной ветви общей родословной племени. Только арики знает священные песни. Место, где он сидел, надо было обходить как табу, прикосновение к его голове вело за собою смерть. На Тонге рядом с главным начальником, наряду с ним, а в известном отношении даже выше его, стояла начальница жрецов, которою была обыкновенно старшая племянница Туи-Тонги. Вообще постоянное вдохновение приписывалось только жрецам, хотя бы они занимали чисто служебное положение. Судостроители в качестве слугителей Тангароа обладали всеми жреческими правами. На Оагу начальник был в одно и то же время жрецом, школьным учителем, рыболовом и изготовителем деревянных чашек. У обитателей Маркизских островов во главе табуированных сословий стоят атуа, богоподобные прорицатели. За ними следуют начальники, власть которых переходит по наследству, «туа», прорицающие в судорогах, которым после смерти приносятся жертвы, как атуа, «тагуны», приносящие жертвы согласно преданию, «оутоу» (моа), или помощники жрецов, приносящих жертвы, «тоа», или военные вожди, и, наконец, «нати кага», изрекающие проклятие. И на Гавайских островах жрец считался выше главного начальника. Часто споры о святости или преимуществах жреца должны были подавать повод к разделению племен и к переселениям, странствования идолов, унесенных жрецами, составляют интересную часть сказаний о полинезийских переселениях. Чтобы поддержать и еще усилить свое влияние, жрец должен был приносить немалые жертвы. У маорисов тогунги жили в безбрачном состоянии, но высший жрец племени должен был жениться, чтобы иметь

наследников своего звания. Посвященные тауиры должны были поститься и жили в стороне от народа, так же как и жрец, вокруг храма.

Яп, Нукуор и другие микронезийские острова имеют особого начальника жрецов и таких жрецов, которые отличаются от колдунов. Путем обмана слывут оракулами невидимые калиты, за которыми скрываются жрецы. Во многих округах им посвящены дома и при каждом доме — женщина. Многие приобретают большое влияние вследствие общения со священными животными. В конце концов система табу и здесь создает ограничения, посредством которых жрецы получают открытый доступ во все сферы жизни. У мелких племен старейший принимает на себя заведование религиозными обрядами. В более обширных обществах рядом с ним мы видим жреца, врача, заклинателя погоды и колдуна. Он должен обладать способностью впасть в экстаз. Традиция сохраняется во всем: жрец в своих заклинаниях прежде всего просит вдохновения у собственных предков. Кто имеет предков, в которых верят и другие, тот имеет двойную возможность сделаться жрецом.

Жрецы предсказывают по состоянию неба, по лаю собак, пению петухов и т. д. или по собственным волшебным орудиям. Об исходе войны маориский жрец судит следующим способом: он втыкает заостренные палки по числу дружественных и враждебных племен в песчаный холм и бросает в них пучком связанных веревок. Предвешание считается благоприятным, если палки лягут вверх. Перед каждым предприятием маорис произносит волшебные заговоры. Песни его всегда обладают ритмом и разделены на стихи, чтобы легче могли переходить от поколения к поколению. Другие песни имеют очистительное значение. В «мате», или видении, отражается будущее. Лица, кажущиеся ночью, объясняются как посещение душою страны призраков, поэтому сны имеют значение для постановления решений племени. На Гавайских островах жрец при прорицании вырубал каменным топором знаки грома и молнии, призывая на помощь бога неба.

Посвящение жреца совершается с большими церемониями. В Новой Зеландии, где было нечто вроде школы жрецов, кандидат становился под навес из ветвей, причем одной ногой он стоял в воде, а другой — на земле. Тайная наука жрецов сообщалась ученикам с помощью «Главы источников». Это учение требовало чрезвычайной тщательности во всем своем применении: одно неверное слово при заклинаниях могло испортить все, даже убить самого жреца. Община и племя гордились как своим божеством, так и своими испытанными жрецами.

В небольшом обществе жрец является в то же время и врачом. Но там, где собраны более значительные массы, например на Гавайских островах, на Тонге и в Новой Зеландии, существует особый род жрецов, занимающихся

по преимуществу врачеванием. Главное дело здесь заключается в том, чтобы узнать что-либо от божества о болезни пациента. При заклинаниях жрец, сидя около больного, обращается с вопросами к божеству и получает ответы пронзительным голосом. Болезни, которые не могут быть излечены жрецом, считаются полученными от «предков». Задача жреца в отправлении правосудия состоит в том, чтобы тайными средствами открыть преступника. Они высматривают его в воде и, если не видят там, добывают огонь трением и насылают на него проклятия. Точно так же с помощью волшебного искусства стараются открыть виновников загадочных смертных случаев. Суд божий находится по большей части в руках жрецов. На Гавайских островах подозреваемый должен был держать руки над водою, и та не должна была дрожать в сосуде, пока жрец глядел на него.

Пляски и песни имеют необходимое участие в религиозных церемониях, в особенности в празднестве при собирании плодов хлебного дерева. При этом или употребляются танцевальные палки, или дело заключается только в согласном движении рук и ног. Земпер слышал о сладострастных танцах палауских женщин, исполняемых в лунные ночи в честь какого-то женского божества, но не мог добиться никаких объяснений по поводу их. Пляски в честь счастливых добывателей голов исполняются вместе с песнями, сочиненными девушками. При этом обычай требует раскрашивания красной краской всей верхней части тела и ног. Но значительная часть почитания божеств заключается в безмолвии. Богов, у которых нет храмов, не следует беспокоить ни шумной ходьбой, ни криками. Когда Ронгале спускается на остров Фаис, нельзя ни говорить громко, ни шуметь. Жители приближаются к лесу лишь в праздничной одежде и с соблюдением тишины.

Мы там много встречаем священных мест. Их не надо воображать себе всегда в виде зданий: при общем одушевлении мира вся природа является храмом. Места могут быть священными только вследствие пребывания в них духов. В более простых условиях дом жреца, где огонь никогда не угасал, был местом священнодействий. Каждая могила сама по себе священна. Со всеми этими местами было связано право убежища. Распространенный здесь культ душ создавал места поклонения, к которым со временем могло примыкать и служение другим духам. Мест, предназначенных исключительно для поклонения богам, вообще было более в восточных островных группах. Первоначально, впрочем, они были простыми местами погребения. Так как со смертью каждого знатного лица не всегда связывалось создание нового места погребения и оно погребалось уже в освященном месте погребения предков, то связанное с последним священное значение понемногу возрастало. Большие восьмиугольные

каменные постройки с лестницами, предназначавшиеся только для самых знатных, встречались редко и в позднейшие времена, по-видимому, совершенно вышли из употребления. Обыкновенно воздвигались прямоугольные земляные холмы от 3 до 12 метров высоты, окруженные внизу невысоким валом. На верхней площадке, которая часто вымощивалась, ставились один или несколько изящных домиков, пол которых тщательно выкладывался мелкими кремнями, покрывавшими могилу. На более длинной стороне две или три широких ступени приводили к площадке, окруженной с трех остальных сторон стенами или изгородями. Там стояли алтари, похожие на высокие помосты, идолы, из которых иные прикреплены были к стенам, отдельные хижины для жрецов и даже священные деревья. Изображения главных богов не всегда находились в храмах. Только в торжественных случаях особыми священными носильщиками, которые не должны были заниматься никаким другим делом, они переносились из дома жреца в храм. И в Микронезии местами поклонения (марайе, амалау) служили огороженные места с деревянными и каменными постройками, часто связывавшиеся с могилами. Роль таких «мавзолеев» во внутренней части Ротумы играли дольменообразные каменные строения, прежние могилы, имевшие у Металанимме на Понапе восьмиугольную форму, вставленные по три друг в друга, с углублением в виде погребка, наполненного костями, и подобные же постройки на Уалане. Другие священные возвышения из камней представляют небольшую ступенчатую пирамиду, вершина которой увенчана вертикально стоящим камнем. Калиты на Палауских островах живут в восьмиугольных деревянных хижинах, внутри которых из досок сделана перегородка. С внешней стороны ее живет жрец, чрез посредство которого духи говорят с людьми. Точно то же самое мы видим и на Фиджи. Но и здесь старое уничтожается новым. Уже Земпер видел калитов живущими в простых хижинах. И у меланезийцев священными местами считаются могилы, места, где хранятся черепа и другие останки предков, и особенно охотно посещаемые духами уединенные места в лесах, на морском берегу, на горных вершинах и в пещерах. Рядом с храмами могут быть поставлены общинные дома. На Соломоновых островах они назывались «священными» домами. Название «чертовых домов», без сомнения, придумано было европейцами. Но они, впрочем, никогда не служили исключительно религиозным целям.

Глубокое влияние на жизнь этих народов оказывал факт, что они своих богов не изображали в настоящем смысле, но чаще представляли их себе временно пребывающими в произвольно избранных предметах. Но такие фетиши не были безусловно необходимыми для сношения с божествами.

Немая молитва шепчущими губами у них, как и у нас, возносилась к небу. Употребительные обороты речи на Гавайских островах противопоставляли обращение к невидимым существам поклонению идолам. Идолы почитались только тогда, когда в них вселялся бог (акуа), к этому были направлены молитвы и жертвы жрецов. Выбор предметов был произвольным — плетеные вещи, куски дерева, но лишь священного дерева. К ним ближе всего стояли камни. Обрубки дерева, грубо обделанные, с трудно распознаваемым человеческим лицом и иногда с половыми органами преувеличенных размеров, обделанные в том же роде куски камня и даже внушительные статуи, как, например, на острове Пасхи, или исполинские каменные фигуры подходят ближе всего к нашему понятию об идолах. Но они часто пользовались меньшим почитанием, чем совершенно произвольные предметы, вроде куска дерева, обвитого бечевками, или ветки банана, обмотанной кокосовыми волокнами. В каждой резной фигуре нельзя видеть идола, так как резьба производилась и ради удовольствия и искусства мастера. В каменных идолах мы скорее можем предположить остатки культа, находившегося в тесном соотношении с мифологическими и историческими представлениями, чем в бесформенных и деревянных обрубках. На западе эти изображения стояли, очевидно, ближе к своим источникам. Когда папуас умирает, сын вырезывает его изображение, ставит его в своем жилище и обращается к нему в важных случаях жизни. Когда умирает этот последний, сын его изготавливает такого же идола и, быть может, бросает ненужное ему теперь изображение деда. Из Нового Лауенбурга нам известны двойные идолы, которые считались изображением супружеской четы предков. Из этих образов душ при схематическом изображении могут возникать идолы. Идолы в Доре в Новой Гвинее, в 15-20 сантиметров высоты, представляют бесполое существо, руки которого опираются на изукрашенные перила. Этот процесс развития переносит изображение предков из дома в общественное место. На Соломоновых островах такие грубые изваяния подпирают кровлю дома собраний.

В изготовлении знаменитых идов из перьев Гавайских островов вначале лежала, без сомнения, мысль о мифологических птицах, например о священных «алаэ». На Тонге символом покровительствующего бога племени была сложенная циновка с красными перьями. В Новой Зеландии разбрасывались по земле красные перья, чтоб вызвать плодородие.

Идолы ставятся также на тех местах, где от них ожидают непосредственной помощи. На Гавайских островах ставили вдоль дороги камни, обмотанные травой, в качестве местных божеств, а на горных дорогах приносились жертвы перед нависшими камнями, чтобы они не обрушились. К этому классу относится также след ноги божества на камне,

к чему сказание возвращалось еще и в сравнительно недавнее время. Так, один начальник Новой Зеландии оставил близ Таупы след ноги на скале, а следы ног начальника, убитого в войне с Камеамеа, показывались еще Бирггему. Сень храма повсюду, где были более развитые социальные условия, была общепризнанным убежищем. И здесь храм и могила совпадают между собою. На Гавайских островах убежище давала близость могилы королей, точно так же на Тонге места погребения начальников были священным местом. В том и другом месте давать это право охраны перешло на жрецов: на Ранай место, считавшееся убежищем, шло поперек всего острова, жрецы предоставляли его бегущим, скрещивая свои палки перед преследователем.

Там, где души предков стояли в культе на первом месте, им посвящались жертвы и молитвы. Там, где их место занимали духи, и те и другие направлялись к последним. Но молитвы уже сами по себе считались жертвою. Это были формулы, часто давно уже непонятные, но все-таки переходившие по наследству и сообщавшиеся незнающим людям за известное вознаграждение. Молитвенные песнопения, тщательно составленные и иногда довольно длинные, отличались от коротких обращений, внушаемых иногда минутою. Они считались приятными богам и даже заменяли жертву. Физон отмечает в фиджийских молитвах, что в них просьбы об удовлетворении собственных нужд сопоставлялись обыкновенно с просьбами о причинении вреда врагу.

В погребальных обычаях преобладает основная идея священного характера трупа вследствие близости души. Но это имело значение лишь для родственников, чужие люди не боялись осквернять трупы. Связь с душою, взятой богами, всего легче замечается по близости трупа. Поэтому жрецы в Новой Зеландии пели над трупом, чтобы душа поднялась, по крайней мере, до восьмого неба. В предположении, что душа, призываемая молитвой или колдовством, не может оставить тело без вынуждения, жрец осторожно махалкой водит по трупу и отряхивает ее. Посещения душами живых легко могли быть отклонены надеванием маски, которая должна была отрезывать обратный путь. Души, которые не соединились с богами и не могли быть умиловлены жертвами, бродили по ночам вокруг домов, как привидения. Блуждающие души можно слышать в шуме листьев или в плеске волн или видеть при лунном свете в виде белых призраков. Душу умершего вдали от родины старались привлечь на разостланный белый платок и считали цель достигнутой, если на призыв являлся кузнечик или муравей. Преклонный возраст уважался только потому, что все хотели заблаговременно установить доброе согласие с душой, готовой умереть. Более глубокий смысл распространенного обычая — отправлять вместе с

умершим в вечность его жен и слуг — заключается в желании дать провожатых душе умершего или, по крайней мере, послать другую душу, охраняющую ее, если бы она нуждалась в помощи. Поэтому для руководства детскими душами подвергались удушению мать, бабка или тетка. Надо было подумать и о подкреплении в борьбе, которую предстояло вытерпеть по дороге в Аид. После целого ряда дней, когда уже допускается, что душа трупа превратилась в духа, начинается плач по умершему, имеющий целью склонить духа вступить на путь в загробный мир, быть может нежеланный для него. При существовании веры в возможность периодического возвращения этот шум повторяется от времени до времени.

В самых способах погребения существуют большие различия. На западе труп держат, сколько возможно, поблизости и сохраняют, по крайней мере, некоторые части его, в особенности череп, а еще чаще нижнюю челюсть в препарированной форме. На берегу Маклая в Новой Гвинее трупы обыкновенно высушиваются в хижине у огня. На других островах их подвешивают между ветвями деревьев в циновках, пока мягкие части разложатся, а затем симметрически укладывают скелеты в скалистых пещерах на морском берегу. Трупы детей подвешиваются просто в корзине под крышею хижин. На Фиджи употребительны погребения в хижинах. У мотусов в порте Морезби знаком печали считался трехдневный барабанный бой. После этих трех дней перед домом выкапывалась могила, мертвый укладывался в нее, завернутый в циновку, а над могилой ставилась маленькая хижина. Через некоторое время могила раскапывалась, труп вынимался и натирался на локтях и коленях красной глиной. Затем он опять погребался, и могильный домик постепенно разносился по частям, так что от могилы не оставалось никакого следа. Все эти обряды сопровождалось пиршествами.

На Тонге трупы знатных омывались, украшались, натирались маслом и охранялись женщинами. При настоящем погребении родственники, одетые в изорванные циновки и украшенные венниками из листьев дерева ифи, переносили труп в дом умершего и закапывали его там в одежде, чаще в ящике или маленьком челноке, укладывая вместе с ним самое дорогое имущество его. Затем все с громким пением отправлялись на морской берег, плели корзинки из кокосовых листьев и наполняли их белым песком, которым засыпали верхнюю часть могилы. Далее в течение 20 дней мужчины жили в легких хижинах у траурного дома, а женщины внутри его, занимаясь священнодействиями. На 20-й день все опять отправлялись на берег, приносили в только что сплетенных корзинах мелкий белый и черный кремень и выкладывали им пол могильного дома. На Таити тело после удаления внутренностей и наполнения брюшной полости тканями,

напитанными эфирным маслом, сохранялось до полного разложения, затем кости погребались, а черепа передавались в семью. На Маркизских островах самые знатные лица погребались в марай, сидя, с поднятыми коленями, с головою, зажатой между ними, и руками, спрятанными под них. Здесь совершались и похоронные пиршества, к которым приглашения передавались разукрашенными гонцами.

Между значением, придаваемым душе умершего, и способами погребения существует непосредственная связь. Простой народ, по видимому, мало церемонился со своими умершими. В Гавайи обыкновенно люди хоронили мертвых сидящими на корточках, завернув их в ткань, в пещерах или в земле, часто и в своем доме. Кушанья ставились рядом с ними. В Новой Зеландии рабы просто зарывались, а иногда выбрасывались собакам или бросались в море. В некоторых странах существовал, по видимому, обычай сжигать их. В Мангайе обычай требовал бросать мертвых, обернутых в белые материи, в глубокие пещеры: знатных — в одну, а простых людей — в другую, так как и вход в подземный мир был для них не один и тот же. Но в высших классах трупы, по большей части, превращались в мумии и выставлялись в храме или в доме для мертвых. С этой целью внутренности удалялись. На Гавайи мясо тщательно очищалось с костей и сжигалось, а кости частью складывались в семейном святилище, и там им воздавалось поклонение, или же разделялись между друзьями умершего. Нечто вроде бальзамирования существовало и у гавайцев, и даже в Новой Зеландии, где погребение представляло большое сходство с погребением таитян. Могилами там часто служили свои дома, где останки умерших стояли в ящиках. В других местах их хоронили в земле, а трупы детей вешали в ящиках между ветвями дерева. При этом неизбежными были «кегуи» — что значит «запрещенный» и переходит в значение табу — вымазанные красной краской деревянные столбы с вырезанными лицами, которые, точно стражи, стояли кругом.

Ходуля с Маркизских островов. (Бег на ходулях был одним из видов упражнений в церемониальных военных играх)

Только на некоторых мелких внешних островах мы замечаем отступления от этих обрядов. На островах Гамбье мумии кладутся, обернутые циновками и тканями и связанные веревками, в горных пещерах. На Фалефе мумии начальников хранились в хижине, на двойной лодке или в пещере. На Мульграве мертвые клались на камни, покрытые кокосовыми листьями, и относились для погребения в семейную пещеру. В отдельных случаях погребения в лодке, пускаемой по морю, заключается, очевидно, видоизменение обычая — предоставлять душе челнок для путешествия в загробный мир.

На Джильбертовых островах вдова спит около трупа умершего мужа под той же циновкой, пока у него не отпадет голова, которую потом в виде очищенного черепа она постоянно носит с собою, так же как и череп любимого ребенка. Этот культ черепа в Микронезии встречается и в других местах. На Япе мертвые никогда не погребаются вблизи моря, а жители гор погребаются не иначе как на горных вершинах. Вполне возмужалые люди погребаются сидя, с согнутыми коленями, а дети и юноши — в лежачем положении. Замечательное сочетание погребения в земле и в море находим мы на Кузайе, где кости выкапываются из земли и, связанные вместе, опускаются в море.

Там, где употребительны погребения, череп часто отделяется от трупа. Благодаря этому обстоятельству А. Б. Мейер выменивал много человеческих черепов, так как папуасы не решались, после того как были исчерпаны запасы голов убитых врагов, расхищать могилы своего племени. Но они все-таки не хотели отдавать нижнюю челюсть. Поэтому почитание останков трупа небезгранично. Впрочем, папуасы в Западной Новой Гвинее всегда избегали касаться черепов рукою.

Значительные различия встречаются и в более тесных границах других архипелагов. На некоторых островах Соломоновой группы труп бросается в море, чтобы он мог приплыть в прекрасную страну на западе. На Анайтеуме погребаются только трупы высших начальников. Перед бросанием в море на женские трупы надеваются пояса, а лица мужских трупов раскрашиваются. На других островах тела, завернутые в циновки, переносят на мангровые насаждения, оставляют их здесь на воздухе, пока голова не будет легко отставать от туловища, препарируют ее и все остальное хоронят на общем погребальном месте. На Сан-Кристовале и в других местах мертвых кладут на высокий помост и вырывают под ними яму для отпадающих частей тела. Череп и кости ручных пальцев уносятся как семейное наследие, и над ямой

строится хижина или пирамидальная подставка, покрытая листьями. Могилы детей усыпают цветами.

На Танне труп хранится в ладьеобразном гробе, а в Новой Каледонии в могилу втыкаются весла и копья. Здесь вместе с трупом кладутся украшения. Если не целый череп, то нижняя челюсть хранится как священный предмет. И то же самое видим мы в Новом Мекленбурге, Новом Лауенбурге и на Ватэ. На Ватэ деревья вблизи могил надрезываются особенным образом.

Внешние выражения печали остающихся доходят до нанесения себе ран и увечий. Когда на Тонге умирала мать короля, начальники, происходившие от нее, обжигали себе виски, но когда умирал верховный жрец, все отрезывали себе сустав мизинца. Таитянки еще на свадьбе вставляли зубы акулы в деревянную рукоятку, чтобы этим наносить себе раны во время траура по мужу. Тогда вместе с друзьями они призывали душу умершего. На Таити тот, кто должен был грустить больше всех, носил одежду, сделанную из рубашки умершего, а другие ходили в разорванном и запачканном платье. Друзья, жившие по соседству, являясь на поминки, вступали с домашними умершего в мнимое состязание в выполнении общих причитаний. То же самое происходило и на Мангайе, где все друзья умершего ходили по острову в странных одеждах, чтобы одолеть духов других округов.

Обычай погребения живых весьма распространен. Как способ умерщвления детей, он употребляется в обширной мере. Но старые и больные требуют сами, чтобы их хоронили. У новорожденных над могилою разводится огонь, чтобы душа могла задохнуться. Когда на Ватэ хоронят живыми старых людей, им привязывают к одной руке свинью, которая затем съедается на пиршестве и сопровождает душу в загробный мир. На островах Фиджи вместе с тем употребляется и удушение, и веревка считается там большим благодеянием в сравнении с палицей. Когда на Соломоновых островах умирает начальник, его жен душат сонными. Для них и для памяти умершего считалось бы постыдным, если бы они вышли за мужчин высших сословий. Часто так кончают жены и ближайшие родственницы у простых людей. И после смерти человек должен быть окружен теми, кто его любит. На Анайтеуме женщины носят на шее роковую веревку уже с самой свадьбы.

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ АВСТРАЛИИ

Собраны К. Лангло-Паркер. Пер. С. Любимова и И. Курдюмова

Диневан-эму и Гумбл-габбон — дрофа

Диневан-эму как самая большая птица был признан королем всех птиц. Дрофы Гумбл-габбон завидовали Диневанам. Гумбл-габбон-мать особенно сильно завидовала Диневан-матери. Она с завистью смотрела на высокий полет Диневанов и их быстрый бег. Она думала, что Диневан-мать хвастается перед ней своим превосходством, когда после долгого и высокого полета спускалась вблизи нее на землю, хлопала своими большими крыльями и начинала гордо ворковать. Это не было громкое воркованье самца; это был тихий, торжествующий, удовлетворенный звук, всегда раздражавший Гумбл-габбон.

Гумбл-габбон долго думала о том, как покончить с превосходством Диневан. Она решила, что сможет достигнуть этого, только повредив ей крылья и лишив ее возможности летать. Но как это сделать? Она знала, что ничего не добьется ссорой и открытой борьбой с Диневан, потому что ни одна Гумбл-габбон не могла устоять в борьбе с Диневан. Очевидно, она должна достичь своей цели хитростью.

Однажды, увидев издали идущую к ней Диневан, Гумбл-габбон присела на землю и сложила свои крылья так, что казалось, будто их у нее нет.

Когда Диневан немного поговорила с ней, Гумбл-габбон спросила:

— Почему ты не подражаешь мне и не обходишься без крыльев? Каждая птица летает. А Диневаны, чтобы быть королями птиц, не должны летать. Если все птицы увидят, что я обхожусь без крыльев, они поймут, что я самая умная, и сделают меня королевой.

— Но у тебя же есть крылья, — сказала Диневан.

— Нет, у меня их нет. — И в самом деле, она выглядела бескрылой, так хорошо были скрыты ее крылья, когда она сидела в траве.

Диневан ушла и долго думала над тем, что услышала. Она обсудила все со своим мужем, который огорчился так же, как и она. Они решили не допустить Гумбл-габбон царствовать вместо них, даже если им придется потерять крылья, чтобы сохранить королевский сан.

В конце концов они решили пожертвовать своими крыльями. Диневан-мать показала пример и уговорила своего мужа отрубить ей крылья каменным топором камбу, а затем отрубила их ему.

Как только эта операция была закончена, Диневан-мать решила поскорее сообщить Гумбл-габбон о том, что они сделали. Она побежала на равнину, где оставила Гумбл-габбон, и, найдя ее сидящей по-прежнему на земле, воскликнула:

— Посмотри, я последовала твоему примеру. У меня теперь нет крыльев, они отрублены.

— Ха-ха-ха! — засмеялась Гумбл-габбон и, вскочив, начала танцевать от радости. Как ловко все получилось! Она расправила свои крылья, похлопала ими и сказала:

— Я обманула тебя, короткокрылая. Вот мои крылья! Да стоит ли выбирать вас, Диневаны, королями, если вас так легко обмануть. Ха-ха-ха!

И, насмехаясь, Гумбл-габбон громко захлопала крыльями перед Диневан. Диневан бросилась к ней, чтобы наказать ее за обман. Но Гумбл-габбон улетела, а бескрылая теперь Диневан не могла догнать ее.

Диневан пошла, раздумывая над своим несчастьем. Она решила отомстить. Но как? Ни она, ни ее муж не знали. Наконец Диневан-мать придумала план и приготовилась к его выполнению.

Она спрятала всех своих маленьких Диневанов, кроме двух, под большим кустом, а с двумя малютками пошла на равнину к Гумбл-габбон. Спускаясь с покрытого галькой хребта морилла, где находился ее дом, она увидела Гумбл-габбон с ее двенадцатью детьми.

Побеседовав с Гумбл-габбон, она вдруг сказала:

— Почему ты не подражаешь мне? У меня только двое детей. Двенадцать слишком много, чтобы их прокормить. Если у тебя будет много детей, они никогда не вырастут большими птицами, как Диневаны.

Гумбл-габбон ничего не ответила, но подумала, что Диневан права. Ведь действительно, молодые Диневаны были гораздо крупнее, чем дети Гумбл-габбон. Расстроенная Гумбл-габбон подумала: «Не потому ли так малы мои дети, что их больше, чем у Диневан? А как было бы хорошо вырастить их такими же большими, как Диневаны!» Тут она вспомнила о

том, как обманула Диневан, и подумала, что тоже может быть обманута. Но, взглянув туда, где кормились Диневаны, и увидев, насколько крупнее ее птенцов были двое молодых эму, она тут же безумно позавидовала.

— Не быть Диневанам королевскими птицами равнин! — решила она. — Гумбл-габбоны заменят их. Они вырастут такими же большими, как Диневаны, сохранят свои крылья и будут летать, чего не могут теперь делать Диневаны.

И Гумбл-габбон убила всех своих птенцов, кроме двоих. Затем она пошла туда, где кормились Диневаны.

Увидев Гумбл-габбон только с двумя детьми, Диневан спросила:

— Где же твои остальные птенцы?

— Я их убила, оставила только двоих. У них будет вдоволь еды, и они вырастут такими же большими, как твои.

— Ты жестокая мать, — убила своих детей. Ты жадная мать. У меня двенадцать птенцов, и всех их я кормлю. Ни за что на свете я не убью ни одного из них. Даже если бы я получила взамен свои крылья. Здесь хватит пищи для всех. Посмотри на куст — он покрывается ягодами, чтобы кормить мою большую семью. Посмотри на кузнечиков — они прыгают кругом, чтобы мы могли ловить и есть их.

— Но ведь у тебя всего двое детей!

— Нет, у меня их двенадцать. Я пойду и приведу их. — И Диневан побежала к кусту, где спрятала десятерых своих птенцов.

Вскоре она уже возвращалась, вытянув шею, гордо закинув назад голову, а перья ее хвоста бубу-телла покачивались на бегу. Она издавала странные горловые звуки — песню радости Диневанов. Рядом с ней бежали красивые, нежные малютки с полосатым оперением, насвистывая детскую песенку Диневанов.

Диневан скрыла десять своих птенцов под большим кустом после того, как поддалась уговорам дрофы и отрубила себе крылья. (Можете ли вы найти топор, которым она это сделала?) Она идет назад к Гумбл-габбон с двумя своими птенцами посчитаться с хитрой птицей. Дальше читайте...

Приблизившись к Гумбл-габбон, Диневан перестала ворковать и торжественно сказала:

— Видишь, я говорила правду. Вот мои двенадцать детей. Можешь посмотреть на них и думать о своих несчастных убитых детях. А пока ты думаешь, я предскажу тебе судьбу твоих потомков. Хитростью и обманом ты лишила Диневанов их крыльев, и, пока Диневаны бескрылы, Гумбл-габбон будет нести только два яйца и иметь двоих детей. Мы поквитались: у тебя есть крылья, а у меня — дети.

С тех пор Диневан-эму не имеет крыльев, а Гумбл-габбон — дрофа каждый сезон кладет только два яйца.

Как было создано солнце

До того как появились люди, на земле жили только птицы и звери, и все они были значительно крупнее, чем теперь. В те времена светили только луна и звезды, а солнца не было.

Однажды Диневан-эму и журавль Бролга ссорились и дрались на обширной равнине около реки Мурумбиджа. Рассерженный Бролга бросился к гнезду Диневана, схватил большое яйцо и изо всех сил бросил его в небо. Там оно разбилось о груды дров, желток разлился, дрова загорелись, и этот огонь, к удивлению всех существ, осветил мир. Все привыкли к полутьме и были ослеплены этим ярким светом.

Живший на небе добрый дух увидел, как ярко и красиво выглядит земля, освещенная этим огнем. Он подумал, что было бы хорошо каждый день зажигать такой огонь, и с тех пор стал это делать. Всю ночь он сам и его помощники-духи собирали и складывали в кучу дрова. Когда куча становилась достаточно большой, они посылали утреннюю звезду предупредить живущих на Земле о том, что скоро будет зажжен огонь.

Но спящие земные существа не замечали утренней звезды. Тогда духи решили возвещать о восходе солнца каким-нибудь звуком и этим будить спящих. Долгое время они не могли придумать, кому это можно поручить.

Однажды вечером они услышали оглашавший воздух смех пересмешника Гу-гур-гаги. «Вот звук, который нам нужен», — решили они.

Здесь изображен добрый дух, решивший поддерживать огонь, чтобы каждый день освещать мир. Вокруг него эму, журавль и пересмешник. Выше головы духа, сбоку, находится яйцо, брошенное журавлем. Та часть, в которой говорится о том, как желток зажег дрова на небе, опущена. А точки — это те разговоры, которые велись в начале рассказа, и смех пересмешника

Духи сказали Гу-гур-гаге, что каждый день, как только погаснет утренняя звезда, он должен смеяться как можно громче, чтобы перед восходом солнца будить спящих. Если же он не согласится этого делать, то они не будут зажигать солнце-огонь и навсегда оставят землю в сумерках.

Но Гу-гур-гага согласился и спас свет для мира. Он согласился громко смеяться на заре и с тех пор каждый день оглашает воздух громкими звуками: «Гу-гур-гага, гу-гур-гага, гу-гур-гага!»

Когда духи разжигают огонь, он не дает много тепла. Но в середине дня, когда вся куча дров охвачена пламенем, жара становится сильной.

Затем жара постепенно спадает, и при заходе солнца остаются только красные уголья. Они тоже быстро гаснут, кроме тех, что духи сохраняют. Они прикрывают эти угольки облаком, чтобы разжечь кучу дров, приготовленную на завтра.

Детям не разрешается подражать смеху Гу-гур-гаги, чтобы он, услышав их, не перестал смеяться поутру. Если же дети станут подражать его смеху, то над их глазным зубом вырастет лишний зуб, и эту отметку они будут нести в наказание за свою насмешку. Ведь добрые духи прекрасно знают, что, если когда-нибудь Гу-гур-гага перестанет смеяться, возвещая восход солнца, наступит время, когда на земле не будет больше даенов и снова воцарится темнота.

Южный Крест

В самом начале, когда небесный владыка Байаме ходил по земле, он из красной земли гор сотворил двух мужчин и одну женщину. Увидев, что они живые, он показал им те растения, которые они должны были есть, чтобы жить, и отправился своим путем.

Некоторое время они питались теми растениями, которые указал им Байаме, затем наступила засуха, растений стало мало, и один из мужчин убил сумчатую крысу. Он сам и женщина ели мясо крысы, но второй мужчина не стал есть, хотя был смертельно голоден и лежал как мертвый.

Женщина говорила, что мясо хорошее, и уговаривала его поесть. Это ему надоело, он рассердился и, хотя был очень слаб, ушел в сторону заката, а остальные двое продолжали жадно есть.

Наевшись, они увидели, что их спутник отошел на некоторое расстояние, и последовали за ним. Они шли через дюны и покрытые галькой хребты, временами теряя его из виду. Подойдя к краю долины, они увидели своего товарища на ее другой стороне, у реки. Они крикнули, чтобы он остановился, но он не обратил на них внимания и продолжал идти, пока не подошел к большому белому эвкалипту. Здесь он замертво упал на землю, а рядом с ним люди увидели черное существо с двумя огромными огненными глазами. Оно подняло мертвеца на дерево и бросило в дупло.

Спеша через долину, люди услышали такой оглушительный удар грома, что, пораженные, упали на землю. Поднявшись, они с удивлением увидели, что гигантский эвкалипт вырван из земли и несетя по воздуху в южную сторону неба. Они заметили огненные глаза, сверкавшие с дерева. Внезапно тишину нарушил хриплый крик. Он исходил от двух желтогрудых белых какаду, летевших за исчезающим деревом; люди назвали этих какаду Муйи.

Все дальше улетало дерево-дух, а за ним летели Муйи, громко крича, чтобы оно остановилось и они могли попасть в свое гнездо.

Наконец дерево остановилось около Варрамбула, или Млечного Пути, который ведет туда, где живут небесные боги. Постепенно дерево скрылось из виду, и только четыре сверкающих огненных глаза видели люди. Два принадлежали духу смерти Йови, два других были глазами первого умершего человека. С тех пор Муйи вечно летят за деревом, пытаясь достичь своего гнезда.

Когда все живое поняло, что смерть человека означала приход смерти в мир, повсюду начался плач. Болотные дубы непрерывно вздыхали, эвкалипты проливали кровавые слезы, застывавшие красной смолой.

Для племен этой части страны Южный Крест до сих пор известен как Яраан-ду — место белого эвкалипта, а созвездие Гончих называется Муйи, или белые какаду.

Так представляют себе племена приход смерти, а Южный Крест напоминает им об этом.

Образование озера Нарран

Старый Байаме сказал своим молодым женам Бирре-нулу и Каннан-бейли:

— Я воткнул белое перо между задними лапками пчелы. Выпустив ее, я пойду за ней к гнезду, чтобы достать меду. Пока я буду ходить за медом, вы принесите лягушек и батата и встречайте меня у источника Куриджил. Там вкусная и чистая вода.

Взяв плетеные мешки гулаи и палки-копалки, жены ушли. Они долго ходили, накопили много батата и лягушек и наконец, усталые, подошли к источнику Куриджил. Увидя прохладную, свежую воду, они захотели искупаться. Но сперва они построили навес из ветвей и оставили под ним гулаи с пищей, лягушек и батат.

Когда все было готово к приходу Байаме, который заставил их выйти за него замуж при помощи дубинки нулла-нулла и держал в покорности тем же оружием, они пошли к источнику купаться. Сняв набедренные повязки гумилла, которые они носили, будучи еще очень молодыми, женщины положили их на землю возле источника и радостно бросились в воду.

Не успели их разгоряченные, усталые члены насладиться прохладой, как их схватили и проглотили крокодилы Курриа.

Проглотив девушек, Курриа нырнули в пещеру, служившую входом в подземное русло реки Нарран. Они плыли по этому проходу, унося с собою

всю воду источника в реку Нарран, которая тоже становилась безводной по мере их продвижения.

В это время Байаме, не зная о судьбе своих жен, искал мед. Некоторое время он следовал за пчелой с белым пером, но вскоре пчела села на цветок буза и не хотела лететь дальше.

Байаме сказал:

— Что-то случилось, иначе пчела не остановилась бы здесь. Я должен быть у источника Куриджил и посмотреть, в безопасности ли мои жены. Вероятно, случилось что-то ужасное. — И Байаме поспешил к источнику.

Придя туда, он увидел навес из веток, сделанный его женами, накрытый ими батат и лягушек. Но Бирры-нулу и Каннан-бейли нигде не было видно.

Он громко позвал их, но ответа не последовало. Байаме подошел к источнику. На берегу он заметил гумилла своих жен. Он взглянул в источник и, видя, что он высох, сказал:

— Это дело Курриа, они открыли подземный проход и уплыли с моими женами к реке, осушив источник. Я хорошо знаю, где проход соединяется с рекой Нарран, и поспешу туда.

Вооружившись копьями и боевыми топорами вог-гара, Байаме пустился вслед за крокодилами. Вскоре он достиг глубокого водоема, где подземный канал источника Куриджил соединялся с рекой Нарран. Здесь он увидел то, чего раньше никогда не видел: глубокий водоем высох! Байаме сказал:

— Продвигаясь, они осушили водоемы, забрав с собой воду. Я не пойду вдоль изгибов реки, втрое увеличив расстояние, которое должен пройти. Я хорошо знаю глубокие места и пойду напрямик, от одного большого водоема к другому, и смогу опередить Курриа.

Байаме быстро следовал вперед, срезая расстояние от одного большого водоема до другого, и его след до сих пор отмечен покрытыми галькой хребтами морилла, простирающимися вдоль реки Нарран и направленными к глубоким водоемам.

Подходя к водоемам, он находил их сухими, пока не достиг конца реки Нарран, где водоем был еще сырой и грязный. Тут он понял, что враги его близко, и вскоре действительно увидел их. Незаметно Байаме опередил Курриа и спрятался за большим священным деревом зил. Приблизившись к нему, Курриа направились в разные стороны. Байаме быстро бросил копья и ранил обоих Курриа; они корчились от боли и бешено били хвостами, образуя в земле большие углубления, быстро заполнявшиеся принесенной ими водой. Опасаясь, что они могут снова от него ускользнуть, Байаме вытащил их из воды и убил топором воггара. С тех пор река Нарран, разливаясь, затопляет углубления, которые, корчась, вырыли Курриа.

Видя, что Курриа мертвы, Байаме разрезал их и вынул тела своих жен. Женщины были покрыты мокрой слизью и казались мертвыми. Тогда он положил их на гнезда красных муравьев и стал наблюдать за ними. Муравьи быстро покрыли тела, очистили их от мокрой слизи, и Байаме заметил судорожное подергивание мускулов женщин.

Если посмотреть внимательно, можно увидеть здесь изображение всей истории. В одном углу — две жены Байаме с корзинами. Затем лягушки, батат и два крокодила, приготовившиеся проглотить бедных женщин. Вся средняя часть изображает беспокойство Байаме и его следы, тянущиеся на многие мили. Байаме, убивающий крокодилов, не показан, зато нарисованы его жены, лежащие на земле, и муравьи, кусающие их, чтобы оживить. Последний рисунок изображает озеро, птиц и рыб, которых Байаме заставил здесь жить.

— Они живы, чувствуют укусы муравьев, — сказал он.

Только он произнес эти слова, раздался звук, похожий на удар грома, но казалось, что он исходил из ушей женщин. Когда эхо затихло, женщины

медленно поднялись. Некоторое время они стояли изумленные, затем прильнули друг к другу, дрожа в смертельном страхе. Байаме подошел к ним и объяснил, как спас их от Курриа. Он не велел им больше купаться в глубоких водоемах реки Нарран — логове Курриа.

Байаме показал на воды у Бугира и сказал:

— Скоро здесь появятся черные лебеди, пеликаны и утки. Там, где раньше была сухая земля и камни, будет вода и водоплавающая птица. Река Нарран при разливе заполнит это углубление и образует большое озеро.

Свершилось так, как сказал Байаме; об этом говорит река Нарран с ее обширной водной поверхностью, что простирается на мили и служит домом для тысяч диких птиц.

Бора Байаме

От племени к племени передавалась весть о том, что наступила хорошая пора и должно состояться великое собрание племен. Место собрания было намечено в Гугуревоне, месте деревьев.

Старики шептались, что это хороший предлог для бора. Но женщины ничего не должны знать об этом. Старый Байаме — великий виринун сказал, что возьмет с собою на собрание племен двух своих сыновей — Гинда-инда-муи и Бума-ума-ноуи, так как пришло время стать им юношами, жениться, есть мясо эму и учиться быть воинами.

Когда род за родом прибывал в Гугуревон, каждый из них занимал место на хребтах, окружающих открытую равнину, где должны были состояться корробори. В одном месте расположился род воронов Ван, в другом — голубей Ду-мер, в третьем — род собак Мази и т. п. Здесь был Байаме со своим родом черных лебедей Байамул, род ящериц Убун с сипими языками и много других. Каждый род расположился отдельным стойбищем.

Когда все собрались, их оказалось сотни и сотни. Многочисленны и разнообразны были корробори, каждый род стремился превзойти других в причудливости татуировки, новизне песен и плясок. Днем много охотились и пировали, ночью танцевали и пели; обменивались клятвами дружбы, драгоценными сумками для бумерангов и т. п. Молодых дочерей выдавали за старых воинов, старых женщин — за молодых мужчин, еще не родившихся девочек обещали старикам, а младенцев на руках — взрослым мужчинам. Заключались соглашения и во всех случаях советовались с виринунами.

Через несколько дней виринуны сказали мужчинам племен, что состоится бора, но женщины ни в коем случае не должны знать об этом.

Пусть все мужчины каждый день под предлогом охоты секретно готовят место бора.

Теперь каждый день мужчины уходили. Они расчистили большой круг, построили вокруг него земляной вал, очистили проход от круга к густым кустам и насыпали валы по обеим сторонам прохода. Закончив приготовления, ночью, как обычно, устроили корробори.

Через некоторое время один из старых виринунов притворился мрачным и вышел из толпы. За ним последовал другой, и они начали сражаться. Когда всеобщее внимание сосредоточилось на этой борьбе, из кустов внезапно раздался странный, жужжащий и свистящий звук. Женщины и дети сгрудились, испугавшись неожиданного и неестественного звука. Они знали, что звук исходил от духов, пришедших помочь посвящению мальчиков в юноши. (Если вы не боитесь духов, то вам звук напомнил бы свист куска дерева, привязанного к веревке, которую вращают.) При этом звуке женщины испуганно говорили: «Гарраими» (что значит «демон бора») — и крепче прижимали к себе детей.

Мальчики говорили: «Гайанди» — и их глаза расширились от страха. «Гайанди» — название того же демона бора, но женщины не должны употреблять те слова, которыми мальчики и мужчины называют духа бора, так как все, что касается таинств бора, священно для глаз, ушей и языка женщин.

На следующий день после полудня мужчины скрылись в кустарнике. При заходе солнца они вышли из кустов и гуськом направились по дороге, обнесенной валами. Каждый держал в одной руке огненную палочку, а в другой — зеленую ветку. Когда они пришли в центр круга, настало время для молодежи и женщин покинуть стойбища и войти в круг бора. Внутри круга они устроили новые стойбища, поужинали и, как и в прежние вечера, устроили корробори.

По этому случаю Байаме — величайший виринун еще раз доказал свое могущество. Уже несколько дней род Мази вел себя без всякого уважения к виринунам племени. Вместо того чтобы относиться к их словам и делам с молчаливым трепетом, на что всегда рассчитывают виринуны, они беспрерывно болтали и смеялись, играя и крича, как будто племена не собирались совершить самые священные обряды. Часто виринуны сурово приказывали им замолчать, но предостережения были напрасны: Мази продолжали весело болтать и смеяться.

Тогда встал самый могущественный и прославленный из виринунов, Байаме, подошел к стойбищу Мази и сердито сказал им:

— Я, Байаме, почитаемый всеми родами, трижды приказывал вам, Мази, прекратить болтовню и смех. Но вы не послушались меня. К моему

голосу присоединились голоса виринунов других родов, но вы снова не обратили на нас внимания. Вы думаете, что волшебники посвятят в юноши кого-либо из вашего рода тогда, когда вы не обращаете внимания на слова виринунов? Нет, говорю я вам. Отныне никто из рода Мази не будет говорить, как люди. Вы хотите шуметь и нарушать покой людей, не можете быть спокойными и не желаете понимать священных вещей. Пусть будет так! Вы и ваши потомки вечно будете шуметь. Но это не будет звук речи или смеха. Это будет лай и вой. И отныне, если кто-либо из рода Мази заговорит, горе тем, кто услышит его, — они тотчас превратятся в камни.

Мази открыли рты и приготовились рассмеяться и насмешливо возразить Байаме, но свершилось то, что предсказал им Байаме: они могли только лаять и выть, они потеряли способность говорить и смеяться. Когда Мази осознали свою потерю, в их глазах появилась тоска и немая мольба, что можно прочесть и в глазах их потомков.

С чувством удивления и страха смотрели окружающие на возвращавшегося к своему роду Байаме. Когда он уселся в своем стойбище, то спросил женщин, почему они не мелют зерно дунбар.

Женщины ответили:

— Пропали наши дейурлы, и мы не знаем, где они.

— Вы лжете, — возразил Байаме. — Несмотря на мой запрет, вы одолжили их роду Ду-мер, которые часто попрошайничают.

— Нет, Байаме, мы не давали их взаймы.

— Идите в стойбище Ду-мер и спросите ваши дейурлы.

Испугавшись той же кары, что постигла Мази, женщины побоялись послушаться и пошли, хотя хорошо знали, что не одалживали свои дейурлы.

Они просили каждый род одолжить им дейурлы, но везде им отвечали, что дейурлы пропали и никто не знает куда. Ду-мер просили жернова, но им отказали, и все же дейурлы пропали.

Когда женщины ходили по стойбищу, они слышали странный звук, напоминающий крик духов и похожий на приглушенное: «Ум, ум, ум, ум».

Этот звук слышался то высоко в воздухе, то в траве — казалось, будто духи шумят повсюду.

Женщины крепче сжали свои огненные палочки и сказали:

— Пойдемте обратно, духи Ванда находятся повсюду.

Они поспешили обратно, все время слыша крик духов: «Ум, ум, ум».

Они рассказали Байаме о том, что все роды утратили дейурлы и что их окружили духи, и когда они говорили, то сзади их стойбища раздался звук: «Ум, ум, ум, ум».

Женщины прижались друг к другу, но Байаме махнул огненной палочкой в ту сторону, откуда раздался звук, и, когда луч осветил это место,

там не было видно ничего, кроме двух движущихся дейурлов. Они передвигались сами собой, и, когда быстро уносились, звук: «Ум, ум, ум, ум» становился все громче, пока не стало казаться, что воздух полон невидимых духов.

Тогда Байаме понял, что духи Ванда находятся кругом, и вернулся в свое стойбище.

Утром стало известно, что не только пропали все дейурлы, но и Ду-мер покинули стойбище. Когда никто не хотел одолжить им жернова, Ду-мер сказали:

— Если духи Ванда не принесут нам камней, мы не сможем молотить зерно.

Едва они произнесли эти слова, как увидели, что к ним движется дейурл. Сперва они подумали, что благодаря их искусству их желание немедленно осуществилось. Но по мере того, как дейурл за дейурлом скользили в их стойбище и двигались дальше и всюду слышался звук: «Ум, ум, ум, ум», они поняли, что это дело духов Ванда. Ду-мер решили, что должны идти туда, куда направились дейурлы, иначе они разгневают духов, двигавших дейурлы через их стойбище.

Ду-мер собрали свое имущество и последовали за дейурлами, которые проложили дорогу от Гугуревона к месту цветов Гирравин; по этой дороге во время наводнения проходит русло реки.

Дейурлы направились к Дирангибирре, и за ними последовали Ду-мер.

Дирангибирра находится между Бреварриной и Вид-дер-Мурти, и здесь дейурлы легли горой друг на друга. Впоследствии сюда должны были приходиться те, кто хотел достать хорошие жернова. Ду-мер были превращены в голубей, которые кричат, как духи: «Ум, ум, ум».

И другое странное событие произошло на этом великом бора. Род Убун располагался стойбищем в некотором отдалении от остальных родов. Было замечено, что, когда к их стойбищу подходил кто-то незнакомый, вождь Убунов выходил и направлял на него луч света, который убивал на месте. Никто не знал, что это за свет, несущий с собою смерть. Наконец Ван-ворон сказал:

— Я возьму самый большой щит борин и посмотрю, что все это значит. Вы же не подходите туда слишком близко: хотя я придумал, как мне спастись от смертельного луча, вас я не смогу спасти.

Когда Ван пришел к стойбищу Убун и их вождь направил на него луч света, он поднял свой борин, заслонился им и громко крикнул низким голосом: «Ва, ва, ва, ва!» Это так напугало Убуна, что он бросил свое оружие и сказал:

— В чем дело? Ты меня испугал. Я не знал, кто ты, и мог повредить тебе, хотя я не хотел этого, — ведь Ваны мои друзья.

— Я не могу остаться, — ответил Ван, — и должен вернуться в стойбище. Я забыл там то, что хотел показать тебе. Я скоро вернусь.

Ван побежал туда, где оставил свою дубинку бунди, и быстро вернулся. Подкравшись сзади к Убуну, Ван ударил его дубинкой, уложив вождя мертвым у своих ног, чем отомстил за все жертвы смертоносного света.

Радостно крича: «Ва, ва, ва!» — Ван вернулся в свой лагерь и рассказал о том, что он сделал.

Когда начались корробори, все женщины, родственницы мальчиков, посвящавшихся в юноши, танцевали всю ночь. К концу ночи всем молодым женщинам было приказано уйти в хижины из ветвей, построенные заранее на краю вала, окружающего круг. Старые женщины остались.

Все мужчины, опекавшие мальчиков, проходивших посвящение, приготовились схватить своих подопечных и унести их по устроенной тропинке в кустарник. По сигналу каждый взял своего подопечного на плечо и начал танцевать в кругу.

Затем старым женщинам велели подойти и попрощаться с мальчиками, после чего они присоединились к молодым женщинам в хижинах. Пять мужчин проследили, как они вошли в хижины, и положили сверху ветви, чтобы женщины ничего не могли видеть. Когда женщины были надежно укрыты ветвями, мужчины, несшие мальчиков, скрылись в зарослях. После этого пять мужчин сняли ветви с хижин, освободили женщин, и те ушли в свое стойбище. Как ни любопытно было женщинам узнать обряды посвящения мальчиков, они знали, что ни на какие вопросы им не ответят. Через несколько месяцев их мальчики вернутся, быть может, без переднего зуба, с небольшими рубцами на теле. Они знали, что мальчикам не разрешалось смотреть на женщину после их исчезновения в кустарнике. Больше женщинам ничего не говорили.

На следующий день роды подготовились следовать к месту малого бора, которое должно было состояться через четыре дня в 10 или 12 милях от места великого бора.

На месте малого бора круг делался не из земли, а из травы. Все роды шли туда вместе, располагались там и устраивали корробори. Молодых женщин рано отсылали спать, а старые оставались до того времени, когда мальчиков приносили с места великого бора и разрешали еще раз попрощаться со старыми женщинами. Затем их всех уводили наблюдавшие за ними мужчины. Все недолго оставались вместе, а затем расходились в разные стороны. Каждый мужчина вел мальчика. С этого времени, по меньшей мере, шесть месяцев мужчины строго руководили мальчиками,

которые не могли видеть даже своих матерей. Через шесть месяцев мальчик мог вернуться в свое племя, но изоляция делала его таким диким, что он боялся говорить даже со своей матерью. Постепенно эта странность проходила.

Случилось так, что на этот раз Байаме и мальчикам не суждено было прибыть на малое бора. Когда они готовились для выступления, в стойбище вошла, шатаясь, вдова Миллин-дулу-нубба и закричала:

— Вы все оставили меня, вдову, одну с кучей детей! Как могли маленькие ноги моих детей угнаться за вами? Могла ли моя спина нести более одного гулаи? Разве у меня больше одной спины и двух рук? Но никто из вас не остался помочь мне. Уходя от источника, вы выпивали всю воду. Когда, усталая и жаждущая, я приходила к источнику и мои дети просили воды, что я находила? Грязь, только грязь. Затем обессиленные, плачущие дети подходили к следующему источнику. Что же мы видели, когда напрягали глаза, чтобы найти воду? Грязь, только грязь. И я не могла их утешить. Мои дети один за другим падали и умирали, умирали от жажды, которую их мать Миллин-дулу-нубба не могла утолить.

Когда она это говорила, к ней быстро подошла женщина с вирри, наполненным водой.

— Слишком поздно, слишком поздно! — воскликнула вдова. — Зачем жить матери, когда мертвы ее дети? — И она со стоном упала.

Когда холодная вода охладила ее запекшиеся губы и распухший язык, женщина из последних сил поднялась на ноги и, простирая руки к стойбищу, громко закричала:

— Вы сюда спешили, вы здесь и останетесь. Гу-гул-гай-а, Гу-гул-гай-а! Превратитесь в деревья. Превратитесь в деревья. — И она упала мертвой.

Роды, которые стояли по краю круга и на которые указала ее рука, превратились в деревья. Здесь они стоят и поныне. Роды, стоявшие сзади, превратились в птиц и животных, которыми они были раньше: лающие Мази — в собак, Байамул — в черных лебедей, Ван — в воронов.

На месте великого бора вы можете видеть высокие и мрачные деревья печальной темной окраски, с грустным стоном протягивающие свои ветви в сторону озера. Оно называется Гугуревон, место деревьев, и лежит там, где был круг бора. Оно известно как место встречи птиц, носящих имена родов прошлых времен. Гордо плавают черные лебеди Байамул, их соперники по величине и красоте пеликаны, утки и многие другие, — их слишком много, чтобы всех перечислить. По траве скользит ящерица Убун с синим языком. Временами слышится «Ум, ум, ум» голубей Ду-мер и крик птицы Миллин-дулу-нубба: «Гу-гул-гай-а, гу-гул-гай-а».

В ответ раздаются стенование мрачных дубов и шуршание ветвей эвкалиптов, пока наконец не заговорят все деревья и берега не огласятся печальными отзвуками прошлого.

Находившиеся на месте малого бора мужчины и мальчики не подверглись превращению. Они долго ждали прибытия родов, которые так и не пришли. Тогда Байаме сказал:

— Вероятно, могучие враги убили наших друзей и никто не спасся, чтобы рассказать об их судьбе. Сейчас враги, может быть, идут по нашему следу. Уйдемте в далекую страну. — И они поспешили в Нунду.

Вместе с ними шла собака Байаме. Идти так быстро ей было трудно, но Байаме не хотел ее оставлять и гнал вперед. Когда они пришли к источникам Нунду, собака уползла в кусты и родила щенков. Таких щенков человек никогда не видел. У них были тела собаки, головы иглистого муравьеда Пигги-билла и свирепость и сила демона.

Человек, встретивший в кустарниках Нунду ир-мунан, или длиннозубого, будет им убит. Даже Байаме не осмеливался подходить близко к щенкам своей старой собаки.

Могучий виринун Байаме живет вечно. Ни один человек не должен видеть его лицо, если не хочет погибнуть. Одиноким, в густых зарослях на одном из хребтов Нунду, живет этот старый человек — Байаме, могущественнейший из всех виринунов.

Гуду из Виррибиллы

Многочисленные племена собрались на священную церемонию бора. Круг в центре — место для корробори. Значительная часть рассказа здесь изображена, но нет женщин и их жерновов. Зато можно видеть разгневанную, колдующую вдову.

Байаме с одним из своих сыновей ловил рыбу на реке Барвон в большом водоеме, называемом Вирри-билла. Они поймали сетью огромную Гуду — треску, вытащили ее на берег, выпотрошили и развели огонь. Печень и жир положили жарить на огонь, а рыбу повесили на большом эвкалипте, около которого они расположились. Когда печень поджарилась, Байаме начал ее есть, а его сын сидел и смотрел на него, надеясь получить часть для себя. Но отец ничего ему не дал, и, хотя сын был голоден, он не осмелился просить.

Наконец он решил напомнить отцу о себе и сказал:
— Я пойду выпью воды.

Ответа не последовало, и он спустился по крутому берегу реки; он был очень рассержен.

Прошло некоторое время, и Байаме начал удивляться, почему сын так долго не возвращается. Что могло задержать его? Байаме пошел за ним к берегу реки. Сына не было, но вода текла гораздо быстрее, чем прежде, и рыба металась в ней, как будто происходило что-то необыкновенное.

Байаме сразу понял, что происходит. Его сын был разгневан и, будучи сам великим виринуном, решил опустошить крупный рыбный бассейн, заставив всю воду, а вместе с ней и рыбу уйти подземным протоком.

Байаме видел, что вода текла все быстрее и быстрее, пока ее не стало заметно меньше. Он очень рассердился на сына, оставил треску висеть на дереве и последовал за сыном. Он шел по излучинам реки, все время стараясь, чтобы вода была впереди него, — ведь он знал, что его сын должен быть там, где вода. Достигнув Бреваррины, Байаме еще не догнал его и видел, что вода течет по-прежнему быстро. Он знал, что ниже Бреваррины есть подземный канал, и, подойдя к нему, крикнул:

— Иди под землю вместе с водой!

Его сын оказался здесь и ответил:

— Продолжай. Ты превратишься в камень.

Хотя сын Байаме и был великим виринуном, он был не в силах противостоять отцу и вошел в подземный ход. Байаме ослепил его, чтобы он не мог избежать прохода. Когда юноша очутился там, Байаме надавил сверху на землю, навсегда заключив там сына. Затем он остановил воду и вернулся в Виррибиллу.

Треска продолжала висеть там, где он ее оставил. И по сей день там есть огромный темный кусок коры того дерева, на котором она висела. Он имеет форму рыбы и известен племенам как Гуду из Виррибиллы.

Когда племена рассказывают свои легенды, они говорят:

— Сын Байаме заслужил смерть, он смеялся над своим отцом. Но его последние слова оправдались, так как Байаме в его небесном стойбище Буллима частично превращен в камень.

Как нашли Илианба Ванда

Один человек старался откопать песчаных крыс Билба из их нор. Он копал так глубоко, что достиг другого мира.

Он посмотрел через сделанное им небольшое отверстие и увидел отвратительных чудовищ, имевших по два пальца на ногах. Они были такие страшные, что он уронил свою палку и поспешно вернулся обратно.

Вылезши из норы, он увидел Муллиана-сокола и рассказал ему о виденном. Муллиан заставил его пойти и показать, где находятся эти чудовища. Достигнув отверстия, Муллиан расширил его настолько, чтобы пролезть через него, и велел своему товарищу следовать за ним. Муллиан смело подошел к чудовищам и спросил их, какого они рода, — ведь он еще не видывал таких.

Они ответили, назвав Муллиана по имени, что его удивило. Они оказались Илианба Ванда и распорядились теми духами, что творили зло. Они заставляли их непрерывно двигаться и не позволяли пользоваться правой рукой.

Приход Муллиана и его товарища так удивил тех, кто подвергся наказанию, что некоторые из них на мгновение перестали двигаться. Немедленно Илианба Ванда схватили их и бросили в огонь, горевший по обеим сторонам пещеры.

Товарищ Муллиана был напутан. Боясь пострадать, он держался ближе к Муллиану. Илианба Ванда знали, что он думает, и один из них сказал:

— Так обращаются только с теми, кто заслуживает наказания. Если сюда попадает добрый дух, мы его посылаем на небо Буллима. Только совершившие зло находятся здесь. Вы первые живые люди, прибывшие сюда. В вашей стране сейчас ночь, бродят только духи. Оставайтесь с нами, пока наверху рассветет.

Муллиан знал, что не следует пытаться уйти, если Илианба Ванда желают, чтобы они остались, и не обратил внимания на знаки своего товарища, торопившего его скорее уйти отсюда.

Илианба Ванда предложили им пищу. Муллиан съел хороший ужин, но его товарищ ничего не тронул и не заснул, когда они легли отдыхать. Он наблюдал, как злых духов заставляли двигаться всю ночь. Некоторые духи были посланы на землю и возвратились с новыми духами, похищенными из тел недавно умерших. Тех из них, что творили зло, присоединяли к вечно двигающимся духам. Их били по правой руке, если они поднимали ее или даже шевелили ею.

На следующее утро Илианба Ванда опять предложили Муллиану и его товарищу пищу. Муллиан поел, а его товарищ снова отказался. Поев, Муллиан сказал, что они должны уходить. Илианба Ванда не удерживали их, и они полезли вверх по тому же пути, которым спустились.

Выйдя на землю, товарищ Муллиана разжег огонь и окурил себя и Муллиана, чтобы не принести из подземного мира какого-нибудь зла. Товарищ Муллиана ожидал, что тот умрет от съеденной им пищи, но, вместо того чтобы заболеть, Муллиан казался еще сильнее, чем прежде.

Так один из храбрейших воинов, Муллиан, открыл место наказания тех, что творят зло.

Создатели детей

Балу-месяц делал девочек, и в этом ему иногда помогал Ван-ворон. Одному Вану нельзя было поручать этого, так как девочки, которых он создавал, вырастали шумливыми и сварливыми женщинами.

Бу-мейя-мул — лесная ящерица создавала мальчиков, иногда с помощью Балу.

Балу и Ван были большими виринами и жили вместе. Однажды Ван сказал:

— Давай, вместо того чтобы делать новых детей, оживим умерших. Мы могли бы сделать это вместе.

— Нет, — ответил Балу. — Они мертвы. Худшие из умерших уже сожжены, плохие у Илианба Ванда, а хорошие в Буллима или бродят там, где им нравится. Пусть они остаются мертвыми.

— В последнее время многие умирали. На земле останется мало людей, если мы позволим всем умирать.

— Ничего, делай больше детей. Пусть умирают.

Много раз пытался Ван убедить Балу оживить умерших, но Балу сказал:

— Пусть остаются мертвыми. Быть может, их духи переселились в других. Пусть остаются мертвыми.

Эти отказы рассердили Вана, и он отправился охотиться один. Он подошел к большому эвкалипту, увидел на нем много гусениц Юлу-мара и вернулся в стойбище. Он снова спросил Балу:

— Не передумал ли ты? Не сможешь ли мне оживлять умерших?

— Нет, — снова отказался Балу. — Пусть остаются мертвыми, их вдовы могут выйти за молодых.

Тогда Ван сказал, что нашел дерево с множеством гусениц, и предложил пойти набрать их, сколько нужно.

Они отправились, и, подойдя к дереву, Ван сказал:

— Я останусь внизу, а ты полезай на дерево и собирай гусеницы вот этим, — и дал ему миджир, или палку с крючками на конце.

В углу вы видите человека, вырывшего глубокую нору. Ван-ворон смотрит в другую сторону, но все замечает. Двухпалые чудовища гоняют кругом бедных духов, не попавших и Буллима. Точки сделаны не только для украшения: это языки пламени, лижущие всех.

Балу влез на дерево и собрал много гусениц, которых бросал вниз Вану. Каждый раз, как он это делал, Ван дул на дерево, и оно росло все выше и выше, пока верхние ветви не достигли неба. Балу заметил, как высоко он находится, и воскликнул:

— Ой, где я? Куда я попал?

Пока Балу говорил это, он очутился на небе. Балу взглянул вниз и далеко на земле увидел Вана, который закричал:

— Оставайся там, где ты есть. Ты не хотел помочь мне оживить умерших. Оставайся на небе, а я и один могу делать девочек-младенцев.

Каждую ночь, когда светит месяц, можно видеть Балу и дерево. Балу путешествует по небу, пытаясь снова попасть на землю. Но, чтобы это сделать, он должен изменить свой облик, так как его старый враг — солнце Йи старается не допустить этого.

Задолго до этого Йи любила Балу и хотела выйти за него замуж. Но он ответил, что Ии имеет слишком много любовников и что он никогда на ней не женится.

Это так разгневало Йи, что ее любовь превратилась в ненависть. Когда Балу очутился на небе, Ии сказала духам, стоящим по краям неба и поддерживающим его: когда Балу будет подходить к ним, они должны его отгонять. Пусть духи наблюдают за ним все время, пока Йи спит, завернувшись в красные шкуры кенгуру. Если они позволят Балу убежать, то Йи убьет духа, сидящего в центре неба и держащего концы веревок, на которых висит земля. Тогда земля упадет вниз, в темноту, и они упадут туда вместе с ней.

После этой угрозы Балу убедился, что убежать невозможно, хотя ему очень хотелось вернуться на землю и снова создавать детей. Ведь если это будет делать один Ван, то весь мир скоро будет полон сварливых женщин.

В конце концов Балу решил попытаться проскользнуть мимо духов в измененном облике и принял вид эму. Духи подумали, что это небесный Гоуа-гей-эму, и позволили ему пройти.

Вернувшись благополучно на землю, Балу пошел в свое старое стойбище. Собаки его не узнали, выскочили и бешено залаяли. Он заговорил, его жены узнали голос и отозвали собак. Тогда Балу принял свой обычный земной вид. Он опасался, что лай собак привлечет внимание его братьев, которые не хотели его возвращения, желая взять его жен. Если бы он не вернулся, они первые имели бы них право. Поэтому Балу велел женам положить в свою палатку бревно, в котором таится дух Мингга, и покрыть его шкурой опоссума. Затем он с женами тайно пошел к белому дереву бира, где было много гусениц для пищи, и там они остановились.

Едва они успели уйти, как один из братьев Балу подкрался к бревну. Он думал, что это спит Балу, и решил убить его. Он взмахнул дубинкой бунди и с силой несколько раз ударил по бревну. Затем он пнул бревно ногой, и ему показалось, что Балу ответил на удар. Его нога болела, и он не мог понять, обо что он ударился. Он схватил шкуру опоссума, сдернул ее и ничего не увидел под ней. Дерево-дух Мингга могло становиться невидимым и даже незаметно исчезать. Он огляделся кругом — женщин в стойбище не было. Зная, что Балу — виринун, он понял, что был обманут.

Он вернулся, хромя, в свое стойбище и решил на следующий день пойти по следам беглецов. Но он никогда не смог найти Балу, так как тот

превращался в эму всякий раз, когда на земле ему угрожала опасность.

Балу и его жены наелись гусениц, и он снова начал создавать детей. Когда он сделал нескольких маленьких девочек, к нему присоединился его друг Бу-мейа-мул — маленькая лесная ящерица с длинным языком, у нее уже были почти законченные маленькие мальчики. Она пыталась из маленьких девочек, созданных Балу, сделать мальчиков, говоря, что мальчики лучше, что они сильные воины и хорошие охотники. Но Балу сказал:

— Не делай этого, лучше готовь девочек. Мальчики когда-нибудь захотят иметь жен.

Вместе они сделали нескольких маленьких мальчиков и девочек, которых послали к Валла-гуджаил-ван, которая распоряжалась духами детей, ожидавших рождения или возрождения как земные дети.

Валла-гуджаил-ван очень любила мидии; их у нее было очень много, и, если дети трогали их, она так сердилась, что не хотела заниматься ими. Тогда другой добрый дух Валла-гарун-бу-ан жалел их и обещал им земных матерей.

Когда он просил духов детей, уже живших и умерших молодыми, назвать имя матери, к которой они хотели бы пойти, они обычно называли имя своей земной матери, и Валла-гарун-бу-ан посылал их к ней, чтобы они снова родились или перевоплотились. Если же матери не были к ним добры, то они называли других женщин, которых любили на земле, и их посылали к ним. Духи детей, никогда не имевших земных матерей, или не помнивших их, или не знавших имен других женщин, должны были полагаться на случай. Валла-га-рун-бу-ан посылал их на землю, и они прятались в длинных, свисающих ветвях эвкалиптов. Первая женщина, проходившая под ветвями, где притаился дух ребенка, становилась его матерью.

Когда такой древесный ребенок-дух рождается, у него во рту всегда лежит лист эвкалипта, который надо немедленно вынуть, иначе ребенок умрет и его дух вернется к тому дереву, от которого он пришел. Если дети-духи долго остаются на деревьях, они плачут и становятся очень несчастными. Старые духи жалеют их и, чтобы прекратить их плач, превращают их в Бан, или пучки омелы, свисающей с деревьев. Из крови этих детей получают красные цветы омелы.

Иногда под такими свисающими ветвями деревьев встречаются расчищенные места, которые, как говорят, были сделаны духами, чтобы виринуны приходили, лежали и разговаривали с ними.

Когда Балу появляется поздно на небе, люди говорят:

— Балу делает младенцев-девочек, их делать дольше, чем мальчиков.

О восходе месяца они узнают по легкой дымке, которая предшествует его появлению.

— Посмотрите, — говорят они, — восходит Балу, вот его пыль. Ванворон превращает девочек в молодых женщин. В это время они должны задобрить его, громко повторяя крик его рода: «Ва! ва! ва!»

Балу влияет на жизнь женщин от их рождения до смерти.

Сыч и месяц

Мургу-сыч долгое время жил одиноко, вдалеке от других. Он сделал много бумерангов, дубинок нулла-нулла, копий и ковров из шкур опоссума. Мургу отлично вырезал оружие при помощи зубов опоссума и разрисовывал шкуры ярким цветным орнаментом, прочно сшивая их жилами опоссума, продетыми в иглу из маленькой кости ноги эму. Мургу гордился своей работой.

Однажды ночью Балу-месяц пришел в стойбище Мургу и сказал:

— Одолжи мне одну из твоих подстилок из шкур опоссума.

— Нет, я не одалживаю моих подстилок.

— Тогда отдай мне одну.

— Нет, я не отдаю их.

Осмотревшись, Балу увидел красиво сделанное оружие и попросил:

— Тогда, Мургу, дай мне что-нибудь из твоего оружия.

— Нет, я никогда не даю другим то, что сделал сам.

Снова Балу сказал:

— Ночь холодна. Одолжи мне подстилку.

— Я сказал, — ответил Мургу, — что никогда не одалживаю своих подстилок.

По краю рисунка находятся духи, которые держат небо, стоя по его краям. В середине рисунка дух держит концы веревок, на которых висит земля. Балу-месяц нарисован в образе эму; возле него две жены копают гусениц. Здесь же маленькая длинноязыкая ящерица и, конечно, Ван-ворон. Около Вана ветвь дерева духа, унесшего Балу на небо, когда Ван дул на него

Балу больше ничего не сказал, отошел, нарезал коры и сделал для себя дардур. Когда дардур был готов и Балу в нем устроился, начался сильный дождь и продолжался непрерывно до тех пор, пока вся местность не была затоплена водой.

Мургу утонул. Его оружие плавало вокруг, а подстилки гнили в воде.

Лягушки-вестники

С тех пор как Байаме покинул землю и вернулся тем же путем, которым он спускался когда-то, по каменной лестнице в небесное стойбище Буллима на вершине священной горы Уби-Уби, только мудрецам-виринунам

разрешалось обращаться к нему, и то лишь через его посланца Валла-гарун-бу-ана.

Теперь в Буллима Байаме сидел на хрустальной скале вместе со своей женой Биррой-нулу. Верхняя часть их тела была такой же, как во время пребывания на земле, а нижняя прочно приросла к хрустальной скале и слилась с ней.

Только Валла-гарун-бу-ану и Каннан-бейли разрешалось приближаться к ним и передавать другим их приказания.

Жена Байаме Бирра-нулу вызывала половодья. Когда реки высыхали и виринуны желали наступления половодья, они взбирались к вершине Уби-Уби и ожидали в одном из каменных кругов прибытия Валла-га-рун-бу-ана. Узнав их желание, он уходил и передавал его Байаме.

Байаме говорил о нем своей первой жене Бирре-нулу, а та посылала вторую жену Каннан-бейли сказать виринунам:

— Поспешите передать племени Бун-юн Бун-юн, чтобы они были готовы. Скоро покатится кровавой шар.

Услышав это, виринуны спешили с гор через долины, или вогги, пока не приходили к роду лягушек Бун-юн Бун-юн, имевших сильные руки и неутомимые голоса.

По просьбе виринунов этот род становился по берегам высохшей реки начиная от ее верховья. Они разводили большие костры и клали в них крупные камни. Когда камни нагревались, каждый из Бун-юн Бун-юн клал по несколько камней на кору перед собой и ждал, когда покажется кровавой шар. Видя, что огромный кровавой шар вкатывается в русло реки, все нагибались, хватали горячие камни и с громкими криками и, со всех сил бросали их в катящийся шар. Их было так много, и они бросали камни с такой силой, что разбивали шар. Из шара вырывался поток крови, быстро устремлявшийся вниз по течению реки. Все громче кричали Бун-юн Бун-юн и следовали с камнями за стремившимся мимо них потоком. Они бежали вдоль берега, непрерывно бросая камни и громко крича. Постепенно поток крови, очищенный горячими камнями, превращался в разлив реки. Своими криками Бун-юн Бун-юн предупреждали об этом племена, чтобы те успели перенести свои стойбища на возвышенные места.

Пока вода прибывала, Бун-юн Бун-юн не переставали громко кричать. Даже теперь при приближении половодья слышатся их голоса, и даены говорят: «Кричат Бун-юн Бун-юн. Должно наступить половодье». А затем: «Кричат Бун-юн Бун-юн. Половодье наступило».

Если разлившаяся вода оказывается красной и густой от грязи, даены говорят, что Бун-юн Бун-юн, или лягушки половодья, позволили воде пройти мимо, не очистив ее.

Создатели огня

В те дни, когда Бутулга-журавль женился на Гунар — кенгуру-древолозе, в их стране не знали огня. Пищу ели сырую или сушили ее на солнце.

Однажды, когда Бутулга тер один кусок дерева о другой, появилась искра и небольшой дым.

— Посмотри, — сказал он Гунар, — что получилось, когда я тер один кусок дерева о другой. Вот было бы хорошо, если бы мы могли добыть огонь и варить пищу, не ожидая, пока ее высушит солнце.

Гунар посмотрела и, увидев дым, сказала:

— Велик будет день, когда мы сможем зажечь огонь. Расколи свою палочку, Бутулга, и положи в отверстие кору и траву, чтобы искра могла зажечь огонь.

Поняв мудрость этих слов, Бутулга сделал так, как она советовала. После длительного трения в отверстии появилось небольшое пламя. Как и говорила Гунар, искра зажгла траву, кора тлела и дымилась, и таким образом Бутулга-журавль и Гунар — кенгуру-древолоз открыли искусство добывания огня.

— Это мы сохраним в секрете от всех племен, — решили они. — Когда надо будет разжечь огонь, чтобы поджарить рыбу, мы уйдем в хвойный кустарник. Там мы разведем огонь и втайне сварим пищу. Наши палочки для получения огня мы спрячем в шишках хвойных деревьев, а одну палочку будем носить с собой, спрятанной в сумке из шкуры кенгуру — камби.

Бутулга и Гунар поджарили первую пойманную ими рыбу и нашли ее очень вкусной. Возвращаясь в стойбище, они взяли с собою часть поджаренной рыбы. Даены заметили, что их рыба выглядит иначе, чем высушенная на солнце, и спросили:

— Что вы сделали с этой рыбой?

— Она высушена на солнце, — ответили они.

— Это не так, — возразили те, но Бутулга и Гунар настаивали, что рыба была высушена на солнце.

День проходил за днем, и, поймав рыбу, эти двое всегда исчезали и возвращались с пищей, выглядевшей иначе, чем у других. Не добившись ничего, племя решило наблюдать за ними. Балурал — ночной сове и Уя-попугаю поручили следовать за ними и выяснить, что они будут делать.

После очередной ловли рыбы, когда Бутулга и Гунар направились в заросли, Балурал и Уя последовали за ними. Когда те скрылись в хвойных зарослях, Балурал и Уя вскарабкались на высокое дерево и увидели, как Бутулга и Гунар положили на землю рыбу, открыли камби и вынули из нее

палочку. Они подули на палочку, положили ее в середину кучки травы и листьев, и вот уже блеснуло пламя, в которое они бросали крупные палки. Когда пламя угасло, они положили рыбу на угли. Балурал и Уя поспешили в стойбище своего племени и сообщили о своем открытии.

Даены принялись строить планы о том, как завладеть камби с огневой палочкой, когда Бутулга и Гунар вернутся в стойбище. В конце концов было решено устроить такое корробори, какое редко бывает и какого еще не видела молодежь племени. Старики предложили удивить Бутулгу и Гунар, чтобы они забыли о своей драгоценной камби. Как только они засмотрятся на корробори и забудут о палочке, кто-нибудь схватит камби, похитит огневую палочку и зажжет огонь для всех. Ведь многим очень понравилась поджаренная рыба, и они хотели еще.

Биага-сокол должен был притвориться больным, повязать голову и лечь около Бутулги и Гунар, когда они будут смотреть на корробори. Все время наблюдая за ними, он должен выбрать время, когда они забудут обо всем, кроме корробори, и похитить камби.

Составив этот план, все стали готовиться к большому корробори. Известили все соседние роды, приглашая их на корробори. Особенно они просили прийти Бролга, славившихся своим чудесным танцем. Уж их-то танец наверняка привлечет внимание Бутулги и Гунар.

Все племена согласились прийти, и вскоре все занялись грандиозными приготовлениями. Каждый решил превзойти других в причудливости и яркости раскраски для корробори.

Каждый прибывавший род вызывал восхищение. Никогда еще молодежь не видела такого разнообразия расцветок и узоров.

Била — род черных какаду пришел с яркими красно-оранжевыми пятнами на черной коже. Пеликаны явились белыми; лишь местами, там, где стерлась краска, просвечивала черная кожа. Даены так отполировали свою темную кожу, что она блестела, как сатин. Затем явились Миллиа, красавицы из рода кенгуру-древолозов, жившие в скалистых горах морилла. После них пришел род кошек Бакканди, разрисованных тусклыми красками, но весьма причудливо. Прибыли также Мей-ра, спеша принять участие в великом корробори. За ними, медленно выступая, явились Бролга. Они выглядели очень важными и высоко держали свои красные головы, выкрашенные так в противоположность серым телам, которые они считали слишком тусклыми для такого веселого события.

Среди многих родов были раскрашенные в розовый и серый цвета какаду Гала, в зеленый и малиновый — попугаи Биллам; они были раскрашены ярче всех — тела цвета зеленой травы и ярко-малиновые бока.

За это они получили имя Малиновые Крылья. Явились также маленькие яркие Гиджеригар.

Уже собралось много народу, когда пришли журавль Бутулга и кенгуру-древолаз Гунар. Бутулга предупредил Гунар, что они должны только смотреть и не принимать активного участия в корробори, чтобы охранять свою камби. Поэтому Гунар села с ним рядом и перебросила сумку через руку. Бутулга ее еще раз попросил быть осторожнее и не забывать, что у нее сумка. Но по мере того как шло корробори, она так увлеклась, что забыла о камби, и та соскользнула с ее руки. Но Бутулга увидел это и положил сумку на место. Это помешало Биаге-соколу схватить сумку, хотя на него и не обращали внимания, считая смертельно больным.

Биага снова припал к земле и застонал, но тем не менее не спускал глаз с Гунар и вскоре был вознагражден за свои старания.

Между тем наступила очередь танцев Бролга. Все глаза, кроме глаз Биаги, были прикованы к ним, когда они медленно вошли в круг. Сперва они выступили вперед, поклонились и отступили. Они повторили это несколько раз, и всякий раз их движения становились быстрее и быстрее, поклоны сменялись пируэтами.

Они склоняли свои длинные шеи и делали такие движения, выполняя фигуры танца, что заставляли всех сотрясаться от смеха. Сами же они сохраняли серьезный вид, тем самым усиливая эффект своих выходов.

Тогда наступил удобный момент для сокола Биаги. Увлечшись танцами, Гунар и Бутулга забыли о камби. Они стали хлопать, вместе со всеми, Гунар откинулась на спину, обессиленная смехом, и сумка соскользнула с ее руки. Большой Биага вскочил, схватил сумку, разрезал ее каменным топором, выхватил огневую палочку и зажег ею приготовленную кучу травы до того, как эти двое осознали свою потерю.

Поняв, что бесценная камби пропала, Бутулга и Гунар вскочили. Бутулга бросился за Биагой, но тот побежал первым, бегал быстрее и опередил своего преследователя. Убегая, он огневой палочкой поджигал траву.

Убедившись, что ему не удастся поймать Биагу, и видя повсюду огонь, Бутулга оставил преследование. Он понял, что бесполезно сохранять дальше секрет, ставший достоянием всех собравшихся здесь родов.

Игуана и черная змея

Когда на земле появились животные, они были значительно крупнее, чем теперь. В те дни ядовитой была игуана, а не змея.

Наиболее крупный вид игуаны — Мангун-гали, имеющий даже теперь свыше полутора метров от языка до хвоста, из-за своего яда вселял ужас во всех обитателей земли.

Его любимой пищей было мясо даенов, которых он убивал в большом количестве. Он производил среди них такое опустошение, что наконец собрались все племена на совет, чтобы обсудить, как лучше положить конец всеобщему истреблению.

Собрание уже подходило к концу, а племена не могли придумать план спасения своих родичей-даенов.

Когда они уже расходились, на водопой пришел Ую-бу-луи — черный змей — и спросил, о чем они говорили. Диневан-эму рассказал ему, что Мангун-гали был так беспощаден к даенам, что вскоре будет истреблен весь их род.

Бора-кенгуру сказал:

— Многие из нас так же сильны, как Мангун-гали, и даже сильнее, но мы не можем сражаться с ним. Он убьет нас ядом, который носит в тайном мешке, и мы умрем, как наши родственники-даены. Некоторые из нас имеют родственников среди даенов, и мы не хотим видеть всех их убитыми. Но как прекратить истребление, мы не знаем.

— У меня тоже есть родственники среди даенов. Их надо спасти, — сказал Ую-бу-луи.

— Но как? — спросили остальные. — Ведь мы почти все — их родственники.

— Ведь сам Мангун-гали — и их и мой родственник, — сказал Мудеи-опоссум. — Однако это не мешает ему убивать их. Он убивает всех без различия.

— Я говорю вам, что спасу даенов от Мангун-гали, — сказал Ую-бу-луи.

— Но каким образом? — спросили все хором.

— Вот этого я никому не скажу. У меня будет ядовитый мешок Мангун-гали прежде, чем солнце Йи уйдет завтра на покой.

— Если ты будешь сражаться с ним, то солнце Йи не успеет скрыться за этой группой эвкалиптов, как ты будешь лежать мертвым от яда, который носит Мангун-гали.

— Разве я говорю о борьбе? Разве нет другого средства достигнуть цели, кроме борьбы? Я не буду сражаться с ним и останусь жив. Мангун-гали меня не убьет.

Здесь изображено большое корробори, которое племена устроили, чтобы отвлечь внимание Бутулги и Гунар, открывших огонь, но эгоистично скрывших секрет. Можно видеть и племена. В одном углу вы видите сокола и сыча, выполнявших тайное задание

С этими словами Ую-бу-луи уполз между деревьями, окружавшими водоем, где собрались племена. Он знал, что только хитрость приведет к победе, — ведь Мангун-гали был больше и сильнее его, лучше слышал и быстрее двигался. Кроме того, у него был мешок с ядом. Правда, у Ую-бу-луи было одно преимущество: Мангун-гали так долго не знал поражений, что мог стать беззаботным и менее подозрительным.

Ую-бу-луи решил действовать так. Он подождет, пока Мангун-гали насытится своей любимой пищей. Тогда он будет следовать за ним до тех пор, пока тот не ляжет спать после пиршества. Это должно было наступить на следующий день.

Обдумав все это, Ую-бу-луи направился к стойбищу Мангун-гали и лег здесь спать. На следующее утро он увидел, как Мангун-гали вышел на охоту. Он следовал за ним на некотором расстоянии и видел, как тот внезапно напал на троих даенов, убил их и съел лакомые куски, захватив остальное мясо с собой. Ую-бу-луи отправился за ним и видел, как он поел еще, лег и заснул.

«Вот благоприятный момент», — подумал Ую-бу-луи, прокрадываясь в стойбище Мангун-гали. Он приготовился занести свою дубинку бунди, чтобы размозжить череп Мангун-гали, но подумал: «Сначала я должен узнать, где он хранит и как применяет яд. А когда этот яд окажется у меня, все племена станут бояться меня так же, как его». Он сел и начал ждать, когда проснется Мангун-гали. Ему не пришлось долго ждать, Мангун-гали спал беспокойно. Чувствуя, что вблизи него кто-то есть, он проснулся и оглянулся кругом. Невдалеке он увидел Ую-бу-луи. Когда Мангун-гали бросился к нему, Ую-бу-луи воскликнул:

— Подожди! Если ты убьешь меня, то ничего не узнаешь о заговоре, который замышляют против тебя племена.

— Какой заговор? Что могут сделать мне племена? Разве я не убил многих из самого большого племени, чтобы бояться других?

— Если бы ты знал их заговор, тебе не нужно было бы их бояться. Но сейчас твоя жизнь в опасности.

— Тогда расскажи мне об этом заговоре.

— Я и собирался это сделать, но ты хотел убить меня, хотя я и не причинил тебе вреда. Зачем же мне спасать твою жизнь?

— Если ты мне о нем не расскажешь, я убью тебя.

— Тогда ты сам будешь убит, так как другой не предупредит тебя.

— Расскажи мне о заговоре, и я сохраню твою жизнь и жизнь людей твоего рода.

— Откуда я знаю, что ты сдержишь свое слово? Ты много обещаешь, но сдержишь ли свое обещание?

— Проси, что хочешь, и я дам тебе все — лишь бы ты поверил мне.

— Тогда дай мне подержать твой мешок с ядом. Только тогда я буду чувствовать себя в безопасности. Только тогда я скажу тебе о том, что замышлялось у водоема, где собираются племена. Все говорили, что даены будут спасены и твой конец неизбежен. Так и будет, если ты не узнаешь подробностей об их планах.

Мангун-гали сказал, пусть Ую-бу-луи просит любую другую вещь, но свой мешок с ядом он никому не отдаст.

— Ах так! Ты просил меня назвать, что я хочу. Я это сделал. Но ты не даешь мне то, что я хочу. Ну что же. Пусть у тебя будет мешок с ядом, а у

меня — тайна заговора. — И змей сделал вид что собирается уползти.

— Постой! — вскричал Мангун-гали, решив во что бы то ни стало узнать о заговоре.

— Тогда дай мне подержать мешок с ядом.

Напрасно Мангун-гали пытался убедить Ую-бу-луи назвать другие условия, — ему пришлось согласиться. Он достал изо рта мешок с ядом, но попытался запугать Ую-бу-луи:

— Прикосновение к мешку отравит того, кто не умеет с ним обращаться. Я положу его рядом с собой, пока ты будешь рассказывать о заговоре.

— Ты не хочешь сделать того, что я прошу. Я уйду, — и Ую-бу-луи двинулся прочь.

— Нет, нет! — воскликнул Мангун-гали. — На, возьми его.

Приняв безразличный вид, Ую-бу-луи взял мешок и отошел с ним на прежнее место на краю стойбища.

— Теперь расскажи скорее о заговоре! — воскликнул Мангун-гали.

— Вот он, — сказал Ую-бу-луи и запихнул мешок с ядом себе в рот. — Вот он. Кто-то должен был забрать у тебя этот мешок, чтобы ты не мог больше причинять вреда даенам. Я поклялся сделать это до того, как солнце Йи уйдет сегодня вечером отдыхать. Я не мог и не пытался сделать это силой. Я воспользовался хитростью, и хитрость достигла цели. Теперь я пойду и расскажу об этом племенам.

Прежде чем Мангун-гали понял, как он был обманут, Ую-бу-луи скрылся.

Мангун-гали бросился за ним, но перед этим он так наелся, что догнал Ую-бу-луи только тогда, когда тот уже рассказал племенам о том, что он сделал.

— Отдай нам мешок с ядом, чтобы мы могли его уничтожить, — сказали ему даены.

— Нет, — возразил Ую-бу-луи, — никто из вас не получит его. Он принадлежит только мне, и я буду хранить его.

— Тогда ты никогда не будешь жить в нашем стойбище.

— Я буду приходить в ваши стойбища, когда захочу.

— Мы убьем тебя, ты ведь не такой сильный, как Мангун-гали.

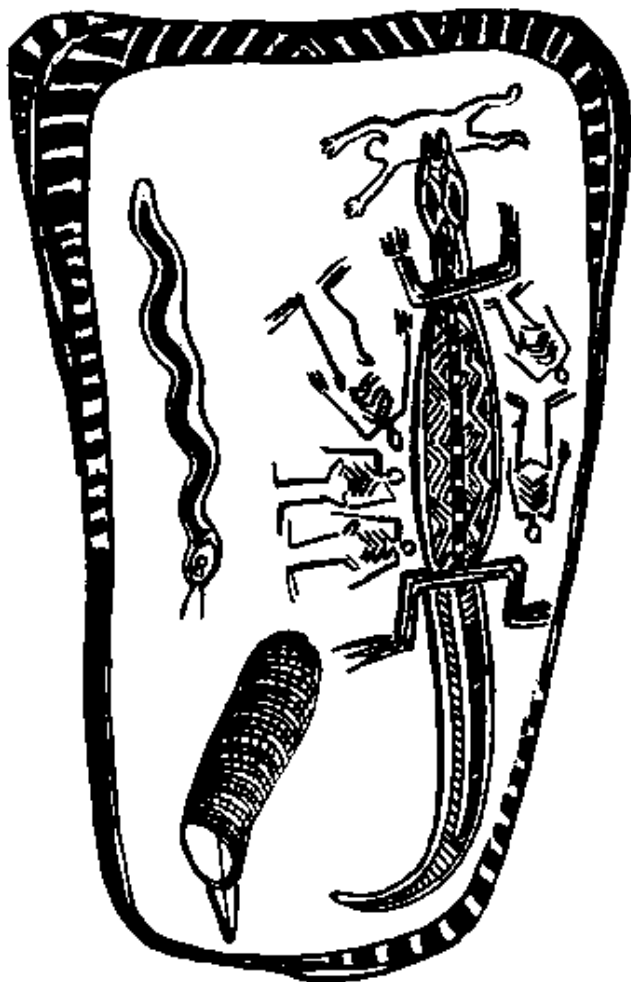
— Но у меня мешок с ядом. Кто будет мне мешать, тот умрет И Ую-бу-луи ушел прочь, захватив мешок с ядом. А Мангун-гали стал рассказывать племенам о том, как он был обманут.

С тех пор не игуаны, а змеи стали ядовитыми, и между ними существует постоянная вражда; встречаясь, они всегда сражаются. Но, даже имея ядовитый мешок, змеи не могут причинить вред игуанам. Мангун-гали

был великим виринуном и знал растение, которое обезвреживало яд. Как только змей укусит игуану, та бежит к этому растению, съедает его и спасается от вредных последствий укуса. Это противоядие — секрет рода игуаны. Его оставил роду Мангун-гали, потерявший свой ядовитый мешок из-за хитростей черного змея Ую-бу-луи.

Вида-пересмешник

Вида проделывал злые шутки над жившими вблизи даенами. Он построил из травы более двадцати хижин хампи и разжег перед ними огонь, как будто в них кто-то живет. Затем он входил в одну хижину и кричал, как младенец, потом шел в другую и смеялся, как ребенок. Заходя по очереди в хижины, он пел, как девушка, хохотал, как мужчина, звал дрожащим голосом старика или пронзительным голосом старухи. Он подражал всем голосам, какие когда-либо слышал, и делал это с такой быстротой, что прохожие могли подумать, будто здесь живет много даенов.

Здесь изображена игуана, пожирающая живого даена, когда у нее еще был мешок с ядом. Вокруг — кости ранее съеденных даенов. Черная змея, составив хитрый план, подползает для переговоров. Мешок с ядом изображен большего размера, чем нужно, из-за важной роли, которую он играл в этой истории.

А проделывал все это пересмешник для того, чтобы заманить поодиночке в свое стойбище как можно больше даенов, убить их и завладеть всей страной.

Он достигал своей цели следующим образом. Увлечшись преследованием добычи во время охоты, какой-нибудь даен нередко отделялся от своих товарищей и один возвращался домой. Проходя мимо стойбища Виды и слыша различные голоса, он хотел узнать, какое племя обитает здесь. Любопытство заставляло его подойти ближе. Видя одного Виду, он приближался к нему. Видя стоял недалеко от большого яркого костра и ожидал, пока даен подойдет совсем близко к нему. Тогда он спрашивал, что ему нужно.

Пришелец говорил, что слышал голоса, интересовался, какое это может быть племя, и пришел узнать об этом. Тогда Вида отвечал:

— Я здесь один. Как ты мог слышать голоса? Посмотри кругом, я один.

Сбитый с толку незнакомец осматривался и озадаченно говорил:

— Куда все они подевались? Когда я подходил, я слышал, как плачут дети, разговаривают мужчины и смеются женщины. Я слышал много голосов, а вижу только одного тебя.

— Вероятно, ветер шевелил ветви деревьев, а ты подумал, что это плач детей. Ты слышал смех Гу-гур-гаги и решил, что это смеются женщины. Голос мужчин, который ты слышал, принадлежал мне. Когда человек один среди зарослей и его окружают тени, у него появляются странные фантазии. Взгляни при свете костра: где теперь твои фантазии? Женщины не смеются, дети не плачут, говорю только я, Вида.

Говоря так, Вида подталкивал незнакомца к огню. Когда они оказывались у костра, Вида быстро оборачивался, хватал пришельца и бросал его в огонь.

И так повторялось снова и снова, пока число живущих вокруг стойбища Виды даенов начало заметно уменьшаться.

Муллиан-сокол решил проникнуть в тайну гибели даенов. Когда его кузен Биага не вернулся в стойбище, Муллиан решил пойти по его следам и идти до тех пор, пока задача не будет решена.

Он шел по следу Биаги и нашел место, где тот преследовал кенгуру, убил его и повернул домой. Он проследил его путь по каменистому грунту, через пески, равнины и кустарники.

Идя по следу Биаги, он услышал в кустарнике голоса — плач детей, пение женщин и разговор мужчин. Убедившись, что следы привели его к тому месту, откуда слышались голоса, Муллиан выглянул из-за куста, увидел травяные хижины и подумал: «Что это за народ?»

Следы Биаги вели прямо в стойбище, где был виден только один Вида. Муллиан подошел к нему и спросил, где же люди, голоса которых он слышал, проходя через кусты.

Вида ответил:

— Что я могу тебе сказать? Я не знаю ни о каких людях. Я живу один.

— Но я слышал, — возразил Муллиан, — плач детей, смех женщин и разговор мужчин.

— И все-таки я здесь один. Спроси свои уши, какую шутку они с тобой сыграли; или, быть может, теперь тебе изменяют глаза. Посмотри сам, видишь ли ты кого-нибудь, кроме меня?

— А если ты живешь один, то скажи, что ты сделал с моим кузеном Биагой и моими друзьями? Их следы, как я вижу, ведут в твоё стойбище, но

ни один не ведет из стойбища. И раз ты живешь здесь один, то только ты можешь мне ответить.

— Что я знаю о тебе и твоих друзьях? Ничего. Спроси ветры, которые дуют. Спроси Балу-месяц, который смотрит ночью на землю. Спроси солнце Йи, которое смотрит днем вниз, но не спрашивай Виду, который живет один и ничего не знает о твоих друзьях.

Говоря это, Вида осторожно подталкивал Муллиана к огню. Сокол Муллиан был тоже хитер, и его нелегко было заманить в ловушку. Он видел перед собой пылающий огонь, видел следы своего друга позади себя и чувствовал, что Вида толкает его к огню. Внезапно он подумал, что, умея огонь говорить, он рассказал бы, где находятся его друзья.

Однако еще не пришло время показать, что он раскрыл эту тайну. Поэтому он притворился, что попал в ловушку. Но как только они подошли достаточно близко к огню, Муллиан-сокол крепко схватил Виду и сказал:

— Как ты поступил с моим кузенком Биагой-соколом и моими друзьями, так теперь я поступлю с тобой! — И с этими словами он бросил его прямо в середину пылающего костра.

Затем он поспешил домой рассказать даенам о судьбе их друзей, остававшейся долгое время тайной.

Отойдя на некоторое расстояние от стойбища Виды, Муллиан услышал удар грома. Но это был не гром, это оторвалась задняя часть головы Виды со звуком, похожим на удар грома. Когда голова Виды раскололась, из нее вылетела птица — пересмешник Вида. Эта птица по сей день имеет отверстие в задней части головы, как раз в том месте, где раскололась голова даена Виды и откуда вылетела птица.

До сих пор Вида-пересмешник делает травяные площадки для игр. Бегая по ним, он подражает последовательно всем голосам, которые когда-нибудь слышал, от плача ребенка до смеха женщины, от мяуканья кошки до лая собаки.

Дигинбойя — птица-воин

Дигинбойя был старым человеком, и ему уже тяжело было добывать пищу для двух жен и двух дочерей. Он жил с семьей в стороне от своего племени, но обычно присоединялся к людям из рода Муллиана-сокола, когда они выходили на охоту. Так он мог вернее добыть пищу, чем в одиночку.

Однажды, когда Муллианы отправились на охоту, он опоздал присоединиться к ним, спрятался в зарослях в некотором удалении от их стойбища и ждал их возвращения. Он услышал, как они, возвращаясь, пели «Песнь сидящей на яйцах эму», которую всегда поет тот, кто первым в

сезоне найдет гнездо эму. Услышав пение, Дигинбойа вскочил и направился к стойбищу Муллианов, распевая ту же песню, как будто он тоже нашел гнездо эму. Все шли к стойбищу, весело распевая:

Нарду, нарбер мэ деррин дерринбах, ах, ах, ах, ах, ах.
Гамбей буан инихдех бихвах, ах, ах, ах, ах, ах.
Габбонди, ди, и, и, и.
Неэх, неэн, галбиях, ах, ах, ах, ах.

В переводе эта песня означает примерно следующее:

Я первым увидел ее среди молодых деревьев,
Белая метинка на ее голове,
Белая метинка, которую я видел раньше,
когда днем эму ходили вместе.
Никогда раньше я не видел эму в гнезде,
она всегда ходила.
Теперь, когда мы нашли гнездо,
Мы должны следить, чтобы муравьи
не пробрались к яйцам,
Если они будут ползать по ним,
то яйца испортятся.

Когда охотники пришли в стойбище, с ними был и Дигинбойа. Муллиан спросил у него:

— Ты тоже нашел гнездо эму?

— Да, нашел, — ответил Дигинбойа. — Я думаю, что вы заметили то же самое гнездо, но после меня, так как я не видел ваших следов. Я старше вас, мои ноги одеревенели, и я не мог быстро возвратиться. Скажи мне, где находится найденное вами гнездо?

— Среди эвкалиптов, на краю равнины, — ответил ничего не подозревавший Муллиан.

— Я так и думал; это гнездо мое. Но это ничего не значит. Мы можем поделиться, всем достанется. Сегодня ночью надо с сетью расположиться около гнезда, а завтра поймать эму.

Муллианы захватили сеть для ловли эму, сделанную из тонкой веревки, и вместе с Дигинбойей расположились вблизи того места, где сидела на

яйцах птица. Выбрав место для стойбища, они поужинали и устроили корробори.

На рассвете следующего дня они установили на шестах сеть в виде треугольного загона, с одной стороны открытого, а сами расположились у концов сети и вдоль нее.

Затем даены окружили гнездо эму широким кольцом, оставив сторону, обращенную к сети, свободной.

Они начали постепенно сходитьсь, пока не спугнули эму с гнезда. Видя людей со всех сторон, кроме одной, птица побежала в этом направлении и очутилась в загоне. Испугавшись, она как безумная бросилась на сеть. Даены подбежали, схватили птицу и свернули ей шею.

Некоторые вернулись к гнезду, взяли яйца, испекли их в золе костра и съели. Эму ощипали и вырыли яму, чтобы в ней испечь птицу. Когда в костре скопилось достаточно углей, их выгребли и уложили толстым слоем на дне ямы, сверху положили ветви с листьями, а на них — перья. Затем положили эму, прикрыв ее перьями, листьями и слоем углей. Потом все засыпали землей.

На приготовление эму требовалось несколько часов, поэтому Дигинбойя сказал:

— Я останусь жарить эму, а вы, молодежь, возьмите копья и постарайтесь выследить еще эму.

Муллианы нашли это предложение разумным, взяли пару длинных копий с заостренными крюками на конце для того, чтобы удерживать эму, когда его пронзит копьё. Копья украсили перьями эму и отправились на охоту.

Вскоре они заметили стадо эму, идущих к водопою мимо того места, где они остановились. Двое из отряда, вооружившись копьями, взобрались на дерево, наломали ветвей и скрылись за ними. Когда эму подошли ближе, охотники свесили копья и начали качать ими так, что перья на их концах развевались. Эму заинтересовались перьями и подошли к самым копьям. Даены крепче сжали копья и с силой вонзили их в двух намеченных ими эму. Один из эму сразу упал мертвым. Другой побежал с вонзенным в него копьём, но даен догнал его и убил.

С убитыми птицами охотники пошли к Дигинбойе, жарившему эму.

Изжарив еще двух птиц, все направились к стойбищу в отличном расположении духа. По дороге они бросали дубинки вадди и возвращающиеся бумеранги баббера.

Старый Дигинбойя сказал:

— Послушайте, дайте мне нести эму, тогда вам будет удобнее бросать вадди и баббера и решить, кто самый меткий.

Ему отдали эму и пошли дальше, одни бросали Бадди, другие показывали свое искусство с баббера.

Но вот Дигинбойя опустился на землю. Остальные подумали, что он сел отдохнуть на несколько минут, и продолжали бежать, смеясь и играя. Каждый удачный бросок оружия вел к новому броску, так как никто не хотел быть побежденным, пока у него имелась вадди. Отойдя дальше и видя, что Дигинбойя продолжает сидеть, они окликнули его, спросили, в чем дело.

— Все в порядке, — ответил он. — Я только отдохну и через минуту пойду.

Тогда они отправились дальше.

Когда они скрылись из виду, Дигинбойя вскочил, поднял эму и направился к незаметному на первый взгляд отверстию в земле. Оно служило дверью подземного дома паука Мурга-мутаи. Дигинбойя спустился вниз, взяв с собой эму. Он знал, что недалеко есть другой выход, через который он сможет попасть к своему дому.

Он часто использовал этот ход, возвращаясь с охоты.

Муллианы пришли домой и ожидали Дигинбойю, но его не было видно. Тогда они пошли назад по своим следам, громко звали его, но не получили ответа и не встретили его.

Тогда мудрейший из Муллианов — Муллиан-га сказал, что найдет Дигинбойю. Взяв с собой дубинки бунди и копья, он направился туда, где прежде сидел Дигинбойя. Он увидел, что следы Дигинбойи свернули в сторону и исчезли, но не мог понять куда, так как не заметил маленькой аккуратной двери Мурга-мутаи. Муллиан-га решил искать в кустарнике до тех пор, пока не найдет Дигинбойю.

Наконец он увидел стойбище, подошел к нему и встретил двух играющих маленьких девочек, дочерей Дигинбойи.

— Где ваш отец? — спросил он у них.

— Охотится, — ответили они.

— Каким путем он приходит домой?

— Наш отец приходит домой отсюда. — И они показали ему опускающуюся дверь подземного дома паука.

— Где ваши матери?

— Они ушли собирать мед и батат. — И маленькие девочки побежали к дереву, на котором они играли, взбегая по его наклонному стволу.

Муллиан-га подошел, стал там, где ствол поднимался выше всего над землей, и сказал:

— Теперь, малютки, взбирайтесь сюда вверх и прыгайте, а я подхватчу вас. Прыгайте по одной.

Одна девочка прыгнула в его протянутые руки, но он их отпустил и отступил в сторону. Она упала и разбилась насмерть.

Тогда он крикнул другому ребенку:

— Иди прыгай. Твоя сестра прыгнула слишком быстро. Иди, когда я позову, и тогда прыгай.

— Нет, я боюсь.

— Иди, на этот раз я подготовлюсь. Теперь прыгай.

— Я боюсь.

— Иди, я сильный, — и он ласково улыбнулся ребенку.

Девочка решилась и прыгнула, поделив участь своей сестры.

— Теперь, — сказал Муллиан-га, — сюда идут обе жены. Я должен заставить их молчать, иначе их крики при виде детей спугнут их мужа.

Он спрятался за деревом и, когда женщины проходили мимо, убил их копьями.

Затем он направился к указанной детьми двери и сел ожидать прихода Дигинбойи. Ему не пришлось долго ждать. Дверь приподнялась, и на земле очутился жареный эму, которого Муллиан-га взял и положил рядом с собой. Дигинбойя думал, что эму взяли девочки, так как они ожидали его возвращения и всегда это делали. Он высунул второго эму, которого также принял Муллиан-га, затем третьего. Наконец вылез сам Дигинбойя и увидел перед собой Муллиан-га с дубинкой и копьем в руке.

Дигинбойя кинулся назад, но дверь сзади него захлопнулась, а Муллиан-га преградил ему путь к бегству.

— Ты украл нашу пищу, — сказал Муллиан-га. — Сейчас ты умрешь. Я уже убил твоих детей.

Дигинбойя пугливо оглянулся и, увидев тела девочек под деревом, громко застонал.

— И я, — продолжал Муллиан-га, — убил твоих жен. Дигинбойя поднял голову и снова пугливо оглянулся. На тропе, ведущей к дому, он увидел своих мертвых жен. Тогда Дигинбойя громко воскликнул:

— Вот твои эму, Муллиан-га, возьми их и пощади меня! Я не буду больше красть, — ведь мне самому надо немного, но мои дети и жены голодали, и я воровал для них. Прошу тебя, пощади меня, я уже стар. Я долго не проживу, пощади меня.

— Нет, — сказал Муллиан-га. — Кто дважды украл у Муллиана, не будет жить. — И с этими словами он пронзил копьем Дигинбойю. Затем он взял всех эму и быстро пошел к стойбищу.

В эту ночь ужин был веселым. Муллианы ели эму, а Муллиан-га рассказывал историю о том, как он нашел и убил Дигинбойю. Муллианы гордились могуществом и хитростью своего великого человека.

Муллиан-га — утренняя звезда

Муллиан-сокол построил свой дом высоко на белом эвкалипте Яраан. Здесь он жил отдельно от своего племени со своей женой Мудеи-опоссумом и тещей Мудеи-опоссумом. С ними жила Баттерга из рода летающих белок Баггу. Баттерга была подругой жены Муллиана и отдаленной родственницей рода Мудеи.

Муллиан-сокол был людоедом. Поэтому он жил отдельно от других даенов. Чтобы удовлетворить свою страсть к людоедству, он отправлялся на охоту и брал большое копье, примерно в четыре раза больше обычного. Находя даена, охотящегося в одиночку, он убивал его и приносил его тело в свой дом на дереве. Здесь Мудеи и Баттерга варили его, и все ели мясо — ведь женщины, так же как и Муллиан, были людоедами.

Так продолжалось некоторое время, пока не было убито множество даенов. Их друзья решили узнать, что же с ними случилось, и пошли по следам того, кто пропал последним.

Они дошли до того места, где он был убит, а затем по следам убийцы пришли к эвкалипту, на котором находился дом Муллиана. Они попытались взобраться на дерево, но оно оказалось таким высоким и прямым, что после многих усилий им пришлось отказаться от этой попытки. В отчаянии от неудачи они вспомнили о Бибби-поползне, род которого славился умением лазить по деревьям. Они позвали на помощь двух молодых Бибби. И один из Бибби пришел к ним, приведя с собой своего друга Мурра-ванду из рода крыс-древотазов.

Узнав, чего хотят от них даены, эти знаменитые лазуны подошли к эвкалипту и начали по нему подниматься. Однако в первую ночь они смогли из-за темноты добраться только до середины дерева. Здесь они остановились, а утром увидели, как улетел Муллиан, и полезли дальше вверх.

Добравшись до дома Муллиана, они выждали удобный момент и прокрались внутрь хижины. Оказавшись внутри дома и позаботившись о том, чтобы их не заметили женщины, они спрятали в одном углу тлеющую палочку. Затем они тихонько спустились вниз, и никто не догадался об их посещении.

Днем Мудеи и Баттерга временами слышали потрескивание, осматривались, но ничего не видели. Очаг горел спокойно, и они решили, что это трещит трава, упавшая в их огонь.

Между тем Бибби и Мурра-ванда, спустившись вниз, нашли даенов и рассказали о своих действиях. Узнав, что они подожгли дом Муллиана, и опасаясь падения дерева, все отошли на некоторое расстояние и стали

ждать. Велика была их радость при мысли о том, что наконец они перехитрили своего врага. Бибби и Мурра-ванда гордились тем, что даены восхваляли их доблесть.

После обеда вернулся Муллиан. У входа в дом он оставил свое огромное копьё, затем вошел и лег отдыхать. Через несколько минут он услышал, как упало его большое копьё. Он вскочил и поставил его на место. Не успел он снова лечь, как опять услышал звук падения. Он поднялся еще раз и снова поставил копьё. Когда он подошел к постели, в углу хижины вспыхнул огонь.

Муллиан позвал трех женщин, варивших пищу, и те бросились помогать ему гасить пламя. Но, несмотря на все их усилия, пламя только сильнее разгоралось. Рука Муллиана была сожжена. Мудеи обожгла себе ноги, и Баттерга тоже сильно обожглась.

Видя, что огонь нельзя потушить, они решили бросить хижину и спасаться, но было уже поздно. Когда они хотели спуститься с дерева, крыша хижины рухнула на них. Все, что осталось после пожара, — обуглившиеся кости живших на эвкалипте. Только это и нашли даены.

Но легенды рассказывают, что Муллиан-сокол живет на небе в виде утренней звезды Муллиан-га. С одной стороны от него находится маленькая звездочка — его единственная рука, а с другой — большая звезда, его жена Мудеи-опоссум.

Здесь все очень просто: Муллиан-га, две жены его на дереве, его огромное копье и древолазы, поднявшиеся до середины дерева в первую ночь

Виринун Ван-ворон

Ван-ворон был такой хитрый, как будто в нем собралось пятьдесят хитрых воронов. По крайней мере, так Ван думал о самом себе.

Однажды он отправился ловить рыбу и поймал очень маленькую треску. Он пустил ее в небольшой водоем на несколько дней, чтобы взять ее, когда она ему понадобится.

Мимо проходили Га-ра-га — голубой журавль и двое его сыновей. Увидев прекрасную, жирную треску — к этому времени рыба выросла, — они поймали ее, разрезали посередине и повесили сушить на дерево перед тем, как поджарить.

Когда пришел Ван и увидел висящую треску, он подумал, что это, наверное, его рыба. Он решил лечь спать, чтобы его дух сна Мулли-Мулли мог посмотреть, плавают ли его рыба в водоеме. Если же ее там нет, значит, на дереве висит его рыба, хотя она и больше той, которую он оставил в водоеме. Виринуны часто используют Мулли-Мулли, которого они могут везде посылать и заставить делать то, что им хочется.

Мулли-Мулли Вана вернулся и сообщил, что это его рыба. Тогда Ван проснулся и посмотрел кругом. Рыба на дереве исчезла! Пока Ван спал, Га-ра-га изжарил ее.

Когда Га-ра-га увидел, что Ван смотрит на рыбу, он спросил:

— Хочешь немного рыбы? — и вежливо предложил ему спинку, которую он считал лучшей частью рыбы.

— Нет, — сказал Ван.

«Нам больше останется», — подумали Га-ра-га и его сыновья. Они съели всю рыбу, кроме головы, которую отложили в сторону, а затем легли спать. Отойдя, Ван тоже лег.

На рассвете Ван прокрался к стойбищу Га-ра-га с длинной дубинкой буту в руках. Га-ра-га спал на спине, поджав ноги, его колени торчали кверху. Ван ударил его по коленям своей дубинкой и убежал.

— Кто меня ударил? — закричал Га-ра-га.

Его сыновья услышали крик, вскочили и посмотрели кругом, чтобы узнать, кто ударил их отца, но никого не увидели. Они побежали к стойбищу Вана и нашли его спящим. Они разбудили его и спросили, не слышал ли он чего-нибудь и не он ли ударил их отца.

— Нет, — ответил Ван, — я спал.

Они были очень удивлены и встревожены. Когда взошло солнце, Га-ра-га приказал своим сыновьям построить из коры лодку, чтобы переправиться на другую сторону реки. Они пошли срубили большой эвкалипт и принесли его в стойбище.

Старый Га-ра-га сказал Вану:

— Мы отправляемся на другую сторону реки. В этом стойбище что-то неладно.

Ван ответил:

— Я тоже боюсь оставаться здесь и поеду с вами.

Один из сыновей понес лодку к реке, другой нес старого отца. Когда лодка была спущена на воду, они посадили в нее старика. Ван сказал:

— Вы, ребята, плывите впереди, а я перевезу вашего отца в лодке.

Мальчики поплыли через реку, а Ван взял голову трески, пропел над ней заклинание и положил у края воды. Затем он сел в лодку и поплыл.

На середине реки, там, где было сильное течение, Ван перевернул лодку. Увидев это, сыновья старика бросились с другого берега в воду, чтобы спасти отца. Но он утонул еще до того, как они доплыли до него, и его унесло течением.

Тогда они сказали:

— Мы убьем Вана за то, что он утопил нашего отца.

Они повернули и погнались за Ваном: тот быстро плыл к берегу, от которого отчалил. Достигнув берега, он побежал к старому стойбищу, но перед этим схватил голову трески и, размахивая ею в сторону мальчиков, запел:

Всех, кто крадет у Вана,
Постигает несчастье.

Мальчики старались доплыть до берега, но чем больше они плыли, тем больше, казалось, им предстояло плыть. Ван был великий виринун и заставил реку стать очень широкой. Он все время пел:

Всех, кто крадет у Вана,
Постигнет несчастье.

Наконец мальчики поняли, что не смогут доплыть до этого берега и что Ван — виринун. Опасаясь за свою жизнь, они повернули и поплыли к другому берегу, где и выбрались благополучно. Они никогда больше не видели Вана, но рассказали своему племени о том, что он сделал. Пусть все будут его врагами!

Между тем Ван пошел дальше, посмеиваясь своим странным смехом «Ва! ва!», всегда означавшим совершенное или предстоящее зло. Иногда он смеялся слишком долго — значит, сотворив одно злое дело, Ван думал о предстоящем.

Следующее стойбище, к которому подошел Ван, принадлежало Муллиану, жившему со своими двумя женами. Муллиан пригласил Вана ловить рыбу и, когда они подошли к реке, сказал ему:

— Полезай вот в это полое бревно в воде, в нем есть треска. Я буду стоять здесь с копьём динди готовый пронзить рыбу, когда ты ее оттуда выгонишь.

Ван влез в полое бревно, но рыбы не нашел, а когда он выбирался оттуда, Муллиан поразил его копьём в грудь. Почувствовав укол копья, Ван

раскинул руки и пронзительно закричал:

— Ва! ва! ва!

С тех пор это клич его рода.

Выбравшись из бревна, Ван вытащил копьё из своей груди и, прежде чем Муллиан разгадал его намерения, проткнул его копьем, пригвоздив ко дну реки, и запел:

Ва! ва! ва!

Всех, кто повредит Вану,

Постигнет несчастье.

Оставив на месте Муллиана, Ван направился в его стойбище, где находились две жены Муллиана. Те спросили его:

— Где твой дядя, а наш муж?

— Он до сих пор в реке.

Они немного подождали, а затем спросили Вана:

— Что же его там держит?

— Я думаю, его динди.

Так оно и было, но женщины не подумали об этом. Наступила ночь, а Муллиан не возвращался. Женщины поняли, что Ван завладел стойбищем. Они начали подозревать, что Ван знает многое и что Муллиан не вернется.

Они спросили:

— Ты его убил?

В ответ Ван запел:

Всех, кто повредит Вану,

Постигнет несчастье.

Некоторое время Ван оставался в стойбище Муллиана. Однажды подошел отряд воинов, решивших убить Вана за то, что он захватил стойбище Муллиана.

Ван встал для испытания, воины приготовились метать в него копья. Воины были защищены щитами борин, так как Ван взял оружие Муллиана и воины думали, что он применит его.

Г радом падало оружие вокруг Вана, но ни одно его не задело. Он был таким могущественным виринуном, что даже воины не могли причинить ему вреда. Поняв это, они разрешили Вану владеть стойбищем Муллиана, его имуществом и женами.

Когда все было решено, Ван сказал воинам:

— Я знаю хорошую песню и хочу, чтобы вы сплясали под нее. Я придумал небольшой танец и покажу его вам.

Все сели в круг, а Ван устроился в центре, около большого волшебного дерева Мингга, где обитал дух, невидимый для воинов. Только злой виринун Ван мог его видеть. Ван тихо запел:

Всех, кто повредит Вану,
Постигнет несчастье.

Затем он протанцевал несколько па, потом остановился и сказал:

— Когда я крикну: «Думу! думу! думу!» — вы должны повторять за мной: «Думу! думу! думу!»

Всякий раз, как Ван говорил эти слова, корни дерева Мингга трещали, но воины не слышали этого и повторяли крик Вана, наблюдая за его танцем. Через каждые несколько минут Ван снова кричал: «Думу! думу! думу!» — и воины в ответ повторяли: «Думу! думу! думу!»

Корни дерева Мингга продолжали трещать. Услышав сильный треск после своего последнего крика, Ван прыгнул далеко в сторону, выскочив за круг воинов, и как раз вовремя. Огромное дерево Мингга упало, раскинув ветви и покрыв ими всех воинов и вдов Муллиана. Все были убиты, только Ван остался невредим.

Теперь там, где росло Мингга, род Вана собирает вместе всех птиц на корробори. При этом вороны сами танцуют последний танец Ква, а кошки Бакканди поют для них. Вороны пляшут так бешено, что пыль поднимается до неба, обращая раннее утро в густой туман, при виде которого даены говорят:

— Прошлой ночью вороны танцевали свой танец Ква, а Бакканди пели.

Ван оставил стойбище у дерева Мингга и странствовал, пока не пришел к новому стойбищу. Здесь он увидел маленького мальчика, евшего меи-ра, или дикую дыню. Чувствуя голод, Ван сказал:

— Дай мне кусочек.

Но мальчик ответил:

— Нет, я голоден. Сегодня утром мы не завтракали.

Тогда Ван тихо запел:

Всех, кто повредит Вану,
Постигнет несчастье.

Напевая, он подходил к мальчику, прося у него дыню, но мальчика продолжал говорить «нет».

Ван попытался выхватить последний кусок у мальчика и в тот момент, когда мальчик клал его в рот, вложил в дыню магический камень, который ничего не подозревавший мальчик поспешно проглотил вместе с пищей. Вскоре мальчик почувствовал, что кусок застрял у него в горле. Он спустился к реке и выпил воды, но кусок крепко стоял в горле. Мальчик начал кашлять и задыхаться. Он вернулся в стойбище и от сильной боли стал кататься по земле. Он чувствовал, что кусок в горле как будто становится все больше и больше, не давая ему дышать. Наконец, с последним приступом удушья, он умер. Ван запел:

Ва! ва! ва!
Всех, кто повредит Вану,
Постигнет несчастье.

Он прикрыл мальчика ковром из шкур опоссума и пошел копать могилу. Приготовив ее, он вернулся за телом. Подходя к стойбищу, он увидел отца мальчика, сокола Муллиана, брата того Муллиана, которого он убил.

Когда отец мальчика подошел ближе, Ван начал плакать как бы в большом горе. Он сказал:

— Что заставило тебя бросить мальчика одного? Почему ты не взял его с собой? Он достаточно взрослый и мог ходить. Теперь он мертв. Кто-то его укусил.

Увидев, что сын действительно мертв, отец начал плакать. Он бросил принесенную пищу, так как не смог сварить ее и есть. Он пошел с Ваном вырезать гроб из ствола дерева. Затем они принесли гроб в стойбище и положили в него тело ребенка, прикрыв его куском коры. Потом они обвязали гроб веревками из волокон коры.

Ночью они легли по обеим сторонам гроба и положили руки на гроб, чтобы духи не украли тело, а утром окрасили гроб в красный и белый цвета и отнесли его к могиле, где Муллиан сказал Вану:

— Яма мала, сделай ее побольше.

Ван выполнил его просьбу.

Тогда Муллиан предложил:

— Теперь ложись в нее и посмотри, достаточно ли она длинна.

Когда Ван лег в могилу, Муллиан положил на него гроб и начал быстро забрасывать его землей, и скоро Ван был засыпан вместе с гробом.

После этого Муллиан вернулся в стойбище. Он сидел, думал о своем мальчике и радовался тому, что отомстил за него, похоронив Вана, которого подозревал в убийстве сына. Вдруг он почувствовал, что кто-то стоит около него, поднял голову и увидел перед собой Вана, которого только что засыпал землей.

Ван улыбнулся и запел:

Ва! ва! ва!
Всех, кто повредит Вану,
Постигнет несчастье.

После этого Ван удалился, ничего не говоря. Однако он продолжал незаметно наблюдать за Муллианом. Однажды, когда Муллиан отправился на охоту, Ван лег спать и послал своего духа сна Мулли-Мулли убить Муллиана. Мулли-Мулли увидел, как Муллиан полез на дерево за опоссумом, и сломал ветвь, на которой стоял Муллиан. Вместе с ветвью Муллиан упал на землю и разбился насмерть.

Когда Мулли-Мулли вернулся и Ван узнал о случившемся, он отправился дальше, распевая:

Ва! ва! ва!
Всех, кто повредит Вану,
Постигнет несчастье.

Дождевая птица

Бугу-ду-га-да была старой женщиной. Жила она уединенно вместе с собаками динго, которых было четыре сотни. Бугу-ду-га-да и собаки питались человеческим мясом, и она добывала эту пищу для всех хитростью.

Она уходила со своего стойбища с двумя небольшими собаками. Встретив группу даенов в двадцать или тридцать человек, идущих вниз по ручью, она говорила им:

— Я могу указать вам, где много дичи.

Когда же они спрашивали, где это, она отвечала:

— Вон там на верху горного хребта. Если вы пойдете туда и приготовите ваши дубинки нулла, я со своими собаками погоню дичь на вас.

Даены становились там, где она им показывала, а Бугу-ду-га-да с двумя собаками тем временем отправлялась к стойбищу. Она тихонько повторяла: «Бирри гу-гу». Услышав эти слова, все собаки выскакивали, внезапно окружали даенов и загрызали их до смерти. Затем они и Бугу-ду-га-да тащили тела в свое стойбище и варили. Этой пищи старухе и собакам хватало на некоторое время, а когда запасы пищи кончались, повторялась та же история.

Даены потеряли так много своих товарищей, что решили выяснить, что же все-таки с ними случилось.

Постепенно они начали подозревать Бугу-ду-га-ду. Даены договорились, что очередной отряд охотников, который пойдет к ручью, разделится и часть его спрячется и посмотрит, что произойдет.

И вот наблюдатели увидели, как старая женщина подошла к их товарищам, поговорила с ними, а затем ушла со своими двумя собаками. Они увидели, как их товарищи расположились на гребне хребта, держа наготове свои дубинки. Затем они услышали тихий зов старухи: «Бирри гу-гу» — и сразу из кустов выскочили сотни динго, окружив даенов. Динго одновременно бросились на темнокожих, рвали их зубами и загрызли всех до одного. А затем старуха и собаки утащили тела их товарищей к своему стойбищу.

Наблюдатели вернулись к своему стойбищу и рассказали о том, что видели. Тогда все живущие вокруг племени решили немедленно отомстить старухе. Они вооружились, и один отряд отправился, чтобы заманить в ловушку динго и Бугу-ду-га-ду. И вот, когда собаки, как обычно, выскочили из кустов, чтобы окружить отряд, более двухсот воинов выскочили и перебили всех динго и старуху.

Старуха упала замертво, но, когда даены уходили, они услышали ее крик: «Бугу-ду-га-да!». Тогда они вернулись и раздробили ей кости ног. Но когда они отошли, то снова услышали крик: «Бугу-ду-га-да!». Они снова вернулись, переломали ей все кости, но она по-прежнему кричала: «Бугу-ду-га-да!».

Тогда один человек остался возле нее, чтобы посмотреть, откуда исходит этот звук. Вдруг сердце старухи зашевелилось, и с криком «Бугу-ду-га-да» из него вылетела маленькая птичка.

С тех пор эта маленькая сероватая птичка бежит по скалам и кричит: «Бугу-ду-га-да». Весь день она прячется и вылетает только по ночам. Она похожа на пересмешника Виду. Даены называют ее дождевой птицей: когда кто-нибудь похитит ее яйца, она беспрерывно выкрикивает: «Бугу-ду-га-да» — до тех пор, пока не пойдет дождь. Когда в стране засуха, даены ищут эту маленькую птичку и, найдя ее, преследуют до тех пор, пока она громко не

закричит: «Бугу-ду-га-да, Бугу-ду-га-да». Услышав ее крик, даены ожидают дождя.

Когда маленькая птичка вылетела из сердца старухи, все мертвые динго были превращены в различных ядовитых змей, а две небольшие собаки стали маленькими безвредными змеями Дейа-минья — ведь эти собаки никогда не кусали даенов, как это делали динго. На вершине хребта, где Бугу-ду-га-да и ее динго убивали даенов, лежат груды белых камней, считающихся окаменелыми костями мертвецов.

Виринун — вызыватель дождя

В стране была засуха. Почти все реки высохли. Трава была мертва, умирали даже деревья. Никто уже не жил в хижинах дардур. Они обваливались и гнили. Ведь даены укрываются в хижинах только в сырую погоду, а в жару они живут под навесами из ветвей.

Молодежь племени Нунга-барра сначала тайком, а затем открыто стала роптать:

— Не говорили ли нам отцы, что виринун может, если захочет, вызвать дождь? Посмотрите на нашу страну — трава выжжена солнцем, нет зерна; кенгуру умирают, а эму, утки и лебеди перебрались в дальние страны. Скоро не будет пищи, мы умрем, и Нунга-барра не будет больше видно на реке Нарран. Почему же виринун не вызовет дождя, если он может это сделать?

Эти разговоры услышал старый виринун. Он ничего не сказал, но юноши заметили, что два-три дня он ходил к водоему и опускал в него длинную палку вилгу-вилгу с белыми перьями какаду на конце. Около нее он клал два больших магических камня Габбера. Эти прозрачные камни он обычно хранил в складках своего пояса вейва, в повязке или сетке на голове. Особенно тщательно он скрывал эти камни от женщин.

На третий день виринун сказал молодым людям:

— Возьмите ваши камбу и нарежьте коры. Мы будем строить новые хижины дардур для всего племени.

Юноши выполнили то, что им было сказано. Когда они нарезали и принесли кору, виринун сказал:

— Идите и разыщите высокое место с муравейником. Приготовьте там коры и дров для костра. И где бы вы ни стали строить дардур, пусть основой хижины служит муравейник высотой приблизительно тридцать сантиметров.

Когда были построены хижины с высокими полами из муравейников и непроницаемыми для дождя крышами из коры, виринун велел всем

обитателям стойбища идти с ним к водоему. Должны были пойти все — мужчины, женщины и дети.

Все направились к водоему, где он оставил вилгу-вилгу и Габбера. Виринун прыгнул в воду и велел всему племени последовать за ним. В воде все плескались и играли. Через некоторое время виринун стал подходить поочередно к каждому даену и вытаскивать из его головы уголек, который затем выбрасывал в воду.

Обойдя всех, виринун вышел из воды, но один из юношей столкнул его обратно. Это повторялось несколько раз, пока виринун не стал дрожать. Это послужило сигналом, и все выбрались из воды.

Виринун отослал молодых людей под навес из ветвей и велел им спать, а сам с двумя стариками и двумя старухами остался снаружи. Они взвалили на спину все свои вещи, в том числе и жернова дейурл, как будто готовясь уйти. Затем старики начали нетерпеливо расхаживать вокруг навеса, как бы ожидая сигнала к уходу.

Вскоре на горизонте показалось большое черное облако, а за ним со всех сторон появились другие. Они быстро приближались, росли — и вот уже над головой виринуна большая черная туча. Старики сразу вошли под навес из ветвей, разбудили молодежь и предложили всем выйти и посмотреть на небо.

Затем виринун приказал собрать все вещи и, не теряя времени, укрыться в хижинах из коры.

Едва они успели войти в хижины и спрятать свои копья, как раздался оглушительный удар грома и небо прорезала молния, осветившая дорогу от земли до неба. И снова последовал такой ужасный гром, что даены подумали, будто разрушено их стойбище. Но молния поразила лишь дерево невдалеке.

Даены стояли в своих хижинах, тесно прижавшись друг к другу, боясь двинуться. Дети кричали от страха, собаки жались к своим хозяевам.

— Нас убьет! — кричали женщины.

Мужчины молчали, но также были напуганы. Только виринун не испытывал страха.

— Я выйду и не дам буре повредить вам, — сказал он.

И старый виринун вышел и стал прохаживаться перед хижинами. Он стоял обнаженный, лицом к лицу с бурей и при свете молнии и звуках грома пел песню, которая должна была отвратить бурю от стойбища:

Гарри муреи, муреи,
Дарри муреи, муреи, муреи.

Вскоре гром утих, и лишь легкий ветерок колебал деревья. Затем последовала гнетущая тишина, начался дождь, а за ним ливень, продолжавшийся несколько дней.

Когда старики осматривали навес из ветвей, виринун отправился к водоему и вынул вилгу-вилгу и Габ-бера, так как по облакам в небе он видел, что эти вещи сделали свое дело.

И вот кончился дождь, и страна снова покрылась зеленью. Даены устроили большое корробори и воспевали искусство старого виринуна, вызвавшего дождь для племени Нунга-барра.

Виринун сидел спокойно, не обращая внимания на похвалы, как раньше не обращал внимания на упреки. Он решил показать всем, как велико его могущество. Виринун пригласил вызывателя дождя из соседнего племени и, поговорив с ним, приказал племени отправиться в Гугуревон. В те времена Гугуревон был сухой долиной, обрамленной редкими высохшими деревьями. Эти деревья до бора Байаме были даенами.

Когда все расположились по краям долины, виринун и его собрат — вызыватель дождя заставили выпасть сильный дождь, и долина наполнилась водой.

Когда долина покрылась водой, виринун сказал молодежи своего племени:

— Возьмите сети и ловите рыбу.

— Как же так, — ответили они. — Ведь это дождевая, а не речная вода. Долина покрылась водой только вчера, какая же тут может быть рыба?

— Идите, — возразил виринун, — и делайте, что я вам сказал. Если ваши сети окажутся пустыми, то виринун не будет больше разговаривать с людьми своего племени, а станет только собирать мед и батат с женщинами.

Юноши взяли сети и отправились на озеро, скорее, для того, чтобы угодить человеку, который превратил их страну из пустыни в рай для охотников. Когда рыбаки вытащили сети, они были тяжелыми от трески, леща и другой рыбы. Они поймали так много рыбы, что ее хватило всем, даже собакам.

Теперь всего было вдоволь, и старики решили устроить бора, чтобы мальчики могли стать юношами. Для этого надо было подготовить место на одном из хребтов, вдали от стойбища, чтобы об этом не знали женщины.

И вот в Гугуревоне произошло великое бора, известное тем, что оно последовало за триумфом старого виринуна — вызывателя дождя.

Однажды ночью Балун-месяц посмотрел на озаренную его светом землю, чтобы увидеть, двигается ли там кто-нибудь. Он выбирал время, когда все на земле спят, чтобы поиграть со своими гремя собаками. Он называл их собаками, но люди на земле называли их змеями — гадюкой, черной змеей и тигровой.

Разместив возле себя трех своих собак и глядя на землю, Балун увидел около дюжины даенов, переходивших реку. Он окликнул их:

— Постойте, я хочу, чтобы вы перенесли моих собак через реку.

Но даены, хотя и любили Балун, не любили его собак. Когда Балун пускал их играть на землю, они кусали не только земных собак, но и их хозяев, и те умирали. Поэтому даены возразили:

— Нет, Балун, мы боимся, твои собаки могут укусить нас, а их укус убивает.

Балун сказал:

— Если вы сделаете то, что я прошу, то не умрете, как обычно, а снова вернетесь к жизни. Посмотрите на этот кусок коры: я бросаю его в воду. — И он бросил кусок коры в реку. — Видите, он всплыл и плывет поверху. Это случится и с вами, если сделаете то, о чем я прошу вас. Когда умрете, утонете, а затем всплывете наверх. Если же вы не перенесете моих собак, глупые даены, вы умрете вот так. — И он бросил в реку камень, который тут же упал на дно. — Вы станете такими, как этот камень, и никогда не воскреснете, вомба даены!

Но даены повторили:

— Мы не можем этого сделать, Балун, мы очень боимся твоих собак.

— Тогда я спущусь и перенесу их сам, чтобы доказать вам, насколько они смирны.

И он спустился — черная змея обвивала одну его руку, тигровая змея — другую, а ядовитая гадюка свернулась на плечах около шеи. Так Балун перенес их через реку.

Перейдя реку, Балун поднял большой камень и бросил его в воду, говоря:

— Трусливые даены! Вы не хотели сделать то, о чем я, Балун, просил вас, и теперь вы навсегда потеряли возможность восстать после смерти. Вы будете лежать там, где вас положат, и, как этот камень под водой, станете частью земли. Если бы вы исполнили мою просьбу, вы могли бы умирать, как умираю я, и снова возвращаться к жизни так же часто, как и я. А теперь вы при жизни останетесь всего лишь даенами, а когда умрете — станете костями.

Балун выглядел таким рассерженным, а три змеи шипели так свирепо, что даены обрадовались, когда он скрылся за деревьями.

Даены всегда боялись собак Балу, а теперь они их возненавидели и сказали:

— Если бы мы смогли унести их от Балу, то убили бы их.

С тех пор, заметив змею, они ее убивают. Но Балу посылает новых змей, говоря:

— Пока существуют даены, будут на земле и змеи, чтобы напоминать даенам о том, что они не выполнили моей просьбы.

Легенда о цветах

Когда Байаме покинул землю, отправившись жить в далекую страну покоя Буллима, находящуюся выше священной горы Уби-Уби, то завяли и умерли все цветы. И на их месте уже не вырастали новые. Земля без украшавших ее цветов выглядела голой и опустошенной. Цветы стали легендой, которую старики племени рассказывали молодежи.

Вслед за цветами исчезли пчелы. Напрасно женщины брали свои вирри, чтобы собрать в них мед, — они всегда возвращались с пустыми руками. На всей земле оставалось только три дерева, где жили и трудились пчелы. Но Байаме наложил на них свою печать ма, объявив их навсегда своими, и люди не осмеливались их тронуть.

Дети со слезами просили меду, и матери их ворчали — ведь виринуны не позволяли им трогать священные деревья Байаме.

Когда всевидящий дух обнаружил, что племя не трогало священных деревьев, хотя очень хотело меду, он передал Байаме об их послушании.

Байаме был обрадован и сказал, что пошлет им нечто такое же сладкое на вкус, как мед.

И вот, когда земля изнывала от засухи, на листьях эвкалиптов появились белые крупинки сахара (дети даенов называют их гунбин), а затем прозрачный сок, стекавший по стволу, как мед. Сок застывал на коре комочками, которые иногда падали на землю, и там их собирали и ели дети.

Сердца людей радовались, и они с благодарностью ели ниспосланную им сладкую пищу. Однако виринуны страстно хотели видеть землю снова покрытой цветами, как это было до ухода Байаме. Это желание стало таким сильным, что они решили идти к нему и просить, чтобы он снова сделал землю прекрасной. Ничего не сказав племенам о том, куда они идут, виринуны поспешили на северо-восток.

Они путешествовали долго, пока не пришли к подножию великой горы Уби-Уби, вершина которой терялась высоко в небе. Ее голые склоны казались крутыми и неприступными. Но вот они заметили высеченную в скале ступеньку, затем еще и еще и, взглянув вверх, увидели лестницу.

Они начали подниматься по ступенькам, но к концу первого дня вершина горы все еще оставалась недоступной. Так было на второй и третий день, ибо дорога была длинной, и лишь на четвертый день они достигли вершины.

Здесь они увидели каменное углубление, из которого бил ключ свежей воды. Они жадно напились, и вода так освежила их, что всякая усталость прошла.

Недалеко от ключа они увидели груды сложенных камней. Подойдя к одной из них, они услышали звук гайанди — священной гуделки — и голос Валла-гарун-бу-ана. Валла-гарун-бу-ан был посланцем Байаме. Он спросил виринунов, что они хотят здесь. Ведь сюда приходят те, кто хочет познать священное учение Байаме.

Конечно, собаки Балу — это змеи. Река, которую они хотят перейти, находится между ними и недоверчивыми даенами.

Тогда виринуны рассказали Валла-гарун-бу-ану, как печально выглядит земля после того, как ее покинул Байаме, как умерли все цветы. Хотя Байаме послал им вместо меда сок эвкалипта, они хотели бы видеть снова, как цветы украсят землю.

Валла-гарун-бу-ан приказал духам священной горы поднять виринунов в небесное стойбище Буллима, где вечно цветут неувядающие цветы. Виринуны смогут собрать их столько, сколько удержат в руках. После этого духи перенесут их обратно в священный круг на вершине горы Уби-Уби, откуда они должны будут вернуться к своим племенам.

Когда голос замолк, виринуны были подняты через отверстие в небе и доставлены в прекрасное место. Цветы разрослись там так пышно, как им еще не приходилось видеть: целые полосы ярких тонов, словно сотни радуг, положенных на траву. Виринуны были так потрясены, что заплакали, но это были слезы радости.

Затем, вспомнив о том, зачем они здесь, виринуны быстро набрали большие охапки цветов, и духи вновь опустили их в каменный круг на вершине горы Уби-Уби.

Снова послышался звук гайанди, и Валла-гарун-бу-ан сказал:

— Когда вы принесете эти цветы своим племенам, скажите им, что на земле теперь будут всегда цветы. Каждый сезон ветра будут приносить немного цветов. Восточный ветер Яррага Мейра принесет их для каждого дерева и куста; на равнинах и в горах будет столько же цветов, сколько волосков на шкуре опоссума. Когда же душистый ветер не будет дуть, принося сперва дождь, а затем цветы, и пчелы смогут собрать мед только для себя, тогда снова будет капать с деревьев сладкий сок. И так будет до тех пор, пока Яррага Мейра вновь не принесет с гор дожди и не откроет цветы для пчел. Теперь поспешите к своему народу с этими неувядающими цветами, и пусть они станут залогом моего обещания.

Голос замолк, и виринуны отправились к своим племенам с цветами из Буллима. Они спустились по каменной лестнице, вырубленной духами для Байаме, прошли через равнины и горы, обратно к стойбищам своих племен. Народ толпился вокруг них, провожая удивленными глазами цветы, которые несли виринуны. Они были свежими и наполняли воздух ароматом.

Когда племена налюбовались цветами и выслушали обещание, данное Байаме через своего вестника Валла-гарун-бу-ана, виринуны разбросали повсюду дары из Буллима. Некоторые цветы упали на вершины деревьев, другие — на равнины и хребты. Там они и растут до сих пор.

То место, где виринуны показывали и разбрасывали цветы, до сих пор называется Гирравин, или место цветов. Когда пчелы Байаме заставляют

восточный ветер Яррага принести дождь с горы Уби-Уби, чтобы смягчить скованную морозом землю, появляется зеленая трава и яркие душистые цветы. Снова деревья и кусты покрываются цветами, а земля — прохладной травой, как в те времена, когда по ней ходил Байаме.

А пчелы Байаме должны заставить Яррага принести с горы дождь, чтобы деревья могли цвести и земные пчелы собирать мед. Яррага охотно выполняет волю пчел, освещая лик земли улыбкой дождевой воды, — не потому ли, что пчелы — его родичи. А во время засухи черные муравьи и маленькие серые птички по имени даллуря приносят на деревья жидкую сахарную пасту.

Когда она появляется, даены говорят:

— Настало время засухи, великой засухи по всей земле. Мало цветов, исчезли семена трав. Но пройдет засуха, пропадет сладкий сок на деревьях, и снова появятся цветы и пчелы. Так бывает всегда с тех пор, как виринуну принесли цветы из Буллима.

Гигер-Гигер — холодный западный ветер

Даррун — ночная цапля — жил вблизи реки. На дне реки лежало огромное полое бревно, среди которого Даррун вырезал отверстие. Он использовал бревно как ловушку для рыб и людей, потому что был банна, или людоедом.

Когда даен приходил в его стойбище, Даррун предлагал ему пойти с ним ловить рыбу. Даен должен был гнать рыбу от одного конца бревна к другому, где стоял наготове Даррун. Ведь он, говорил Даррун, как одинокий эму, и ему не справиться без товарища, или муллаи.

Понимая разумность этого, даен соглашался, и они отправлялись на ловлю. Даррун вооружался копьем, чтобы, как он говорил, поразить рыбу, когда она подойдет к его концу бревна. Как только даен отправлялся к дальнему концу бревна, Даррун спешил к отверстию на его середине.

Не подозревавший вероломства даен продвигался внутри полого бревна, гоня перед собой рыбу. Когда он оказывался под отверстием, Даррун мгновенно вонзал в него копьё, убивая на месте. Затем он вытаскивал свою жертву и, разрезав, варил.

Так пропало много людей, пока наконец мудрый виринун ворон не решил разгадать тайну их исчезновения.

Ван-ворон пошел в стойбище Дарруна, и тот пригласил его пойти с ним ловить рыбу, но сначала предложил кусок вкусной и жирной трески.

Ван согласился, но, когда они поели, ворон сказал:

— Я съел слишком много трески, она была очень жирная. Поэтому, прежде чем пойти на ловлю, я должен поспать.

— Хорошо, времени достаточно, — согласился Даррун, предвкушая ужин из мяса человека.

А Ван заснул для того, чтобы послать своего духа сна Мулли-Мулли разузнать, что за ловушку устроил Даррун в реке. Мулли-Мулли проведаль все об отверстии в бревне и возвратился. Услышав его рассказ, Ван проснулся и сказал, что готов; они отправились. Даррун показал Вану, где ему следует войти в полое бревно.

Ван был великим виринуном, и Даррун не мог ему повредить, поэтому Ван бесстрашно вошел внутрь бревна. Даррун подождал, пока Ван показался под отверстием, и ударил его копьем. Ван закричал: «Ва! ва! ва!» — но продолжал идти и вышел наружу с другого конца бревна.

— Почему ты ударил меня? — спросил он, вытаскивая застрявшее в нем копье.

— Я не хотел пронзить тебя копьем, — ответил Даррун. — Я думал, что это большая треска.

— Хорошо, пойдем, с меня довольно рыбной ловли, — сказал Ван. — Ты можешь снова ошибиться.

Даррун решил, что Ван действительно поверил его словам, и подошел к нему. В ту же минуту Ван насмерть пронзил его копьем.

В это время Гигер-Гигер — холодный западный ветер дул с такой силой, что с корнем вырывал деревья и переносил хижины воронов с места на место. «Надо, — подумал Ван, — схватить Гичгера-Гигера и запереть его в этом большом полом бревне, но сначала нужно удалить из него воду», — и он начал готовиться к этому.

Через несколько дней, когда Гигер-Гигер утомился, повалив деревья на протяжении нескольких миль и поранив людей своими холодными порывами, Ван внезапно напал на него и загнал внутрь полого бревна, заделав отверстия на его концах и в середине.

Напрасно Гигер-Гигер гремел и выл внутри.

— Ты несешь всюду только разрушения, поэтому останешься здесь, — сказал Ван.

Гигер-Гигер обещал быть не таким порывистым, если Ван временами станет выпускать его. Долгое время Ван не верил ему и держал крепко запертым, но затем стал иногда выпускать его, когда тот обещал не создавать ураганов.

Временами ветер нарушал свое слово и дул с той же разрушительной силой, что и раньше. Тогда Ван снова хватал его и заключал в бревно.

Теперь в бревне появились отверстия, и дыхание Гигера-Гигера проникает через них. Если Ван не найдет для ветра новую тюрьму, он когда-нибудь вырвется и устроит такой ураган, какого никогда еще не видели западные равнины. Гигер-Гигер разрушит все на своем пути, мчась навстречу своему любимому Ярраге — весеннему ветру, дующему с Камбурана — востока Ярра-га привык встречать появляющийся с Диньерра — запада Гигер-Гигер и согревать его своим ароматным теплом.

Дважды в году все ветры встречаются и устраивают большое корробори и бурные празднества. Дуран-Дуран приходит со своим знойным дыханием с Гарбарку — севера, чтобы встретить свой любимый Ган-я-му, который приходит с Були-миди-мунди — юго-востока, чтобы освежить мягкий, прохладным дыханием Ган-яму, пока его жар не уменьшится и он не перестанет опалять попадающихся ему на пути. Затем с Нуру-буан — юга дует ветер Нуру-нуру-бин, чтобы встретиться с Мунди-ванда — северо-западным ветром.

После большого корробори ветры расстаются, каждый возвращается в свою страну в надежде снова встретиться через несколько месяцев и устроить новое корробори.

Потому и беспокоится Гигер-Гигер в пустом бревне, потому и завывает — ведь он не может вырваться из тюрьмы и ринуться вперед, чтобы смешать свое ледяное дыхание с ароматным дыханием Ярраги.

Билба и Мейра

Билба — мягкошерстная крыса дюн когда-то была человеком и жила в одном стойбище со своим товарищем Мейрой — весенним ветром. Мейра был странным товарищем — ведь его нельзя видеть. Он мог разговаривать с Билбой, но, как ни хотел Билба, он не мог увидеть Мейру.

Однажды Билба сказал Мейре:

— Отчего ты не станешь таким же, как я, чтобы я мог тебя видеть?

— Я тебя вижу, — возразил Мейра.

— Да, я это знаю, но я-то тебя не вижу, а только слышу. Я угадываю, что ты здесь, по тому, как ты ешь пищу, находящуюся перед тобой. Ты ловишь опоссумов, достаешь мед. Хотя я хожу за тобой, следуя за твоим голосом, но никогда не вижу тебя, а мне хочется видеть кого-нибудь.

— Зато я вижу тебя, и для меня этого достаточно.

— Но я не вижу тебя, а мне очень, очень хочется снова видеть кого-нибудь. Я пойду и присоединюсь к людям моего рода. Если бы я мог видеть тебя, я не желал бы лучшего товарища.

— Ладно. Я сейчас иду охотиться. Ты пойдешь со мной?

— Нет, я сегодня останусь здесь.

Мейра ушел и до вечера не возвращался. Вдруг вдали послышался такой шум, какого Билба никогда раньше не слышал. Затем он увидел в той стороне, откуда слышался шум, крутящийся столб пыли и листьев. «Что это за ураган? — подумал он. — Я никогда не видел ничего подобного. Пойду-ка я к дюне позади нашего стойбища, вырою яму и спрячусь, чтобы ураган не унес меня».

Билба со всех ног бросился к дюне, а позади него бушевал ураган. Билба вырыл яму и зарылся в нее, а ураган налетел, ударил в дюну и стал крутиться вокруг, разбрасывая кору и ветви. Он крутился вокруг норы Билбы, но не мог сдвинуть с места дюну. Воя в бессильной ярости, Мейра унесся, и его голос послышался уже вдалеке, а затем совершенно затих.

Через некоторое время Билба вылез из своей норы. Ему был так тепло и безопасно в песчаной норе, что с этих пор он всегда жил в ней, а женившись, привел сюда свою жену.

Род Билба до сих пор живет в песчаных норах. Они слышат голос товарища старого Билбы, но никогда не видят его лица, он больше не говорит на их древнем языке. Он был так рассержен тем, что Билба, не видя его лица, пожелал покинуть его, что, проносясь теперь мимо их стойбищ, только воет и ревет. Никто из их рода не видел, где он живет. Это знают только шесть дующих ветров, но они никому не рассказывают своего секрета.

Каким образом мидии попали в реки

В далеком прошлом Мангги-варреи-мул — чайка летела однажды над западными равнинами с мидией в клюве. Ее увидел Ван, ворон и, желая узнать, что она несет, погнался за ней. Тогда чайка бросила мидию и быстро полетела прочь.

Ван прекратил преследование и спустился посмотреть, что это за странная вещь. Склонив голову набок, он пристально рассматривал ее, а затем клюнул. Ему понравился ее вкус, и он стал клевать ее, пока не съел всю мякоть из одной створки раковины. Он не заметил, что с другой стороны раковины тоже была мякоть, и, считая ее пустой, выбросил в реку.

В реке Мангги-мидии процветали и размножались, и все последующие были похожи на первую — один моллюск, скрытый между двумя створками раковины.

Не подозревая, что он бросил в реку Мангги-мать, Ван решил догнать Мангги-варреи-мул и получить еще мидии. Он полетел в том направлении, в

котором она скрылась, и увидел ее около большого водоема, в нескольких милях выше по реке.

Прежде чем та заметила его приближение, он бросился на нее с криком:

— Дай мне еще это мясо в двух раковинах, что ты принесла!

— У меня нет больше. Отпусти меня.

— Тогда скажи, где ты их нашла, чтобы я мог достать это сам.

— Они не из вашей страны. Они живут далеко — там, где я пролетала, чтобы попасть сюда от большой соленой воды. Отпусти меня.

Она старалась вырваться, жалобно крича странным, печальным криком своего племени, но ворон Ван крепко ее держал.

— Я отпущу тебя, если ты обещаешь отправиться прямо в эту страну и принести мне еще этой пищи. А когда я покончу с ней, ты принесешь еще партию, чтобы у меня всегда они были. Обещай, или я убью тебя.

— Отпусти меня, и я сделаю так, как ты просишь. Я обещаю, что мой род поможет мне перенести мидии в твою реку.

— Тогда отправляйся и принеси мне их сюда, на берега реки, — и Ван выпустил чайку в сторону юга.

Чайка улетела. Проходили дни и месяцы, но она не возвращалась. Ван злился, что не убил ее и позволил так обмануть себя.

Однажды Ван пришел к реке напиться и, нагнувшись, увидел такую же раковину, какую он выбросил в воду. Думая, что это та же самая раковина, он не обратил на нее внимания, но, идя вдоль реки, он заметил много таких же раковин. Зажав одну из раковин в клюве, он стукнул ею по корню дерева и разбил ее. Съев мякоть и оглядевшись вокруг, он увидел, что береговой ил полон раковинами.

Ван не знал, что в брошенной им когда-то раковине оставалась мидия, и поэтому решил, что Мангги-варрей-мул вернулась незамеченной и тайно улетела, боясь, что он причинит ей вред.

Позднее он узнал, что все обстояло иначе. Однажды он увидел стаю племени Мангги-варрей-мул, летевшую над ним. Чайки опустились выше по реке, и Ван заметил, как некоторые из них воткнули принесенных ими Мангги в ил под воду. Сделав это, они отлетели немного и снова воткнули Мангги — и так по всей реке. Окончив свое дело, они улетели в сторону моря. После этого Мангги вышли из воды и, высунувшись из раковин, стали жалобно и тихо просить Мангги-варрей-мул отнести их назад в их страну. Но чайки были уже далеко, и на мольбы Мангги никто не обратил внимания.

Двигаясь вдоль реки, Мангги подошли к своим сородичам, родившимся в реке. Их было больше, они были крупнее и вскоре научили вновь принесенных Мангги жить так, как они, — только одна половинка между двух раковин. С тех пор Мангги остались такими навсегда. Временами, при

редких прилетах в Бек Крик, чайки приносят новых Мангги, но и они вскоре изменяются, как эти.

Даены готовят мидии в горячем пепле своих костров и с наслаждением едят их, говоря: «Если бы не Ван, у нас не было бы этой хорошей пищи — ведь это он заставил чайку Мангги-варреи-мул, приносящую мидии, дать их нам».

Диневан-эму и Ван-вóроны

Однажды Диневан с двумя женами Ван расположились на стойбище. Заметив сгущающиеся тучи, они построили из коры хижину. Когда начался дождь, они укрылись в этой хижине. Диневан потихоньку от жен стукнул ногой по одной стене хижины, свалил ее и велел женам выйти и поставить ее на место.

Пока жены ставили снаружи стену, он сшиб кусок коры с другой стороны хижины. И едва жены вернулись в хижину, им пришлось выходить снова.

Так повторялось несколько раз, пока жены не заподозрили Диневана. Тогда одна из них стала следить за ним.

И вот она увидела, как Диневан, тихонько посмеиваясь, подошел и свалил кору, которую они только что поставили. Он смеялся при мысли, что его женам снова придется выйти и в сырости и холоде поставить кору на место, а он в это время будет ужинать в тепле и под крышей.

Тогда жены решили проучить Диневана. Каждая из них взяла кусок коры с горячими углями, и они подошли к Диневану, который лежал и смеялся.

— Сейчас, — сказали они, — тебе будет так же тепло, как нам было холодно, — и они высыпали на него угли.

Диневан вскочил, громко крича от боли. Он катался по полу, а потом, обожженный, выскочил наружу, а его жены остались в хижине и громко над ним смеялись.

Гулаи-яли — пеликан

Одно время у даенов не было рыболовных сетей и каменных рыболовных принадлежностей. Лишь позднее Байаме сделал их. До сих пор в Бреваррине можно увидеть лучшие из этих приспособлений. В прежние времена для ловли рыбы даены возводили поперек реки стенку из сплетенных кустарников и трав. Затем они гнали рыбу к этому месту и

хватали ее руками у стенки. Иногда они перегораживали такой стенкой небольшой приток реки во время разлива, и, когда вода спадала, у стенки скапливалось много рыбы.

Великий виринун Гулаи-яли — пеликан первым применил сеть. Долгое время никто не знал, где он ее достал и где хранил. Когда он собирался ловить рыбу, то обычно приказывал детям принести палки для сети.

— А где же сеть? — спрашивали дети.

— Она будет здесь, когда вы вернетесь. Делайте то, что вам говорят, несите палки.

Боясь его расспрашивать, дети шли за палками. Гулаи-яли говорил, что они должны быть из кустов юра, растущего по берегам реки. Эти кусты были усеяны крупными колокольчиками кремового цвета с коричневыми пятнами, красивыми, но с отвратительным запахом. Кусты юра почитались священным деревом там, где не рос зил.

Когда дети приносили ветви юра, на земле перед их отцом уже лежала большая сеть, трех с половиной — четырех метров в длину и полтора-двух метров в ширину. Около нее дымился небольшой костер из сучьев розового дерева буза, в который Гулаи-яли бросал немного листьев юра. Когда дым становился густым, он окуривал в нем сеть.

После этого, захватив сеть, все шли к реке. Два человека с сетью, концы которой прикреплялись к палкам из юра, шли вниз по течению к мелкому месту. Здесь они останавливались и протягивали сеть поперек реки. Остальные шли выше по течению и плескались в воде, путая рыбу. Рыба шла вниз и попадала в сеть.

Наловив достаточно рыбы, все выходили из воды, разводили огонь и жарили рыбу.

Каждый раз во время ловли племя ломало голову над вопросом, как и где Гулаи-яли доставал эту сеть и где он ее хранит. Ведь по окончании лова он уносил ее, и никто не видел сети до нового лова. Жена и дети Гулаи-яли говорили, что он никогда не приносил ее в хижину.

Однажды дети решили подсмотреть, где их отец хранит сеть. Когда он послал их за палками, часть детей спряталась. Они увидели, как их отец, полагая, что они ушли, начал крутить шей и извиваться, как от сильной боли. Дети подумали, что он заболел, и уже собирались выйти из своего укрытия, как вдруг он сильно изогнулся, и его шея стала казаться невероятно длинной. Дети так напугались, что не могли двинуться. Они стояли, прижавшись друг к другу, и не могли произнести ни слова. Их глаза были прикованы к отцу, который сделал еще одно конвульсивное движение и, к их удивлению, вытащил изо рта рыболовную сеть.

Так вот где он хранил ее — в себе! Дети видели, как он вытаскивал ее, а затем уселся рядом с сетью, как ни в чем не бывало, ожидая их возвращения. Прятавшиеся дети побежали встречать других и рассказали обо всем, что увидели. Они были так взбудоражены своим открытием, что много говорили о нем, и скоро место, где хранилась сеть, перестало быть секретом. Но никто не знал, как все это удастся Гулаи-яли. Постепенно слава о новом способе ловли рыбы распространилась по всей стране. Даже чужие племена приходили посмотреть чудесную сеть. И Гулаи-яли надоело беспрерывно вытаскивать ее. Он предложил всем самим делать сети и рассказал, как это делается. Надо надрать длинные ленты коры дерева мурумун или нун-га, удалить наружную твердую часть, а мякоть жевать. Затем надо скрутить из нее веревки, из которых уже можно делать сеть. Гулаи-яли проглатывает волокно коры, и оно само превращается внутри него в сеть. Но это возможно только потому, что он великий виринун, другие сделать этого не могут.

Со временем все племена научились делать сети, но только род Гулаи-яли может превращать кору в сеть внутри себя. Темнокожие говорят, что пеликаны делают это и по сей день. Если вы посмотрите, как пеликаны Гулаи-яли ловят рыбу, то увидите, что они не опускают свои клювы вниз, как это делают другие птицы при ловле рыбы. Пеликаны кладут головы набок и затем опускают длинные клювы с мешками, как будто заводят сеть. Рыба попадает в эти мешки, а затем прямо в сети, которые пеликаны до сих пор носят внутри себя, хотя никогда не вытаскивают их наружу, как в дни великого виринуна рыболова Гулаи-яли.

Гулаи-яли дал своему роду глубокие мешки, висящие на длинных желтых клювах, чтобы пеликаны могли их использовать вместо сети, которую каждый из них носит внутри себя. Хотя эти сети очень малы по сравнению с первой сетью Гулаи-яли, тем не менее именно они дали роду имя «имеющий сеть».

Бора-кенгуру

На земле темнокожих было время, когда ночь, как черное облако, окутывала мир темнотой, закрывая свет луны и звезд. Бора-кенгуру любил ночью есть и был недоволен этой темнотой. Поэтому, будучи великим виринуном, он решил положить этому конец. Он свернул темноту, как ковер, и оставил ее лежать на краю мира. После этого звезды светили всегда, а иногда появлялась и луна.

Он был очень доволен тем, что теперь все видел ночью и мог есть и ходить куда вздумается на своих четырех ногах. (Ведь в те дни Бора ходил

на четырех ногах, как собака.)

Однажды ночью он увидел впереди огни и услышал звуки песен. Ему было интересно узнать, что это такое. Он подкрадывался все ближе и ближе к тому месту, где горели огни, и наконец увидел вереницу причудливо разрисованных фигур, выходящих из темноты и медленно вступающих в освещенный огнем круг. Здесь они кружились в танце, убыстряя свои шаги по мере того, как громче и громче звучали голоса, быстрее и быстрее стучали бумеранги.

Наконец, прокричав: «Ух! ух! ух!» — голоса замолкли. Звуки бумерангов замерли, танцы кончились, и люди исчезли в кустарнике. Затем в костры подбросили дров, застучали бумеранги, загремели свернутые шкуры опоссумов и запел хор женщин. Тогда из темноты снова показалась длинная цепь разрисованных мужчин, и все началось сначала.

Наблюдая все это, Бора сам почувствовал сильное желание танцевать. Он поднялся на задние лапы и, опираясь на хвост, начал прыгать позади круга людей. Пение прекратилось, женщины закричали в испуге, указывая на Бору. Мужчины оглянулись и увидели стоящего на задних лапах кенгуру, который с удивлением и ужасом смотрел на кричащих женщин.

Все говорили, казалось, одновременно. Одни кричали: «Убить его», другие: «Нет, посмотрим, как он танцует».

Женщинам велели снова бить в шкуры из опоссума и петь, а мужчины начали танцевать. За ними шел Бора, пытаясь им подражать.

Темнокожие обернулись, чтобы посмотреть на него. Он показался им таким смешным, что их гнев быстро сменился смехом. Они долго и громко смеялись, когда Бора с застенчивым видом торжественно выступал и прыгал, балансируя хвостом, оставлявшим змеевидный след. Вскоре, оставив кенгуру одного, мужчины ушли.

Прошло довольно много времени, пока мужчины вернулись. Выглядели они очень странно. Сзади к их поясам были привязаны хвосты, грубо сплетенные из травы. Они прыгали по кругу, как Бора, а их длинные хвосты покачивались сзади. Руки они держали так же, как кенгуру свои передние лапы, и женщины едва-едва пели, когда эти странные существа танцевали перед ними.

Когда мужчины остановились, старый виринун сказал:

— Этот Бора пришел к нам на танцы непрошеным, хотя не имел права делать этого. Но мы его не убьем, так как он показал нам новый танец. Его род теперь будет ходить так, как сегодня ночью он танцевал, подражая нашим мужчинам. Его передние лапы станут как руки, а хвост будет служить ему для равновесия. Но перед тем как отпустить его, мы сделаем

его одним из нас. Он и его род станут нашими братьями и будут молчать, если увидят наши священные обряды.

Уведя Бору в кусты, они выбили его клыки. Даены говорят, что род Бору уже не имеет этих зубов.

С тех пор на священных корробори люди рода Бору привязывают фальшивые хвосты и танцуют танец кенгуру так же, как в то время, когда Бора был заколдован и шел на двух ногах. С этого времени все кенгуру должны были ходить так же.

Вот каким образом кенгуру научились прыгать так, как они делают это теперь.

Бора прогоняет темноту

Бора-кенгуру и его жена Диневан-эму жили в нан-ну, хижине из травы. Бора был великим виринуном. Однажды вечером, приготовившись ко сну, он увидел, что Диневан делает отверстия в крыше хижины.

— Для чего ты это делаешь? — спросил Бора.

— Просто так, — ответила Диневан.

— Тогда лучше возьми травы и почини крышу.

— Здесь нет травы.

— Тогда пойдем поищем траву, иначе ты все равно не дашь мне уснуть.

— И они пошли.

С каждой минутой становилось все темнее и темнее. Диневан не видела, куда она ступает, и колючки биндиа вонзались ей в ноги и причиняли боль. Хромая, раздраженная болью, она сказала:

— Если ты такой мудрец, как говоришь, ты, конечно, можешь откатить прочь темноту. Прогони ее в другую страну, чтобы я видела, куда ступаю. Мои ноги болят. Если ты сможешь прогнать темноту, значит, ты действительно великий виринун. О, мои бедные больные ноги!

С плачем она терла ноги одну о другую, и колючки вливались еще глубже, образуя крупные бугры на ее ногах. С тех пор эти бугры остались на ногах эму, и до коленного сустава их кожа гола и тверда.

Бора был действительно великим виринуном. Он сказал жене:

— Мы ляжем спать, а за это время я прогоню темноту.

Они легли. Заснув, Бора послал своего духа сна Мулли-Мулли собрать темноту и скатать ее на запад. Выполнив это, Мулли-Мулли вернулся в тело Бору, тот проснулся и увидел, что его дух все сделал.

Бора повернулся к Диневан и увидел, что она спала, приоткрыв один глаз и выставив ухо, чтобы проследить, что он делал. Тогда он сказал:

— Мой Мулли-Мулли откатил от нас ночь, темноты больше нет. Она ушла от меня навсегда. Отныне я и мой народ будем ночью видеть, как днем. Мы сможем ходить и есть, для нас нет больше темноты. Ты же должна будешь питаться только днем, а я, если захочу, — и ночью. Ты держала открытым один глаз и слушала одним ухом. И впредь ты всегда будешь так спать: сперва будет спать одна сторона твоей головы, потом другая, но никогда обе вместе.

С этого времени было так, как сказал виринун Бора.

Гала-попугай и Ула-ящерица

Ула-ящерица устала лежать на солнце без дела и решила: «Пойду поиграю».

Она взяла бумеранги и начала метать их. В это время к ней подошел Гала и стал смотреть, как бумеранги возвращались, — ведь Ула бросала возвращающиеся бумеранги баббера. Эти бумеранги меньше других, более изогнуты, и, если их правильно бросить, они возвратятся обратно. С другими бумерангами так не получается.

Ула была горда тем, что веселый Гала наблюдал за ее искусством. Стараясь, она забросила бумеранг изо всей силы, и он сделал лишний оборот. Свистя в воздухе, бумеранг возвратился и, пролетая, ударил Галу по макушке, начисто срезав перья и кожу.

Гала испустил ужасный каркающий, квакающий крик и начал летать кругами, останавливаясь каждые несколько минут и ударяясь головой о землю, будто сошел с ума.

Ула очень испугалась, увидев, что она наделала. Из головы Галы лилась кровь, и Ула в ужасе спряталась под кустом с шипами биндиа. Гала заметил ее и, не переставая ужасно кричать, бросился за ней. Подойдя к кусту, Гала схватил ящерицу клювом и начал валять ее по кусту до тех пор, пока колючки не изранили ее кожу. Затем он приложил ящерицу к своей окровавленной голове.

— Теперь ты, Ула, — сказал он, — будешь всегда с колючками и пятнами моей крови на коже.

— А ты, — ответила Ула, шипя от боли, — останешься лысоголовой птицей до тех пор, пока я не перестану быть красной ящерицей с колючками.

Вы и теперь можете найти под гребешком попугая Галы голое место, оставленное когда-то бумерангом Улы. А в стране Галы есть красновато-коричневые ящерицы, покрытые шипами, похожими на колючки биндиа.

Трясогузка и радуга

Дирири была вдовой и жила со своими четырьмя маленькими дочерьми. Однажды прилетел Бибби и устроил недалеко от нее стойбище. Дирири так его испугалась, что не могла спать. Ночами она наблюдала за его стойбищем и, услышав какой-нибудь звук, громко кричала: «Дирири, уя, уя, Дирири!» Временами она кричала почти всю ночь.

По утрам Бибби приходил к ее стойбищу и спрашивал, в чем дело, почему она так кричала. Она отвечала, что ей казалось, будто кто-то ходит вокруг, и она боялась — ведь она живет одна с четырьмя маленькими дочерьми.

Он убеждал ее, что не следует бояться. Но она каждую ночь продолжала кричать: «Уя, уя, Дирири, Дирири!»

Наконец Бибби сказал:

— Если ты так боишься, выходи за меня замуж и живи в моем стойбище, я позабочусь о тебе.

Но Дирири отказывалась выйти замуж, и каждую ночь слышался ее жалобный крик: «Уя, уя, Дирири, Дирири». Снова и снова Бибби уговаривал ее, но она опять отказывалась.

Чем больше она сопротивлялась, тем сильнее ему хотелось жениться на ней, и он все время думал над тем, как убедить ее изменить свое решение.

Наконец он придумал, как заставить ее согласиться. Он построил прекрасную разноцветную арку, назвав ее Юлу-вирри, и поставил ее поперек неба от одной до другой стороны земли. Когда радуга была прочно установлена на небе и засверкала во всей красе разными красками, как дорога от земли к звездам, Бибби удалился в свое стойбище и стал ждать.

Когда Дирири взглянула на небо и увидела прекрасную радугу, то подумала, что должно случиться нечто ужасное. Она была страшно испугана и громко вскрикнула: «Уя, уя!»

В страхе она собрала своих детей и поспешила за защитой в стойбище Бибби.

Бибби с гордостью сказал, что он сам сделал радугу, чтобы доказать, какой он сильный и как безопасно она себя почувствует, если выйдет за него замуж. А если она опять не согласится, то увидит, какие ужасные явления он призовет на землю. Это будет уже не прекрасная радуга на небе, а нечто страшное, что вырвется из земли и разрушит ее.

Дирири боялась его могущества и в то же время восхищалась его искусством. Играя на ее чувствах, Бибби достиг цели, и Дирири вышла за него замуж. Когда много времени спустя они умерли, Дирири превратилась в маленькую трясогузку, которую можно слышать в тишине летних ночей.

Она жалобно призывает: «Дирири, уя, уя, Дирири». Бибби же превратился в поползня хохлатого, непрерывно бегающего вверх по деревьям, как будто он хочет построить другие дороги на небо, кроме знаменитой радуги, Юлу-вирри, благодаря которой он добыл жену.

Каменные лягушки

Однажды молоденькие сестры так оскорбили старого виринуна, что, когда они охотились в зарослях, он превратил их в Юайа, или лягушек.

Когда прошло несколько дней, а они всё не возвращались в стойбище, их мать и родные подумали, что их похитили мужчины чужого племени.

Незадолго до того, как родственники обеспокоились отсутствием девушек, прошел дождь, и почти все следы были смыты. Остались лишь следы Удулайа, или круглого камня, вызывающего дождь; в дождливую погоду этот камень всегда вне дома. Он таил в себе духов прошлых вызывателей дождя и мог передвигаться, о чем свидетельствовали его следы. Кроме того, когда перед дождем он устраивался в новом стойбище, можно было услышать его радостный смех в предвкушении грязи. Никто не трогал Удулайа, однако он часто менял место своего стойбища...

Прошло уже несколько дней после исчезновения девочек, но их мать все еще не теряла надежды разыскать их. Она думала, что они, заметив приближение дождя, построили укрытие в кустах и решили переждать там непогоду. Она пошла в том направлении, в котором ушли девушки, и стала громко звать их. В ответ послышался голос. Она поспешила туда, откуда он исходил, и позвала снова. Опять близко от нее послышался ответ. Она осмотрелась, но никого не увидела. Она снова крикнула, и тогда из пучка травы у ее ног снова раздался ответный крик.

Она решила, что это кричит оранжево-голубой жук Нура-гого, который всегда отвечал даенам из племени Нунга-барра, когда кто-нибудь из них был в зарослях. В конце концов женщина потеряла надежду найти своих дочерей и, ослабев и проголодавшись, стала осматриваться в поисках пищи.

Вскоре она увидела следы земляных лягушек Юайа. Женщина стала выкапывать лягушек. Это были прекрасные, большие Юайа, самые большие из всех, каких она когда-либо видела.

— Какая обильная еда у меня будет! — воскликнула она.

В ответ раздался очень жалобный крик лягушек, которые, казалось, пристально на нее смотрели. Не обратив на это внимания, она продолжала:

— Я думаю, что съем их здесь. Я очень голодна, а если отнести их в стойбище, другие попросят лягушек у меня.

Когда она нагнулась, чтобы поднять их, лягушки закричали не своим голосом. Они жалобно смотрели на нее, и она поняла, что здесь что-то не так. Женщина бросила лягушку, которую держала в руке, а потом подумала: «Стоит ли обращать внимание на крик лягушки. Было бы глупо оставлять здесь такую хорошую пищу».

И она снова нагнулась и взяла лягушек.

Тогда крики лягушек усилились. Ей казалось, что они кричат: «Ты не должна нас есть. Ты наша мать. Мы девочки, которых ты потеряла. Старый виринун превратил нас в лягушек за то, что мы смеялись над тотемом его племени, говоря, что его спина такая же горбатая, как спина эму. Ты не можешь нас съесть».

Кваканье было таким громким и женщина так испугалась, что повернулась и поспешила через кустарник к стойбищу. В ее ушах все еще звучал жалобный крик.

Она пошла прямо к старому виринуну и спросила:

— Это ты превратил моих девочек в Юайа, которые и сейчас плачут в кустарнике?

— Да, это сделал я! — ответил он, гордый тем, что женщина видела доказательство его могущества.

— Зачем ты так поступил? Зачем ты заставляешь меня стариться без дочерей, которые заботились бы обо мне?

— А разве не ты предпочла их отца мне? Почему же я должен теперь думать о тебе? Пусть их отец снова сделает их людьми. Вероятно, он сильнее меня, раз ты выбрала его. Как говорили твои дочери, я всего лишь горбун, как мой тотем Диневан. Ты хорошо знаешь, что насмеяться над тотемом человека — значит, вести войну против его племени, но я не воюю. Я только превратил твоих дочерей в тех, на чей голос никто не обращает внимания. Больше они не смогут насмеяться над спиной Диневана, моего тотема. Съешь их, женщина. Ведь Юайа — хорошая еда.

Так он издевался над женщиной, которая в юности презирала его.

— Как могу я, мать, есть своих детей? О чем ты говоришь? Увы! Наверное, кто-нибудь найдет и съест их. Только ты можешь их спасти. Прошу тебя, измени их снова, чтобы никто не мог их съесть. Никогда они не будут смеяться над Диневаном. Никогда я не буду презирать тебя. Я навсегда поселюсь в твоём дардуре.

— Зачем мне брать тебя в свой дардур теперь, когда ты стара? — И он отвернулся и продолжал что-то вырезать на своем бумеранге при помощи зуба опоссума.

— Умоляю тебя, измени их так, чтобы никто не мог съесть их. Я отдам тебе навсегда жернов Дури моего прадеда. Никто, кроме законного

владельца, не может им пользоваться, потому что тогда он начинает ворчать. Я отдам тебе этот камень, принадлежавший в старину виринунам рода моего отца. Из всех жерновов только он имеет голос.

— Принеси мне Дури, и я изменю твоих девочек так, что их никто и никогда не сможет съесть.

И женщина принесла самое дорогое, что было у нее, — магический камень своих предков, заворчавший, когда она положила его у ног виринуна.

— Теперь иди в заросли, — сказал виринун. — Там ты найдешь своих детей и увидишь, что я сдержал обещание. Уже сейчас они такие, что никто не сможет их съесть.

Женщина отправилась туда, где она видела Юайа. Она шла в надежде снова увидеть своих детей. Но когда она пришла на место, то опять нашла лягушек.

— О мои дочери, мои дочери! Неужели я никогда не увижу вас такими, какими вы были раньше?

Она громко заплакала, как бы оплакивая мертвых. От Юайа не было ответа, и они не смотрели на нее. Плача, она нагнулась, чтобы поднять одну из них.

— Виринун обманул меня! — воскликнула она. — Конечно, никто не станет их есть — ведь они стали каменными.

Так и было на самом деле. Некоторые из них оказались из простого серого камня, другие — с зеленой полоской, как у лягушек. Ее дочери навсегда останутся каменными, как это случилось с лягушками, выкопанными женами Байаме Биррой-нулу и Каннан-бейли. Их поставили варить перед тем, как женщины совершили роковой прыжок в источник Курриджил. Оттуда Курриас понесли женщин вниз по реке Нарран. За ними последовал Байаме, превратив найденную ими пищу в камни, чтобы навсегда отметить это место.

Мать знала, что эти каменные лягушки и по сей день лежат у источника. По воле злого виринуна такими же стали и те, кто были ее девочками.

Меа-мей — семь сестер

Варрунна долго охотился, вернулся в стойбище усталый и голодный и попросил у матери дарри — лепешек из семян травы, но она ответила, что их не осталось. Тогда он попросил у даенов зерен дунбар, чтобы испечь себе лепешек, но никто ему ничего не дал.

Рассердившись, Варрунна сказал:

— Я уйду в далекую страну и буду жить с чужеземцами; мой народ уморит меня голодом. — И он ушел, разгоряченный и разгневанный. Взяв оружие, он отправился искать новый народ в новой стране.

Через некоторое время он заметил старика, вырубавшего гнезда пчел. Старик повернул голову в сторону Варрунны и наблюдал за его приближением. Когда Варрунна подошел к старику, то с удивлением заметил, что у того нет глаз, хотя, по-видимому, он следил за ним задолго до того, как смог услышать его шаги.

Варрунна испугался незнакомца, лишённого глаз, но повернувшего к нему свое лицо, как будто он видел его все это время. Но он решил не показывать виду, что испугался, и подошел прямо к нему. Незнакомец сказал, что его имя Муруну-мил-да и что его племя так называется потому, что у них нет глаз, а видят они носами.

Варрунна нашел это очень странным и продолжал бояться, хотя Муруну-мил-да казался гостеприимным и добрым — дал ему миску из коры вирри, наполненную медом, рассказал, где находится его стойбище, и разрешил Варрунне жить с ним.

Варрунна взял мед и сделал вид, что идет к стойбищу, но, скрывшись из виду, счел за лучшее повернуть в другом направлении. Через некоторое время он подошел к большой лагуне, где решил остановиться, напился и лег спать. Проснувшись утром и оглядевшись, он вместо лагуны увидел только большую равнину. Варрунна подумал, что это ему снится, протер глаза и снова осмотрелся.

— Удивительная страна! — воскликнул он. — Сначала я встречаю человека без глаз, который все видит. Затем ночью я вижу большую лагуну, полную воды, просыпаюсь утром и не вижу ее. А вода здесь, наверное, была — ведь я ее пил.

Пока он размышлял о том, каким образом вода могла так быстро исчезнуть, он увидел, что надвигается буря, и поспешил укрыться в густом кустарнике. Здесь он заметил срезанную кору, лежащую на земле.

— Теперь все в порядке, — сказал он. — Я достану шесты и при помощи их и коры сделаю дардур, чтобы укрыться от бури.

Быстро срубив шесты и воткнув их в землю как основу для хижины, Варрунна пошел за корой. Подняв кусок коры, он увидел, что это не кора, а странное существо, какого никогда раньше он не встречал.

— Я Балга-нанну! — закричало это существо таким страшным голосом, что Варрунна бросил кору, схватил свое оружие и убежал, забыв о надвигающейся буре. Единственным его желанием было скрыться как можно дальше от Балга-нанну — существа со спиной из коры.

Он прибежал к большой реке, окружавшей его с трех сторон. Река была слишком широка, чтобы ее переплыть, поэтому ему пришлось повернуть в другом направлении.

Оглянувшись, он увидел стаю эму, идущих на водопой. Половина эму была покрыта перьями, другая — без перьев. Варрунна решил убить одного из эму и съесть. Для этого он влез на дерево, чтобы они его не заметили, и приготовил копье. Когда эму проходили мимо, он выбрал одного из них, убил копьем и спустился с дерева, чтобы забрать его.

Подбежав к убитому эму, он увидел, что это были вовсе не эму, а даены странного племени. Они окружили убитого товарища и обменивались свирепыми знаками, свидетельствующими о том, что они отомстят за него. Варрунна понял, что эму мало помогут слова о том, что он убил темнокожего по ошибке, приняв его за эму. Его спасение было в бегстве.

Он снова побежал, боясь оглянуться и увидеть за собою врагов. Наконец он остановился и только тут заметил, что очутился в каком-то стойбище. Он думал только об опасности позади себя, забыв о том, что ждет его впереди.

Однако ему нечего было бояться в стойбище, куда он попал так внезапно, — там было только семь молодых девушек. Они выглядели испуганными даже больше, чем он. Когда они увидели, что он один и голоден, то отнеслись к нему дружелюбно, дали поесть и разрешили остаться на ночь.

Он спросил, где остальные их соплеменники и как их зовут. Они ответили, что их имя Меа-мей и что их племя находится в далекой стране. Они пришли сюда посмотреть, что это за страна, останутся здесь на некоторое время, а затем вернутся туда, откуда пришли.

На следующий день Варрунна покинул стойбище Меа-мей, сделав вид, что уходит совсем. Но он решил спрятаться поблизости, посмотреть, что они будут делать, и, если представится возможность, похитить одну из девушек себе в жены. Он устал странствовать в одиночку.

Он видел, как семь сестер пошли, держа в руках палки для копки батата. Он последовал за ними, стараясь, чтобы они его не видели. Девушки остановились у гнезд летающих муравьев. Они вытаскивали их из гнезд и, отбросив палки в стороны, с наслаждением поедали муравьев — для сестер это было большое лакомство.

Пока сестры были заняты пиршеством, Варрунна подкрался к их палкам, похитил две из них и снова спрятался.

Наевшись, Меа-мей решили возвратиться в стойбище и стали подбирать палки-копалки. Но только пятеро из них нашли свои палки и

ушли, а двум пришлось остаться и продолжать поиски. Они думали, что палки где-нибудь рядом и, найдя их, они догонят своих сестер.

Две девушки искали палки вокруг муравейника, но не могли их найти. Когда они повернулись спиной к Варрунне, он воткнул палки в землю, а сам опять спрятался. Обернувшись, девушки увидели перед собой палки. С криком радостного удивления они подбежали и схватили их, чтобы вытащить из земли. В это время Варрунна выскочил из своего укрытия. Он схватил девушек за талии и крепко держал. Они сопротивлялись и кричали, но напрасно. Никого не было поблизости, кто бы мог их услышать, и чем больше они сопротивлялись, тем крепче держал их Варрунна. Поняв, что им не вырваться, они затихли, и Варрунна сказал, чтобы они не боялись и что он позаботится о них. Он одинок и хочет иметь двух жен. Они должны спокойно пойти с ним, и он будет с ними добр. Но они должны делать то, что он им говорит. Если они не успокоятся, он быстро успокоит их своей дубинкой нулла-нулла, а если будут благоразумны, он станет хорошо к ним относиться.

Видя, что сопротивляться бесполезно, обе молодые девушки послушались его и отправились с Варрунной. Они сказали, что когда-нибудь их племя придет и похитит их. Чтобы избежать преследования, Варрунна шел все дальше и дальше.

Прошло несколько недель, и обе Меа-мей, казалось, привыкли к новой жизни и были ею довольны; но когда они были одни, то часто говорили о своих сестрах и гадали, что те сделали, когда поняли свою утрату. Они хотели бы знать, продолжают ли пять сестер искать их, или они отправились в стойбище своего племени просить помощи. Они не допускали мысли, что их забыли и им навсегда суждено оставаться с Варрунной.

Однажды, когда они разбили стойбище, Варрунна сказал:

— Этот огонь не согреет нас. Принесите коры вон с тех двух сосен.

— Нет, — возразили сестры, — нам нельзя рубить кору сосны. Если мы это сделаем, ты нас больше не увидишь.

— Идите! Я сказал вам, чтобы вы нарубили сосновой коры, я хочу этого. Разве вы не видите, что огонь горит слабо?

— Если мы пойдем, Варрунна, мы больше не вернемся. Ты нас больше не увидишь в этой стране, мы это знаем.

— Идите, женщины, не болтайте. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы разговор разжег костер? Чего же вы стоите и разговариваете? Идите, делайте то, что я велю, и не говорите глупостей. Если вы убежите, я вас поймаю и побью.

Меа-мей взяли каменные топоры камбу и пошли рубить кору. Они подошли к деревьям и сильным ударом вонзили топоры в кору. Когда они

это сделали, то почувствовали, как деревья вдруг начали расти, поднимая их с собой. Выше и выше росли сосны, и все выше поднимались с ними девушки.

Не слыша больше ударов топора, Варрунна пошел к соснам, чтобы узнать, почему девушки не рубят. Подойдя ближе, он увидел, как сосны растут у него на глазах, и высоко в воздухе заметил своих жен, прижавшихся к стволам.

Он крикнул, чтобы они спускались, но они ему не ответили. Он звал их, но женщины поднимались с деревьями все выше и продолжали молчать. Обе сосны росли до тех пор, пока их верхушки не коснулись неба.

В это время с неба выглянули пять остальных сестер Меа-мей и стали звать девушек с сосен, умоляя их не бояться и идти к ним.

Услышав голоса своих сестер, обе девушки быстро полезли вверх. Когда они достигли вершин сосен, пять сестер с неба протянули им руки и втащили их на небо, чтобы всегда жить с ними там.

Если посмотреть на небо, то и сейчас можно увидеть вместе семь сестер. Быть может, вы их знаете как Плеяды, но даены называют их Меа-мей.

Путешествие Варрунны к морю

Когда две Меа-мей были подняты на небо, Варрунна не смог их вернуть и стал странствовать один.

Он был уже далеко от Нерангледула, откуда вышел. Он прошел Яраанба, Нарине, дошел до Ниндигули, где находятся небольшие песчаные хребты и куда ушли из Нунду длиннозубые чудовища Ир-мунен.

Он расположился около воды и увидел подходящее к нему странное существо с телом и головой собаки, ногами женщины и коротким хвостом. Оно прыгало на полтора метра, производя своими губами жужжащий и свистящий звук.

«Кто это подходит к воде?» — подумал Варрунна и, когда существо подошло к нему, решил: «Это, должно быть, Ир-мунен, один из щенков собаки, оставленной Байаме в Нунду, о чем я слышал». Он спросил чудовище:

— Где твой старый хозяин? — Он хотел узнать от этого странного существа, где сейчас Байаме.

В ответ Ир-мунен издал губами несвязный свистящий звук, который Варрунна уже слышал.

— Разве он ушел от тебя? — снова спросил Варрунна.

Снова последовал несвязный свистящий звук «ферр, ферр».

— Правда ли, что он ушел навсегда?

— Ферр, ферр, — слышалось в ответ.

Варрунна встал и отогнал чудовище, говоря:

— Довольно, уходи. Ты ничего не сказал о Байаме и не нужен мне больше.

При слове «Байаме» чудовище умчалось прочь, восклицая: «Ферр, ферр!»

Оно быстро исчезло в песчаных хребтах, где, как слышал Варрунна, в огромных пещерах жили эти странные существа и где они держали захваченных путников. Они ничего не боялись, кроме имени Байаме. Варрунна не рискнул на новую встречу с чудовищами и поспешил к Дангеру.

Он путешествовал много дней, пока не пришел в расположенный у моря Дугубер. Видя перед собой воду и чувствуя жажду, он взял маленькую деревянную чашку бииги, чтобы зачерпнуть воды и напиться.

— Ха! — воскликнул он, проглотив глоток и почувствовав странный вкус. — Ха! Буда! Буда! Соль! Соль! — сказал он и выплюнул воду.

Приняв за соль иней, он счистил его рукой, снова зачерпнул воды и попробовал ее.

— Ха! Ха! Буда! Буда! Мне хочется пить, я должен пойти обратно к водоемам, мимо которых я проходил, и там напиться.

Перед уходом он еще раз взглянул на море и сказал:

— Что это за разлив — не видно деревьев и кустов мирриа и вода на вкус соленая. Это не похоже на наводнение. Вода выглядит как небо Гунаулла с белыми облаками на нем. Но когда облака двигаются, небо остается спокойным, а здесь все движется и переливается, хотя никогда люди не пробовали такой воды.

Удивленный, он пошел обратно к водоемам и напился. Затем убил двух опоссумов и снял с них шкуры, чтобы сделать мешки для воды — галлимея.

Ночью, когда он расположился на отдых вдали от моря, поднялся ветер, и он услышал шум ревающего моря, но что это за шум, Варрунна не знал.

Утром он пошел еще раз взглянуть на странный разлив, думая увидеть дальний берег. Заметив высокое дерево в нескольких десятках метров от берега, он залез на него и старался разглядеть на горизонте деревья или землю. Но он видел только воду, на этот раз темную и казавшуюся разгневанной. «В ней прячется гроза. Вероятно, это стойбище грома Дулумей и ревающих ветров, — решил он, слушая яростный шум. — Вот что я слышал прошлой ночью».

Следя за волнами, набегающими одна на другую и обрушивающимися с сердитым ревом на берег, он подумал: «В воде должны быть демоны Ванда, и они пытаются схватить меня. Я заберусь на высокую гору, оттуда будет лучше видно». Но напрасно Варрунна залез на гору — он видел повсюду только воду.

Спустившись с горы к водоемам, где сохли шкуры опоссумов, он сделал из них мешки для воды. Подождав, пока вода стала такой же спокойной, какую была, когда он впервые увидел ее, он наполнил ею мешки и взял с собой несколько раковин. Он хотел вернуться прямо к своему племени, рассказать, что он видел, и дать людям попробовать воды, чтобы они поверили ему.

Возвращаясь, он встретил очень старого даена и подумал, что тот может кое-что знать о странной воде и ее ревущих голосах. Старый виринун выслушал рассказ Варрунны, попробовал воду, выплюнул ее и некоторое время сидел молча. Затем он сказал:

— Правду рассказывали отцы моего отца своим детям о том, что за горами столько воды, сколько не видел ни один человек. Она полна опасностей для человека, преследует его до самого края и ревет от гнева, когда не может схватить его для многочисленных чудовищ, живущих в ней, которые крупнее и опаснее, чем Куррна. Видел ты их?

— Я ничего не видел, кроме воды, — сказал Варрунна. — Всюду лишь соленая вода. А тот рев, который я слышал, очевидно, испускали эти чудовища. Они требовали, чтобы вода притащила меня к ним, и кричали в ярости, когда я ушел. Я поспешу к своему племени и расскажу, что я видел и слышал.

Перед уходом Варрунна оставил старому виринуну немного буды — соленой воды, чтобы его племя могло попробовать ее, и одну из поднятых на берегу раковин.

Эти раковины впоследствии послужили причиной многих битв — одно племя старалось отнять их у другого. Старейший виринун племени всегда надевал одну из них на большие корробори. Потом один виринун, владевший раковиной, укрыл ее для безопасности в волшебном дереве Мингга. Он умер, оставив ее там, и до сих пор из-за нее происходят битвы. Одни племена стараются похитить ее, а другие воюют, чтобы защитить ее...

Временами по дороге домой Варрунне приходилось останавливаться и менять мешки для соленой воды, так как старые начали протекать. Наконец он пришел в Нерангледул и принес достаточно воды, чтобы старейшины его племени могли ее попробовать. Никто из них не знал, где побывал Варрунна, и они не могли понять, что за вода простиралась дальше всех их охотничьих земель.

Всякого чужестранца, приходившего в стойбище, приводили к Варрунне, и он рассказывал, что заставило его вернуться из путешествия. После своего возвращения Варрунна жил недолго, и то, что он повидал, стало легендой его племени. Он нарушил закон Байаме, покинув свою землю, и поэтому не мог долго жить после возвращения. Однако он так прославился своими путешествиями, что, когда умер, по небу пронесся огромный метеор, а затем последовал страшный удар грома, на многие километры вокруг возвестивший племенам, что великий дух покинул землю.

Рассказ о путешествиях Варрунны и о странной воде передавался из поколения в поколение, и на больших корробори показывали принесенные им раковины.

Когда белые дьяволы Ванда (так даены называют первых белых людей) появились в стране, правдивость старой легенды была доказана несколькими темнокожими юношами, отправившимися из Гандаблуйи в Мулубинба со скотом. Здесь они увидели далеко простирающуюся воду с белыми облаками на ней. Они слышали ее глухой рев. Они были испуганы, но один юноша, более храбрый, чем другие, сказал:

— Давайте ее попробуем. Если она соленая, значит, она похожа на воду, которую видел Варрунна, как об этом говорят старики.

Они попробовали воду, и она оказалась соленой.

— Значит, правда то, что они нам рассказывали. Мы скажем, что видели ее и пробовали. Возьмем с собою раковины ва-а, чтобы надевать их на корробори. — И они взяли с собою раковины, чтобы доказать правдивость своих слов.

Один из этих юношей, тот, что первым попробовал соленую воду, теперь уже старик. Это он рассказал историю путешествия Варрунны к морю.

Чудеса, которые увидел Варрунна

Когда кто-нибудь оскорблял даена Варрунну, он оставлял свои охотничьи места и странствовал.

Однажды ночью, когда он предпринял такое путешествие, шел сильный дождь. На следующее утро он увидел много опавших листьев. «Здесь должны быть опоссумы», — подумал он и ткнул своей палкой в ближайшее дупло дерева. Он нащупал опоссума и пошел к костру за углями. Бросая угли в дупла деревьев, он заставил всех опоссумов выскочить. Тогда они начали кричать:

— Нейя-лер Надду-вейги. Я опоссум-дух.

Варрунна понял, что это были Надду-вейги — духи, принявшие облик опоссумов. У них были крылья и длинные когти. Выскочив, они полетели к нему. К счастью, он сам был виринуном и мог превратиться в своего духа — дрофу Гумбл-габбон. В облике дрофы он отлетел подальше от опасности, а затем принял свой обычный вид.

Едва он успел это сделать, как увидел очень странного человека — без глаз, со лбом в виде топора. Его имя было Налу-юун-ду. Своим лбом он рубил, как топором, и мог не носить с собой топор. Глаза же ему заменял нос.

Он казался дружелюбным, дал Варрунне чашку из коры вирри, наполненную свежим медом, и пригласил расположиться с ним. Но Варрунне не нравился его лоб, похожий на топор. Кроме того, он не мог понять, когда Налу-юун-ду смотрит на него. Поэтому Варрунна сказал, что ему очень жаль, но он должен спешить к своим детям, оставшимся в кустарнике, и пообещал вернуться позднее. Взяв мед, он поспешно удалился.

Затем он увидел бегущего к нему муравьеда. Тот нес на спине другого и кричал: «Го-о, го-о, го-о!», что означало: «Приходи». Муравьед сказал, что принес своего брата на обед Варрунне и надеется, что он останется и поест. Варрунна никогда не отказывался от пищи. Он взял муравьеда, но сказал, что его дети остались недалеко и он должен пойти и привести их.

Варрунна ушел, но, вместо того чтобы вернуться обратно, спрятался, хорошо поел и заснул. Но одно его ухо бодрствовало. Он хотел услышать, если муравьед проследит его, и уйти.

Отдохнув, он отправился дальше. Невдалеке он увидел месяц Балу, стряхивавший с дерева бира гусениц. Варрунна подошел и стал наблюдать за ним, надеясь получить немного гусениц.

Балу потряс дерево, затем повернулся и нажал на него спиной. Дерево рухнуло, не причинив Балу вреда и разбрасывая кругом гусениц. Балу стал собирать их, но, заметив голодного Варрунну, велел ему подойти и тоже собирать гусениц, что Варрунна и поспешил еде-лать. Набрав столько гусениц, сколько мог унести, Варрунна сказал, что должен пойти к своим детям и накормить их.

— Где они? — спросил Балу.

— Недалеко, — ответил Варрунна.

— Тогда приведи их, пусть они поедят здесь. Гусениц хватит для всех.

Варрунна поспешил прочь с полученной вкусной пищей и, удалившись на безопасное расстояние, съел ее с удовольствием, радуясь, что у него нет детей и ему не надо ни с кем делиться.

Отдохнув, он отправился дальше и пришел в страну, где было множество мух и москитов такой величины, каких он никогда не видел. Он сломал ветку и как мог отгонял их, но, несмотря на это, они тучами садились на него, и он подумал, может ли кто-нибудь жить в этой стране. В это время он увидел передвигающиеся впереди него странные предметы. Они выглядели как пни, обросшие листьями, — стволы их были покрыты корой, а сверху и внизу росли пучки веток с листьями.

Когда они подошли ближе, Варрунна увидел, что это были люди. Их глаза смотрели через отверстия в коре, покрывавшей их лица. Он подумал, что они замаскировались так, чтобы защититься от мух и москитов. Они выглядели так странно, что Варрунна испугался и закричал:

— Балга-нанну! Балга-нанну! Короспинные! Короспинные!

Варрунна превратился в своего духа Гумбл-габбона и улетел из этой страны, стремясь покинуть ее как можно скорее. Отлетев подальше, он опустил и принял свой обычный вид.

Следующими, кого он увидел, были эму без перьев и с ними беззубый человек, прозванный за это Ирра-дибу-ла. На этот раз Варрунна действительно сильно утомился и охотно принял предложение беззубого человека отдохнуть с ним и поесть.

Ночью он был разбужен сильным ударом. Это Ирра-дибу-ла выбил у него передние зубы.

— Теперь ты навсегда станешь моим братом, — ведь ты, как и я, без зубов. Ты останешься здесь навсегда и будешь моим товарищем, — сказал Ирра-дибу-ла, улыбнувшись.

Видя вокруг эму без перьев, Варрунна согласился, но в то же время подумал, что при первой же возможности уйдет.

На следующий день Ирра-дибу-ла пригласил Варрунну пойти с ними охотиться, но тот отказался. Варрунна сказал, что у него болит рот и он хочет остаться и выспаться. Когда Ирра-дибу-ла и эму скрылись из виду, Варрунна ушел в другом направлении и был уже далеко, когда они это обнаружили.

Вскоре он встретил новое племя, называвшееся Биллу. Эти люди были похожи на прочих темнокожих, только их ноги напоминали ястребиные. Биллу были добры к Варрунне и дали ему столько яиц эму, сколько он мог съесть. Насытившись, он сказал, что должен вернуться к своим детям.

— Где они? — спросили Биллу.

— Недалеко, в кустах, — ответил Варрунна.

— Они, вероятно, голодны, как и ты, — сказали Биллу. — Возьми яиц, накорми их и приведи сюда.

Варрунна взял столько яиц, сколько мог унести, и ушел, радуясь, что так легко ускользнул от них. Их ноги говорили о том, что Биллу были слишком странным племенем, чтобы он мог оставаться с ними.

К этому времени он повидал так много странных людей и так утомился, что решил вернуться к своему племени. Но он боялся идти обратно по своим следам из страха встретить тех, от кого он скрылся, и решил идти кружным путем. Но и здесь он встретил странные племена.

Сначала он пришел на то место, где когда-то встретил семь сестер Меамей, двух из которых он похитил. Правда, они сбежали от него, когда он послал их за корой. С криком: «Биррал! Биррал!» — они ударили топорами по двум соснам. Эти сосны были их родственниками и, услышав крик о помощи, помогли девушкам ускользнуть от Варрунны. Прижавшись к стволам, девушки поднимались с соснами до тех пор, пока их верхние ветки не коснулись неба, где две девушки нашли ожидавших их сестер. Они и до сих пор там.

Варрунна отправился дальше и шел, пока не оказался у водоемов с чистой водой. Нагнувшись к воде, чтобы напиться, он увидел нескольких карликов, ходивших по дну и ловивших рыбу. Они были слепы и не видели Варрунну, но слышали звук его шагов и закричали:

— Где ты? Кто ты?

Варрунна не ответил и быстро пошел прочь.

Затем он увидел племя лягушек, называемых Бан-юн Бан-юн. Говорят, что эти лягушки по приказу Бир-ра-нулу очищают воду во время паводков. Когда Варрунна пришел в их страну, начался паводок. Бросая в воду горячие камни, лягушки очистили ее. Затем они стали бросать в воду сотни палочек, превращавшихся в разнообразных рыб, как только они касались воды. Это было последнее странное племя, встретившееся Варрунне, когда он шел обратно.

Ночь за ночью он рассказывал людям своего племени, расположившимся у костров, обо всем, что он видел. Один старый виринун качал головой и говорил:

— Да, да. На-во, на-во.

Когда Варрунна окончил рассказ, старик поведал о том, как в давние времена один виринун отправился искать на небо величайшего из всех — Байаме. Он видел то же, что видел Варрунна, и нашел Байаме, не обратившего на него внимания и казавшегося спящим с открытыми глазами. Когда виринун вернулся, он предупредил свое племя о том, что никогда не следует делать того, что он сделал, так как все эти опасности были умышленно устроены на пути тех, кто осмелится пойти к Байаме ранее положенного им срока.

Варрунна выслушал все это и решил, что и он когда-нибудь свершит то, что сделал виринун прошлых лет. Что с ним случилось при этом, рассказано в легенде о черных лебедях.

Черные лебеди

Когда Варрунна вернулся к своему племени после одного из своих странствий, он принес оружие, которого люди никогда раньше не видели. Он сказал, что оружие сделано в стране, где живут одни женщины. Они дали его в обмен на подстилку из шкуры опоссума и сказали:

— Принеси еще подстилок, и мы дадим тебе еще оружия.

Людям племени Варрунны понравилось оружие, и они согласились отправиться с ним к священной горе Уби-Уби, в страну женщин, взяв для обмена подстилки.

Когда они собрались, Варрунна предупредил всех, что на равнине им встретятся разные опасности, ибо он был уверен, что эти женщины — духи.

Женщины говорили ему, что в их стране нет смерти и ночи и всегда светит солнце.

Варрунна сказал:

— Когда темнота уходит из нашей страны, она не идет в их страну, куда уходит отдыхать солнце Йи, будучи женщиной. Темнота же уходит под землю и остается там до тех пор, пока ей не придет пора возвращаться. Запах страны женщин таит в себе смерть, хотя они и говорили, что смерть к ним не приходит. Мы поступим предусмотрительно, если окурим себя перед тем, как выйти из темноты на равнину.

Варрунна решил, что пойдет на противоположную сторону равнины и разожжет костер, чтобы окурить людей своего племени, как только они придут из долины. Тогда к ним не пристанет никакое зло, и они не унесут его к своему племени. Если они задержатся, он даст им знать, что пора уходить. Он составил целый план на этот случай.

Варрунна решил взять с собой двух своих братьев. Он был великий виринун и своими чарами мог превратить их в больших водяных птиц. На озере не было птиц, и их легко было заметить. Как только он зажжет огонь, то, превратив братьев в птиц, пошлет их плавать против стойбища женщин. Увидев птиц, женщины забудут обо всем. И в это время люди выйдут на равнину и возьмут то, что они хотели.

Варрунна велел каждому захватить с собой по животному и, если женщины станут мешать им, выпустить животных. Женщины тогда займутся ими, и это даст возможность людям скрыться в темноте. А уж тут женщины страны, где вечно светло, побоятся их преследовать.

Каждый из племени взял по одному животному — опоссумов, кошек, летающих белок, различных крыс, — и они отправились.

Подойдя к тому месту, где темнота была свернута на краю равнины, они остановились. Варрунна и его два брата поспешили через кустарники в обход равнины на ее противоположную сторону.

Варрунна разжег огонь, вынул большой хрустальный магический камень Габбера и, повернувшись к своим братьям, тихо пропел какую-то песню. Его братья вскричали: «Бибо! Бибо!» — и превратились в больших белых птиц, которых даены называют лебедями Байамул.

На противоположной стороне равнины мужчины зажгли огонь и окурили себя его дымом. Женщины увидели дым, стелющийся по равнине, и, вооружившись копьями, бросились туда с криком: «Ви-баллу! Ви-баллу!»

Но вот одна из них удивленно вскрикнула, другие обернулись и увидели двух больших белых птиц, плывущих по озеру. Дым был забыт, они бросились к новому чуду, а мужчины побежали к оставленному ими стойбищу за оружием.

Женщины заметили мужчин и, отвернувшись от лебедей, в ярости направились к ним. Тогда мужчины выпустили животных. По равнине разбежались опоссумы, сумчатые крысы, кошки, и женщины с криками погнались за ними. Мужчины оставили подстилки из опоссумов, взяли оружие и направились в сторону дымового сигнала Варрунны.

Поймав одного из животных, женщины вспомнили о мужчинах и увидели, что они, вооружившись, покидают стойбище. Гневно крича, они бросились за ними, но было уже поздно: мужчины вошли в темноту и окурили себя от зла долины в огне Варрунны. Когда женщины подошли и увидели дым, они закричали: «Ви-баллу! Ви-баллу!» Они боялись огня так же, как и темноты; и то и другое не было известно в их стране.

Тогда женщины снова обратились туда, где были странные белые птицы, но те уже исчезли. Женщины были так рассержены, что начали ссориться и быстро перешли от слов к делу. Их кровь растеклась и окрасила западную часть неба, где находилась их страна. С тех пор, когда племена видят красный заход солнца, то говорят:

— Посмотрите на кровь женщин Ви-баллу. Они, вероятно, опять дерутся.

Мужчины вернулись с оружием в свою страну, а Варрунна отправился один к священной горе, находящейся на северо-востоке от земли Ви-баллу. Он забыл о своих братьях, хотя они летели за ним и кричали: «Бибо! Бибо!» — чтобы привлечь его внимание. Но он не желал снова сделать их людьми и поднимался по каменным ступеням, высеченным в священной горе для сошествия Байаме на землю.

Уставшие лебеди опустились у подножия горы на небольшую лагуну. Мимо пролетали посланцы духов — соколы, спешившие передать послание. Увидев в своей лагуне двух странных белых птиц, они в гневе ринулись вниз и вонзили в несчастных лебедей свои огромные когти и острые клювы. Они схватили их и через равнины и горные хребты полетели к югу. Время от времени они в бешеной ярости выдирали клочья лебединых перьев, белых, как пепел акации. Эти перья скользили вниз вдоль склонов гор, опускались между скалами, а кровь капала возле них.

Наконец соколы прилетели к большой лагуне около моря. С одной стороны лагуны были скалы. Они бросили на них лебедей, а затем опустились сами и начали свирепо клевать остатки их перьев. Когда они выщипывали уже последние перья на лебединых крыльях, то вспомнили, что не передали послание духов, и, испугавшись их гнева, оставили лебедей и улетели в свою страну.

Бедные братья Байамул почти без перьев, замерзшие и истекающие кровью, прижались друг к другу. Они чувствовали, что умирают вдали от своего племени.

Внезапно на них посыпалась туча перьев и покрыла их вздрагивающие тела. Согревшись, они посмотрели вокруг. Высоко над собой на деревьях они заметили сотни горных воронов, которых они иногда видели в стране равнин и считали вестниками несчастья.

Вороны сказали:

— Соколы также и наши враги. Мы видели, как они оставили вас умирать, и решили не допустить этого. Мы послали с ветром наши перья, чтобы согреть вас, дать вам силы улететь к вашим друзьям и посмеяться над соколами.

Черные перья покрыли лебедей, только на крыльях осталось немного белых перьев да пух под перьями оставался белым. А красная кровь навсегда окрасила их клювы.

Белые перья лебедей, выщипанные соколами при полете над горами, пустили корни там, где упали, и из них выросли нежные белые цветы.

Лебеди Байамул прилетели к стойбищу своего племени. Варрунна услышал их крик: «Бибо! Бибо!» — и понял, что это голос его братьев, но, взглянув вверх, он увидел не белых, а черных птиц с красными клювами. Как ни грустно было Варрунне слышать их печальный крик, он не мог превратить их снова в людей. Он был лишен могущества виринуна за то, что осмелился раньше времени пойти к небесному стойбищу Байаме.

Откуда появился мороз

Семь сестер Меа-мей когда-то жили на земле и отличались необыкновенной красотой. У них были волосы по пояс, а их тела блестели от сосуллек.

Их отец и мать жили далеко в скалах и никогда не покидали гор, как их дочери. Отправляясь на охоту, сестры не присоединялись к другим родам, хотя многие хотели подружиться с ними. Особенно несколько юношей, считая их очень красивыми, хотели, чтобы они остались с ними и стали их женами. Эти юноши Береи-Береи обычно шли за Меа-мей и оставляли приношения в их стойбище.

Береи-Береи умели хорошо находить гнезда пчел. Они ловили пчелу, прикрепляли смолою белую пушинку или белое перышко у нее на спине, отпускали и следовали за нею к гнезду. Найденный мед они клали в сосуды из коры вирри и оставляли в стойбище Меамей, которые съедали мед, но не обращали внимания на ухаживания братьев.

Однажды старый Варрунна, как вы знаете, хитростью похитил двух девушек. Он пытался растопить на них сосульки, но только погасил свой огонь. Проведя некоторое время в плену, обе похищенные девушки поднялись на небо, где и нашли пять своих сестер. С тех пор они остаются на небе с ними, но не сверкают так ярко, как остальные сестры, потускнев от огня Варрунны.

Когда Береи-Береи узнали, что Меа-мей навсегда покинули землю, они были безутешны. Им предложили в жены девушек из их собственного племени, но они не хотели никого, кроме Меа-мей, с горя перестали есть и умерли. Духи были довольны их верностью, сжалились над ними и дали им место на небе. Там они живут и поныне. (Мы их называем Поясом и Мечом Ориона, но для даенов они до сих пор известны как юноши Береи-Береи.)

Даены говорят, что Береи-Береи днем охотятся за пчелами, а ночью танцуют под пение Меа-мей. Хотя Меа-мей живут на некотором расстоянии от Береи-Береи, те слышат их песни. Даены говорят также, что Меа-мей будут вечно сиять как пример для всех женщин на земле.

Здесь изображен конец рассказа, когда горные вороны бросают свои перья на раненых, лишенных перьев братьев, превращая их в черных лебедей

Раз в году в память того, что они однажды жили на земле, Меа-мей стряхивают с себя лед и бросают его вниз. Когда, проснувшись утром, даены видят повсюду лед, они говорят:

— Меа-мей не забыли нас, они бросили вниз немного льда. Мы покажем, что тоже помним их.

Они берут кусок льда и прижимают его к носу детей. Когда от холода дети уже не чувствуют своего носа, его протыкают и вставляют кость или соломинку.

— Теперь, — говорят даены, — эти дети будут петь, как поют Меа-мей.

Когда две сестры поднимались к небу, один родственник Меа-мей смотрел на землю. Видя, как старик, от которого они ускользнули, бегал, кричал и приказывал им спуститься, он так забавлялся неудачей Варрунны и

так радовался побегу сестер, что начал смеяться. Так он и продолжает смеяться до сих пор. Он известен даенам как Смеющаяся звезда — Венера.

Когда зимою слышен гром, даены говорят:

— Меа-мей опять купаются. Это они играют в Баба-лармеи — прыжки в воду. Выигрывает тот, кто, прыгая, сильнее ударит по воде. Это любимая игра и людей на земле.

Услышав шум Баба-лармеи, даены говорят также:

— Скоро будет дождь, Меа-мей выплеснут воду вниз. Она упадет на землю через три дня.

Черногрудая сорока

Однажды после обеда Мугра-ба — черногрудая сорока — растирал зерно травы дунбар на камне дейурл. Муку он ссыпал в вирри из коры. Рядом горел огонь, чтобы печь лепешки. Приготовив лепешки, Мугра-ба пел:

Мугра-ба динго, го-ох, го-ох,
Мугра-ба динго, го-ох, го-ох.

Всякий даен, услышав этот призыв, приходил и, наевшись, ложился спать. Когда Мугра-ба убеждался, что темнокожие заснули, он шел к своей хижине хампи, брал копье бирра-га, осторожно возвращался и убивал спящих. Он был людоедом, варил свои жертвы и съедал их.

Попугай Уя и маленький желто-зеленый попугай Гиджеригар были великими виринунами. Услышав об убийствах Мугра-бы, они решили наказать его. Они рассказали об этом своим родам, и те закричали:

— Вы виринуны! Убейте его! Убейте его! Сожгите его! Сожгите его!

Перед отправлением Гиджеригар покрасился в желтый цвет, надел пояс и прикрепил к нему с боков, сзади и спереди вейва, или куски шкуры сумчатой крысы. На голову он надел белую повязку, называемую нулу-гейл, а на лоб — гарбей, или повязку из свитых жил опоссума. Уя связал свои волосы в волла-бунди, или узел, окрасил щеки и грудь в красный цвет и надел повязки на голову и лоб.

Каждый взял копье и бунди. Подойдя к стойбищу Мугра-бы, они услышали, как он поет:

— Идите ближе, идите ближе, мне нечего есть.

Попугаи оставались на месте и ждали. Обе жены Мугра-бы были на охоте, и он послал своих двоих детей посмотреть, жирны ли незнакомцы.

Когда дети возвратились к отцу, он спросил:

— Они жирные?

— Да, они жирные, — ответили дети.

Мугра-ба снял с огня дурри, вместе с детьми отнес их незнакомцам и дал каждому по три лепешки. Уя и Гиджеригар спросили:

— Ты нас звал, чтобы дать эти лепешки?

— Да, — ответил Мугра-ба, — ешьте, они вкусные.

Они взяли лепешки и съели по две, оставив третью.

Когда они поели, Мугра-ба сказал:

— Теперь ложитесь спать. У вас заболит голова, если вы не поспите после еды. Ложитесь, ложитесь, один здесь, а другой там, — и он указал сначала направо, а затем налево.

Они легли, положив около себя копыя и бунди.

Чтобы развеять их подозрения, Мугра-ба тоже лег, и вскоре они услышали его громкий храп. Они надвинули на лица повязки, делая вид, что тоже спят, но через отверстия наблюдали за Мугра-бой. Гиджеригар тронул ногу Уи пальцем своей ноги, как бы говоря:

— Слышишь его храп?

Мугра-ба не заметил этого и думал, что его гости заснули. Через некоторое время он поднялся на четвереньки и внимательно посмотрел на них, чтобы убедиться, что они действительно спят.

Они видели, что он наблюдает за ними, и сначала один, а потом другой начали храпеть. Их храп становился все громче, и Мугра-ба решил, что они действительно спят. Тогда он встал и побежал в свою хижину за копьем.

Гиджеригар снова тронул ногу Уи и тихо спросил:

— Ты не спишь?

— Все в порядке, я его вижу, — ответил Уя.

Они посмотрели в сторону хижины и увидели бегущего Мугра-бу с копьем в руках. Когда он был на расстоянии броска копья, они вскочили, схватили свои копыя и крикнули:

— Так вот что ты делаешь, старик? Вот как ты ловишь в западню даенов? Сначала их кормишь, а потом убиваешь! Мы все о тебе знаем, и теперь пришла твоя очередь.

Уя и Гиджеригар бросили в него копыя, одно пронзило его бок, другое — грудь, и он упал. Они подбежали и ударили Мугра-бу бунди по голове и лицу. Убедившись, что он мертв, они вернулись и убили двух его мальчиков, притащили и положили их тела на тело отца.

Уя и Гиджеригар посоветовались, ждать ли им обеих его жен или идти обратно. Уя сказал:

— Подождем его жен и убьем также и их.

Так они и решили.

Увидя возвращающихся жен, они спрятались в хижине. Когда ничего не подозревавшие женщины подошли и остановились, чтобы спустить с плеч гулаи, полные батата и фруктов, двое мужчин выскочили, схватили женщин и ударили сзади в шею. Так обе жены были убиты.

Их тела положили поверх тел остальных. Уя и Гиджеригар принесли дров и сожгли тела. Затем на сожженные тела они набросали лежащие вокруг дрова и сучья, сделав надгробный холм.

Когда они ушли, вылетела птица и запела:

Мугра-ба, го-ох, го-ох,
Мугра-ба, го-ох, го-ох.

Это был людоед Мугра-ба в облике птицы, черной от угля и белой от пепла, через которые она пробиралась, чтобы выйти из под груды дров.

Когда Уя и Гиджеригар возвратились в стойбище, алены спросили, как обстоят дела.

— Мы всех убили — мужчину, двух женщин и а, вух мальчиков.

Тогда все радостно воскликнули:

— Хорошо сделано! Хорошо сделано!

Впоследствии сами Уя и Гиджеригар были превращены в птиц. Род попугаев Уя имеет хохолок и красные пятна с каждой стороны клюва и на груди — такие, какие нарисовал на себе Уя, собираясь убить Мугра-бу. Среди зеленого оперения попугаев Гиджеригар можно видеть желтые полосы, такие же, как на первом Гиджеригаре в день убийства. Но теперь, в образе птицы, они не отвечают на зов, который часто слышат в кустарнике:

Мугра-ба, го-ох, го-ох,
Мугра-ба, го-ох, го-ох.

Ваямба-черепаха

Ула-ящерица с тремя детьми выкапывала на равнине батат. Вдруг ей почудилось какое-то движение за большими кустами. Она прислушалась. Внезапно из-за куста выскочил Ваямба и схватил Улу. Он велел ей не шуметь и обещал не причинять ей вреда. Он захотел взять ее в свое стойбище и жениться на ней, а о троих ее детях он обещал заботиться.

Сопротивляться было бесполезно — ведь у Улы была только палка-копалка, а у Ваямбы — копья и бунди. И Ваямба увел женщину и ее детей в свое стойбище.

Когда его племя узнало, что он привел женщину племени Улы, его спросили, добровольно ли отдало ее племя. Ваямба ответил:

— Нет, я похитил ее.

— Так, — сказали люди, — ее племя скоро придет за ней, и тебе придется защищаться самому, мы не будем сражаться за тебя. У нас есть для тебя молодые женщины нашего племени, а ты похитил Улу и привел ее в стойбище Ваямба. Сам отвечай за последствия.

Вскоре показались Ула. Они шли через равнину, находившуюся перед стойбищем Ваямба. Они шли не для переговоров и не как друзья — с ними не было женщин, а в их руках не было ветвей мира; зато они разрисовали себя для войны и вооружились копьями.

Когда племя Ваямба увидело приближающихся Ула, мудрец племени сказал:

— Теперь, Ваямба, выходи на равнину и сражайся один, мы тебе помогать не станем.

Ваямба выбрал два самых больших щита борин. Один он надел спереди, другой сзади, взял оружие и пошел встречать врагов. Выйдя на равнину и остановившись на некотором расстоянии от Ула, он крикнул:

— Подходите!

В ответ полетел град копий и бумерангов. Когда оружие засвистело в воздухе, Ваямба втянул голову и руки между щитами. Скользнув по щитам, оружие не причинило ему вреда и упало на землю. Тогда он высунул голову и руки и закричал:

— Попробуйте еще, я готов!

Снова полетело оружие, которое он встретил так же, как и раньше. Наконец Ула сумели окружить его и заставили отступить к реке. Они осыпали его градом копий и подошли так близко, что для спасения ему оставалось только нырнуть в реку. Он повернулся к реке, сорвал передний щит, бросил оружие и нырнул в воду.

Ула с поднятыми копьями ожидали его появления над водой, но напрасно. Они уже не увидели темнокожего Ваямбу, но в водоеме, куда он нырнул, они заметили странное существо. На его спине виднелся панцирь, похожий на щит. Когда они хотели его схватить, он втянул под панцирь голову и ноги. Тогда они сказали:

— Это Ваямба.

С тех пор стали жить в реках черепахи Ваямба.

Ваямба-черепаха и Воггун — кустарниковая индейка

Ваямба-черепаха была женой Гу-гур-гаги — пересмешника. Когда настало время Ваямбе класть яйца, они поссорились. Она собиралась, как и ее род, вырыть ямку в песке возле реки и уложить в нее яйца. Но Гу-гур-гага возразил, что река может разлиться и унести яйца. Яйца надо положить в дупло дерева.

— Как я залезу в дупло? — сказала Ваямба. — А если я и заберусь туда, откуда я возьму песок, чтобы прикрыть яйца? Как же тогда солнце Йи будет согревать песок, чтобы вывелись детеныши?

— А как же родился я и моя мать до меня? — возразил Гу-гур-гага. — Моя жена должна поступать так, как поступали наши матери.

— Я — Ваямба, и мне нужно делать так, как делают Ваямбы. Разве ребенок не получает имя своей матери? Мои дети будут, как и я, Ваямбами. Я пойду к своему роду.

Черепаха ушла на реку, где жил ее род, и скрылась под водой. Гу-гур-гага шел за нею до берега, потом вернулся и послал за Ваямбой голубя Вонгу и его жену — коричневого голубя Ду-мер, чтобы вернуть черепаху.

Но Ваямба ответила:

— Нет, я не вернусь. Если он хочет, то пусть придет сам.

Вонга и Ду-мер вернулись и передали это Гу-гур-гаге, и тот пошел к жене. Но на берегу реки он увидел мать Ваямбы и повернул обратно, — ведь закон племени не разрешал разговаривать с тещей. Он послал поговорить с ней Вонгу.

Мать Ваямбы сказала:

— Скажи ему, что моя дочь не вернется. Он заставлял ее нарушать законы ее рода, и она не покинет своего народа.

Голубь Вонга полетел рассказать об этом Гу-гур-гаге. Едва он начал рассказывать, как из травы выползла черная змея Ую-бу-луи — старый возлюбленный Ваямбы. Рассердившись на голубя, который хотел вернуть его возлюбленную оставленному ею мужу, Ую-бу-луи решил убить Вонгу. Когда змея собиралась броситься на него и задушить, ее увидел Гу-гур-гага.

Как молния, он ринулся на Ую-бу-луи. Схватив ее, он поднялся высоко в воздух и оттуда бросил змею на землю. Она сломала спину и умерла. Тогда Гу-гур-гага сказал, обратившись к мертвому врагу:

— Дважды ты пытался повредить мне, и дважды тебе это не удалось. Первый раз ты хотел жениться на Ваямбе, обещанной мне, а теперь ты задумал убить моего верного посланца, подкравшись к нему сзади, как трус. Вместо него ты лежишь мертвым и никогда уже не сможешь повредить мне.

Так я всегда буду мстить твоему вероломному роду, а мой народ будет вечно питать к вам ненависть. Приятно видеть мертвым своего врага.

Гу-гур-гага долго и громко смеялся, пока весь берег не отозвался эхом на его пронзительный крик: «Гу-гур-гага! Гу-гур-гага!»

Этот смех поразил Ваямбу — ведь ее муж всегда был таким торжественным. Смеялся он, только возвещая восход солнца.

Она вылезла из воды на противоположном берегу и быстро пошла прочь. Слыша раскаты странного громкого смеха, она подумала, что ее муж сошел с ума и, если поймают, убьет ее. Смех слышался так близко, что она думала, будто он ее преследует. Она боялась оглянуться и спешила вперед.

Гу-гур-гага, вместо того чтобы преследовать Ваямбу, пожирал своего врага и снова клялся, что, пока живет его род, он будет вести войну против рода Ую-бу-луи, убивая и уничтожая его.

Пока продолжался пир, Ваямба далеко ушла от старого стойбища. Наконец она слишком утомилась, остановилась на прекрасном песчаном берегу и решила устроить здесь стойбище. Она выкопала ямку, положила в нее яйца и заботливо их прикрыла. Вдруг она услышала какой-то звук. Взглянув вверх, она увидела птицу с темным оперением, красной головой и шеей. Птица смотрела на нее и, заметив, что Ваямба подняла голову, спросила:

— Зачем ты прикрываешь яйца?

— Чтобы песок и солнце вывели детенышей.

— А ты сама не будешь сидеть на них?

— Конечно нет! Зачем мне это делать? Яйца будут согреваться, и детеныши вылупятся вовремя, как и я. Если я сяду на них, я могу их раздавить. А кто будет приносить мне пищу? Я умру, и они тоже.

Красноголовая птица, оказавшаяся кустарниковой индейкой Воггун, вернулась к своему мужу и рассказала о том, что видела. Ей хотелось бы испробовать этот способ — ведь это легче, чем сидеть на яйцах неделю за неделей.

Ее муж сказал, что не следует спешить менять обычаи, ведь каждое племя поступает по-своему. Быть может, Ваямба только смеется над ней. Они должны подождать и посмотреть, вылупятся ли детеныши. Но и в этом случае он не разрешит жене устроить гнездо около реки, где внезапный разлив может его унести. Они должны держаться кустарника.

В конце концов они увидели, что все сказанное Ваямбой — правда: вылупились маленькие, сильные и здоровые Ваямбы.

Тогда Воггуны решили попытаться вывести цыплят, не садясь на яйца. Они не сумели вырыть для них ямку и поэтому наскребли кучу мусора из земли, песка, листьев и сучков. Затем Воггун через день стала класть по

яйцу, пока в кучке не оказалось пятнадцать яиц, лежавших рядом, острыми концами вниз. Поверх яиц они положили гниющие листья и мусор и покрыли все это листьями и прутьями. После этого родители с беспокойством стали ждать результатов.

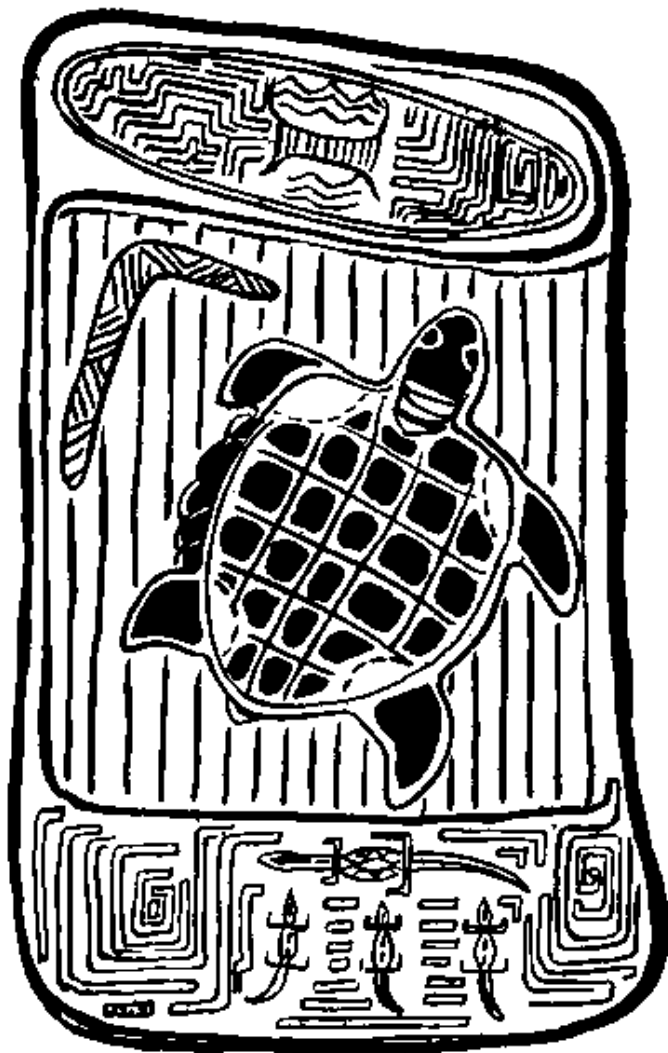
Время шло, и беспокойство матери возрастало. Не погубила ли она всех своих детей только для того, чтобы освободить себя? Она суетилась вокруг большой кучи, просовывала голову внутрь, чтобы почувствовать, тепло ли там, и быстро вытаскивала голову, радуясь, что гнездо теплое. Потом она начала бояться, что в гнезде слишком жарко. В беспокойстве она соскребла землю и листья, думая, что их слишком много. Внезапно она остановилась и прислушалась. Не голос ли это цыпленка? Она снова прислушалась. Да, так и есть. Она позвала мужа. Он подошел и, когда она рассказала ему, что слышала, разгреб кучу. К их радости, наружу выскочили прекрасные птенцы, самостоятельные и крепкие, с более развитыми ногами и крыльями, чем у их прежних цыплят.

Гордясь успехом своего замысла и желая поскорее сообщить всем хорошие новости, мать Воггун побежала рассказать об этом своему роду.

На следующий год почти все матери Воггуны положили свои яйца в одно гнездо — большую кучу. В конце концов весь род стал поступать так и поэтому получил имя Строители Холмов.

Красногрудки

Гвей-ни-бу и Гумеи — водяная крыса собирали мидии на реке, как вдруг, к их удивлению, рядом с ними в воду прыгнул кенгуру. Они поняли, что кенгуру спасался от преследовавших его охотников. Гвей-ни-бу схватила палку и ударила кенгуру по голове. Кенгуру запутался в речных водорослях, и Гвей-ни-бу убила его. Затем обе старые женщины спрятали кенгуру в реке под водорослями, чтобы охотники не потребовали его. Маленький сын Гвей-ни-бу наблюдал за ними с берега.

Теперь вы должны понять такой рисунок. Наверху изображен не примите его за что-нибудь другое

Спрятав кенгуру, женщины взяли мидии и пошли к стойбищу. В это время подошли охотники Уя и Гиджеригар, проследившие кенгуру до самой реки. Заметив женщин, они спросили:

— Не видели ли вы кенгуру?

— Нет, — ответили женщины, — не видели.

— Странно, мы проследили его до этого места.

— Мы не видели кенгуру. Посмотрите, мы собирали мидии. Пойдемте в наше стойбище, и мы угостим вас ими, когда сварим.

Удивленные молодые люди отправились с женщинами в их стойбище, и, когда мидии были приготовлены, все пообедали. Маленький мальчик не хотел есть мидии и все повторял:

— Гвей-ни-бу, Гвей-ни-бу. Я хочу кенгуру. Я хочу кенгуру. Гвей-ни-бу, Гвей-ни-бу.

Уя сказал:

— Твой мальчик видел кенгуру и хочет кусок от него. Он должен быть где-то здесь.

— О нет, он просит все, о чем подумает, иногда и кенгуру. Он еще мал и не знает, чего хочет, — ответила старая Гвей-ни-бу.

Но ребенок продолжал твердить:

— Гвей-ни-бу, Гвей-ни-бу. Я хочу кенгуру. Я хочу кенгуру.

Гумеи так рассердилась на маленького Гвей-ни-бу за то, что он просил кенгуру, вызывая подозрение охотников, что сильно ударила его по губам, чтобы он замолчал. У него потекла кровь и закапала на грудь, окрасив ее в красный цвет. Увидев это, старая Гвей-ни-бу рассердилась и ударила Гумеи, которая ответила ей ударами. Поднялся шум, женщины дрались, маленький Гвей-ни-бу плакал потому ли, что его ударила Гумеи, или потому, что дралась его мать, или потому, что все еще хотел кенгуру.

Уя сказал Гиджеригару:

— Они где-то спрятали кенгуру. Давай уйдем и спрячемся, а потом вернемся и неожиданно нагрянем на них.

Они тихонько пошли, а женщины, заметив это, прекратили драку. Они наблюдали за мужчинами, пока те не скрылись из виду, и для верности подождали еще некоторое время. Затем они поспешно спустились за кенгуру, вытащили его и стали разводить большой костер, чтобы изжарить мясо. В это время подошли Уя и Гиджеригар.

— Мы так и думали, — сказали они. — У вас все время был кенгуру, маленький Гвей-ни-бу был прав.

— Но его убили мы! — воскликнули женщины.

— Зато мы пригнали его сюда! — ответили мужчины, схватили кенгуру, оттащили его на некоторое расстояние, развели огонь и изжарили.

Гумеи, Гвей-ни-бу и ее мальчик подошли к охотникам и попросили мяса, но молодые люди ничего им не дали, хотя маленький Гвей-ни-бу жалобно просил кусочек. Они сказали, что скорее выбросят остатки ястребам, чем дадут женщинам и ребенку.

Видя, что нет надежды получить что-нибудь, женщины ушли. Они построили большую дурду из коры и закрылись в ней. Затем женщины завели песню, вызывающую бурю, чтобы уничтожить своих врагов, которыми они теперь считали Ую и Гиджеригара. Они пели:

Мугарей, Мугарей, Мей, Мей,
Иху, Иху, Дун-Гара.

«Град, град, ветер, ветер,
Дождь, дождь, молния.

Они начали петь медленно и тихо, затем громче и быстрее и, наконец, начали громко кричать. Пока они пели, маленький Гвей-ни-бу плакал и не мог успокоиться.

Скоро упало несколько крупных капель дождя, поднялся сильный ветер, а затем полил дождь. Загремел гром, засверкала молния, воздух стал очень холодным, и налетел ужасный ураган. Градины больше утиного яйца сбивали листья с деревьев и разрезали кору. Уя и Гиджеригар побежали к хижине и стали просить впустить их.

— Нет! — закричала Гвей-ни-бу сквозь ураган. — Для нас не нашлось мяса кенгуру, а для вас нет места в хижине. Просите убежища у ястребов, которых вы кормили.

Мужчины продолжали просить женщин впустить их, обещая убить для них не одного, а нескольких кенгуру.

— Нет! — снова закричали женщины. — Вы не прислушались к плачу маленького ребенка. Такие, как вы, пусть лучше умрут.

Дождь лил все сильнее, и все громче пели женщины:

Град, град, ветер, ветер,
Дождь, дождь, молния.

Ураган был таким свирепым, что мужчин ожидала гибель. Но они были превращены в птиц, а затем в звезды на небе, где они находятся до сих пор — Уя и Гиджеригар — с кенгуру между ними. Они до сих пор носят имена, какие имели на земле.

Нарадарн — летучая мышь

Нарадарну — летучей мыши хотелось меду. Он стал оглядываться и заметил опустившуюся пчелу Варра-нанну. Нарадарн поймал ее, воткнул перо между ее задними лапками, выпустил и пошел за ней. Белое перо могло привести его к пчелиному гнезду. Он велел своим двум женам из рода Билба — крыс песчаных дюн следовать за ним с чашками из коры вирри, чтобы принести домой мед. Наступила ночь, а Варра-нанна еще не долетела до своего гнезда. Нарадарн поймал ее, посадил под кору и продержал там до утра. Когда стало достаточно светло, Нарадарн снова выпустил пчелу и

следовал за ней до ее гнезда на дереве гаянни. Отметив дерево зарубкой топора, он вернулся поторопить отставших жен. Он хотел, чтобы они влезли на дерево и достали мед.

Подойдя к отмеченному дереву, одна из женщин полезла вверх. Она крикнула Нарадарну, что мед — в щели дерева. Он велел ей просунуть руку и вытащить мед. Она засунула в щель руку, но не могла вынуть ее обратно. Нарадарн влез на дерево, чтобы помочь ей, и тут увидел, что освободить ее можно, лишь отрубив ей руку. Она не успела понять, что он хочет сделать, как он отрубил ей руку. Удар был так силен, что женщина сразу умерла.

Нарадарн спустил вниз ее безжизненное тело и велел ее сестре, своей второй жене, влезть наверх, вытащить застрявшую руку и достать мед. Она возразила, что пчелы уже успели унести мед, но он сказал:

— Нет, полезай немедленно.

Она говорила все, что только могла придумать, чтобы спасти себя, но напрасно. Нарадарн только злился и, угрожая бунди, заставил ее влезть на дерево.

Ей удалось просунуть руку рядом с рукой сестры, но и ее рука застряла в щели. Наблюдавший за ней Нарадарн увидел, что случилось, и полез на дерево. Он не сумел вытащить ее руку и, несмотря на ее крики, отрубил ей руку, как и ее сестре. Когда он ударил топором, она вскрикнула и замолчала. Нарадарн сказал:

— Сойди вниз, я сам вырежу гнездо пчел.

Она не ответила, и он увидел, что она тоже мертва.

Тогда он испугался и, взяв ее труп, слез с дерева, положил его рядом с трупом сестры и быстро пошел прочь, не думая больше о меде.

Когда он подходил к стойбищу, ему навстречу выбежали две младшие сестры его жен. Они думали, что женщины пришли с ним и дадут попробовать меду, за которым они ходили. К их удивлению, Нарадарн был один, и, когда он подошел, они увидели, что его руки в крови. Его лицо было таким свирепым, что они побоялись спрашивать его о сестрах. Они побежали и сказали матери, что Нарадарн вернулся один, очень разгневан и его руки в крови.

Мать Билба вышла и сказала:

— Нарадарн, где мои дочери? Они пошли утром за медом, который ты нашел. Ты вернулся один и не принес меду. Ты выглядишь свирепым, как тот, кто сражается, и твои руки покрылись кровью. Скажи, где мои дочери?

— Не спрашивай меня, Билба. Спроси пчелу Варра-нанну, быть может, она знает. — Он замолчал и больше не отвечал на вопросы.

Оставив его перед стойбищем, мать Билба вернулась в хижину и сказала своему роду, что ее дочери пропали, а их муж Нарадарн ничего не

хочет рассказать. Но она чувствует, что он знает об их судьбе и может рассказать об этом, так как его руки в крови.

Этот рисунок легко понять, если его медленно поворачивать. Точки, линии и черные пятна — тучи ужасного шторма, вызванного колдовством женщин, чтобы поквитаться с двумя мужчинами, не давшими им ни кусочка кенгуру

Ее выслушал мудрец рода. Когда она кончила говорить и стала оплакивать дочерей, которых уже не ожидала увидеть, он сказал:

— Мать Билба, дочери будут отомщены, если с ними что-либо случилось от руки Нарадарна. Следы его свежи, и молодые люди твоего рода проследят, куда они ведут, узнают, что натворил Нарадарн, и быстро вернуться. Тогда мы устроим корробори, и, если твои дочери пали от руки Нарадарна, он будет наказан.

Мать Билба ответила:

— Ты хорошо сказал, мой родственник. Пусть поспешат молодые люди, пока нет дождя или пыли и следы хорошо видны.

Самые проворные и зоркие молодые люди рода отправились на поиски и быстро вернулись в стойбище с вестью о судьбе сестер Билба. Ночью устроили корробори. Женщины уселись полукругом и пели монотонные песни или играли — били в свернутые шкуры опоссума или ударяли бумеранг о бумеранг.

Зажженные возле кустарника большие костры освещали пляшущих, когда они выходили из своих стойбищ, разрисованные различными узорами, опоясанные поясами вейва, с пучками перьев в волосах, неся в руках раскрашенные жезлы. Во главе мужчин, выходявших на открытое место, шел Нарадарн. Свет костров освещал верхушки деревьев, темные дубы выделялись своими фантастическими очертаниями. Таинственный медленный танец мужчин сопровождался стуком бумерангов и пением женщин. Выше взметнулось пламя костров, и его цветные языки замелькали вокруг стволов деревьев и в воздухе.

Один костер был выше других, и к нему-то танцующие подталкивали Нарадарна. Среди голосов поющих женщин громко прозвучал голос матери Билба. Когда Нарадарн повернулся, чтобы отойти, танцуя, от костра, он встретил перед собой стену людей. Они схватили его и бросили в огонь, где он погиб.

Так были отомщены Билба.

notes

Примечания

Материал «Боги и люди майя» Диего де Ланда публикуется по книге «Сообщение о делах в Юкатане. 1566» (перевод со староиспанского Ю. В. Кнорозова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955).

Материал «Белые боги индейцев» Н. Непомнящего печатается по книге «Тайное, забытое, невероятное...», М.: Общество по изучению тайн и загадок Земли, Ларге, 1991).

Хуан де Гуатавита, умерший в конце XVI в., был дружен с хронистом Родригесом Фресле. Воспоминания Гуатавиты Фресле включил в свою хронику. Выдержки из его труда, а также отрывки из работ других хронистов и положены автором в основу всех четырех рассказов. Печатается по книге С. А. Созиной «На горизонте — Эльдorado!» (М.: Мысль, 1972).

4

Вара — испанская мера длины, равная 83,5 сантиметра.

5

Лига — испанская мера длины, равная 5572 метрам.

Литературный памятник майя «Пополь-Вух» печатается по книге: «Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана». М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; Наука, 1993. Комментарии Р. Кинжалова.

Слова quiche, queche значат «лес» на майяских языках Гватемалы. Центральные области страны, занятые киче в XV в., назывались Киче, т. е. «страна, покрытая лесами». Вероятно, киче, наиболее могущественный народ в этот период на территории Гватемалы, и получил свое имя от этого названия.

В подлиннике tinamit — слово, заимствованное из языка пи-пиль и обозначающее укрепленное поселение, обнесенное оборонительными стенами; употребляется также для обозначения главного города, где проживает вождь племени.

Автор дает здесь перечисление главных божеств пантеона киче, перечисляя их по супружеским парам.

Следует отметить философскую концепцию в этом месте. Вкратце она такова: мир, вселенная — явление историческое, возникающее в определенный момент и начинающее развиваться по определенным закономерностям. Если вспомнить, что в Европе подобные взгляды были сформулированы лишь в работе «Новая наука» Джамбаттисты Вико, опубликованной в 1726 г., то нельзя не оценить по достоинству высоту философского мышления анонимного автора «Пополь-Вух».

Киче сочетали Кукумаца с водным элементом. В «Летописи какчикелей» упоминается, что одно из переселившихся в Гватемалу племен было названо кукумац из-за их связи с водой.

Длинные зеленые перья из хвоста птицы кецаль высоко ценились у всех народов древней Мексики и Гватемалы и употреблялись для головных уборов знатных лиц.

Киче представляли Хуракана как триединое божество. Какулха значит «блеск молнии», значит, это — бог-громовик. Интересно отметить, что во время испанского завоевания бог бури на Антильских островах назывался Хураканом. Отсюда это слово вошло в испанский, а затем и в другие европейские языки для обозначения бури, урагана. Таким образом, русское слово «ураган» восходит в конечном счете к языку киче.

Вера в духов, обитателей лесных чащ, была широко распространена у народов Южной Мексики и Гватемалы. Их представляли в виде маленьких уродливых человечков, которые могли сыграть с заплутавшим в лесу человеком злую шутку, однако могли и оказать помощь.

Здесь в качестве эпитетов богов перечисляется целый ряд профессий. «Хозяин изумрудов» — вероятно, резчик по изумрудам или зеленого цвета нефриту, высоко ценившемуся у всех народов Центральной Америки и Мексики.

Содержащиеся в его стручкообразных плодах похожие на бобы красные семена употребляются и доньше индейцами Мексики и Гватемалы при гаданиях.

Название этого чудовища почти совпадает с названием другого (Камасоц), срезавшего в Шибальбе голову у Хун-Ахпу (см. ниже, часть II, гл. 10).

Миф о восстании домашних вещей против человека имелся также у народов Перу.

Большой попугай арара с пышным красно-зелено-голубым оперением. Имя Вукуба-Какиша, следовательно, надо переводить как «Семь арара».

Значение этих слов не совсем ясно. В них содержится какой-то *намек* о деревянных людях, «которые потонули». Возможно, вся фраза говорит об обезьянах, схожих с деревянными людьми (см. конец предшествующей главы), которых Вукуб-Какиш принимает за сверхъестественные существа.

Мифологические образы двух братьев, создателей культуры, имеют параллели в мифологических циклах почти всех народов земного шара (Диоскуры — в Греции, Аштвины — в Индии, близнецы в фольклоре индейцев Северной Америки и Океании).

Драгоценные и полудрагоценные камни зеленого цвета особенно высоко ценились у всех народов майя.

23

Название на языке киче вулкана Суньиль.

Плоды этого дерева напоминают по форме вишни, имеют белый цвет и своеобразно пахнут.

До сих пор среди индейцев Гватемалы распространено поверье, что зубная боль вызывается червяком, поселившимся в зубе.

В сказании о четырехстах юношах следует отметить два момента. Первый: юноши живут вдали от родителей в одном доме, в едином коллективе. Не случайно и число 400; оно обозначает просто «множество». Вероятно, в этом сказании сохранились какие-то отзвуки представлений о мужских домах или домах для юношеских инициаций.

Причина, которой пытаются оправдать попытку убийства Сипакны четыреста юношей, звучит неубедительно. По всей видимости, первоначально здесь был миф о «строительной жертве», вся обстановка рассказа соответствует этому: 400 юношей строят дом, они роют яму, в которую спускается жертва, и т. д. Существование таких жертвоприношений в древности засвидетельствовано археологическими находками на территории Мексики и Гватемалы.

семь звезд, Плеяды. В древнем Перу они считались семью глазами Хуиракочи, наблюдавшими за урожаем.

Высокая гора, носящая это имя, находится в Нижнем Верапасе, в 10 километрах восточнее Рабиналя.

Речь идет о борьбе между богами и титанами, но, по греческому мифу, боги сражаются сами, а в мифе киче — при помощи своих орудий, полубогов Хун-Ахпу и Шбаланке

Традиционное оружие индейцев Гватемалы.

Все дети Вукуб-Какиша, как и он сам, гибнут при принятии пищи.

буквально «один хун-ахпу» и «семь хун-ахпу». Имена этих героев представляют собой названия двух дней в календаре киче. Месяц древних киче состоял из двадцати дней (названия их — имош, ик, акбаль, кат, кан, камей, кех, канель, тох, ци, бац, э, ах, балам, цикин, ахмак, нох, тихаш, каок, хун-ахпу). Племена майя до испанского завоевания обозначали день года путем соединения цифрового коэффициента (от 1 до 13) и названия дня. Благодаря этому получался непрерывный ряд из 260 дней; сочетание числа и дня могло повториться лишь через данный промежуток времени. Этот период в 260 дней составлял у киче ритуальный год; существовал обычай, по которому рожденный в тот или иной день ребенок получал название этого дня как свое имя. Этим и объясняются встречающиеся далее имена действующих лиц, совпадающие с названиями дней.

т. е. до того, как были созданы солнце и луна.

Хун-Бац — «одна обезьяна» — одиннадцатый день календаря киче;
Хун-Чоуэн — «одна обезьяна» — одиннадцатый день в календаре
юкатанских майя.

«из связанных костей».

Ah chuen — на языке майя обозначает «ремесленник».

Индейцы майя играли в мяч, а также, используя бобы, в игру вроде костей.

СОКОЛ, ПОСЛАННИК БОГОВ.

Chi-Xibalba — буквально: «место ужаса». Киче верили, что Шибальба — подземная область, населенная врагами человека, царство богов смерти.

Хун-Каме — «один мертвый» и *Вукуб-Каме* — «семь мертвых» — дни календаря киче.

Имя первого обозначает «летающая корзина», имя второго — «собранный кровь».

Аһаһриһ — «тот, кто причиняет нарывы». У современных как-чикелей это слово обозначает венерическую болезнь.

Chuganal — род желтухи.

Chamiabac — «тот, кто носит костяной жезл». *Chamia-holom* — «тот, кто носит жезл с черепом». И тот и другой жезл — символы смерти. *Ahchami* — «человек с жезлом» (жезл или палка — символ власти) — люди, поддерживающие общественное спокойствие в городе-государстве.

Ahalmez — «тот, кто делает нечистоты». *Ahaltocob* — «тот, кто причиняет несчастья».

Xic — «сокол». *Patan* — кожаная лента, носимая индейцами на голове; к ней прикрепляется носимая на спине ноша.

Так как при игре в мяч игрок мог получить в пылу игры увечья (мяч из каучука был очень тяжелым), то перед игрой он надевал наколенники, защищавшие ноги и часть бедер, шейник (несколько специальных колец), перчатки, головной убор наподобие шлема, маску

Послы Шибальбы носили имена: «Сова-стрелы», «Одноногая сова», «Сова-арара» и «Сова-голова».

Ах-ноп-ачиха — «благородный муж ах-попа» — почетное звание в раннерабовладельческом обществе киче.

Слово «шкик» может значить «кровь женщины» или «малая кровь, кровинка».

В подлиннике — неперево́димая игра слов. Девушка намекает, что владыкам подземного царства, символом которых являются кровь и черепа, вместо ее сердца достанутся сок и листья «дерева крови».

Вероятно, американское драконовое дерево.

Штох — богиня дождя, *Шканиль* — богиня желтой кукурузы, *Шкакау* — богиня деревьев какао.

Заимствовано из языка юкатанских майя и должно переводиться как «желтое дерево».

«Хун-Ахпу-Кой» — «обезьяны Хун-Ахпу». Танец под этим названием исполнялся в Гватемале еще в середине прошлого века; участники его, одетые в обезьяньи маски, сопровождали танец пением.

Дикий кабан — на языке киче — ас.

современное название одного из видов какао. На языке киче — рес.

слово, заимствованное из языка нахуа, означает определенный вид жаб.

Лоц — растение, *кик* — мяч. Из текста «Пополь-Вух» не ясно, примешали ли братья к каучуку растение лоц, но в названии лекарства оно, во всяком случае, фигурирует.

Вероятно, речь идет о каких-то правилах игры в мяч; не исключено, что автор сознательно использовал игру слов.

Мучит или мучиль — название на языке киче одного из растений.

Камасоц — буквально: «хищная летучая мышь».

От слов «чак» — рана и «цям» — острие: «настоящее раны острие» — чудовищное животное в виде летучей мыши, на носу которого находится нож.

Burseraceae *Elaphrium simarubra*.

Кто из вас пойдет искать ее? — Смысл этой фразы, очевидно, в том, что владыки Шибальбы подозревают какую-то хитрость со стороны братьев. Об этом говорит их предыдущее восклицание: «Кого мы видим?» Этой второй фразой они признают свою беспомощность в отыскании вещественных доказательств обмана — кусков искусственной головы.

буквально: «прорицатель» и «почтенный».

Нельзя не обратить внимание на роль, которую играет вода при оживлении Хун-Ахпу и Шбаланке. Ср. «живую воду» русских сказок.

Речь идет о маленьком хищнике, напоминающем по внешнему виду ласку.

Т. е. он спрятался при уничтожении и потом добровольно явился просить пощады.

Nicah — «центральное место».

Одна из разновидностей анноны.

В подлиннике слово *ahache* — дерево Rutaceae *Casimiroa edulis* Llave et Lexarza.

В подлиннике слово *achih* — «благородный, знатный по рождению человек».

В древнейшей версии мифа подобных обращений божеств к первым людям, очевидно, было несколько. С каждым таким обращением люди получали соответствующее чувство или способность (видеть, слышать, ходить, говорить и т. д.). В данной версии результатом всех обращений богов является лишь одно — острое зрение.

Хименес переводит имена первых женщин так: «вода водопада», «прекрасная, избранная вода», «вода колибри», «вода попугая» — все эти имена подчеркивают водную сущность женщин. В «Родословной владык Тотоникапана» (гл. 1) имена первых женщин даются с некоторыми отличиями.

«могущественные из Олимана» — племя, которое предки киче встретили в своих странствованиях.

Племя киче делилось на три объединения родов (Кавек, Ниха, или Нимхайб, и Ахау-Киче), возводивших себя к трем тольтекским предводителям: Баламу-Кице, Баламу-Акабу и Мухукутаху.

Об этих божествах см. примеч. 4 к гл. 1 части I.

«семь пещер», «семь ущелий». Это место «Пополь-Вух» наиболее ясно говорит о тольтекском происхождении предводителей киче.

Способ, которым Тохиль получает огонь, напоминает древнейшие способы получения человеком огня при помощи трения.

Летучая мышь была тотемом какчикелей; глава их племени именовался «ах-по-социль» — «владыка — летучая мышь».

Пишаб— «приказание, мольба, совет».

буквально, «происходящие от красного дерева».

На языке киче *santi* — ядовитая змея.

буквально: «обгоняющая солнце звезда», т. е. Венера.

Конечно, это было не то самое солнце, которое мы видим... — В этой фразе отражено общее для всех древних народов Центральной Америки представление о том, что мир пережил несколько эпох, каждая из которых имела свое особое солнце.

Культ ягуара был очень распространен у индейцев Центральной Америки. Многие божества имели облик ягуара.

Вероятно, дикий анис.

Имеются в виду те олени шкуры, которые Балам-Кице и его братья должны были показывать при вопросе «Где же Тохиль?»»

Эти слова божеств указывают в туманной форме на человеческие жертвоприношения. Вожди киче, следуя указаниям Тохилия, Авилиша и Хакавица, вводят обычай человеческих жертвоприношений, усвоенный ими в Тулане.

В этом месте ясно выражено древнее представление, широко распространенное в мифологиях народов Старого Света, что божество имеет силу, только оставаясь девственным.

Девушки делали вид, что они собираются стирать свою одежду.

В описании несохранившегося главного здания в юкатанском городе Исамаль говорится: «На башнях были сделаны из смеси извести с песком фигуры вооруженных гигантов с щитами и шлемами».

Слово *chuу* значит буквально «мешок, в котором хранились бобы какао»; обычно он вмещал ровно восемь тысяч бобов; отсюда и употребление этого слова как счетной единицы.

буквально, «закутанная сила, закутанное величие». Можно полагать, что эти таинственные символы представляли собой не что иное, как мумифицированные трупы прародителей. Мумии прежних правителей обладали, по индейским представлениям, могучей магической силой. Их выносили, например, перед сражением, чтобы они сокрушили силу врага.

Подразумеваются покоренные племена.

Накшит — сокращенное имя, которым у киче и какчикелей обозначался легендарный тольтекский предводитель Топильцин Ашиитль Кецалькоатль, возглавивший в конце X в. тольтекскую экспансию в прибрежные области современных мексиканских штатов Табаско, Кампече и Юкатан.

Саагун сообщает, что тольтекские жрецы, отправляясь на восток (Юкатан), взяли с собой «все свои картины, в которых они имели все вещи древних времен, искусств и ремесла».

Т. е. строили каменные здания при помощи извести.

т. е. жили без разногласий, имели единое общее мнение.

буквально: «гнилые, испорченные хижины». К моменту испанского завоевания был столицей государства киче и наиболее важным городским центром на территории Гватемалы.

Череп умерших использовались в качестве кубков, а кости рук и ног, оправленные в металл, служили жезлами и колотушками для ритуальных барабанов.

Nimha — «великий дом»; первоначально обозначало общий дом для собраний того или иного рода, впоследствии стало термином для знатного рода.

Речь идет о переименовании этого города первым епископом Гватемалы Фр. Маррокином в 1539 г. Кумаркаах был назван Санта Крус дель Киче

Правитель, царь — буквально: «владеющий циновкой», т. е. имеющий право сидеть на совете старейшин.

Второе по значимости лицо в государстве, предназначенное наследовать ах-попу.

Жрец Тохия.

Жрец Кукумаца.

Чудодейственные свойства правителей Котуха и Кукумаца, которыми автор «Пополь-Вух» пытается объяснить завоевательные успехи киче, являются легендой, сознательно распространявшейся знатью, чтобы упрочить свое влияние среди побежденных.

т. е. местностей, окружающих город.

Не все упоминаемые в этой главе названия древних городов и поселений могут быть с достаточной точностью сопоставлены с современными географическими пунктами. *Чувила* — современный город Чичикастенанго; *Памака* — современная Сакуальпа; *Колче* — местность на тихоокеанском побережье Гватемалы.

Человеческое жертвоприношение, при котором пленного привязывали к дереву, а затем убивали выстрелами из лука, было широко распространено у древних народов Мексики и Гватемалы.

Т. е. словно земля разверзлась и поглотила эти города

Киче, по всей видимости, в ряде случаев изгоняли из захваченных областей население.

Данное место «Пополь-Вух» показывает, что киче обращались с завоеванными племенами так же, как ацтеки. В захваченных поселениях оставлялись специальные лица, наблюдавшие за исправной уплатой дани.

воины, вооруженные оружием, подобным праще.

Состав гарнизонов состоял только из воинов киче, воины покоренных племен не могли входить в их состав.

В испанском переводе Хименеса вместо этого имени написано: Сакуальпа.

т. е. после того, как совет санкционировал притязания на власть представителей знати у киче, подобный же процесс повторился и у племен тамуб и илокаб, а также у подчиненных киче племен.

Ахцалам — «мастер доски, постройки», архитектор — почетное звание у киче; возможно, лицо, наблюдавшее за постройкой храмов и общественных зданий.

по предположению Брассера де Бурбура, поселение возле реки Лакандон, современный поселок Саккабаха Сан Андрес.

В неизданной рукописи XVI в., хранящейся ныне в Латиноамериканской библиотеке Техасского университета, находится несколько иная генеалогия правителей киче:

«Первый король, который был у этих людей Утатлана, назывался Балам-Кисе. Этот король пришел с восточной стороны, с ним пришли и два других брата, один по имени Балам-Акап, другой — по имени Маху-Кутах. Эти три были равными по значению, и они были первыми, заселившими страну Рабиналя. Балам-Кисе, старший брат, имел двух сыновей, один из них именовался Кокоха, а другой — Коро-хон-Амак. Эти два сына Балама-Кисе были первыми, кто открыл провинцию Утаталан, исследовал, населил и подчинил ее. Кокоха породил Э. Этот царствовал вместо отца, который назывался Кокоха, и он был тот, кто завоевал страну Рабиналь и окружающие области. Корохон Амак, второй сын Балама-Кисе, брат Кокоха, породил Цикина. Этот Цикин и Э были равными по значению; они сражались по ночам. И они отправлялись ночью, чтобы убивать врагов, которых они находили рассыпанными и беззаботными. Чтобы люди пугались их, они появлялись перед ними, как ягуары и пумы, благодаря делам дьявола. Они летали ночью по воздуху, изрыгая огонь из своих ртов, и причиняли таким образом большой вред, потому что их страшно боялись, и вся земля Рабиналь подчинилась им. И они убедили людей, что они сыновья Цаколь Питоль, т. е. что они были сыновьями Творца всех вещей.

Действительным королем был Э, так как он был старшим братом, и он породил Аха. Этот также был волшебником и поступал, как поступали его предки. Цикин породил Акана, они были равны по значению, так как были двоюродными братьями. Они были большими волшебниками.

Ах, законный владыка, породил Кокайба и Кокайвима. Кокайб был наследником королевства по своему отцу, и он был первый, кто создал государство (в своей стране). Этот Кокайб подчинил 11 владык, оставшихся (незавоеванными) его предками, и он был первый, кто основал город. Он построил и соорудил свой королевский дворец и крепость в Рабинале. Он был первым разделившим земли и создавшим вождя, правителей и вождей, он разделил их на главы общин. Он был первым, создавшим законы и установившим законные права; он был первым, заставившим их платить дань, каждый согласно тому, что он имел и владел. А тот, кто не имел ничего, чтобы заплатить дань, должен был служить сам или другими соответствующими вещами.

Этот Кокайб сделал своего брата Кокайвима главным в своей стране, каковая (должность) называется ах-поп; этим он сделал его равным (себе), хотя и не признавал права (брата) на старшинство. Этот последний учредил и назвал (должности) девяти вождей или правителей, которые управляли городом и помогали ему. И ни один из них, кто был еще юным, не мог управлять, пока он не достигал необходимого возраста и пока его не сочли и не нашли подходящим. А если он не имел (необходимого возраста), то правил один из ближайших ему по семье и родству, пока он не достигал возраста.

Этот Кокайвим, второй брат, из-за отсутствия своего брата, который путешествовал вдали от своего дома, имел сына от своей невестки. А когда его брат Кокайб должен был вернуться (из своих странствий), то из-за наказаний, которые были установлены его [т. е. Кокайба] законом, перед тем как он отправился, а именно повешением, бабушка ребенка держала его спрятанным. А когда он вырос, его дядя и отчим дали ему должность его отца, назначили его одним из ах-попов. Таким образом, королевство было поручено этому Кокайбу, и никто больше не был допущен править или быть королем.

Этот Кокайб породил Кехнай'а и пять других сыновей, которые были назначены правителями этим королем. И с того времени и до прихода испанцев короли носили это имя Кехнай, потому что оно (почиталось) среди туземцев как Цезарь.

От второго брата, который назывался Кокайвим, последовали все те, кто назывался ах-попом, пока не появился преемник, называвшийся Коначе, дед дона Хуана Кортеса, живущего теперь. Этот Коначе умер в сражении, которое было дано главнокомандующим доном Педро де Альварадо на равнине около Кесальтенанго, принадлежащего королевской короне».

Донадиу — «Солнце» — имя, данное ацтеками испанскому конкистадору Педро де Альварадо.

буквально: «великий избранник» или «великий советник» — лицо, на обязанности которого было объявлять решение правителей и наблюдать за его исполнением.

История появления рукописи дана в предисловии к этому разделу книги «Летопись народа киче».

Нахуаль — на языках индейцев Гватемалы обозначает «дух-хранитель», «дух-покровитель» того или иного лица.

старцы.

Какох (и) эгоме — потомки Копичоча и Кочохлана имели звания «экоамак», «эгоамаг» или «экомакиб», а потомки Махкиналона и Коканавиля — звания «какох» или «какохиб».

Хотя в тексте говорится о четырех предводителях людей илока, дается список, состоящий из пяти имен, что обусловлено, вероятно, ошибкой переписчика, разделившего одно имя на два.

см. предисловие к разделу книги.

«Узел закутанного величия» — см. «Пополь-Вух», ч. IV, гл. 5.

См. предисловие.

буквально: «семь племен»; Брассер де Бурбур считал, что племена
вукамак — покомам и покончи.

По предположению А. Ресиноса, — гора к северу от Рабиналя вблизи от главного притока Усумасинты р. Читой.

«Пополь-Вух» (ч. IV, гл. 2) упоминает только двух девушек: Штах и Шпуч.

А. Ресинос полагает, что Кокавиб спустился вниз по течению р. Усумасинты и достиг лагуны де Терминос, которая называется здесь озером.

почетное звание у древних киче.

разновидность ядовитых змей.

«Заря Тохия», «заря Авилиша», «заря Хакавица».

Viah — «голод».

Буквально: «глиняные косогоры».

Фуэнтес и Гусман сообщают, что в Памбилиле киче нашли три кукурузных стебля, с которых и получили семена для дальнейших посевов.

Согласно «Пополь-Вух» (ч. IV, гл. II), Цутуха было именем не поселения, а большого здания, находившегося в Кахбаха.

Они нашли (там) несколько банановых деревьев... — По мнению многих исследователей, банан появился на территории Америки задолго до Колумба. Возможно и другое: Хосе Чонай, не зная, как перевести название какого-то растения на языке киче, употребил слово «банан».

По мнению А. Ресиноса, жители местности около р. Чишой, расположенной к северу от Сакапуласа и к западу от Рабиналя.

опьяняющий напиток из кукурузы и какао.

Куваль — драгоценный или полудрагоценный камень зеленого цвета. Этим словом киче обозначали и изумруд, и жадеит, и другие различные камни; отличительным признаком считался лишь интенсивный зеленый цвет.

Chiquirines — цикада.

«Здесь страница рукописи, безусловно, потеряна, так как о том, как и когда умер Котуха, ничего не говорится» (Х. Чонай).

Согласно «Пополь-Вух», Кикаб и Кависимах были различными лицами; первый был правителем — ах-попом, второй — заместителем правителя: ах-попом-камха.

«Эта глава соответствует двадцать девятой странице рукописи» (X. Чонай).

Лето — «зеркало» на языке киче.

Кехвай — Кехнай?

Разделы «Религия и жрецы американцев» и «Религия океанийцев» печатаются по книге: Народоведение. СПб., 1903.